С. Я. Вольфсон

ПЛЕХАНОВ

БЕЛТРЕСТПЕЧАТЬ
1924

М

С. Я. [illegible]

Г. Пилганав.

„БЕЛТРЕСТПЕЧАТЬ"
МИНСК 1924

С. Я. ВОЛЬФСОН

ПЛЕХАНОВ

„БЕЛТРЕСТПЕЧАТЬ“
МИНСК 1924

С. Я. ВОЛЬФСОН

ПЛЕХАНОВ

„БЕЛТРЕСТПЕЧАТЬ"
МИНСК 1924

От автора.

Можно ли уж выпустить книгу о Плеханове?

Этот вопрос стоял предо мною, быть-может он станет и пред читателем.

В одной из своих работ, цитируя известные слова Л. Д. Троцкого «Пора, пора написать о Плеханове хорошую книгу», я указал, что в той фазе, в которой находится еще изучение Плеханова, написать такую книгу невозможно. Появлению настоящей, достойной книги о Плеханове,—указывал я тогда,—должна предшествовать полоса собирания, разработки и систематизирования материалов, внимательного и углубленного изучения творчества Георгия Валентиновича.

Эти слова, написанные год тому назад, я считаю правильными и в настоящее время. Процесс предварительного изучения Плеханова, недавно начавшийся, еще далеко не закончен.

Если тем не менее, в результате колебаний, я решаюсь на выпуск книги, посвященной Георгию Валентиновичу, то делаю это в ответ на требование жизни. *)

Наши дни—дни исключительного интереса к личности и творчеству Плеханова. Среди пролетарского студенчества, учащейся молодежи, марксистской интеллигенции наблюдается огромная «тяга к Плеханову». Те три миллиона печатных листов сочинений Плеханова, которые по моему подсчету выпущены издатель-

---

*) Некоторая часть вошедшего в книгу материала была мною уже опубликована (Труды Белорусского Государственного Университета, Красная Новь и др.).

ствами СССР за один только 1923 год могут служить внешним показателем того, как глубок в настоящее время интерес к Плеханову в Советской республике.

Это обстоятельство делает настоятельно необходимой работу, которая давала бы основные сведения о жизни и творчестве Плеханова. Оно и обусловило настоящую попытку.

Изучение литературного наследства Плеханова привело меня к тому образу основоположника русского марксизма, который я старался посильно запечатлеть в предлагаемой вниманию читателя работе.

Я старался показать, что было сильного и великого в Плеханове, но не считал себя вправе умолчать и о том, что—мыслится мне—было в нем слабого. Критическое отношение к Плеханову—дань его заветам, абсолютное отношение к нему—худшее нарушение этих заветов.

Плеханов не нуждается в канонизации. Мы не позволим себе творить «Святого Плеханова», слагать ему дифирамбы,—тем паче, что хорошо помним любимые Георгием Валентиновичем слова Чернышевского: «есть такая степень уважения и сочувствия, когда всякие похвалы отвергаются, как нечто не выражающее всей полноты чувства».

Если временами у меня и вырывались слова преклонения пред первым идеологом русского рабочего класса, то в об'яснение этих слов я б хотел вторично сослаться на Чернышевского, сказавшего, что у каждого из нас есть предметы столь близкие и дорогие, что говоря о них мы стараемся соблюдать возможное спокойствие и холодность, но все же при соблюдении всей возможной холодности—наша речь иногда становится горячей.

О Плеханове—борце и мыслителе, ученом и революционере,—будут еще долго и много писать. То будут не только венки на могилу покойного, но большая и

нужная работа по вручению в руки пролетариата оружия, которое упорно и стойко ковал для него великий социалист.

Настоящая книга—лишь первая попытка в этом направлении.

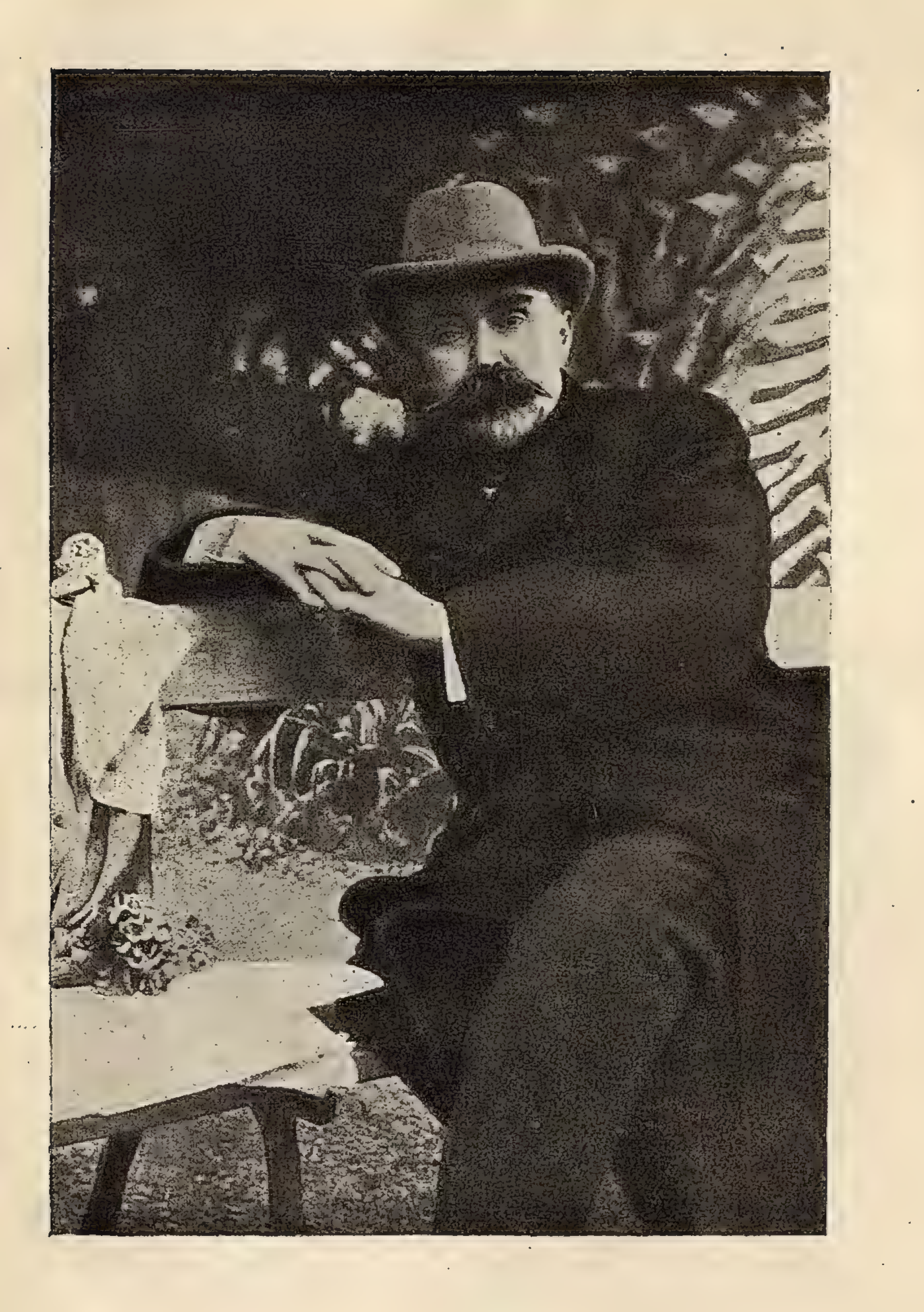
С. Вольфсон.

Минск.
Январь 1924 г.

Выпуская эту книгу, считаю долгом выразить признательность уважаемым товарищам Л. И. Аксельрод—Ортодокс и Л. Г. Дейчу, общение с которыми многим обогатило мои знания о Плеханове. Предоставлением возможности ознакомиться с материалами из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и его личного тов. Дейч оказал мне неоценимую услугу.

С. В.

[illegible]

I. Детские и юношеские годы.

Родина.—Характеристика родителей.—Детство.—Влияние семьи.—Воронежская военная гимназия.—Юнкерское училище.—Горный Институт.—Первые связи с революционным и рабочим миром.—Что толкнуло Плеханова на революционный путь?

I.

Георгий Валентинович Плеханов родился 26 ноября (старого стиля) 1856 г. в Липецком уезде, Тамбовской губернии. Место его рождения—помещичья усадьба Гудаловка, *) расположенная при небольшом селе того же имени, в восемнадцати верстах от города Липецка.

Родился он в мелкопоместной дворянской семье среднего достатка, владевшей без малого двумястами десятин земли.

Отец его—отставной штабс-капитан Валентин Петрович Плеханов, отыскивавший корни своего генеалогического дерева где-то средь татарских князей. Отсюда, мол, и фамилия: Пле-хан-ов Принимал участие в подавлении польского восстания 1863 г. и тем заслужил георгиевский крест. После ликвидации восстания вышел в отставку и засел в своем имении.

Как одну из основных черт характера, все знавшие Валентина Петровича отмечают его хозяйственность. Свое небольшое имение он поднял на уровень образцового хозяйства, бывшего предметом внимания во всей округе. Сам руководя им, ввел новые методы обработки земли, разводил лучшие культуры. С большой хозяйственностью сочетал настойчивость, трудолюбие, умение добиться намеченной цели. „Сам верхом все поле из‘ездит“ —через пятьдесят лет вспоминали о Валентине Петровиче крестьяне,—„сам измерит снопы ремнем, все сам проверит, на четверенках подберется к работнику посмотреть его работу“.

Натура властная и деспотичная. Крепостных умел сгибать в ярмо, нередко тиранил. По сведениям, которые собрала посланная на родину Г. В комиссия, кресть-

*) Ее называли еще: Плеханово, Малая Семеновка.

яне своего сурового барина боялись и ненавидели; помнящие его старики до сих пор говорят о нем с бешенной злобой: —„прямо зверь, спуску от него не было“. „Крестьянин, приходя к нему по делам, дверей не закрывал и все время беседы держался „за скобку“. Как только, бывало, Валентин Петрович вспылит, крестьянин сейчас же выскакивал за дверь, чем спасался от отеческого внушения“... *) При всем том, крепостные находились у него в сносном, относительно, экономическом положении—высокий хозяйственный уровень имения сказывался и на крестьянском благополучии. Деспотизм выявлял не только по отношению к подчиненным, но и к своей собственной семье. Крутой нрав главы тяжко давил всю многочисленную семью Валентина Петровича Плеханова. Дети воспитывались в чувстве долга, привычки к труду, суровой дисциплине. Деспотизм умел сочетать с своебразными душевными порывами, в которых доброта и гуманность переплетались с причудами и самодурством. „Когда он нанимал новых работников, он их и их семьи кормил у себя дома до отвала и потом обходил их, спрашивая, сыты ли. Когда в 1871 году старуха няня заболела у него в доме свирепствовавшей тогда холерой и все, испугавшись, отвернулись от нее, он бережно ухаживал за ней до ее выздоровления. **)

Чувство самостоятельности, независимости по отношению ко всякого рода властям, не только малым, но и большим, продиктованное столь несвойственной русскому капитану и мелкому помещику уверенностью в том, что „большая корона царя составилась из наших маленьких корон“. Местному начальству спуску не давал, столкновений с ним не боялся и отстаивая свои права, добирался до министра. Когда тамбовское дворянство чествовало обедом принца Ольденбургского, Валентин Петрович, не найдя свободного места за столом, потребовал освобождения его от кого-то из принцевой свиты, чем поверг в изумление и ужас местных дворян, поспешивших предоставить буйному собрату место, дабы избежать скандала.

*) А. А. Френчер. На родине Г. В. Плеханова. Пролетарская революция. 1922. № 8. Стр. 46.

**) Idid. Стр. 30.

В общем был натурой активно - эмоциональной. Умел вспылить, выйти из себя, иногда терял самообладание. Повышенная нервность, сопутствовавшая ему всю жизнь, к концу привела даже к тяжким приступам меланхолии. Умел отдаться и бурному порыву веселья: ворваться на свадьбу к незнакомым людям, взбудоражить остротами, шутками, прибаутками всю толпу веселящихся, проплясать ночь—таков был стиль Валентина Петровича. Крепкий, домовитый хозяин, он время от времени платил дань и залихватской гусарской удали.

Был дважды женат: первую жену свою Веру Ивановну Позднякову, помещичью дочку, увез из отчего дома. Имел с ней семерых детей. *)

Вторая жена его—Мария Феодоровна Белинская (Белынская)—мать Георгия Валентиновича.**)

Мария Феодоровна происходила из захудалой дворянской помещичьей семьи (Близкая родственница Виссариона Григорьевича Белинского). Сиротой воспитывалась у богатой родственницы—помещицы, потом попала в Тамбовский Александровский Институт, который и окончила, обнаружив большие способности. По окончании института служила продолжительное время в гувернантках, а 22-х лет вышла замуж за бывшего вдвое старше ее В. П. Плеханова.

Характером резко разнилась от своего мужа. Чертами наиболее характерными для нее были: душевная кротость, чуткость, внутренняя сосредоточенность, уравновешенность, глубокая религиозность. В отношениях к людям умела проявить нежность, к крепостным относилась гуманно. После брака целиком ушла в воспитание детей—пасынков, падчериц, а затем и родных,

---

*) Сыновья—Александр, Николай, Митрофан и Григорий. Дочери—Мария, София и Любовь.

Ю. Арзаев, автор биографического очерка о Плеханове, приложенного к сборнику статей Г. В. «Год на родине» (Париж 1921) говорит о *четырех* дочерях Валентина Петровича от первого брака. Повидимому, это ошибка.

**) Кроме Георгия у М. Ф. родились от брака с Плехановым один сын—Феодор и три дочери—Александра, Варвара и Клавдия.

оказав большое и несомненное влияние на любимого сына своего—Георгия.*)

Если Г. В. унаследовал некоторые отцовские черты характера—независимость, стойкость, упорство в работе, то несомненно, что в его психическом складе имелись и элементы, взятые от матери. Большая душевная восприимчивость и чувство красоты—первые из них. О матери своей Г. В. хранил нежное воспоминание. „Все хорошее, что есть у меня",—говорил он—„я перенял у матери"...

До десяти лет Георгий рос в кругу семьи—в Гудаловке. Уже очень рано он выказал себя ребенком, во многих отношениях незаурядным. Твердость, воля, упрямство отчетливо проявлялись им в самом раннем возрасте. Этому немало способствовал своими экстравагантными выходками и его самодурствующий отец. Несколько характерных в этом отношении штрихов:

— Еще совсем маленьким ребенком он попросил однажды за столом у отца горчицы, которую тот взял к мясу. Отец дал ему ложку горчицы, которую он молча с'ел, несмотря на то, что лицо у него стало красным и из глаз потекли слезы. Когда отец спросил, вкусно ли, он ответил утвердительно и попросил еще ложку, которую мать уже не дала ему. **)

— Однажды отец, посадив маленького Жоржа на горячую лошадь и, крикнув: „держись!",—отскочил в сторону. Перепуганная Мария Феодоровна, вся в слезах, начала молиться богу о спасении сына. Жорж с честью вынес на этот раз испытание. ***)

Такими поступками Жорж сильно импонировал старику Валентину Петровичу, восторгавшемуся молодцеватостью своего сынка и относившемуся к нему заметно лучше, нежели к другим детям.

---

*) Н. А. Семашко, со слов своей матери, — дочери В. П. Плеханова от первого брака, указывает на то, что Мария Феодоровна несмотря на свой несомненно высокий душевный строй, беспристрастием по отношению к своим и чужим детям все же не отличалась, ставя детей своего мужа от первого брака в условия худшие, нежели своих. (См. Н. Семашко. Замечания по поводу биографии Г. В. Плеханова, составленной Ю. Арзаевым. Пролет. революция 1922, № 5).

**) Френчер, op. cit. стр. 35.

***) Ю. Арзаев—стр. IX.

Наряду со стойкостью и упорством мальчик проявлял также чуткость, кротость:

— Увидав раз, находясь у няни на руках, кота с больной ногой, он стал требовать, чтобы она опустила его на пол и взяла на руки кота. Когда он ездил вместе с сестрами кататься, то при под'емах на гору всегда слезал с козел, на которых обычно сидел вместо кучера, всех высаживал, повелительно говоря „вылазь“ и заставляя подыматься пешком. *)

Жорж уже малышем был „демократом“. Он чуждался светских игр своих собратьев, с младенческих почти лет его тянуло за околицу, на село к крестьянским ребятам. Здесь были его закадычные друзья—кучеров сын Петруша, Максим, Григорий... Через пятьдесят лет, стариками,—некоторые из них вспоминали:

— Жоржа на руку дерзкий был, не очень-то смирный и драться любил и временами злой был с ребятишками. Ведомо, что ребята были, мы его, а он нас, купались мы и брухтались (барахтались) вместе в Бесалуке. Иногда, правда, случалось, раздразним его, а он за нами гнаться, версты три пробежит и не поймает. Ходили они всегда вчетвером. Братья его нас боялись, но он их всех наибойчее был и водил к нам играть. Хоть у его, известно, природа барская, портки хорошие, чулки белые, а мы обычно без портков, с грязными ногами, но он нами не брезговал. Пойдем бывало в сад и зовем: „Жоржа,—дай пистон“; придет он, и начинаем стрелять. Подладишься к нему как-нибудь, кнут ему принесешь, а он тебе яблоко даст. **)

Еще одна черта характера очень рано выявилась в Плеханове—это страсть к чтению. Когда ему было

---

*) Френчер, op. cit., стр. 35. О случае с котенком Г. В. вспоминал незадолго до смерти. Лежа в Финлядской санатории, он рассказывал Л. Г. Дейчу:

Однажды, когда нянька держала меня на руках, я увидел зашибленного, а потому хромавшего котенка. Тогда я стал настойчиво требовать, чтобы меня она отпустила на пол, а его взяла на руки: «Я здоров, а у него ножка болит», доказывал я. Но нянька нашла это требование для себя обидным и, хотя отпустила меня на пол, но котенка взять на руки отказалась и пошла жаловаться матери. «Я, барыня, нанялась ребенка носить, а не котенка», говорила она. (Л. Г. Дейч. Материалы для биографии Г. В. Плеханова М. 1922, стр. 11).

**) Ibid., 47.

пять лет, он уже с затаенным дыханием слушал, как мать читала ему рассказы из священного писания, которые он потом с удивительной точностью повторял. Научившись читать, он начал глотать книгу за книгой по военным вопросам. Отец его, надо сказать, и сам любивший книгу, старался отвлечь сына от захватившей его страсти к чтению. „Не читай так много, Жорж, а то, смотри, мозг высушишь", говаривал старик...

От семьи Георгий оторвался с десятилетнего возраста и с тех пор лишь изредка бывал в ней; все же, повидимому, сохранились кой-какие нити связывавшие его с близкими ему по крови людьми, хотя близок по духу никто из них ему не был. Чаще других вспоминал он о старшем брате Николае, импонировавшем Георгию своей внешностью, самообладанием, ловкостью. (Кстати, этот брат два раза спас жизнь Георгию: раз он вытащил его из речки, в которой тот тонул, другой раз спас от набросившегося быка). Г. В. скорбел, что Николая засосала военщина и обывательщина. Одно время, уже будучи юнкером, Г. В. сильно дружил с другим своим старшим братом—Митрофаном, блестящим гвардейским офицером, покончившим впоследствии жизнь самоубийством в Киеве. Из сестер ближе других ему была незаурядная и талантливая Александра, подпавшая под влияние Г. В. и уехавшая к нему для участия в революционной работе. Натура неуравновешенная, она в эмиграции сильно затосковала по России и к концу восьмидесятых годов пропала без вести, повидимому, покончив с собой в волнах Женевского озера. Других сестер Г. В. помнил мало, но следует отметить, что в его душе до последнего времени звучали какие-то струны интимной привязанности к своим сестрам—людям бесконечно чуждым ему по всему душевному складу, по образу мыслей, по культурному уровню, по интересам и запросам. „Твоим письмам я страшно рад и чрезвычайно благодарен тебе за то, что ты не забываешь меня",—пишет Г. В. сестре Варваре Валентиновне 13 августа 1906 года,—„я всегда страшно радуюсь твоим письмам",—и читая слова Г. В. Плеханова, обращенные к сестре Клавдии и сестре Варе,—вы чувствуете, что они представляют собой нечто более глубокое, чем дань вежливости... „Поверь", пишет Г. В. Клавдии Валенти-

новне 18 декабря 1909 г.—„что я буду очень рад повидаться с тобой. Именно потому, что я огрезанный ломоть, я очень дорожу памятью обо мне моих родных... Я помню тебя лишь ребенком, но воспоминания детства мне очень дороги и я люблю тебя по этим воспоминаниям“...

Говоря о связи Г. В. с семьей, приходится установить, что в общем семья, из недр которой он вышел, дала ему тяжелую психическую наследственность, к счастью до конца им преодоленную: отец с большими провалами в душевной организации, часто терявший самообладание и окончивший „черной меланхолией“; брат, оборвавший жизнь под влиянием неизвестного порыва где-то во Владимирском саду, проездом через Киев; сестра, погибшая на дне Женевского озера; другая сестра тоскливо вопрошающая на пятом десятке о смысле жизни,—таков был багаж, полученный Георгием Валентиновичем в тяжкое наследство от семьи. К счастью, следы этого печального наследства ни на интеллекте, ни на психике Г. В. нисколько не сказались.

Вернемся, однако, к детству Плеханова. Когда Жоржу пошел десятый год, родители решили, что наступило время отдать его в учебное заведение. То были годы александровских реформ и отец решил своего младшего сына—в отличие от других—„пустить по гражданской части“—стране нужны строители новой жизни. Однако, Жорж, начитавшийся военных книг из отцовской библиотеки и мечтавший сделаться великим полководцем, счел себя оскорбленным намерением превратить его в „штафирку“. В силу его настойчивого протеста, он был пущен „по военной части“.

II.

Летом 1866 года Жорж выдержал экзамен и был зачислен во второй класс Воронежской Военной Гимназии (Кадетский корпус).

Уже с первых своих гимназических шагов мальчик сумел проявить ту независимость и настойчивость, которыми он завоевал себе особое место и в семье. Когда ему,—в качестве „новичка“,—было устроено товарищами обычное испытание колотушками и побоями, то

он ответил такой „сдачей“ нападавшим, что за ним сразу была закреплена должная репутация среди гимназистов. Уж тогда Плеханов действовал по тому правилу, которому он следовал на протяжении всей своей литературной и политической деятельности: от обороны к нападению.

Годы, проведенные в военной гимназии, оказали на Плеханова благоприятное влияние. Среди учителей гимназии оказалось несколько прогрессивных педагогов, из которых наиболее выдающимся был преподаватель словесности Бунаков, обративший внимание на незаурядного мальчика—он помогал ему в руководстве чтением и удовлетворял своими ответами его настойчивую любознательность. Здесь—в гимназии—Плеханов знакомится с классиками: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, тайком прочитывает кое-что из Писарева и Герцена.

Особенно сильное впечатление произвела на Плеханова некрасовская „муза мести и печали“, своими гражданскими мотивами нашедшая живой отклик в душе Г. В. *) Начитанность Плеханова создает ему среди товарищей репутацию ходячей энциклопедии: „всеведающий Жорж“, называют они его. Особенно выделялся Плеханов в писании сочинений, которыми он вызывал восхищение как учителей, так и товарищей.

В гимназии же пред молодым Плехановым, повидемому, выплывают и требуют на себя ответа те вопросы, которые обыкновенно называют вопросами мировоззрения, миросозерцания. Среди них критический ум Плеханова раньше всего столкнулся с проблемой религии.

---

*) Я был тогда в последнем классе,—вспоминал Г. В.—Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только-что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошол ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ». Эти слова глубоко врезались в мою память. (Н. А. Некрасов. Статья в сборнике Плеханова. «За двадцать лет». Издание 3-ье. Стр. 127).

Ю. Арзаев в своем биографическом очерке Г. В. Плеханова совершил явную ошибку, отнеся этот эпизод ко времени пребывания Г. В. в Константиновском юнкерском училище: он относится к пребыванию Плеханова в Воронежской военной гимназии.

Как это часто бывает со способными и пытливыми детьми, Плеханов уже очень рано начал задумываться над вопросом, что представляет собою бог. Интересно отметить в какой своеобразной форме этот вопрос стал впервые перед ребенком. Г.В. как-то рассказывал Л. И. Аксельрод—Ортодокс, что когда ему было лет 6—7, он пришел к заключению, что богу должно быть необычайно скучно. Бог ведь один, совсем одинокий, между тем как каждому мужику весело—на деревне много мужиков. В самом раннем возрасте Плеханов был настроен очень религиозно. Но уж ребенком но вступил на путь безбожия. Сестры вспоминают, что еще при отце он перестал молиться, затем стал неверующим, посмеиваясь иногда даже над своим маленьким братом Феодором, когда тот молился. Его любимой детской песней было: „а для поповской глотки—стакан вонючей водки и ржавая селедка, восхитительно"...*) В гимназии Г. В. с большим усердием изучал ветхий и новый завет, но критический ум мешал юноше принимать все на веру и он любил на уроках закона божьего задавать батюшке вопросы. Первое время сам батюшка увлекся и допустил даже диспут между собой и любознательным учеником. Уроки закона божьего, лениво посещавшиеся раньше, сразу приобрели большой интерес в глазах учеников. Но увы! Батюшка спохватился и после 4—5 уроков заявил Плеханову: „нет, молодой человек, оставим эти диспуты, иначе уроки закона божьего превратятся у нас в уроки о безбожии"...**) Плеханов рано выступил в роли „антирелигиозного агитатора". Сестры его вспоминают, как юнкером, приезжая на каникулы домой, он, под предлогом изучения французского языка, заставлял мать читать и переводить ему Ренана. Впоследствии Г. В признавался, что он это делал с целью расшатать религиозную веру матери.

В 1873 г. Плеханов окончил гимназию, и в качестве лучшего из окончивших имя его было занесено на золотую доску, откуда оно было стерто через восемь лет: Г. В. был об'явлен тогда государственным преступником.

*) Семашко. Замечания... Пролет. рев. 1922. № 5.

**) Ю. Арзаев. Op. cit. стр. XI.

Та привязанность к народной массе, к мужику, тяга из помещичьей усадьбы на деревню, которые проявлялась у Плеханова, как мы видели, еще в раннем детстве, во время его пребывания в гимназии не только не выветрилась, но, наоборот, окрепла. Случай, характеризующий это обстоятельство:

Гимназия окончена. Георгий приезжает домой. Отец недавно умер. Мать продает имение. Окрестные крестьяне хотят купить, но тут подворачивается купец, дает цену много большую. Жалость к крестьянам борется с долгом перед детьми. Мария Феодоровна решает в пользу купца. Но сын не может допустить, это. Он демократ. Он верен своему другу Петруше.

„Продадите купцу“—заявляет он твердо сверкая глазами,—„я спалю первую жатву и сам пойду на каторгу. Выбирайте“. И земля достается крестьянам.*)

По окончании гимназии Плеханов направился в Петербург и поступил осенью 1873 года в Константиновское Юнкерское Училище. Революционная бацилла, носившаяся в то время по стране, проникла и за стены юнкерского училища. По рукам ходили Герцен, Чернышевский, даже нелегальный лавровский „Вперед“. Среди юнкеров говорили о Бакунине. Создавались нелегальные кружки. В сознание Плеханова, куда уж были заронены семена недовольства существующим укладом, начали проникать первые, если еще и не революционные, то во всяком случае радикально-демократические идеи. Некоторые эпизоды из этой полосы жизни Г. В., приводимые в воспоминаниях о нем, характеризуют его настроение, в то время нередко отливавшееся в курьезные формы:

— Старший брат Митрофан, блестящий офицер, старался «втянуть» Георгия в светское общество. Вскоре по приезде Жоржа в Петербург, Митрофан повел его на званный обед к дальнему родственнику, богатому заслуженному генералу... Сначала все шло хорошо. Молодой юнкер произвел приятное впечатление на старого генерала и его супругу внешностью и манерами. Было

*) П. Дневницкий. Из жизни Г. В. Плеханова. Однодневная газета памяти Плеханова, выпущенная ко дню похорон. Птг. 9 июня 1918.

О том же эпизоде рассказывает Л. Г. Дейч в статье «Молодость Г. В. Плеханова». Былое 1918. № 13.

много гостей. Зашел разговор о Дарвине, который был тогда в моде. Генерал авторитетно заявил: „Ну, что Дарвин? Дарвин—мальчишка“. Это восклицание возмутило увлекавшегося Дарвином Жоржа и он, не выдержав, сказал: „Помилуйте, ваше, превосходительство, Дарвин старше вас!“. Наступило неловкое молчание. Молодившийся генерал покраснел, а опытная хозяйка поспешила перевести разговор на другую тему.*)

Однажды, когда Георгий с тем же братом проезжал на извозчике по Невскому, им повстречался царь Александр Второй. Митрофан поспешил сказать брату, чтобы тот поклонился. «С какой стати!?»,—последовал ответ,—«я с ним незнаком»...

Понятно, что на фоне охвативших Георгия настроений, мечта сделаться «полководцем», которую он лелеял в детские годы, давно и бесследно выветрилась. Он решил добиться увольнения из юнкерского училища и поступить в какое-либо высшее учебное заведение. Связанный в качестве юнкера обязанностью отбыть определенный срок военной службы, он употребил для освобождения от этой обязанности все средства вплоть до подачи прошения на имя наследника престола. Добившись необходимого разрешения, он осенью 1874 года выдержал вступительный экзамен в Петербургский Горный Институт, студентом которого и был зачислен.

В институте также, как раньше в гимназии и в училище,—Плеханов очень быстро выделился своими способностями: профессора прочили ему научную карьеру. Но магнит революции уже властно тянул талантливого юношу к себе—туда, где лишения, страдания, радость борьбы и счастье свободы. Когда Георгий приехал на каникулы домой, мать почувствовала, что он уже „обречен“. Она пыталась отвратить его от вступления на тернистый путь революционера,—„Но ты же понимаешь, что я стою за справедливость и правду“,—говорил ей Георгий.—„Это верно—соглашалась мать,—но ты можешь погибнуть.“ —„А, что будет, если все будут так рассуждать?“—отвечал он ей. **)

---

*) Арзаев, op cit., XII.

**) Френчер., op. cit., 38.

III.

Уже в 1875 году у Плеханова завязываются первые связи с питерскими революционерами. Никаких ясных представлений о революционном процессе у Г. В. не было. В нем лишь властно говорил революционный инстинкт, да бродило неоформившееся чувство любви к народу: „Как и все студенты-революционеры того времени“,—вспоминал впоследствии Г. В.,—„я конечно, был большим народолюбцем и собирался итти в „народ“,—понятие о котором было у меня, однако, опять-таки очень смутным и неопределенным. Любя „народ“, я знал его очень мало, а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне“. *) Находясь во власти столь неопределенных настроений, Плеханов встретился с выдающимся революционером-рабочим Митрофановым. Знакомство с Митрофановым произвело на Г. В. неотразимое впечатление. В своих воспоминаниях „Русский рабочий в революционном движении“ Г. В. рассказывает:

— Когда я в первый раз встретился с Митрофановым и узнал, что он рабочий, т. е. один из представителей «народа», в моей душе шевельнулось смешанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я в чем-нибудь пред ним провинился. Мне очень хотелось заговорить с ним, но в то же время я решительно не знал, как и в каких выражениях стану с ним разговаривать. Мне казалось, что язык нашего брата студента будет совершенно непонятен народу и что в разговоре с ним я должен держаться того нелепого, переряженного слога, которым были написаны многие из наших революционных брошюр“. **)

Заговорив с Митрофановым, Плеханов был буквально поражен, увидев в своем собеседнике сознательного революционера, бунтаря, умевшего критически разбираться в литературе, знакомого с сочинениями Чернышевского, Бакунина, Лаврова. „Удивлению моему не было границ,—говорил Г. В.,—личность Митрофанова решительно не входила в узкие рамки моего сентиментального представления о народе“.

---

*) Русский рабочий в революционном движении. Сочинения Т. III. Стр. 127.

**) Ibid.

Плеханов решил использовать знакомство с Митрофановым для того, чтобы получить от него более точные представления о питерских рабочих,—об их облике, интересах и настроениях. Митрофанов, как типичный бунтарь, внушил Плеханову, что рабочие—элемент ненадежный, что они пропитаны „буржуазным духом“ и что внимание революционера должно быть направлено отнюдь не в их сторону, а в сторону истинного, подлинного народа, т. е. крестьянства. Беседы с Митрофановым отбили у Плеханова охоту завязать связи с развращенными „буржуазным духом“ питерскими рабочими. Конечно, до поры, до времени.

Приблизительно к тому же времени, что знакомство с Митрофановым, относятся и встречи Г. В. с некоторыми видными революционерами, с которыми он впоследствии был близко связан долгие годы. Среди них назовем П. Б. Аксельрода, О. В. Аптекмана и Л. Г. Дейча Следует отметить, что даже беглые встречи с молодым Плехановым производили большое впечатление на его новых знакомых, которые сразу улавливали в юноше-горняке что-то своеобразное и незаурядное.

Так, напр., О. В. Аптекман следующим образом передает свои впечатления от первой встречи с Плехановым:

— Типичный по внешности студент. Среднего роста, стройный, неправильные черты лица, небольшая темно-русая лопаткой бородка, каштанового цвета волосы, мягкими прядями падающие назад, белый, точенный лоб, карие, слегка миндалевидные глаза. Лицо приятное, оригинальное. Особенно живые, острые насмешливые глаза. Разговорились, как водится, подняли спор. И опять прекрасное впечатление. Что-то свое, горячее, вызывающее. Чуется талант, способность к самостоятельному творчеству. Чувствуется темперамент. Славный юноша*).

Отзыв Л. Г. Дейча о первой встрече с Плехановым во многом совпадает с впечатлениями О. В. Аптекмана:

— Манерами, приемами и обращением Плеханов резко отличался от нас: он был вежлив, корректен,

---

*) О. В. Аптекман. Записки семидесятника.

производил впечатление „благовоспитанного молодого человека“, ну, а наши „нигилистические замашки“ приобрели громкую, всемирную известность... У него замечательны были его, казалось, проницавшие собеседника насквозь темно-карие глаза, смотревшие то сурово из-под чрезвычайно густых бровей и длинных ресниц, то с иронической насмешкой*).

П. Б. Аксельрод, наконец, также вспоминает о том сильном впечатлении, которое произвела на него по приезде в Россию из-за границы встреча со студентом Плехановым. „В нашем кружке я рассказал о встрече с горняком, и отрекомендовал Плеханова, как молодого человека, на которого нужно обратить внимание и которого следует привлечь к революционному делу“. Плеханов, однако, в это время еще сильно увлекался академической работой. Он мечтал в это время окончить Горный Инстутит и поехать за границу усовершенствоваться в химии. Мне этот план не понравился. Это роскошь,—говорил я молодому человеку: если вы будете долго совершенствоваться в химии, когда же вы начнете работать для революции?**).

К началу 1876 года Плеханову, связь которого с рабочими ограничивалась пока одним Митрофановым, случайно пришлось столкнуться с революционным ядром питерских рабочих. По просьбе некоторых знакомых Плеханов предоставил свою комнату под нелегальную сходку.

На сходке присутствовало 5—6 революционеров—интеллигентов и довольно много рабочих. С напряженным вниманием Плеханов следил за течением сходки, бурно диспутировавшей вопрос об агитации и пропаганде. Вся сходка, и в особенности, выступления рабочих, заявлявших: „каждого из вас интеллигентов в пяти школах учили, в семи водах мыли, а ведь иной рабочий не знает, как отворяется дверь школы“ и требовавших пропагандистской работы среди рабочей массы,—произвели на Плеханова огромное впечатление. Перед молодым революционером раскрылся новый мир, до-

*) Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. «Новая Москва» 1923. Стр. 6.

**) П. Б. Аксельрод. Из пережитого и передуманного, ч. II. Берлин 1923 г., стр. 156—7.

толе загадочный и таинственный, теперь такой близкий и прекрасный.

— Впечатление произведенное ими на меня было потрясающее. Я совершенно забыл мрачные отзывы Митрофанова о петербургских рабочих. Я видел и помнил только то, что все эти люди, самым несомненным образом принадлежавшие к „народу", были сравнительно очень развитыми людьми, с которыми я мог говорить также просто и, следовательно, также искренно, как со своими знакомыми студентами. Такое-же впечатление вынес я и из знакомства с нелегальным Митрофановым, но Митрофанова я считал исключением, теперь я узнал, что подобных ему исключений много. Дело сближения с народом, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мне теперь простым и легким*).

Плеханов стал быстро и решительно завязывать связи с лучшими представителями петербургского пролетариата. Служение „рабочему делу" стало,—с тех пор, по его собственному выражению,—революционной обязанностью Г. В. С конца 1875 года Плеханов твердо вступил на тот путь, с которого он уже не сходил в течение всей жизни.

Заканчивая очерк, я-б хотел задаться вопросом о том, что же толкнуло юношу Плеханова в стан революции. Конечно, такое явление как рассматриваемое нами, не может быть с достаточной точностью подвергнуто социологическому и психологическому учету, и помощью этого учета исчерпывающе об'яснено. Но все-же некоторые моменты, обусловившие революционный уклон Плеханова, думается нам, можно указать.

Среди них, конечно, в качестве первого и основного следует указать на общественные настроения эпохи, заставлявшие лучшие элементы разлагающегося российского дворянства отрываться от своего класса и, так или иначе, более или менее решительно, становиться на сторону передовых классов, которые выступали на борьбу с растленным режимом. Плеханов раньше и прежде всего был типичной фигурой своей эпохи—к а ю щ и м с я д в о р я н и н о м.

---

*) Русский рабочий в революционном движении, сочинения. Т. III. стр. 130.

Дальше следует иметь в виду и разносторонние влияния среды и обстановки, некоторые из которых, вне сомнения, оказали на Плеханова революционизирующее влияние. Из этих последних влияний значительным было влияние матери Г. В. Мы полагаем, что указание Н. А. Семашко на то, что Мария Феодоровна Плеханова воспитывала детей в революционном направлении, является преувеличенным. Но, вне сомнения, мать Г. В. внушила ему с малых лет стремление к правде, справедливости, истине. Семена стремления к справедливости, которые религиозная Мария Феодоровна с ранних лет заронила в душу ее любимого сына, и дали всходы, заставившие свободного от религиозных пут Г. В.—в поисках этой самой справедливости,— вступить на революционный путь. Ряд случайных, но счастливых обстоятельств толкал его в эту сторону. Здесь следует вспомнить и благоприятную атмосферу Воронежской гимназии, где Плеханов получил в руки литературные произведения, оказавшие на него мощное освободительное влияние; и соприкосновение с прогрессивно настроенными педагогами; и встречи с неким студентом Прозоровским, которого мать Г. В. считала чуть ли не главным революционным „совратителем“ ее сына... Наконец, нелегальные кружки юнкерского училища, встреча с лучшими представителями петербургского пролетариата—окончательно помогли самоопределению Георгия Валентиновича Плеханова, как революционера.

Девятнадцати лет Плеханов бесповоротно стал под красное знамя. С тех пор он знал „одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть“. То была дума об освобождении труда от капитала, то была страсть революционной борьбы.

2. В народническом лагере.

Народническое движение к середине семидесятых годов.—Казанская демонстрация.—От'езд за-границу.—Возвращение в Россию и неудачная попытка „хождения в народ".—Агитация среди питерских рабочих.—Участие в стачечном движении.—Полицейские преследования.—Первые печатные выступления Плеханова.—Вопрос о терроре.—Раскол „Земли и Воли".—„Черный Передел".—Эмиграция.

I.

Активное участие Г. В. Плеханова в революционном движении начинается зимой 1875—6 года.

То было время, непосредственно следовавшее за полицейским разгромом, в значительной степени ликвидировавшим „хождение в народ“, в которое отлилось революционное движение 1873—4 годов. За периодом величайшего энтузиазма, когда увлеченная бурным революционным порывом молодежь „шла в народ“, наступили месяцы мучительной рефлексии, вызванной не столько обрушившимися на революционеров репрессиями, сколько сознанием того, что „народ“ остался чуждым движению, что он при первом представившемся случае доставлял смутьянов по начальству.

Тысячи молодых энтузиастов, недавно твердивших:

„Весь пыл отдай без разделенья
Несчастным братьям на служенье;
Где слышишь стон—туда иди!
Иди, дели с рабом его труды, страданья,
Страдай больнее всех“...—,

после разгрома народнической армии, сопровождавшегося тупо-безучастным, а иногда и злорадно-враждебным отношением крестьянской массы к тем, кто шел делить с ней ее труды, страданья, переживали настроение, близкое к отчаянью:

— А ветра нет, как нет... Повисли паруса...
Нет пытки тяжелей стоять перед врагом,
С ним рваться в бой и знать, что тщетны все усилья;
И в бешенстве тупом, подстреленным орлом,
Бесплодно поднимать подстреленные крылья!...

Уцелевшие остатки народнической армии после разгрома начали стягиваться в крупные городские центры, главным образом, в Петербург *).

Здесь, в небольших революционных кружках, наряду с жестокой самокритикой, неустанно обсуждался вопрос об изменении методов революционной работы, о перестройке поредевших рядов. Большинство народников склонялось к мысли о необходимости отказаться от проповеди социализма среди крестьян, о замене летучей пропаганды прочным внедрением в крестьянскую толщу путем организации длительных поселений в деревнях.

Находясь в городах, народники пришли в соприкосновение с рабочими. То было время, когда в рабочей среде наметилось довольно значительное оживление. Несмотря на то, что середина 70-х годов характеризуется общим под‘емом в русской промышленности, все же в это время начало развиваться в Питере стачечное движение. Высокая промышленная кон‘юнктура не мешала питерским фабрикантам периодически нажимать на рабочих с целью ухудшить условия работы, изменить в свою пользу условия найма. Рабочие в таких случаях переходили к необходимой обороне, и в результате нередко возникали стачки, оканчивавшиеся почти всегда победой рабочих.

Стихийное рабочее движение, однако, не повлияло на народников в смысле переоценки их отношения к рабочему классу. Как таковой, пролетариат для них попрежнему не существовал. Они продолжали смотреть на него, как на один из второстепенных, вспомогательных отрядов по отношению к крестьянству—единственному мощному фактору революции и социализма в России. Поэтому, сталкиваясь с рабочими-революционерами, народники старались использовывать влияние этих передовых одиночек не для революционизирования того класса, к которому они принадлежали, а, главным обра-

*) Следует отметить, что полицейский разгром коснулся города не в меньшей мере, чем деревни. Стягивание народников в городские центры было обусловлено общей необходимостью перестройки рядов.

зом, для работы в крестьянстве. Эти попытки, однако, окончились совершенной неудачей. *)

В процессе обсуждения петербургскими народниками новых методов работы и реорганизации революционной деятельности, поглотившем зиму 1875—6 г., и выкристаллизовался новый народнический кружок, назвавшийся весной 1876 года „Северной группой революционеров-народников“ и вошедший в историю под знаменитым именем „Земля и Воля“. В числе организаторов этого чрезвычайно конспиративного кружка (за сугубую конспиративность его членов прозвали троглодитами) был наряду с такими известными революционерами, как М. А. Натансон, О. В. Аптекман, А. Д. Михайлов, Осинский, Д. А. Лизогуб, и молодой Плеханов.

Правоверный народник, Плеханов, конечно, думал лишь о работе в деревне, о поселении среди народа и т. д. Вынужденный, однако, до поры до времени, оставаться в Питере, он использовывал время для сближения с рабочими, первые встречи с которыми произвели на него, как мы уже говорили, неизгладимое впечатление. Отношения Плеханова к рабочим в это время носят на себе печать той двойственности, которая так мастерски охарактеризована им самим в его воспоминаниях:

— С одной стороны, в своих программах, мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты, а с другой стороны—мы все-таки считали нужным „заниматься с рабочими“ и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем наши излюбленные „поселения в народе“. Но идя к рабочим не

*) Плеханов вспоминает:—Когда сложившееся в 1876 году общество «Земля и Воля» стало заводить свои революционные поселения в народе, нам удалось склонить к переезду в Саратовскую губернию некоторых петербургских рабочих. Это были испытанные люди, искренно преданные народническим идеалам и глубоко проникнутые народническими взглядами. Но их попытки устроиться в деревне не привели ни к чему.... Как ни удивляла нас эта отчужденность от «народа» его городских детей, но факт был на лицо; и мы должны были оставить мысль о привлечении рабочих к собственно крестьянскому делу. (Русский рабочий в рев. движ. Собр. соч., т. III, стр. 135).

то, чтобы против воли, а, так сказать, против теории, мы, разумеется, не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл идеей рабочего сословия. *)

Со своей стороны питерский пролетариат, в головы лучших представителей которого уже проникли лучи классового сознания, который выдвинул из своей среды Халтуриных, Алексеевых, Малиновских—не шел на помочах у народнической интеллигенции. Он пользовался время от времени ее услугами, использовывал интеллигента при практической надобности, получал у него те или иные знания, но сплошь и рядом настойчиво проявлял свою классовую самостоятельность. Одним из проявлений этой самостоятельности и была возникшая в среде рабочих зимой 1876 года мысль об организации в Питере противоправительственной рабочей демонстрации. Рабочие хотели показать, что они умеют во всяком случае демонстрировать не хуже, чем интеллигенция, которая за несколько месяцев пред тем организовала демонстрацию на похоронах студента Чернышева, арестованного по делу 193-х. Народники сначала отнеслись к мысли о демонстрации скептически и сомневались в ее успехе. Однако, им пришлось уступить давлению рабочих, да и сама по себе идея импозантной демонстрации в твердыне самодержавия не могла не задеть их за живое: «бунтарская жилка заговорила в каждом из нас и мы сдались» **).

Демонстрация, состоявшаяся 6 декабря, отлилась в форму, не совсем соответствовавшую той, которая была намечена ее организаторами. Рабочих явилось всего человек 250,—то были почти сплошь члены бунтарских кружков, за то в большом числе привалила учащаяся молодежь. Плеханову, бывшему одним из организаторов демонстрации, пришлось стать и ее центральной фигурой,

1876 года, 6-го декабря, в понедельник,—гласит „Обвинительный акт по делу о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади в С.-Петербурге“—Казанский собор был переполнен молящимися, в числе которых резко отделялись по своей внешности, поведе-

*) Русский рабочий в рев. движ. Собр. соч., т. III стр. 139.
**) Ibid, стр. 149.

нию и отсутствию благоговения, молодые люди обоего пола, привлеченные, повидимому, в храм каким-то посторонним молитве побуждением... Городовой Есипенко собирался уже отправиться с докладом к приставу о сборище молодежи в соборе, но был оттиснут ею от двери, в которую она выходила скученною массою... В это время из толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондин, снял шапку и начал громко говорить, горячась и размахивая руками. Молодой человек говорил... о гнете правительства, его несправедливости, о ссылках лучших русских людей, каковы Чернышевский, Долгушин, Нечаев и др., о бедственном положении русского народа, у которого для взыскания податей продают последнюю корову. Речь была окончена при криках „браво“, „браво“ и аплодисментах столпившейся около говорившего молодежи. В тот же момент был выкинут над этой толпою красный флаг с надписью „Земля и Воля“. *)

Молодой человек, о котором говорит обвинительный акт, и имя которого так и осталось неизвестным суду, был никто иной, как Георгий Валентинович Плеханов. **)

Г. В., говоря о себе в третьем лице, вспоминает о демонстрации:

— Рабочие плотным кольцом сомкнулись вокруг говорившего. „Ребята держись тесней, не выдавай, не подпускай полиции“,—командовал Митрофанов, между тем как полицейские свистки оглашали площадь. Когда речь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: „Да здравствует социальная революция, да здравствует Земля и Воля“!...

Нагрянувшая полиция при поддержке сбежавшихся дворников набросилась на демонстрантов. Счастливая случайность избавила Плеханова от ареста. Находчивый Митрофанов сдернул с Г. В. шапку, надел на не-

---

*) Правительственный Вестник 1877 год №№ 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 31. Перепечатано В. Базилевским (Богучарским) в его сборнике «Госуд. преступления в России в XIX веке» Т. II.

**) Сестра Г. В. Варвара Валентиновна передает со слов его товарища В. В. Шора, что речь на демонстрации должен был произнести кто-то другой, но за неявкой назначенного лица обязанность оратора принял на себя Г. В.

го какую-то фуражку, закутал башлыком его голову и в таком виде вывел его из толпы. Между полицией и участниками демонстрации произошла жестокая свалка, окончившаяся ранениями с обоих сторон и арестом нескольких десятков демонстрантов. 21 участник демонстрации были преданы суду особого присутствия правительствующего сената, и из них 18 приговорено к каторге и ссылке.*)

Казанская демонстрация, как первый активный и гласный протест, вышедший из недр питерского рабочего класса против деспотического режима, сыграл огромную роль в деле революционизирования народного сознания. Весть о демонстрации проникла в медвежьи углы России, а рабочие еще долго распевали на фабриках и заводах о том:

«Как на площади Соборной
«В столице русского царя
«Земли и Воли флаг народный
«Взвился шестого декабря».

Демонстрация оказала серьезное влияние на ее участников,—в первую голову и на самого Плеханова. «Казанская демонстрация»,—говорит Г. В.—«была первой попыткой практического применения наших понятий об агитации. Понятия эти были в то время еще слишком отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачным их практическое применение. Казанская демонстрация наглядно показала, что мы будем всегда оставаться одни, если в своей революционной деятельности будем руководствоваться лишь своим отвлеченным пристрастием к „агитации", а не существующим настроением и данными насущными нуждами той среды, в которой собираемся агитировать. Мы не забыли этого урока»...

Вскоре после Казанской демонстрации, бывшей его первым боевым крещением в огне революции, Плеханову пришлось бежать за рубеж, дабы спастись от по-

---

*) К каторжным работам в рудниках и крепостях на срок до 15 лет были приговорены: Архип Боголюбов, Иван Гервасий, Александр Бибергаль, Михаил Чернявский, Евгений Бочаров, Фелиция Шефтель; к ссылке: Фалин, Новаковский, Николаевская, Ильяшенко, Иванова, Гуревич, Потапов, Геллер, Попов, Громов, Григорьев и Тимофеев.

лиции, которая неустанно разыскивала таинственного блондина с Казанской площади. Это было в январе 1877 года.

Нелегально перейдя границу—совместно с женой своей М. А. Смирновой—Г. В. направился в Берлин. Очутившись в центре германского рабочего движения, Плеханов, верный своему бакунизму, с великолепным презрением игнорировал жизнь германского пролетариата и его партии. Он умудрился отыскать в Берлине каким-то образом занесенную в германскую столицу русскую крестьянскую артель и проводил время в ее среде, да среди проживавших в Берлине студентов из России. Из Берлина Г. В. уехал в Женеву, гда попал в среду французких эмигрантов—коммунаров, бывших в большинстве ярыми сторонниками Прудона и Бакунина и принадлежавших к Юрской федерации, Плеханов не сживается однако со своими новыми знакомыми. У него созревает мысль направиться в Америку, обучиться там образцовому ведению сельского хозяйства, а затем вернуться в Россию, чтобы вооруженным сельско-хозяйственными знаниями пойти в народ. Народник до мозга костей, он везде оставался верным себе.

Вскоре, однако, Плеханов изменяет свое первоначальное решение и направляется из Женевы в Париж, где по слухам назревали события в связи с все усиливающейся реакцией. В своем революционно-романтическом увлечении Плеханов думает уже о том, что ему удастся сразиться на баррикадах Парижа за дело свободы. До баррикад, однако, не дошло... Плеханов принял лишь участие в грандиозной республиканской манифестации, состоявшейся в день взятия Бастилии. Ко времени его пребывания в Париже относится знакомство Г. В. с П. Л. Лавровым и с П. Н. Ткачевым.*) После семимесячного пребывания за границей Г. В. вернулся в Россию, здесь он целиком уходит в революционную работу, превращается в „профессионального“ революционера.

---

*) В своей статье «От народничества к марксизму», помещенной в № 2—3 журнала «Под знаменем марксизма» за 1923 г. тов. В Ваганян говорит, что Плеханов познакомился с П. Л. Лавровым в 1880 году. Это неверно. Их знакомство относится к первой поездке Плеханова в Париж, имевшей место в 1877 г.

II.

Прибыв в конце июля 1877 года в Россию, Плеханов направился в Саратов, где народовольцами было организовано поселение. Связавшись с местными рабочими и учащимися, Плеханов быстро завоевал себе популярность. „Рабочие“,—рассказывает его соратник по работе в Саратове О. В. Аптекман,— „были прямо в восхищении от него, высоко ценили, гордились им.“ *) Плехановым было в это время составлено и нечто вроде программы народничества, в краткой и яркой форме излагавшей основные принципы, из которых исходили в своей деятельности народники. Но несмотря на осязательные результаты его революционной работы в городе, она не удовлетворяла Плеханова: его тянуло в деревню,—поближе к крестьянской массе. Однако, внешние обстоятельства несколько раз помешали осуществлению его намерения.

Вот эпизод из жизни Плеханова в Саратове, курьезный сам по себе, но могущий в свое время оказаться достаточно печальным для Г. В.:

—Как-то узнав об открывшейся в г. Аткарске, Саратовской губ. вакансии народного учителя, Плеханов решил занять это место, дабы, таким образом, внедриться в народ. Не имея собственного документа, Плеханов, находившийся на нелегальном положении, воспользовался документом Александра Михайлова, к тому времени еще незапятнанного в глазах полиции.

Явившись в Аткарск, Плеханов представил в заседание училищного совета свои документы, а сам остался ожидать результатов в приемной. Священник, член училищного совета, ознакомившись с бумагами Плеханова, заорал во все горло: „Да он сын Дмитрия Михайлова, моего большого приятеля... как же! Дмитрий Михайлов мой большой приятель, ...почтенный человек.“ Восхищенный своим открытием, он выскочил в приемную с криком: „Михайлов! Михайлов, где же тут Михайлов?“. „Оратор“ спокойно отозвался: „Я Михайлов“. Батюшка удивился; как он вырос, „молодцом стал“, он, батюшка, помнит-де его еще мальчиком,—и

*) О. В. Аптекман. Две дорогие тени. Былое 1921 г. № 16 стр. 4.

с неподдельным живым интересом стал расспрашивать его о родителях, общих знакомых и прочих, прочих курских делах...—„Ладно, ладно, молодой человек—воскликнул экспансивный „батюшка", получив от Плеханова все нужные ему сведения,—буду за вас хлопотать!.." и ринулся в училищный совет. К сожалению, хлопоты благожелательного „батюшки" не увенчались успехом: все уверения его, что Михайлов—отец и прекрасный человек, и лучший его приятель, разбились об упорство исправника, твердившего одно: „Ну так что же, что знакомый, хороший человек? Отец-то хорош, да сын, может быть, и пропагандист..." И уперся исправник, как бык!—несогласен и несогласен! *)

Плеханов был вынужден вернуться в Саратов, где возобновил занятия с рабочими и учащимися. Вскоре, однако, произошел провал одного из землевольческих общежитий. Плеханов попал в полицейскую засаду и был арестован. Освобожденный на день под подписку, он поспешил, конечно, скрыться.

Из Саратова Плеханов вернулся в Петербург. Здесь быстро проявилась его кипучая натура, его ораторский талант (Партийная кличка его недаром была „Оратор"), его безграничный революционный энтузиазм... Те из товарищей Плеханова, которые в глубине души радовались неудачам, постигшим его при попытках хождения в народ, были правы, когда говорили себе: „Деревня не его стихия. Он бы только завял там. Его арена—город, с его широкими общественными запросами, с его умственным движением"... То, что это было так, показали уже первые месяцы возобновленной Плехановым в Петербурге революционной работы.

Время возвращения Плеханова в Питер совпало с некоторым оживлением в стране. Знаменитый процесс 193-х, памятный выстрел Веры Засулич, смелое столкновение Ковальского с жандармами—все это волновало страну, будировало общественное мнение, создавало атмосферу благоприятную для революционных выступлений. Особенно болезненно реагировала на происходящее вокруг учащаяся молодежь петербургских высших

*) О. В. Аптекман., Ibid.

учебных заведений. Приехав в Питер, Плеханов сразу окунается в гущу волнующегося студенчества.*) Он же является автором проекта известного „адреса“ министру юстиции Палену, в котором студенчество заявляло представителю правительства резкий протест против жандармской инквизиции.

Но несравненно большее значение, нежели деятельность Плеханова среди студентов, имело возобновление им порванных было связей с рабочими. Мы говорили уже выше, что опыт Казанской демонстрации не прошел бесследным для Г. В., что он извлек из него соответствующий урок. Урок этот заключался прежде всего в уяснении того факта, что агитация среди рабочей массы не должна носить отвлеченного, абстрактного характера, а должна быть конкретной, развивающейся на почве практических запросов и насущных потребностей рабочих. Оставаясь в течение двух лет—с небольшими перерывами—в Петербурге, развернув широкую агитацию среди рабочих, будучи одной из центральных фигур при вспыхивающих на питерских заводах и фабриках стачках, Плеханов остается неизменным проводником принципа, усвоенного им в результате Казанской демонстрации: агитация среди рабочих должна быть связана с их жизненными интересами и повседневными требованиями.

В 78-ом, 79-ом годах мы встречаем Плеханова в качестве активного участника большинства рабочих волнений на петербургских фабриках и заводах. В январе 78 года он принимает участие в демонстрации рабочих Васильевского патронного завода, вызванной взрывом пороха, жертвой которого пало несколько рабочих. Он вместе с толпой рабочих отбивает у полицейских выступавшего на демонстрации рабочего. В марте он выступает одним из руководителей стачки, стихийно возникшей на Новой Бумагопрядильне в связи

*) В «Справке на Г. В. Плеханова», составленной по материалам, собранным департаментом полиции—коллежским советником С. Васильевым, говорится: «по показанию Степана Ширяева в 1878 и 79 г. г. Плеханов агитировал в среде с-петербурской учащейся молодежи, особенно между студентами медико-хирургической академии; на одной из сходок П. сильно агитировал в пользу студенческой демонстрации».

с понижением заработной „поштучной“ платы. Немного спустя мы его видим в той же роли на фабрике Торнтона. Забастовка на фортепианной фабрике Беккера (август), табачной—Микри и Шапшал (сентябрь), прядильной—Кёнига (ноябрь), вторичная забастовка на Новой Бумагопрядильне, забастовка у Шау, забастовка у Мальцева,—Плеханов не пропускает ни одного из этих рабочих выступлений, он—их неизменный участник, крепящий союз бунтовщиков Казанской площади с рабочей массой. Он, конечно, не единственный бунтарь, ведущий работу среди петербургского пролетариата. С ним вместе—О. В. Аптекман, М. Р. Попов, Н. С. Тютчев, Преображенский и др., но „справедливость требует сказать,—свидетельствует Аптекман,—что первую скрипку всегда играл Плеханов“.

Приемы агитационной работы Плеханова среди рабочих, относящиеся к рассматриваемому периоду, достойны быть внимательно изученными; они представляли собою нечто новое в революционной деятельности народников. Участвуя в рабочих волнениях, Плеханов всегда старался использовать данный конкретный случай для внедрения в сознание рабочих общего недовольства существующим порядком. Он был твердо уверен при этом, что рабочая масса «от бунта за пятикопеечную прибавку постепенно будет переходить к более широкому протесту, пока не исполнит, наконец, завета своих дедов и прадедов, завета всей русской истории, пока не возьмет в свои могучие трудовые руки красного знамени Земли и Воли». *)

В качестве характерного примера остановимся на участии Плеханова на забастовке у Торнтона, воспользовавшись для этого ценными свидетельскими показаниями М. Р. Попова—ближайшего товарища Г. В. по руководству забастовкой. **)

В начале весны 78-го года началась частичная забастовка на фабрике Торнтона. Плеханов с Поповым поспешили направиться на фабрику. Здесь они столкнулись с разноголосицей в рабочей среде. Одни из ра-

*) Волнения в среде фабричного населения. «Земля и Воля» № 4. 20, II 1879 г.

**) См. М. Р. Попов. К истории рабочего движения в конце семидесятых годов. Голос минувшего 1920—1. Стр. 72—84.

бочих были сторонниками стачки, другие выступали против нее. Посреди споров выступил Плеханов. Он начал так: „Господа, даром ничего не дается“... В этой речи выставлялась выпукло и ярко та мысль, что рабочие—свободно договаривающаяся сторона; крепостничество с барщиной кануло в вечность; задача рабочих—отучить своих хозяев от привычки смотреть на них, как на своих крепостных; в манифесте ясно сказано—отныне труд свободен.

Все это было произнесено сильно и энергично. Что же касается того, что стачки законом воспрещаются, то это затуманилось тем, что „богатому сам чорт службу служит“, что, конечно, за деньги они найдут охотников, которые сумеют и законное дело сделать незаконным. „Поверьте мне,—говорил Плеханов,—я хоть и не пророк, но не нужно быть и пророком, чтобы предсказать, что и это ваше вполне законное желание, не давать себя в обиду,—они назовут бунтом. Но вы этим не смущайтесь; мы постараемся вывести ваше дело на свет божий, мы будем печатать о ходе вашей стачки в газетах. В крайнем случае, если понадобится, можно будет подать прошение,—по моему лучше не государю, а наследнику, он говорят, более расположен к простому человеку; насколько это верно,—бог знает, но все надо еще посоветоваться с адвокатами“. Заканчивая он говорил: „Господа, мы не хотим лгать вам и не станем вас уверять, что вы в этот же раз победите; может быть вам придется и покориться; но мы твердо верим, что рабочие, в конце концов, выйдут победителями, верим, что труд победит капитал“.

„Мне остается сказать еще только вот что,—так закончил свою речь Плеханов,—вы заметили: я все время говорил вам: мы, да мы, а не я. Есть много, господа, людей, которые готовы работать и жертвовать своей жизнью для блага русского народа, для блага русского рабочего. А пока, господа, прощайте. Я вам сказал наш совет, ваше дело принять его или отвергнуть“. Эта речь произвела сильное впечатление. Непринужденное и дружное: Благодарим покорно, благодарим—было ответом *).

*) Ibid, стр. 74.

В течение нескольких дней Плеханову с товарищами удалось добиться расширения забастовки, охватившей всю фабрику....

Неудивительно, конечно, что при той активности, которую проявлял в это время Плеханов, слежка за ним со стороны полиции становилась все более энергичной. „Этого мерзавца нужно поймать", твердил по его адресу небезызвестный петербургский градоначальник Зуров.

„Мерзавец" воистину не давал покоя III-му отделению. Опубликованные после революции в журнале „Былое" (№ 15, 1920 г.) донесения филеров III-му отделению пестрят приметами таинственного крамольника; устанавливается его фамилия (Плутанов, Брюханов, Плюганов), за ним организуется слежка, нередко приводящая к курьезным недоразумениям, основанным на сходстве Плеханова то с каким-то статским советником, то с другим столь же благонамеренным обывателем.

Установив, наконец, фамилию неуловимого смутьяна, полиция в поисках его не раз тревожила и мирную семью Г. В., проживавшую тогда в Тамбове.

К матери его неоднократно являлись агенты III отделения, учиняли допросы и обыски; у квартиры, где жили Плехановы, часто шныряли шпики, а Гудаловку жандармы даже называли „гнездом преступников".*) Эти полицейские налеты, кстати сказать, и все возрастающая тревога за участь беззаветно-любимого сына окончательно подорвали и без того хрупкое здоровье Марии Феодоровны.**)

Плеханов, однако, оставался неуловимым, и вся энергия полицейских ищеек, направлявшаяся на поиски его, оставалась бесплодной. Его находчивость и изобре-

---

*) См. А. Френчер. На родине Г. В. Плеханова. Пролетарская революция, № 8. 1922 г. Стр. 39–40.

**) М. Ф. Плеханова скончалась 4 декабря 1881 г. в возрасте 49 лет. В оставленном ею духовном завещании она писала «...благоприобретенное мною имение мое... я предоставляю в полную собственность и в вечное владение трем дочерям моим... каждой по равной части, но с тем, что... если возвратится из неизвестной отлучки сын мой Георгий Валентинов Плеханов и будет прощен Правительством, то дочери мои... должны будут выплатить ему—Георгию Плеханову —четвертую часть стоимости всего полученного ими недвижимого имения моего».

тательность помогли ему ускользнуть из полицейских лап и в тот единственный раз, когда он очутился в руках полиции.

Арестованный по делу о беспорядках на Новой Бумагопрядильне, Плеханов, будучи доставлен в полицейский участок, сразу аттаковал находившихся там чинов полиции:—„Это право же возмутительно. Идем спокойно по улице и вот, извольте посмотреть, попадаем в участок. Господин квартальный надзиратель, распорядитесь, пожалуйста, чтобы мне дали стакан свежей воды". Какой-то полицейский испуганно убегает и возвращается со стаканом воды... Так Плеханов действовал все время, повергнув в чрезвычайное смущение арестовавших его полицейских. Дожидаясь допроса, Плеханов узнал от какого-то одновременно арестованного псковского мещанина, что полицейские предложили ему показать на других находившихся в участке лиц, что они, мол, раздавали рабочим прокламации, за что обещали мещанину немедленное освобождение. В руки Плеханова попал сильнейший козырь и он, конечно, не преминул его использовать.

Ночью арестованных отвезли для допроса к полициймейстеру. Плеханов сразу заявил ему, что его подчиненные арестовывают стоящих вне подозрения людей и, мало того, подбивают обывателей к лжесвидетельству. В доказательство этого Плеханов ссылался на злополучного мещанина и вопрошал полициймейстера: „Ну, что Вы, Ваше Высокопревосходительство, скажете на это"? Полициймейстер был, повидимому, сконфужен энергичным натиском Плеханова и косолапостью своих подчиненных. Он вызвал к себе мещанина, опросил его, рассмотрел пред'явленный Плехановым паспорт на имя какого-то потомственного почетного гражданина и распорядился отпустить настойчивого клиента на свободу. Это было в то время, когда не один шпик разыскивал Г. В. по всему Питеру и далеко за его пределами. *)

---

*) Об этом эпизоде подробно рассказано арестованным одновременно с Г. В. Н. Васильевым. Н. Васильев. В 70-ые годы. Мир Божий. 1906 г. VII.

III.

Три первых года своей активной политической деятельности Плеханов провел в теснейшем соприкосновении с питерским пролетариатом. Так поступая, Плеханов действовал не в силу принципиальных соображений, а попросту подчиняясь силе сложившихся обстоятельств. Наоборот, как правоверный народник, Плеханов смотрел на свою работу, как на нечто, с чем волей-неволей приходится мириться—на безрыбьи, мол, и рак рыба. Потерпела неудачу попытка развернуть революционную деятельность среди крестьянской массы, этого главного и основного носителя освобождения страны, приходится время от времени удовлетворяться перенесением этой деятельности в среду рабочих, которые могут быть не бесполезными как подсобный революционный отряд...

По мере того, однако, как Плеханов углублялся в толщу питерского рабочего класса, срастался с ним в процессе революционной работы, к нему присматривался и его изучал, он начал незаметно для самого себя переоценивать ценности. Начиная Митрофановым и кончая Халтуриным, пред Плехановым прошла целая галлерея рабочих. Плеханов видал их на сходках и собраниях, в агитации и пропаганде, на уличных демонстрациях и в стычках с полицией, в семейном быту и на скамье подсудимых, в общении с товарищами и с интеллигенцией—каждая встреча с этими людьми, каждое соприкосновение с представителями этого нового, недавно еще таинственного мира, производили на Плеханова неизменно сильное впечатление, толкали его мысль в какую-то новую сторону. Плеханов, конечно, учитывал, что та высокая степень культурности, политической сознательности и, наконец, организационных навыков, которую он встречал у Митрофановых и Халтуриных, и которая обусловила собою создание такой мощной организации, как Северо-Русский Рабочий Союз, является достоянием единиц. Но наличие такой в е р х у ш к и служило показателем пробуждения всей м а с с ы; эти передовые одиночки были плотью от плоти и костью от костей ее, подобно тому как плотью от плоти российского рабочего класса был его авангард, через каких нибудь

сорок лет осуществивший то дело, о котором на заре российского рабочего движения смутно мечтали те единицы, с которыми столкнулся Плеханов.

Тот факт, что Плеханову—волей обстоятельств— пришлось провести первые годы своей политической деятельности в пролетарской среде, оказал исключительное влияние на все развитие его миросозерцания. Если в миросозерцании Плеханова—народника уже очень рано, на втором-третьем году его народнической деятельности, появились трещины, вначале еще еле заметные, но впоследствии заполнившиеся марксистским содержанием и приведшие Плеханова к крушению всего его народнического кредо, то это является результатом не книжного, теоретического воздействия, а урока, непосредственно извлеченного из жизни: здесь бытие более чем когда-либо определило собою сознание одаренного и ищущего революционера. Были попытки в нашей тощей плехановской литературе об'яснить некоторые отступления Плеханова в народническую фазу его развития от народнической догмы влиянием, оказанным на него „Капиталом" Маркса, который стал известным ему уже очень рано. Я считаю, однако, это влияние преувеличенным. Плеханов—народник слишком поверхностно ознакомился с „Капиталом", чтобы марксов труд мог оказать какое-либо серьезное влияние на его миросозерцание. Не приходится, думается нам, говорить, о том, что Плеханов в эту пору, довольно основательно изучил „Капитал"; тов. Дейч указывает, что все изучение „Капитала" поглотило у Г. В. в это время дней десять. Разве можно говорить о серьезном изучении марксова труда в каких-нибудь полторы недели даже при исключительных плехановских способностях, особенно если вспомнить, что Плеханов в то время был лишен и соответствующей политико-экономической подготовки?.. Если в политическом символе веры Плеханова очень рано начал намечаться тот перелом, который впоследствии привел его от народничества к марксизму, то повторяю, корней этого перелома раньше и прежде всего надо искать во влиянии, оказанном на Плеханова питерским рабочим классом. Подтверждение этому можно найти в словах самого Г. В.,

который уже в 1879 году в № 4 „Земли и Воли“ обронил чрезвычайно характерную фразу. „Вопрос о городском рабочем“, писал он тогда, „принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей“. Случайность столкнула Плеханова на первых порах его политической деятельности плечо к плечу с фабрично-заводским рабочим, которого с таким великолепным презрением третировала народническая догматика. Жизнь заставила молодого революционера, обладавшего заостренным политическим чутьем, оценить весь общественный смысл появления рабочей фигуры на русской исторической сцене, но народническая теория продолжала еще безраздельно властвовать над его головой. Мертвый еще крепко держал живого.

В своих воспоминаниях о „Русском рабочем в революционном движении“ Плеханов говорит, что постоянно мелькавшие в воображении народников тени Разина и Пугачева определяли линию их поведения в гораздо большей степени, чем ход экономического развития. То же приблизительно можно сказать и о самом Г. В. Плеханове. Тени Разина и Пугачева и от него заслоняли фигуру того рабочего, с которым он столкнулся волей обстоятельств. Начав учитывать и правильно оценивать роль пролетария в российском революционном процессе, Плеханов все же продолжал оставаться правоверным народником.

Разве не характерны в качестве иллюстраций к сказанному те лекции, с которыми Плеханов выступал весной 1878 года пред питерской рабочей аудиторией, —лекции, содержащие апологию бунтарскому началу, воплощенному в Разине—Пугачеве—Булавине? Разве летом 1878 года, лишь только на далеком Дону замелькала тень Пугачева, Плеханов не помчался туда, чтобы обратиться к „Славному Войску Донскому“, с проповедью бунта? Разве он не заявлял в своих корреспонденциях с Дона, что „ни в какой другой части населения нельзя встретить более осмысленного и более сильного недовольства существующим порядком вещей, как

среди казаков?... *) Плеханов сросся с революционным движением рабочего класса, рано научился ценить его, но он возмущался всякий раз, когда это движение выходило из народнического русла. Он сразу учел, примерно, все значение такого факта, как возникновение „Северо-Русского Рабочего Союза“, но в то же время он был жестоко смущен, когда рабочие включили в программу своей организации требование политической свободы, что с бунтарско-народнической точки зрения было великой ересью. „В ней—о, ужас!“,—вспоминает Г. В. о своем отношении к программе Союза,—„прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие „буржуазную“ свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении курицы, высидевшей утят“...**)

Зимой 1878—79 годов Плеханов, уже почерпнувший внушительный опыт из общения с рабочей массой и обогативший свой ум некоторыми, хотя пока еще скромными, знаниями марксизма (беглое знакомство с „Капиталом“, марксистские статьи Зибера; элементы экономического материализма, содержащиеся в сочинениях Бакунина) продолжает все еще оставаться ортодоксальным народником. Народническая ортодоксальность Г. В. в это время находится еще вне всякого сомнения, хотя на его печатных выступлениях относящихся к рассматриваемому периоду и лежит налет чего-то нового, не позволяющий ставить эти выступления наряду с таковыми его ближайших товарищей. В этом нас убеждают статьи Плеханова „Об чем спор“, „Закон экономического развития общества и задачи социализма в России“, „Поземельная община и ее вероятное будущее“. Первая из указанных статей относится к самому концу 1878 года ***), вторая—к началу 1879 года ****), третья, наконец, к началу 1880 года. *****)

---

*) Письмо второе из Каменской станицы «Земля и Воля» № 4. 20 II т. 1879.

**) Русский рабочий в революцион. движении. Т. III, стр. 184.

***) Помещено в «Неделе» за 1878 год (декабрь)—№ 52.

****) Помещено в «Земле и Воле» за 1879 год (январь и февраль)—№№ 3-4.

*****) Помещено в «Русском Богатстве» за 1880 год (январь)—№ 1.

В статье „Об чем спор“ Плеханов выступает как восторженный апологет общинного начала, оптимист по отношению к крестьянскому быту Руси и ее общинным устоям, с враждебностью относящийся к тем, кто подобно беллетристам—народникам допускает скептические нотки в рассуждениях о крестьянском быте. Статья соткана из трафаретных народнических положений, пропитана идеализацией живущего „миром“, действующего „скопом“ русского крестьянства; она грешит свойственным бунтарям-бакунистам неумением оценить роль рабочего в революционной борьбе, но все же, как я уже сказал, в ней есть что-то новое, что-то свое, пока еще быть может не совсем окристаллизовавшееся, не идущее дальше намека. Плеханов уже тогда гораздо лучше других народников разбирался в том, какую роль играет экономический фактор в общественной жизни—экономические отношения данного народа он считает „самым лучшим реагентом для узнания степени развития социальных чувств в этом обществе“.

„Об чем спор“—первая статья Плеханова (если не говорить о первых пробах пера—корреспонденциях), и в этом первом своем печатном выступлении будущий идеолог марксизма, тогда еще обоими ногами стоявший на народнической позиции, делает первый робкий и чуть заметный шаг в сторону экономического материализма.

Тот же уклон делается более явным в двух других статьях. В статье „Закон эволюционного развития общества“ Г. В. иронизирует по адресу тех революционеров, которые полагают, что „метафизическая сущность—пропаганда“ способна изменять по произволу ход истории, для которых мысль является всем—жизнь ничем. Этим утопическим мнениям он противополагает марксову концепцию, согласно которой „социализм является сам собою из хода экономическото развития западно-европейских обществ“, и которая показывает, „как самая форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений“. В своих рассуждениях о судьбе общины Плеханов исходит как из верховного и несомненного принципа из марксового положения о том, что ни одно общество не может перескочить через естественные фазы своего развития.

Автор статьи „Закон экономического развития общества“ очень хорошо знает, что „те или другие формы общественных отношений устанавливаются не „общественным договором“, а экономической необходимостью“.

Уклон в сторону экономического материализма, как видит читатель, весьма осязательный.

В статье же „Поземельная община и ее вероятное будущее“ Плеханов заявляет, что причина возникновения в первобытном обществе частной собственности на движимость заключается в свойствах первобытных орудий и обуславливаемой ими организации труда. Он считает общим правилом, что „не родственные отношения определяют собою экономические, а, наоборот, характер первых целиком зависит от последних“ и т. д.

Достойны серьезного внимания и рассуждения Плеханова о роли личности в истории, имеющиеся в статье „Закон экономического развития общества“ и пронизанные твердым убеждением в том, что „история создается народом, а не единицами“, что „личности гибнут, но революционная энергия единиц переходит сначала в оппозиционную, а затем, мало-помалу, в революционную энергию масс“.

При всем том, рассматриваемые статьи являются в своей сущности ортодоксально-народническими. Те небольшие экономическо-материалистические извилины, которые в них имеются, отнюдь не изменяют их общего бунтарски-народнического направления.

Плеханов выступает в них, как я уже говорил, ярым защитником общинных устоев, апологетом народнических взглядов на русский исторический процесс. Вывод, к которому он приходит, анализируя историческое прошлое Запада и историческое настоящее России, гласит: «В принципе первобытной общины, как она существует... в России, мы не видим никаких противоречий, которые осуждали бы ее на гибель».*) «Пока за земельную общину», говорит Плеханов, «держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать нашего крестьянства ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станцией на пути его прогресса»**).

*) Закон экономического развития. Т. I., стр. 61.
**) Ibidem.

Более того, если внедрение капитализма на Западе признается Плехановым явлением прогрессивным, так как он там сменил низшую форму, построенную на том же принципе индивидуализма, на котором базируется и капитализм—мануфактуру, то пришествие капитализма в Россию он считает явлением регрессивным. —„У нас же капитализм вытеснит собою поземельную общину, т. е. такую форму кооперации, которая построена на гораздо более высоком принципе. И никакая „социализация труда“ на фабриках не вознаградит того положительного упадка социальных чувств и привычек, который произойдет вследствие этого радикального изменения в отношениях народных масс к их главному орудию труда—земле... Мы не видим основательности в тех соображениях, в силу которых заключают, что Россия не может миновать капиталистической продукции“. (Подчеркнуто мною—С. В.) *) Это ли не ортодоксальное народничество?

Несколько осторожнее, хотя все же в полном согласии с народнической догмой, Плеханов рассуждает об общине в статье «Поземельная община и ее вероятное будущее». Он указывает в этой статье, что «земельный коллективизм не всегда способен устоять под напором враждебных ему влияний; в частности же, в русской общине мы замечаем признаки искажения ее коренного принципа и даже—таких случаев, к счастью, немного—полного ее разрушения. Но мы все таки говорим, что поземельная община может иметь прочное будущее при благоприятном стечении обстоятельств».**)

Такое благоприятное стечение обстоятельств Плеханов и констатирует в России. Здесь община—господствующая форма землевладения. Необходимо обеспечить положительное отношение к ней крестьянской массы и интеллигенции. «В таком случае община может продержаться до того времени, когда явится необходимость и возможность интенсивной культуры земли, а значит и употребления таких орудий и способов труда, которые потребуют общинной эксплоатации общинного поля.

*) Ibidem стр. 62.

**) Поземельная община и ее вероятное будущее. Т. I стр. 105.

Свойства орудий труда, состояние земледельческой техники,—эти единственные самопроизвольные причины неустойчивости первобытного коллективизма, станут с тех пор могучими стимулами его роста и развития. Коллективизм труда и владения его орудиями сделается экономически необходимым, а потому и неизбежным, и будущее поземельной общины получит твердую реальную основу».*)

Плеханов в рассматриваемую пору—типичный бакунист, мечущий гром и молнию в государственное начало. «Главные усилия», проповедует он, «должны быть направлены на устранение развращающего влияния современного государства. А оно может быть устранено только окончательным разрушением государства и предоставлением нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться «на всей своей воле».**)

Научившись, как мы уже подчеркивали, учитывать роль рабочего класса в российском революционном движении, считая, что «наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения», Плеханов все же продолжал рассматривать его сквозь призму крестьянофильского бунтарства. И потому рабочий для Плеханова ценен постольку, поскольку он не сбросил с себя крестьянской сермяги, поскольку его питают корни, уходящие в деревенскую глубь, поскольку он не переварился в фабричном котле. «В огромном большинстве случаев», твердит он в утешение себе и во славу народнической теории, «все это те же крестьяне, что и в деревне». Фабрика является для них только видом отхожего промысла и отвлечение их от деревни, хотя бы на целые годы, не уничтожает, однако, их деревенских связей и симпатий. Вопрос аграрный, вопрос об общинной самостоятельности, земля и воля,—одинаково близки сердцу рабочего, как и крестьянам. Словом это не оторванная от крестьянства масса, а часть того же самого крестьянства».***)

Итак, мы видим, Плеханов вплоть до 1880 г. оставался правоверным народником. Ортодоксальное на-

*) Ibidem стр. 106—7.
**) Закон экономического развития общества Т. I стр. 106.
***) Ibidem, стр. 69.

родничество Г. В. изредка усложнялось лишь тем, что его теоретические выступления давали некоторый уклон в сторону экономического материализма. Тогда, когда в народнически-бунтарском сознании Плеханова начинали бродить некоторые идеи, заимствованные у Маркса, это приводило его к большой теоретической путанице.

Он тогда пытался противоестественно сочетать марксизм с крестьянофильским народничеством, роднил гениального Маркса с убогим Дюрингом, относя их к одной „блестящей плеяде"...

При всем этом, первые статьи Плеханова представляют собою весьма яркое явление на общем фоне народнической публицистики конца семидесятых годов. В них уже чувствуется стиль будущего творца „Монистического взгляда", они написаны человеком крепкой логической мысли, умеющим делать бо́льшие и широкие обобщения. Встречаетесь вы в этих статьях и с меткой язвительной насмешкой (по адресу, например, русских либералов „вольтерианцев-крепостников", оперирующих в своих классовых целях аргументами от Маркса), а иногда и с мыслью, брошенной как будто невзначай, но поражающей вас своей прозорливостью. В качестве такого примера прозорливости, граничащей с гениальностью, я бы сослался на высказанную Плехановым в статье „Закон экономического развития общества" мысль о том, что социальный переворот в России будет прочным лишь при союзе пролетариата с крестьянством,—мысль, которую претворяла в жизнь революционная Россия наших дней.

Таким был Плеханов в первых своих печатных выступлениях. Знакомясь с ними, вы с полным убеждением повторяете слова одного из друзей юности и соратников Плеханова в рассматриваемую эпоху: „Плеханов —готов, окристаллизовался, как законченная духовная личность. Жизнь, работа мысли обогатят его ум знанием, но ничего не прибавят к особенностям его духовной организации: его своеобразный познавательный аппарат с его своеобразными приемами познавания, усвоения и диалектики был уже готов" *)

*) О. Аптекман. Две дорогие тени. Былое 1921. № 16 стр. 7.

Всю незаурядную силу своей индивидуальности Плеханов проявил в той новой фазе, в которую вступило наше революционное движение с середины 1879 года.

Уже в 78-ом году в землевольческой среде начинает пускать корни идея террористической борьбы с режимом. Среди руководящих кругов организации зреет разочарование в применявшейся до сих пор революционной тактике, берется под сомнение возможность осуществить дело революции через народ, возможность привить народной массе революционное начало. Чем же об‘ясняется кризис, охвативший к этому времени народническое сознание? В своем предисловии к русскому изданию Туна Плеханов говорит:

— Произошло это потому, что деятельность в народе не оправдала тех радужных, можно сказать почти ребяческих надежд, какие возлагались на нее революционерами. Отправляясь в народ, революционеры воображали, что социальную революцию сделать очень легко, и что она очень скоро совершится... Но известно, что подобная легкомысленная „вера“ представляет собою нечто до крайности хрупкое и разбивается при первом столкновении с жизнью. Разбилась она и у наших тогдашних революционеров. *)

Потеряв веру в революционность народа, разочаровавшись в идее „хождения“ в народ, устройстве в нем поселений и т. д., народники естественно, обращали свою мысль на поиски новых путей, изыскивали более целесообразные и плодотворные методы революционной борьбы. В качестве основного из таких новых методов и выдвинулся террор.

Мысль о необходимости отвечать на правительственные репрессии вооруженной рукой отдельных революционеров, о необходимости мстить правительству, уничтожать его более ненавистных агентов и тем самым дезорганизовывать весь аппарат власти—эта мысль с средины 78-го года все более завладевает умами народников и постепенно начинает претворяться в дело. Революционная летопись 78—79 годов пестрит большим количеством крупных и мелких террористических актов.

---

*) А. Тун. История революционного движения в России. Птг. 1920. Пред. Г. В. Плеханова стр. 37.

Террор, таким образом, явился не продуктом теоретической мысли, не результатом априорного программного построения,—он стихийно народился, как мероприятие, осуществления которого требовала от народников сама жизнь. Правда, в народнической среде проявилась и оппозиция по отношению к новому методу борьбы, а иногда дело доходило и до чрезвычайно резких столкновений между сторонниками террора и защитниками старой народнической тактики. Из таких столкновений наиболее известна дискуссия землевольцев, имевшая место в марте 78 года в Петербурге по вопросу об организации покушения на Александра II, которую многие склонны даже считать фактическим началом раскола землевольческой организации. На время в „Земле и Воле" создалось своеобразное состояние неустойчивого внутрипартийного равновесия. К весне 1879 года общество „Земля и Воля" было организацией наполовину бунтарской и наполовину террористической. „Те из его членов—рассказывает Плеханов,—которые остались верны старой программе, жили большей частью в „народе", „в поселениях", раскинувшихся в разных местах нижнего и среднего Поволжья, на Дону, в Воронежской и Тамбовской губерниях. Большинство же живших в Петербурге землевольцев с ревностью новообращенных стояло за террористическую деятельность"...*) Мало по малу позиция террористов все укреплялась, положение же сторонников старой тактики—„деревенщиков" становилось все менее устойчивым—они чувствовали, что идея террора завладела умами революционной молодежи, что „хождение в народ" теряет в ее глазах свое былое обаяние. К середине 79-го года идея террора была безусловно доминирующей в народнической среде. И когда в июне собрался в Воронеже партийный с'езд, то ему пришлось не столько решать вопросы о терроре, сколько его санкционировать: дело шло об оформлении тактики, фактически уже признанной, стихийно внедрившейся в практику общества.

*) Русский раб. в рев. движ. Т. III стр. 200.

Если на Воронежском с‘езде и развернулась дискуссия по вопросу о терроре, то обсуждали вопрос не столько о самом решении, которое уже заранее предвосхищалось, сколько о формулировке его; спор велся, так сказать, не в принципиальной, качественной, а лишь в количественной плоскости. Явившиеся в Воронеж после предварительного совещания в Липецке компактной массой, образовавшей основное ядро с‘езда, „террористы“ ставили вопрос о терроре прямолинейно, решительно, не затушевывая острых углов. „Деревенщики“, не переходя в резкую оппозицию, старались лишь договориться с террористами, создать компромисс, при котором старая тактика уживалась бы с новой, терроризм не исключал бы бунтарства, при чем этот компромисс фиксировался даже в процентных отношениях: устанавливалась доля партийных средств, предназначавшаяся для дезорганизаторски—террористических целей и доля уходящая на поселенческо—бунтарские цели.

Резким, но единственным диссонансом, прозвучало на с‘езде выступление Плеханова, решительно обрушившегося на тот путь, который с‘езд освящал своими решениями, заявлявшего, что на кончике кинжала нельзя утверждать здания парламента и клеймившего постановления с‘езда в энергичных выражениях вплоть до называния его „изменой делу народа“.

То обстоятельство, что подавляющее большинство с‘езда сразу выявило себя террористическим, солидаризовавшись с известной статьей Н. А. Морозова, восторженно провозгласившего политическое убийство осуществлением революции в настоящем, повидимому заставило Плеханова поставить пред с‘ездом вопрос о терроре ребром.

Сам Морозов так вспоминает об имевшем место на с‘езде после прочтения им своей статьи:

— Вы слышали, господа, сказал Плеханов. Это ли наша программа? Наступило тяжелое молчание, продолжавшееся с пол-минуты. Но вдруг оно было прервано одобрительным возгласом Фроленко, воскликнувшим, что именно так и нужно писать передовые статьи в революционных органах.

Плеханов побледнел, как полотно, и сказал взволнованным голосом: „Неужели господа, вы все так ду-

маете?"—Не нашлось ни одного голоса, который осудил бы мою статью.

Плеханов некоторое время стоял молча. Отношение деревенщиков—членов „Земли и Воли" к новому направлению было для него, очевидно, совершенно неожиданно. „В таком случае, господа, сказал он глухим и печальным голосом,—здесь мне больше нечего делать. Прощайте". Он медленно повернулся и начал удаляться в глубь леса. Мне показалось, что он с усилием держится на ногах.

— Разрыв с привычным товарищем по деятельности был слишком тяжел. Вот он идет, мелькнуло у меня в голове, куда-то в глубину леса, одинокий, без сторонников... Что с ним будет, что он будет делать?...

— Господа! Нужно его возвратить—воскликнула Вера Фигнер.

Нет,—ответил Александр Михайлов взволнованным голосом,—как это ни тяжело, но мы не должны возвращать его.

Четыре из петербургских сторонников Плеханова, особенно резко возражавшие против покушения Соловьева, вскочили со своих мест, чтобы итти за ним, но потом снова сели, тихо переговариваясь между собою. Ни один из них не удалился с собрания вслед за Плехановым. Кто-то предложил решить голосованием, считать ли теперь Плеханова принадлежащим к организации. Значительное большинство высказалось за то, что его нужно считать добровольно выбывшим из „Земли и Воли".*)

Как мы видим, занятая Плехановым позиция решительного протеста против новой тактики „Земли и Воли", была позицией блестящего одиночества. Об этом наряду с Морозовым свидетельствуют многие участники с'езда. М. В. Фроленко даже прямо говорит о „полюбовном решении всех вопросов на с'езде, лишь слегка нарушенном выступлением Плеханова" **).

Сам Г. В. указывает, что решения с'езда отнюдь не явились для него сюрпризом, „Морозов, как нельзя

---

*) Николай Морозов: Возникновение «Народной Воли». Былое. 1906 г. № 12. Стр 17—18.

**) М. В. Фроленко. Липецкий и Воронежский с'езды. Былое. 1907 г. № 1-13 стр. 85—6.

больше, ошибается, воображая, что я ехал на Воронежский С'езд с уверенностью в победе. Нет, этой уверенности у меня тогда не было: я слишком хорошо знал наших народников... мысль о выходе из „Земли и Воли" вовсе не явилась в моей голове так внезапно, как это можно подумать на основании воспоминаний Морозова. Выход этот был для меня заранее обдуманным средством подтолкнуть народников к более решительной борьбе с террористами. И дальнейшие события показали, что этот мой расчет не был ошибочен".*)

Спрашивается, где же были предпосылки занятой Плехановым непримиримой по отношению к террору позиции? Каковы были мотивы, заставлявшие его хранить твердокаменную преданность народнической позиции и давшие ему силу на Воронежском с'езде в ответ на восклицание Софьи Перовской:

«Удержите этого безумца, куда он уходит от нас»?— сказать:

— «Нет, мне с вами не по дороге, несмотря на то, что мы были связаны теснейшими узами».

Итак, почему были порваны теснейшие узы? Отвечая на этот вопрос, надо раньше всего иметь в виду, что отношение Плеханова к террору отнюдь не было огульно отрицательным — Плеханов был лишь противником политического одиночного террора. Но в то же время он признавал полную закономерность террора стачечного — экономического террора рабочей масы, защищающей свои права в борьбе с эксплуатором—работодателем. Он доказывал, что ни один мыслящий человек не упрекнет рабочую организацию за неразборчивость в средствах, когда на террор правительства, закрепощающего рабочего фабриканту, карающего как уголовное преступление, всякую попытку рабочих к улучшению своего положения... когда на белый террор такого правительства, она ответит наконец, красным **).

---

*) О былом и небылицах. Заметки Г. В. Плеханова с дополнением Дейча. Пролетар. Револ. 1923. № 3 (15) стр. 39—41.

**) Закон экономического развития общества. Земля и Воля 15 января 1879 г. № 3.

На вопрос о терроре,—укажем здесь кстати,—Плеханов никогда не давал абстрактных, отвлеченных ответов. Он всегда подходил к нему по диалектически. Известен, напр., случай, когда Плеханов накануне революции 1905 года поставил в Совете РСДРП вопрос о целесообразности террора и о соглашении на этой почве с с-рами. Соглашение было сорвано ультиматумом Мартова и Аксельрода. *) Известно также выражение Плеханова о том, что он «пути людей 1-го марта» предпочитает «путь людей 93-го года»... Но вернемся к Плеханову эпохи после-Воронежского с'езда...

Террористическая кампания, открытая „Землей и Волей", знаменовала в глазах Плеханова раньше всего вступление на путь политической борьбы, что для него было тогда недопустимым покушением на чистоту народнического кредо. Признать террор,—значит отказаться от социальной борьбы—так поставил перед собой вопрос Плеханов и находил подтверждение своей мысли в выступлениях крайних сторонников террористической тактики, провозгласивших устами Желябова, что во имя дезорганизации правительства и достижения политической свободы, допустимо отложить классовую борьбу. „Сосредоточить все силы на терроре, значило направить их целиком на борьбу за ту политическую свободу, которую предавал анафеме каждый правоверный бакунист и народник". **) Плеханов потому так ожесточенно восстал против террора, что террор это проявление политической борьбы, а вести политическую борьбу значит «вынимать из огня каштаны для либералов»,—в политических свободах нуждается буржуазия, мечтающая о пришествии капитализма, народу же, живущему на общинных устоях, до политической свободы нет дела...

Практические результаты, которых, по мнению Плеханова, можно было бы ожидать от террора, должны были быть ничтожными:—„даже полная удача самого главного „дезорганизаторского" плана приведет не к перемене политической системы, а к вставке трех па-

*) См. Л. Мартов. История российской социал-демократии. Птг.—Москва. 1923. Стр. 85.

**) Русский рабочий... Т. III. Стр. 201.

лочек вместо двух при имени «Александр». Террористическая тактика, считал Плеханов, раньше всего дезорганизует самое революционную партию. Она отвлечет симпатии легко воспламеняющейся революционной молодежи от кропотливой и систематической работы в народе, направив их по руслу яркой и захватывающей террористической борьбы, она уб'ет тем самым дело внедрения в народную массу, дело „поселений" среди народа. Далее террор несет с собой ослабление деятельности среди рабочей массы. «Рабочее дело», вспоминает Плеханов о том времени, когда начала доминировать идея террора—«никем не отрицалось в принципе. Но на деле посвящавшиеся ему силы и средства стали убывать очень и очень заметно. Многие молодые революционеры, начавшие свою деятельность «занятием с рабочими», оставили это свое занятие под влиянием проповедывавших «дезорганизацию правительства» землевольцев».*) Террор обострял борьбу с правительством, но он суживал арену, на которой она велась. Он заменял массовое движение единоборческой схваткой между революционной интеллигенцией и правительством.

Таковы были мотивы, обусловившие оппозицию Плеханова террористической тактике и приведшие его в Воронеже к разрыву с партией. Разрыв, повидимому, явился для Г. В. тяжелым,—будущее рисовалось ему в самых неясных и мрачных очертаниях:

— Я уехал из Воронежа в Киев, увозя с собой безотрадное убеждение в том, что народничество, казавшееся мне тогда единственным возможным в России видом социализма, погибает, главным образом, благодаря нелогичности самих народников, я сознавал, что один в поле не воин, и с тоской спрашивал себя, что остается делать?...**)

В Киеве, свидевшись с приехавшим туда М. Р. Поповым, Плеханов узнал, что в Питер прибыли из-за границы В. И. Засулич, Лев Дейч и Яков Стефанович, причем все эти землевольцы неудовлетворены позицией, которую партия заняла в Воронеже. Г. В., почуяв в

---

*) О социальной демократии в России. Письмо к польским издателям Туна. 1893.

**) Почему и как мы разошлись с ред. «Вестник Нар. Воли.» Искра 1903. № 54.

приехавших своих единомышленников, поспешил в Петербург. Здесь, в самом деле, ему удалось установить совпадение точек зрения прибывшей группы и его личной на вопрос о терроре. Вскоре возникла мысль о создании противниками новой тактики «Земли и Воли» своей самостоятельной народнической фракции. Мысль эта окрепла под влиянием происходивших после Воронежа в землевольческой организации трений между двумя частями организации: той, которая выступала застрельщиком террористической тактики, и той, которая пыталась сочетать неизбежное применение террора с верностью традиционному бунтарству. Все это, как известно, привело к расколу „Земли и Воли". К началу октября 1879 года место расколовшейся „Земли и Воли" заняли две самостоятельные народнические организации: верную решениям Воронежа „Народную Волю" и хранящий бунтарскую традицию „Черный Передел".

Идеологом и руководителем последнего—был Г. В. Плеханов.*)

IV.

В январе 1880 года вышел из печати первый номер органа новой группы, носивший то же название—„Черный Передел". В этом номере были помещены три статьи Г. В., имеющие отчасти декларативный характер и устанавливающие точку зрения чернопередельцев на задачи революционной партии в связи с расколом „Земли и Воли".

В своих статьях Плеханов выступает защитником традиционного народничества, правоверного бунтарства в том виде, как оно было теоретически обосновано Плехановым в „Земле и Воле". Статьи Плеханова в „Черном Переделе" могут быть без всяких колебаний взяты

---

*) В группу «Черный Передел» кроме Плеханова вошло еще 21 человек—В. И. Игнатов, О. В. Аптекман, Л. Г. Дейч, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, М. Р. Попов, Лев Гартман, Е. Н. Ковальская, Ю. Преображенский, О. Николаев, П. Короткевич, Яков Стефанович, М. Крылова, Е. Козлова, Е. Шевырева, Н. Щедрин, Переплетчиков, П. В. Приходько, Козлов, И. П. Пьянков и Александр Жарков.

за одну скобку с его статьями в „Земле и Воле“, на которых мы подробнее уже останавливались. В „Черном Переделе“ Плеханов разрабатывает те же мысли, которые были им высказаны в „Земле и Воле“. Мы встречаемся здесь со знакомыми уже из первых статей Плеханова его взглядами на народнический процесс, видим тот же, что и в них, уклон в сторону экономического материализма. Мы сказали бы даже, что этот уклон теперь стал более явным и, благодаря этому, статьи Плеханова, помещенные в № 1 „Черного Передела“, таят в себе еще более противоречий, нежели его предыдущие выступления. Но мы никоим образом не согласимся с тем, что „Черным Переделом“ Плеханов сделал какой-то шаг назад в теоретическом смысле по отношению к своим статьям в „Земле и Воле“, как это утверждает, например, тов. В. Ваганян в статье „От народничества к марксизму.*) Ничего непонятного, по сравнению с мыслями, высказанными им ранее, в чернопередельческих статьях Г. В. не найдешь. Если Плеханов твердил здесь о разрушении государственной организации, о праве свободного занятия земли „куда топор, коса и соха ходят“ и т. д., и т. д., то ведь ту же дань он не менее щедро платил бунтарству и бакунизму тогда, когда выступал под знаменем „Земли и Воли“. Однако, свято веря, что только общинное землевладение и артельная организация народной промышленности составляют практически осуществимую в России часть социалистической доктрины **), Плеханов в то же время высказал в „Черном Переделе“ ряд мыслей, значительно приближающих его к материалистическому пониманию общественной жизни. Пусть эти мысли не отличались достаточной чеканностью, пусть в них иногда оставалось что-то недоговоренное, а иногда из них делался ложный вывод,—для нас существенно установить, что процесс усвоения Плехановым экономического материализма (пока мы можем говорить только об экономическом материализме), который мы отметили, говоря о его статьях в „Земле и Воле“ не только не

*) «Под Знаменем Марксизма» 1923 г. № 2—3, стр. 185.

**) Черный Передел. Сборник, изданный Госиздатом. Птг. 1923 г., стр. 121.

приостановился ко времени его выступлений в „Черном Переделе“, но, наоборот, значительно усилился. В доказательство мы позволим процитировать некоторые места из статей Г. В., помещенных в № 1 „Черного Передела“. „Экономические отношения в обществе“, пишет он в одной из них, „признаются нами основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада“ *). „Экономические отношения“, заявляет он в другом месте, „служат субстанцией для всех остальных категорий человеческих отношений“ **) Таких мыслей, конечно, еще далеко недостаточно для того, чтобы назвать высказывающего их марксистом, в особенности тогда, когда мысли такого рода переплетаются с анархо-бунтарскими рассуждениями. Говорить о марксизме Плеханова в чернопередельческий период его развития, отнюдь не приходится. Но приведенные места показательны в более ограниченном отношении: они позволяют нам считать, что Плеханов-чернопеределец находился уже на пути к марксизму. Требовалось, однако, наступление некоторых об'ективных условий, дабы эта потенциальная возможность была реализована. Эти условия наступили, когда Плеханов очутился за рубежом.

В передовой статье, помещенной в № 2 „Черного Передела“ и написанной уже за пределами России, а также в заявлении и в письме, опубликованном в № 3, Плеханов пытается поставить и разрешить тот вопрос, который вскоре стал центральным пунктом его расхождения с народничеством—вопрос о социализме и политической борьбе. При постановке этого вопроса Плеханов обнаружил значительную эволюцию, совершенную им в плоскости решения этой проблемы.

Он возмущается одной мыслью о том, что чернопередельцам можно приписать огульное отрицание борьбы за политическую свободу. „Не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России.. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что

*) Ibidem, стр. 112.
**) Ibidem, стр. 114

русская конституция отведет ей недостаточно широкое место".*) Плеханов лишь подчеркивает, что экономический вопрос является самым жгучим и существенным для трудящихся масс и что этим должна определяться позиция революционной партии. Отказываясь от преследования задач экономической революции, социалистическая интеллигенция теряет всякую почву в народе. Поэтому, передавая издание „Черного Передела" в другие руки, Плеханов предостерегает партию „от излишнего увлечения вопросами чисто политического свойства.**) Однако, он тут же не менее предостерегающе заявляет: „Черный Передел", думаем мы, лишился бы значительной доли практического значения, оставаясь вполне безучастным к политическому вопросу, столь жгучему теперь в России". (Заявление прежних издателей „Черного Передела").

Наконец в одновременно составленном им письме в редакцию „Черного Передела" Г. В. так формулирует задачи, стоящие, по его мнению, пред русскими социалистами:

— Задача „Черного передела" может считаться оконченной лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, при чем требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, пред'являемых этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы... Исходя одинаково из народной среды, эти два рода требований будут находиться в неразрывной связи, и связь их послужит ручательством тому, что переворот совершится в интересах не одних только высших классов.***)

Уже в эту пору Плеханов начинает протаптывать тропинку, которая впоследствии приведет его к „Социализму и политической борьбе".

В „Черном Переделе" Плеханов яснее своих товарищей проявляет и понимание начавшегося классово-

*) Ibidem, стр. 188.
**) Ibidem, стр. 238.
***) Ibidem стр. 241.

го пролетарского пробуждения. „Говорить ли о городских рабочих?"—спрашивает он,—„повторять ли, что Малиновские, Обнорские, Петры Алексеевы, Петерсоны и т. д. служат наглядным доказательством плодотворности нашей деятельности в рабочей среде? Лет 20—25 тому назад группа рабочих социалистов в России была бы „чудом родины своей", а в начале 80 г. г. нам пришлось услышать об аресте тайной типографии петербургских рабочих и о готовившемся к изданию социалистическом рабочем листке".*)

В статье, помещенной в № 2 „Черного Передела", Плеханов обнаружил такое четкое понимание наличия в России капиталистического процесса, которое представляло собою серьезнейшее отклонение от народнической догмы. Указывая на то, что главный интерес революции сосредоточится на аграрном вопросе, он продолжает:

— Но пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим, центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам. Распределение наших сил должно сообразоваться с этим органическим процессом. Укрепившись на фабрике и в деревне, мы займем позицию, соответствующую не современному только положению, но всему ходу экономического развития России.**)

Говоря выше о выступлениях Плеханова в „Земле и Воле" мы обратили внимание читателя на одну брошенную им мысль, вся гениальная прозорливость которой выступает в свете нашей великой революции—мысль о том, что коренной переворот в России может быть плодотворным, если он будет базироваться на союзе пролетариата с крестьянством. Теперь мы хотим подчеркнуть еще одну мысль Г. В., высказанную им в „Черном Переделе" и столь же блестяще оправданную победой октябрьской революции—мысль о братском союзе народностей, закрепощенных царизмом,

---

*) Ibidem, стр. 191.

**) Ibidem, стр. 195.

как гарантии прочности революционного преобразования страны:

— Лишь федеративный принцип в политической организации освободившегося народа, только полное устранение принудительного начала, на котором основаны современные государства, и свободная организация снизу вверх—сможет гарантировать нормальный ход развития народной жизни... Этнографический состав населения русского государства постоянно заставляет считаться с ним даже и в современной нам практике: Малороссия, Белоруссия, Польша, Кавказ, Финляндия, Бессарабия—каждая из этих составных частей Российской империи имеет свои народные особенности, требует самобытного, автономного развития. *)

Еще более решительно выступает Плеханов в № 3 „Черного Передела“, где в „заявлении прежних издателей“, он провозглашает.

— Распадение Российской империи на самостоятельные организмы по естественным ее областям пусть будет откликом на зов, раздающийся с другой стороны—„Всероссийский земский собор!“...

Если мы выше назвали гениально - прозорливой мысль о том, что социальная революция в России должна осуществляться на рабоче-крестьянской базе, то мысль о союзе национальностей, как залоге революционного дела, может претендовать на тот же эпитет.

„Черный Передел“ на первых же шагах постигла крупная внешняя неудача. 28 января 1880 г. была арестована типография „Черного Передела“, заканчивавшая набор первого номера. **)

Арестованный наборщик Александр Жарков выдал участников органа, он собирался „выловить“ так-

---

*) Черный Передел № 1. От редакции. Ibid. Стр. 105.

Впоследствии Г. В. изменил свое отношение к федеративному принципу и стал сторонником государственной централизации. Этот перелом наметился у него в первые годы пребывания в эмиграции (см. ст. Л. Г. Дейча «О сближении и разрыве с народовольцами». Пролетарская революция. 1923 г. № 8.) В эпоху революции семнадцатаго года, Плеханов проявил большое понимание роли федеративного принципа и обрушился на Временное Правительство, когда последнее игнорировало национальные требования Украины.

**) Номер этот был впоследствии издан за границей.

же Плеханова и Тихомирова, но этого ему не удалось —он был убит. Провал типографии, повлекший гибель пяти работников, был, конечно, сильнейшим ударом по молодой организации.

Но надо сказать, что к выпуску первого номера „Черный Передел“ был уже расшатан причинами более глубокого характера, нежели предательская измена.

С самого же своего возникновения „Черный Передел“ не нашел массового отклика в среде революционной молодежи. Проповедь систематического воздействия на народ с целью подготовить его к восстанию, которое смутно брезжило где-то в туманной дали, не находило себе почвы в общественных условиях эпохи. Молодежь искала непосредственного выхода своему чувству возмущения режимом, разряда своей революционной энергии, естественно, что ее симпатии склонялись в сторону „Народной Воли“, которая вела героический поединок с ненавистной властью. Более того, от „Черного Передела“ отрывались один за другим и его недавние сторонники. Ушел к народовольцам Лев Гартман, за ним последовал М. Р. Попов. Уже через пару месяцев после ее возникновения организация „Черного Передела“ очутилась в каком-то безвоздушном пространстве.

Удар извне, полученный организацией, находящейся в таком трагическом положении, решил ее участь.

Усилившиеся к концу 79-го года репрессии и поиски руководящего ядра организации поставили пред последней вопрос об от'езде ее наиболее скомпрометированных членов за границу. Плеханов в это время жил в Питере, проживая на Графском переулке по паспорту дворянина Семашко. До поры до времени квартира Плеханова была вне подозрений, но вскоре за нею началась слежка. На состоявшемся в самом конце 79-го года совете партии было постановлено, что Плеханов, Засулич, Дейч и Стефанович должны отправиться за рубеж. Скрепя сердце, Г. В. подчинился партийному решению.

Характерный эпизод, каких в жизни Плеханова было немало:

— При от'езде на вокзале в него стал пристально всматриваться жандарм. Г. В., предвидя надвигаю-

щуюся грозу, сохранил полное самообладание и, подойдя к жандарму, сказал ему: „Ну-ка снеси мне чемодан в вагон“. Военная выправка и твердость безапеляционного тона Г. В. возымели свое действие, и опешивший жандарм, подхватив чемодан, отнес его в вагон...*)

С от‘ездом Плеханова и его товарищей „Черный Передел“ фактически самоликвидировался; в течение 80—81 года группа не столько жила, сколько агонировала.**)

Значит ли это, что „Черный Передел“ с момента его появления на свет был обречен гибели, что он бесплодно жил и столь же бесплодно исчез? Когда через 30 слишком лет после ликвидации „Черного Передела“, Плеханов уже в качестве одного из вождей международного марксизма задался этим вопросом, он ответил:

— О чернопередельцах принято говорить, что их направление было мертворожденным. Но из него развилась русская социал-демократия, давшая чрезвычайно веские доказательства своей жизненности... Если „чернопередельческая“ организация умерла, то умерла родами, произведя на свет такое направление, которое самый заклятый враг его не решился бы назвать мертворожденным...***)

---

*) А. А Френчер. На родине Г. В. Плеханова. Пролет. революция. 1922 г. № 8. Стр. 40.

**) Попытки восстановить организацию Черного Передела связаны с именем П. Б. Аксельрода.

***) Неудачная история «Партии Народной Воли». Современный Мир. 1912 V.

3. На позиции марксизма.

Теоретическая работа в эмиграции.—Материальные затруднения.—Попытки сближения с «Народной Волей» и их неудача.—Основание группы «Освобождение Труда».—«Социализм и политическая борьба».—«Наши разногласия.»—Плеханов и идея гегемонии пролетариата.

I.

Эмиграция оторвала Плеханова от подпольной работы, которой он буквально горел в течение трех лет. Уж в годы его революционной деятельности, протекшие в России, у Плеханова четко обнаружилось стремление подвести солидный научный фундамент под революционные настроения и социалистические убеждения. „Взяться за книги, учиться"—такова была заветная мечта Плеханова в это время. Многого в этом отношении Г. В. добился; несмотря на свою молодость, он являлся одним из самых образованных русских народников. Но то, чего он достиг, было слишком недостаточным для удовлетворения тех теоретических запросов, которые пред'являл большой теоретико-познавательный ум Г. В. Между тем, как мы уже знаем, первые симптомы назревающего кризиса проявились у Плеханова в самый разгар его подпольной работы. Для того, чтобы проверить появившиеся сомнения, отбросив их или наоборот углубив,—довести их до переоценки ценностей, нужно было заняться большой научно-теоретической работой. То революционное кипение, в котором Плеханов пребывал в годы подполья, буквально разрываясь на части, не давало ему теоретически работать. „Беда!, твердил он, чувствуешь, что не хватает знаний! Учиться надо, а мыслимо ли при наших условиях! В сущности, что мы знаем?"*).

Не приходится говорить о том, что когда трехлетний революционный бег Плеханова был прерван „независящими обстоятельствами" и Г. В. очутился за

*) Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы к биографии. М. 1922 г., ч. I., стр. 52.

рубежом—физически оторванный от российского подполья,—он с особым рвением набросился на книги, весь ушел в изучение той социалистической литературы, которая должна была дать ему ответ на многочисленные вопросы, которые стали пред ним уже в России. Но тут на пути теоретической работы Плеханова стало новое и достаточно серьезное препятствие—материальные затруднения.

Великий философ и большой мещанин Иммануил Кант как-то сказал, что он горд сознанием того, что никогда никому ни задолжал ни пфенинга,—мысль о кредиторах никогда не омрачала его настроения. Вряд-ли многие из идеологов пролетариата могли бы повторить слова гениального кенигсбергского мещанина. Напротив, большинству из них пришлось вести суровую, полную материальных лишений и невзгод борьбу за существование. Известно, например, в каких условиях приходилось существовать Марксу. Нужда, по слову Меринга, не только появлялась у порога Маркса, но была частой гостьей и за его столом. Г. В. познакомился с жестокой нуждой в первые же месяцы его пребывания за-границей. Она давила его мозг в течение многих лет,—до тех пор, пока литературные доходы и заработок жены-врача не освободили его от необходимости постоянно думать о хлебе насущном для семьи и себя.

Материальные лишения начались с первого же дня после выезда Г. В. Плеханова из России. Вместе с Розалией Марковной пришлось ему бороться с нуждой. В мае 1880 г. Р. М., преследуемая полицией, покинула Петербург, оставив ребенка на попечении Т. В. Поляк *) и приехала в Женеву, где жил Г. В. Было условлено, что спустя некоторое время последует к ней и Т. В. с ребенком. Но девочка захворала и умерла...

Прожив несколько месяцев в Женеве и затем в Кларане Плехановы отправились в Париж, надеясь, что здесь им легче будет найти себе какой нибудь-заработок, а, главным образом, чтоб пожить жизнью города-светоча. После долгих безрезультатных поисков им

*) Теофилия Поляк—близкий друг Плехановых, умершая от туберкулеза в 1882 г.

«удалось» через одного поляка достать работу: надписывание конвертов для аптеки, за грошевую, конечно, плату. Средств у Плехановых в это время не было никаких, они располагали лишь небольшим кредитом в молочной лавке, где могли получить только сыр и яйца. Денег на покупку денатурированного спирта для спиртовки у них не было, приходилось глотать яйца в сыром виде. Когда, наконец, работа была закончена, Г. В. Плеханов ранним утром торжественно отправился к своему «работодателю» поляку, неся в руках конверты и радостно предвкушая праздник, который должен был наступить в их доме после получения денег. Но поляк еще спал, когда Плеханов явился к нему и, будучи разбужен, оказал Г. В. весьма грубый прием, Плеханов вспыхнул, швырнул ему конверты в лицо и выбежал вон.

Положение Плеханова в это время было поистине ужасное. Неудачи преследовали их во всех начинаниях. Плеханов начал, например, составлять биографию Мишлэ, но издатель, заказавший эту биографию, вдруг куда-то исчез, точно так же ничего не вышло из перевода романов по заказу одного литературного предпринимателя*).

Между тем материальные дела Плехановых все ухудшались. Квартирохозяева заставили их покинуть квартиру, за которую они не были в состоянии платить. Они переехали в деревню Mollière близ Парижа. Некоторое улучшение в положении наступило после того, как Г. В. удалось напечатать в «Отечественных Записках» свою статью о Родбертусе. Получив авторский гонорар, Г. В. отправил семью в Кларан (Швейцария), а затем, разделавшись с кредиторами, и сам переехал туда.

Опубликованные в 1922 году Л. Г. Дейчем письма Плеханова к П. Л. Лаврову выявляют исключительную материальную нужду, в которой Г. В. приходилось жить в эмиграции, и которая нередко парализовала для него возможность всякой работы.

В письме без даты (помещено под № 6. По мнению Дейча, писано летом 1880 г.) Плеханов пишет Лаврову о «хроническом финансовом кризисе», в котором он

*) Ю. Арзаев. Op. cit. Стр. XXI.

пребывает. В письме, помещенном под № 9 (повидимому, писано в конце 1881 г.) он сообщает, что на нем долгов «больше, чем на русском государственном казначействе». В письме от 6-го февраля 1882 г. Г. В. извиняется, что пишет на открытке—«не имею покупательной силы в данную минуту». В письме, помещенном под № 13 (весна 1882 г.) и отправленном из Кларан, Плеханов шутливо сообщает Лаврову: «Опять застрял, опять могу сказать словами псалмопевца: „окружили мя тельцы мнози и тучны", т. е. мои кредиторы». В письме, наконец, помещенном под № 17 (Дейч считает датой август 1883 г.) Г. В. уже совсем не в шутливом тоне говорит о той ужасающей нужде, которая давит его: „Я человек, совершенно не обеспеченный, который должен искать заработка или умирать голодной смертью".

В числе лиц, оказывавших Плеханову помощь в его тяжелом материальном положении, был и П. Л. Лавров; „благодаря Вашей поддержке",—пишет Г. В. в письме от 31-го октября 1881 г.—„я быть-может получу возможность работать и развиваться, не имея в перспективе голодной смерти, или задолженность без надежды уплаты".

Как мы уже говорили, Г. В. долго не мог разделаться с нуждой. Высылка в Швейцарию усугубила и без того тяжелое положение Г. В., а что оно было действительно таким, может свидетельствовать хотя-бы следующий характерный отрывок из воспоминаний Л. Хинчука о Плеханове: „Я жил в Берне, в мансарде величиной с ящик, где стояла одна кровать и не было места не только для стола—но и для стула. И вот, в этой мансарде, на одной кровати, мы должны были ютиться вместе с Г. В., ибо в гостинице ему жить нельзя было, да и средств не было"*).

Чтобы не слишком задерживаться на этом вопросе, приведу лишь еще одно свидетельское показание. Старый революционер Н. И. Кулебяко—Корецкий в своих пока еще не опубликованных воспоминаниях о встречах с участниками группы „Освобождение Труда" в 80-х годах говорит, что с тех пор, как он познако-

*) Л. Хинчук. К воспоминаниям о Г. В. Плеханове. Пролетарская революция. 1922. №8, стр. 215.

мился с той обстановкой, в которой жил Г. В. его стала преследовать одна неотвязная мысль: „Этот человек, этот мыслитель, этот ученый, блестящий, талантливый вернее гениальный, живет в нищенской обстановке, по временам буквально не имея возможности утолить голод. Доживет ли он до того времени, когда рабочий класс России почтит в нем своего пророка“?

Как бы, однако, сильны ни были препятствия, ставшие на пути Г. В., он их стойко и упорно преодолевал.

Изучение научного социализма, чему Плеханов посвятил первое время своего пребывания за границей, толкало его мысль в ту сторону, в которую она ориентировалась уже в России: в сторону марксизма. Если Г. В. впоследствии признавался, что ко времени выхода первого номера „Черного Передела“ он был уже „наполовину“ социал-демократом, то можно сказать, что потенция марксизма, заложенная в нем, за-границей настолько окрепла, что через два года после своего от‘езда в Швейцарию, он был уже не „наполовину“, а целиком социал-демократом. Несмотря на то, что мысль Плеханова неустанно работала в направлении логического развития тех материалистических идей, зародыши которых мы видели у него в эпоху землевольчества и чернопередельчества, несмотря на то, что Г. В. неуклонно приближался к марксизму,—он все же в течение продолжительного времени не думал о разрыве с народничеством, он стремился не противопоставить марксизм народничеству, а пропитать народничество марксизмом. Это обстоятельство необходимо усвоить, раз говоришь о Плеханове периода 1880—1882 г. г. Поскольку перед Плехановым выявлялись слабые места народничества, поскольку он вскрывал его анархо-бунтарские построения, постольку он стремился изжить народнические предрассудки в пределах самого же народничества. Народничество должно было, по его мысли, быть оздоровленным извнутри, а не побежденным извне. Народничество, отбросив славянофильские пережитки, должно стать под флаг научного социализма. Политическая ситуация, сложившаяся в России к началу 80-х годов, особенно обстановка, создавшаяся после убийства Александра II-го, обусловила полную возможность вос-

соединения «Народной воли» и «Черного Передела» в единую народническую партию. В своем письме в редакцию «Ч. П.», датированном январем 1881 г. и помещенном в № 3 журнала, Плеханов определенно говорил о самоликвидации «Черного Передела» при признании народовольцами определенных принципов, диктуемых революционной партии научным социализмом. „При общем признании такой постановки вопроса, существующее ныне разделение между русскими социалистами лишается своего основания, и «Ч. П.», как орган одной из фракций, уступит место органу слившейся в одно целое социалистической партии.*)

Процесс сближения чернопередельцев с народовольцами стихийно начался с весны 1881 г., когда Стефанович и еще некоторые чернопередельцы присоединились к „Народной Воле". Что касается Плеханова, то, как мы уже говорили, он также был принципиальным сторонником сближения с «Народной Волей». Однако, он считал, что сближение это должно быть результатом обоюдного соглашения на базе признания основных положений научного социализма. Вот почему его «не радовала» позиция Стефановича и Дейча, желавших добиться сближения с народовольцами любой ценой,—в письме к Лаврову от 31-го октября 1881 г. он зло определяет эту позицию словами—„Соединимся во что бы ни стало, хотя и поторгуемся сколько возможно". Плеханов считал, что жизнь одинаково вынуждает обе стороны к соглашению и что противящиеся этому будут, раньше или позже, сломлены в своем упорстве. «История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней».

С весны 1882 г., когда Исполнительный Комитет „Народной Воли" обратился к чернопередельцам с соответствующим письмом, началось и организационное сближение „Черного Передела" с „Народной Волей". **) А когда вскоре зашла речь об издании «Нар. Волей»

---

*) Сочинения, т I. стр. 136.

**) Чрезвычайно интересные подробности, относящиеся к эпизоду с этим письмом и с тем, как реагировали на него Плеханов и его друзья, читатель найдет в статье тов. Л. Г. Дейча «О сближении и разрыве с народовольцами». (Пролет. Рев. 1923. № 8).

печатного органа, то одним из трех редакторов был намечен Плеханов. Человек чрезвычайной дисциплинированности, Г. В. счел необходимым поставить вопрос о своем участии в «Вестнике Народной Воли» в зависимость от решения своих товарищей. Однако, он не питал слишком оптимистических взглядов насчет своего сотрудничества с народовольцами. Как мы уже указывали выше, для Плеханова деятельность в рядах „Народной Воли“ была ценной постольку, поскольку он надеялся на п е р е р о ж д е н и е революционного народничества, на приобщение его к марксизму. Эту иллюзию „оздоровить“ народничество извнутри питал не один Плеханов, но и его ближайшие друзья. „Народовольцы“—так думал, напр., Л. Г. Дейч—„волей-неволей, вопреки собственному желанию, под влиянием заграничного своего журнала, начнут постепенно поддаваться проповеди марксистских вглядов, которые Плеханов будет проводить в своих статьях. Таким образом, со временем, расплывчатая, утопическая и эклектическая программа народовольцев заменится другой, построенной на основах научного социализма“. *) «Мы надеялись и надеемся»—писал Плеханов в одном из своих писем к Лаврову—«мирным путем повернуть с народовольчества на надлежащую дорогу». Дорога, на которую уже бесповоротно ступил к тому времени Плеханов, была очень определенна. «Я готов сделать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «В. Н. В»,—заявлял он в том-же письме. Руководящее же ядро «Народной Воли» было далеко от той эволюции, на которую надеялся Плеханов, полагавший, что чернопередельцы, вступив в «Народную Волю», рассосутся в общей организации. Это стало ясным с того момента, как руководители „Народной Воли“ воспротивились к о л л е к т и в н о м у вступлению чернопередельцев в «Н. В.», заявив, что может иметь место лишь их персональный прием в организацию. Против такой постановки вопроса Плеханов резко запротестовал: «С самого начала наших переговоров», заявил он Лаврову, «мы не представляли себе, что соединение может произойти иначе, как в виде слияния двух групп,

*) Л. Г Дейч. О сближении и разрыве с народовольцами. Пролетарская революция. 1923. № 8.

сближенных временем и ходом событий... Разбиться на атомы, чтобы быть ассимилированными организацией «Н. В.» мы не считали и не считаем возможным». За одним последовал другой casus belli. Для первого номера «Вестника Нар. Воли». Плехановым предназначалась статья «Социализм и политическая борьба». То была — первая марксистская разведка в самом же народническом лагере, первая попытка, предпринятая Плехановым в осуществление его новой тактики—оздоровить народничество извнутри. Но эта попытка сразу же наткнулась на сопротивление. Лев Тихомиров снабдил статью примечанием, оспаривавшим основные мысли Плеханова. Последний пожелал в свою очередь ответить оппоненту, на что редакция „В. Н. В." не согласилась—это обстоятельство и послужило поводом к окончательному разрыву.*)—Плеханов взял свою статью обратно и вскоре она была выпущена как первое издание новой революционной группы—„Освобождение Труда", открыто ставшей под знамя марксизма. В состав группы при ее основании вошло 5 человек: Георгий Валентинович Плеханов, Павел Борисович Аксельрод, Вера Ивановна Засулич, Лев Григорьевич Дейч и Василий Николаевич Игнатов. 25-го сентября 1883 года в Женеве было опубликовано составленное Плехановым об'явление об издание «Библиотеки Современного Социализма», в котором, между прочим, говорилось:

— Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально—политической программой, бывшие члены группы «Ч. П.» образуют ныне новую группу—«Освобождение Труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями.**)

Что касается самого Плеханова, то с анархическими тенденциями он давно и решительно разорвал. Уж тогда, когда он редактировал русское издание

---

*) В качестве одного из сыгравших решительную роль поводов к разрыву следует указать и на инцидент с задержанием Тихомировым и Ошаниной письма Стефановича к Дейчу, что повело к открытому скандалу. (См. об этом подробно в статье Дейча „О сближении и разрыве с народовольцами. Пролетарская революция. 1923 г. № 8).

**) Сочинения т. II, стр. 22.

„Коммунистического манифеста“ (начало 1882 г.), Г. В. был тем, кого немцы называют „ein geschulter Marxist“. Выпуская в новом переводе „Манифест Коммунистической Партии“, Плеханов писал в своем предисловии:

— „Манифест“ может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии—с другой: люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», и, что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит, косвенным образом, его поддерживать. С другой стороны, „Манифест“ показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от об‘единения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.*)

II.

Как мы уже указывали, первой серьезной попыткой, предпринятой Плехановым с целью подвергнуть публичной критике основные положения народничества, явилась статья „Социализм и политическая борьба“.

Написанная еще до его разрыва с „Народной Волей“, она подвергала в осторожной по внешности и глубокой по своему содержанию форме основные положения народничества, старалась направить народническую мысль по руслу марксизма. Мучителен был для молодого революционера разрыв с традициями, которые были освящены героизмом освободительной борьбы и личным уважением к учителям—вождям. Читая „Социализм и политическую борьбу“, чувствуешь, как осторожно порывал Плеханов с народничеством. Но в

*) Предисловие к русскому изданию „Манифеста Коммунистической Партии“. Сочинения Т. I. Стр. 151.

то же время четко и ясно намечал Г. В. линию своего расхождения с недавними единомышленниками... «Стремление работать в народе и для народа», писал Плеханов в предисловии к своей брошюре, «уверенность в том, что „освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса“—эта практическая тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему. Теоретические же его положения, действительно, кажутся мне ошибочными во многих отношениях»*) Плеханов заявлял о том, что стихийные народные бунты не могут привести Россию к социализму, что необходимо создание в ней сильной и хорошо организованной рабочей социалистической партии, что теория русской самобытности обозначает застой и реакцию. „Жизнь требует внимательного пересмотра всего нашего умственного багажа“, заявлял Плеханов. Этому требованию жизни он и подчинялся, хотя такой пересмотр обозначал разрыв с единомышленниками....

В первой части своей работы Плеханов изложил основные положения научного социализма, во второй—он дал ответ на вопрос, стоявший к тому времени пред русскими социалистами—об отношении между „экономикой“ и „политикой“, намечал программу революционного действия. И та и другая части обнаруживали в молодом Плеханове человека большого революционного чувства, марксиста, умело владевшего диалектическим методом исследования, внимательного наблюдателя русской общественной жизни, прилагавшего к ней западно-европейское историческое мерило...

Автор „Социализма и политической борьбы“ подверг одинаково-жестокой критике отношение к политическому вопросу обоих фракций русского социализма того времени: бунтарей-бакунистов и народовольцев с их заговорщицкими наклонностями.

Для бунтарей всякое участие в политической жизни современного государства являлось, как и для их европейских собратьев-анархистов, гибельной сделкой с „демоном буржуазного государства“. Твердо веря в антигосударственные инстинкты русского народа, до-

*) Социализм и политическая борьба. Сочинения. Т. II. Стр. 27.

казанные всей его историей, бунтари фанатически отвергали всякое „политиканство“. Вся программа нашего бунтарства сводилась, по словам Плеханова, к следующим немногим словам. Поможем народу в его антигосударственной борьбе, сольем в один революционный поток его разрозненные усилия—и тогда неуклюжее здание государства разлетится в прах, открывая своим падением новую эру социальной свободы и экономического равенства.

Народовольцы, наоборот, отнюдь не отрицали политики, но сводили ее целиком к заговору с целью захвата государственной власти.

Плеханов выяснял, в каких жестоких противоречиях запутались эти бланкисты с их „узкой и безнадежной философией русской истории“, которая в своем логическом завершении должна была приводить к признанию экономической отсталости России союзником революции. Единственный путь, по которому русские социалисты могут выбраться из того тупого переулка в который они попали, это путь, указуемый марксизмом, Ближайшее знакомство с литературой „марксизма“ покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя пролетариев всех стран...*) Обличая непоследовательность русских революционеров, Плеханов заявлял:

— Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты,—народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрашивать старуху—историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые более прямые и торные пути...**) Осмыслить исторический процесс значит понять, что нет такой партии, которая могла бы остановить рост производительных сил, которая могла бы приказать капитализму „не шевелиться“.

---

*) Там же, стр. 71.

**) Социализм и политическая борьба. Сочинения, т. II, стр. 38.

„Революционизируя“ головы своих недавних единомышленников, Плеханов призывал их порвать с бунтарскими теориями, во власти которых они находились, и примкнуть к мощному движению „социальной демократии Запада“, овеянному благотворным влиянием марксова учения. Развивая пред русскими социалистами основные положения теории великого учителя пролетариев всех стран, Плеханов изобразил процесс постепенного созревания классового сознания рабочего класса, его движения по пути к „конечной цели“ и достижения этой цели в словах, сохраняющих глубокий, животрепещущий интерес вплоть до наших дней:

— Государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его (рабочего класса.—С. В.) притеснителям, крепость, которою можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но не возможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет... Лишь постепенно становятся они (рабочие.—С. В.) грозной силой, исключающей в умах противников всякую мысль о сопротивлении... Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. *)

Так развернул Плеханов чуждое дотоле русским социалистам представление о революции, как о последнем акте в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь поскольку она делается политической.

Полны захватывающего интереса и те страницы „Социализма и политической борьбы“, в которых Плеханов дал ответ на вопрос: „Что делать русским революционерам“? То был первый в истории русской социалистической мысли ответ, продиктованный трезвым учетом соотношения общественных сил, проникнутый точным представлением о российской политической действительности, свободный от самобытнических бунтар-

---

*) Там же стр. 58.

ских утопий... В статье Плеханова русский социализм впервые отправным пунктом для построения своей программы взял факт наличия в России капиталистического процесса. Зло и едко указывал Г. В. народникам, что этого процесса не остановят ни опасения революционеров, ни реакционные иеремиады; он звал их отказаться от выкраивания фантастических планов заговорщицкого захвата власти и понять, что „одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса".

В „Социализме и политической борьбе" Плеханов выступил отнюдь не противником захвата власти рабочим классом. Наоборот, он подчеркивал в своем выступлении, что „достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти". Для этого рабочий класс должен достигнуть определенной ступени развития и своего классового сознания. Классовое самосознание должно помочь русскому пролетариату в разрешении той сложной ответственной задачи, которую ставила пред ним жизнь: притягивать на свою сторону буржуазию, использовывать ее в своих интересах, поскольку она становится в оппозицию самодержавию, поскольку она готова бороться с деспотизмом, но в то же время вести с ней классовую борьбу.

Революционная партия должна помнить, что для создания нового социального строя недостаточно экспроприировать крупных землевладельцев и капиталистов. Для этого нужно реорганизовать самое производство, что возможно, конечно, лишь при определенных экономических отношениях в стране. «Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который бы делал эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны». Этого характера экономических отношений Плеханов не мог, конечно, увидеть в России восьмидесятых годов. Вот почему он и считал, что всякое революционное правительство, которое при-

дя к власти в результате заговора—восстания, попыталось бы насаждать в России социализм, неминуемо бы погибло. «Такое правительство должно было бы «не санкционировать», а «совершать экономический переворот», если его не снесет волной народного движения, если только оно встретит достаточно повиновения со стороны производителей... Но декретами не создашь условий, чуждых самому характеру современных экономических отношений"... *)

Таким образом Плеханов считал, что в условиях тех экономических отношений, которые господствовали в России того времени, „единственной не фантастическою целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России,— с другой..." Ограничивая деятельность революционеров этими узкими по сравнению с размашистыми планами бунтарей рамками, Плеханов отнюдь не предавался каким-либо иллюзиям. Он отлично понимал, что политическая свобода, борьбу за которую он об'являл первой задачей русских социалистов, не принесет рабочему классу России раскрепощения... Никогда не упуская из виду жестоких уроков, полученных пролетариатом в западно-европейских революциях, он понимал, что „требования народа и в конституционной России могут быть оставлены совсем без внимания или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиления его податной способности, ныне почти совершенно истощенной хищническим характером государственного хозяйства". Лишь только в России замаячит „красный призрак",—указывал Плеханов,—русская либеральная буржуазия, подобно своей западно-европейской сестре, будет искать спасения в об'ятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. (Через 35 лет после того как Плеханов писал это, отметим в скобках, Терещенки и Коноваловы братались с Корниловыми и Врангелями). Рабочий класс России может подобно своим французскому и германскому собратьям завоевать политическую свободу для либеральной буржуазии, но последней

*) Там же, стр. 79.

это не помешает, конечно, взять в скорпионы «исключительных положений» своего вчерашнего союзника, лишь в нем минует необходимость... Дабы избежать этого, социалистическая партия должна позаботиться об изменении фактического соотношения сил в пользу рабочего класса. Только опираясь на реальную силу, рабочий класс сможет защитить свои права. При этом надо строго разграничить моменты падения самодержавия и социалистической революции. «Вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества—*значит отдалять наступление того и другого*».

Заслуживает быть особо подчеркнутым то обстоятельство, что Плеханов, первый из русских социалистов установивший в России наличие капиталистического процесса и рассматривавший капитализм, как необходимый и потому положительный момент нашей истории, уж в то время—в начале восьмидесятых годов—был убежден в исторической дряблости и бессилии русской буржуазии. Вот почему он верил, что момент, отделяющий падение абсолютизма от перехода власти в руки рабочего класса, не будет длительным.

Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны, писал Плеханов, дают право надеяться, что *социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма* (Курсив наш.—С. В.), Если немецкая буржуазия „*пришла слишком поздно*“, то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным.

Наша великая революция, обнаружившая всю немощь русской буржуазии, блестяще оправдала предсказания Плеханова, сделанные им в рассматриваемой статье.

Брошюра „Социализм и политическая борьба“ обнаружила в ее авторе—молодом революционере такое глубокое понимание научного социализма, такой политический глазомер, которым далеко не обладали его старшие товарищи по революционной борьбе... Высказанные Плехановым взгляды так опрокидывали при-

вычные представления о русском революционном процессе, они были в такой степени направлены против установившегося течения народнической мысли, что вполне понятными являются те возражения, недоумение и даже враждебность, которые они вызвали.

Брошюра Плеханова была встречена негодующей критикой в среде народников. Против нее выступили наиболее видные вожди народничества того времени и соредакторы „Вестника Народной Воли"—Лев Тихомиров и П. Л. Лавров. Г. В. обвиняли в том, что он внес дезорганизацию и разброд в среду революционеров, что он не обнаружил должного уважения к героическому прошлому „Народной Воли".

„Одни прямо, другие косвенно, намеками и полунамеками, избегая наносить нам „прямые удары", не называя наших имен, но употребляя наши выражения и истолковывая вкривь и вкось наши мысли,—изображали нас сухими книжниками, доктринерами, готовыми пожертвовать счастьем и благосостоянием народа в интересах стройности и гармоничности своих, высиженных в кабинете теорий". *)

В ответ последовали „Наши разногласия"—произведение, которое, наряду с «Социализмом и политической борьбой», может быть отнесено к лучшим страницам русской социалистической литературы. Между этими двумя работами можно, однако, отметить известную разницу. «Социализм и политическая борьба» была написана до оффициального разрыва Плеханова с народничеством. «Наши разногласия»--п о с л е этого разрыла. Первое из этих произведений пыталось бережливо указать «Народной Воле» ее слабые места, вносило поправки в народническую теорию, выпрямляло ее тактику, и всем тем подталкивало народническую интеллигенцию в сторону марксизма... «Нашими разногласиями» Плеханов подымал перчатку, брошенную ему из народнического лагеря и опубликовывал свое произведение, как манифест тех русских революционеров, которые, перейдя на новый берег, развернули там марксово знамя...

Правда, Плеханов предпослал своей брошюре письмо—обращение к П. Л. Лаврову, в котором он послед-

*) Наши разногласия. Сочинения, т. II, стр. 108.

ний раз делал попытку найти общий язык с народовольцами. Г. В. указывал своему другу и учителю, что социализм, защитником которого является Лавров, носит за спиной длинную бакунистскую косу. Плеханов звал Лаврова и его единомышленников сорвать с себя лохмотья революционной метафизики и стать на почву марксизма, являющегося единственной и подлинной алгеброй революции, лучшим методом изучения общественного процесса. В последний раз пытался Г. В. своим письмом навести мост, по которому народовольцы могли бы перейти на марксистский берег. „Мы думаем,—писал он,—что партия Народной Воли о б я з а н а стать марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором оно находится в настоящее время... Только здоровая атмосфера марксизма может помочь Народной Воле закончить так блистательно начатое ею дело“... *)

Плеханов своим письмом давал понять народовольцам, что молодая и немногочисленная группа пионеров русского марксизма готова итти бок-о-бок с ними, если только они решительно приобщатся к научному социализму: „... и если мы протягиваем ей (Народной Воле —С. В.) только одну руку для примирения, то это происходит потому, что другой рукой мы указываем ей на теории современного научного социализма со словами—с и м п о б е д и ш и“. **) Но так говоря, Плеханов отлично понимал, что скорее протянутая народовольцам рука повиснет в воздухе, нежели рука, указующая на марксизм, будет замечена. Потому Г. В. и предупреждал Лаврова, что каков бы ни был отклик на его призыв, он и его единомышленники будут оставаться убежденными марксистами и будут стойко бороться за распространение своих убеждений.

„Наши разногласия“—блестящий политический памфлет, переплетающийся с ценным научным исследованием. В нем Плеханов развернул вширь и вглубь те же вопросы, которые были подняты в „Социализме и политической борьбе“. Должна ли Россия пройти через по-

*) Наши разногласия. Сочинения. Т. II., Стр. 105.

**) Там же, стр. 106.

лосу капитализма? Каково отношение русской сельской общины к первобытному коммунизму? В самом ли деле русский крестьянин „коммунист по инстинкту“, как твердили народники? Где тот народный слой, который должен явиться творцом русского революционного дела? и т. д., и т. д.

В работе Плеханова мы находим все эти вопросы поставленными в исторической плоскости и освещенными фактическими данными, почерпнутыми из русской экономической действительности.

Анализируя отношение к общине различных течений русской социалистической мысли,—Герцен, Чернышевский, Бакунин, Ткачев,—Плеханов приходил к выводу, что теоретическая постановка революционного вопроса к семидесятым годам не только не продвинулась вперед, но, наоборот, отодвинулась назад—к полуславянофильским воззрениям Герцена. При различном подходе к вопросу о революции все фракции русского социализма сходились на том, что они связывали момент раскрепощения народа с деятельностью интеллигенции, которой неизменно отводилась роль чудодейственной освободительницы народной массы. Эта самоуверенность интеллигенции, рассматривавшей себя, как соль земли русской и главный, если не единственный, носитель революционного обновления страны, причудливо сочеталась у социалистов 70-х годов с безграничной идеализацией народа. Это приводило к искажению исторической действительности и к вредным аберрациям. У крестьянства отыскивались признаки высоко развитого классового самосознания, в то время, когда там не было и слабого проявления такового. В результате—горькие и жесткие разочарования:

— Тяжелый опыт скоро показал нашим революционерам, что от жалоб на малоземелье бесконечно далеко до выработки определенного классового сознания и что от бунтов, происходивших 100 и 200 лет тому назад, нельзя умозаключать о готовности народа восстать в настоящее время. История нашего революционного движения семидесятых годов была историей разочарований в «программах», казавшихся самыми практичными и безошибочными.*)

*) Там же стр. 133.

Вместо того, однако, чтобы мужественно выбраться из той трясины, в которую попала русская социалистическая мысль, народничество продолжает топтаться на старом месте, жалко цепляясь за обанкротившиеся доктрины, встречая брюзжанием и злобными нападками всякую смелую попытку перейти от славянофильских утопий к научному социализму. Неспособное постичь динамику русской общественной жизни, рассматривающее действительность как какую-то неподвижную картину, оно устами Льва Тихомирова проповедует „помолодевший ткачевизм" и предает анафеме первых русских марксистов.

Что же может решить спор народовольцев с пионерами марксизма? Лишь анализ российской экономической действительности.

Плеханов не мог, конечно, ограничиться тем, чтобы показать наличие в России капитализма. Ему предстояла еще одна задача — доказать, что капитализм *неизбежная и положительная* ступень в развитии народного хозяйства. Обратившись к западноевропейской экономике, почерпнув из нее большой фактический материал, развернув его пред читателем, Плеханов разрешил и эту вторую задачу не менее исчерпывающе, чем первую.

Вывод, к которому приходил Г. В., в результате своих наблюдений над капиталистическим процессом России и Запада, гласил:

— *За капитализм* вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь определяют направление и скорость его движения. *Против капитализма* лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая по временам так больно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой земледельческой страны.

В таком случае пред русским социализмом возникал вопрос о том, что же делать ему, что делать русским социалистам, так фанатически веровавшим в самобытность русской истории, в своеобразие русской революции.

Плеханов звал русских социалистов отбросить в

сторону трусливые фантазии мелкого мещанства, распроститься с доморощенным якобинством, оставить свои шатания между анархизмом Бакунина и бланкизмом Ткачева, слиться с рабочим классом...

Он провозглашал, что:

Коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры.

По внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров—класс, освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий.

Русское революционное движение должно неразрывно связаться с пролетарскими массами. Вне пролетариата русская социалистическая партия—мертва. Эту мысль Плеханов утверждал со спокойной твердостью урожденного марксиста и с благородным энтузиазмом идеолога новой социальной силы, только вступающей на историческую арену. Он требовал от социалистической интеллигенции, чтобы она указала пролетариату его собственное рабочее знамя, чтобы она помогла ему выдвинуть из своей среды собственных вождей, чтобы она выяснила ему связь, неразрывно существующую между его политическими правами и экономическим положением. «Способствуя образованию рабочей партии, наши революционеры будут делать самое плодотворное, самое важное дело, какое только можно указать „передовому человеку" современной России. Одна лишь рабочая партия способна разрешить все те противоречия, которые осуждают теперь нашу интеллигенцию на теоретическое и практическое бессилие». *)

Одновременно же Плеханов обращался к рабочим массам страны и звал их:

---

*) Там же, стр. 346-7.

— „Возвышение уровня вашего материального благосостояния возможно лишь при решительном вмешательстве со стороны государства... Но не всякое государство возьмет на себя роль вашего союзника. Государство будет всецело на вашей стороне лишь тогда, когда оно всецело будет вашим, рабочим государством... А пока эта цель не достигнута, вы должны заставлять делать вам уступки даже враждебное вам государство. Не забывайте при том, что уступки эти будут тем решительнее, чем решительнее вы будете их требовать, чем сильнее будет ваша партия. Создавайте же такую партию, сплачивайтесь в одну грозную и дисциплинированную силу... У вас есть только два выхода из вашего современного положения: или борьба или полное подчинение капиталу. Я зову с собою тех, которые хотят бороться!».*)

Так действуя, Плеханов был уверен, что он не идет против истории, но и не отстает от нее ни на иоту, борясь за решение той задачи, которая поставлена на очередь всем ходом исторического развития страны и которая может быть учтена с математической точностью.

В создании рабочей партии Плеханов видел вернейшее и единственное средство к разрешению экономических и политических противоречий российской действительности. Столбовая дорога революции принадлежит рабочему классу. Лишь при его активности террористическая борьба с режимом принесет свои плоды: „Помимо рабочих, нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить и добить раненое террористами политическое чудовище". Лишь рабочие смогут связать социалистическую интеллигенцию с крестьянством. Лишь через них социалистическая пропаганда проникнет в бесчисленные уголки великой деревенской страны. Лишь путем организации социально-революционных сил города, утверждал Плеханов, можно вовлечь деревню в русло всемирно-исторического движения. Одно из тех многочисленных предсказаний Плеханова, которые нашли свое блестящее подтверждение в действительности наших дней!...

*) Там же, стр. 335.

„Наши разногласия“ звали русских социалистов „поддерживать капитализм в его борьбе с реакцией и быть непримиримыми врагами того же капитализма в борьбе его с рабочей революцией будущего“. Плеханов, однако, подчеркивал, что эта революция не за горами. Верный той мысли, которую он высказал в „Социализме и политической борьбе“ касательно немочи русской буржуазии, Г. В. утверждал в „Наших разногласиях“, что наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвесть.

В одной из заключительных глав «Наших разногласий» Плеханов, обращаясь к народникам говорил:

— Мы различаемся с вами в том, что между тем, как развитие современных экономических отношений все более и более удаляет вас от ваших общинных идеалов, наши коммунистические идеалы все более и более приближаются к нам, благодаря тому же самому развитию. Вы напоминаете человека, который отправляясь на север, попал в поезд, везущий его на юг; мы же знаем свою дорогу и садимся в тот исторический поезд, который на всех парах везет нас к нашей цели.

Самобытнически-бунтарская логика народников, уязвленная уже „Социализмом и политической борьбой“, вполне естественно, жестоко возмутилась вторым выступлением глашатая русского марксизма, резко высказавшим столько еретических, с их точки зрения, мыслей.

Марксистская диалектика Плеханова была об‘явлена чуть ли не сделкой с дельцами русского капитала. В сознании народников Плеханов выступил как изменник делу революции. Народнические литераторы обвиняли его в невольной игре на руку царизму. «Один из народовольцев», вспоминал впоследствии Г. В, «признался мне года три спустя после выхода моей книги, что, прочитав ее, он принял меня за человека, продавшегося царскому правительству» .. Книга Плеханова вызвала такое озлобление в среде народнической молодежи, что были случаи, когда ее сжигали в сектантски настроенных народнических кружках.*)

---

*) Тов. Д. Б. Рязанов считает рассказ об этом исторической легендой, однако об этом факте свидетельствуют такие авторитеты, как Л. И. Аксельрод-Ортодокс.

Однако, буря возмущения, которую Плеханов вызвал „Нашими разногласиями“, не в состоянии, конечно, была исказить того великого исторического значения, которое имело его выступление.

Благодаря „Нашим разногласиям“, русский социализм стал выше на целую голову: дотоле самобытнический и бунтарский, он приобщался работой Плеханова к революционному марксизму.

Если о Плеханове утверждают, что он открыл русский рабочий класс, то в значительной степени он это сделал „Нашими разногласиями“.

Роль, сыгранная этим замечательным произведением в развитии русского социализма, огромна. Не будет преувеличением сказать, что для р у с с к о г о революционного движения «Наши разногласия» имели такое же значение, как «Коммунистический манифест» для м и р о в о г о.

При всем том, написанные почти сорок лет тому назад, на заре революционного движения, многие страницы «Наших разногласий» сохранили политическую свежесть вплоть до наших дней—эпохи Великой революции.

«Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» были первой схваткой русского марксизма с народничеством. В начавшейся долголетней борьбе этих двух направлений русского социализма за марксизмом были: сила научной мысли, трезвый учет фактического отношения сил, неуязвимая революционная логика; за народничеством: власть традиции, ореол героической борьбы с деспотизмом, овеянной мученичеством павших борцов. Плеханов оставался неизменным вождем марксизма в его столь не легкой борьбе с народническим социализмом. До середины девяностых годов, когда в помощь группе „Освобождение труда“ пришла из России первая марксистская смена, эта группа несла на себе всю тяжесть борьбы; мозгом же и душой группы был Георгий Валентинович.

III.

Тяжела и сугубо ответственна была задача, павшая на долю первых русских марксистов, этих нескольких работников первого часа, выкинувших в н е России,

но д л я России знамя научного социализма. Их было так немного, что еще через пять лет после их первого выступления остряки указывали, что все русские марксисты могут поместиться на одном диване... Вспоминая об этим времени, Г. В. впоследствии говорил:

— Нас была небольшая кучка, над нами смеялись, нас называли утопистами, но я скажу словами Лассаля: нас было очень мало, но мы так хорошо рычали, что все думали, что нас очень много...*) В течение почти всего первого десятилетия своей деятельности группе „Освобождение труда" не удавалось наладить постоянной и действенной связи с рабочими массами России.

В стране свирепствовала жесточайшая реакция, выкорчевывавшая всякие остатки так называемых либеральных реформ предыдущего царствования. Промышленный под'ем, сменивший кризис начала восьмидесятых годов, не способствовал обострению классового сознания рабочего класса. Интеллигенция в подавляющем большинстве погрязла в тине „малых дел", проповедь „непротивления злу" находила благодарную почву в общественных условиях эпохи. Сохранившие верность революции и не уловленные полицейскими сетями одиночки встретили социал-демократические лозунги Плеханова и его единомышленников по меньшей мере недружелюбно: группе „Освобождение труда" бросали в лицо, что она сеет рознь в социалистическом лагере в момент беспросветной реакции, требующей единения всех живых сил революции. Первая же попытка снабдить русских рабочих марксистской литературой, предпринятая группой, разбилась об арест ныне здравствующего ее члена, Льва Григорьевича Дейча, расплатившегося за свою попытку доставить литературу приговором к тринадцати годам каторжных работ. Препятствия, оказавшиеся на пути группы „Освобождение труда", казалось, были непреодолимы. Но тем энергичнее старалась группа привлечь под знамя марксизма революционную интеллигенцию, внедрить в ее сознание ту мысль, что главным носителем революционного процесса в России должен и может быть только рабочий класс...

---

*) Из речи на заседании Петроградск. Совета 13 апреля 1917 г.

„Социализмом и политической борьбой", „Нашими разногласиями" Плеханов обосновал точку зрения пионеров русского марксизма на главнейшие вопросы русской общественной жизни и на вытекающие отсюда задачи революционной партии. Осветив с марксистской точки зрения основные политические проблемы современности, Плеханов наметил, так сказать, то русло, по которому должна течь русская социалистическая мысль. Он отлично понимал, что эти вопросы должны быть не только марксистски освещены, но что их надлежит еще конкретизировать, привести их к тактическому знаменателю. „Ни я, ни мои товарищи",—говорил Плеханов, в своем письме к Лаврову, предпосланном „Нашим разногласиям",—„не имеем пока окончательно выработанной... программы. Мы только указываем нашим товарищам н а п р а в л е н и е, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов"... Однако Плеханов чувствовал, что интересы движения требуют от него не только теоретически обоснованной декларации, но и практических указаний, переведенных в программную плоскость. В результате этого сознания Георгий Валентинович и опубликовал вскоре после выхода „Наших разногласий", „Программу социал-демократической группы „Освобождение труда".

Программа в качестве предпосылки имеет в виду исключительную затруднительность правильной социал-демократической тактики в таких странах, как Россия, где „приходится одновременно организовывать рабочий класс для борьбы с буржуазией и вести войну против вредных—как для развития рабочего класса, так и для благосостояния всего народа—остатков старых, до-буржуазных отношений".

Практические достижения, борьба за которые должна стать ближайшей задачей российской социал-демократии, сводились программой к следующему:

В п л о с к о с т и п о л и т и ч е с к о й: 1) право быть избирателем и избираемым, как в законодательное собрание, так и провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом позорные действия к потере политической правоспособности, 2) определенную законом денежную плату на-

родным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения, 3) неприкосновенность личности и жилища граждан, 4) неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций, 5) свободу передвижений и занятий, 6) полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения, 7) замену постоянного войска всеобщим вооружением народа, 8) пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

В плоскости экономической: 1) радикальный пересмотр аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ... 2) устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога, 3) законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей инспекции с представительством от рабочих, 4) государственная помощь производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности.

Кроме того, программа высказывалась за устранение системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством. По вопросу о терроре программа заявляла, что группа „Освобождение труда" „признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией „Народной Воли" лишь по вопросам так называемого захвата власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса".

Не стоит, конечно, труда заметить, что программа уязвима даже не для особенно придирчивой марксистской критики в целом ряде пунктов. Меньше всего обманывался на этот счет сам автор программы. Он смотрел не нее далеко не как на безупречный и окончательно фиксированный документ, а лишь как на материал для дискуссии. „Предлагаемая нами на суд товарищей программа", — говорилось в примечании к

ней,—„отнюдь не рассматривается нами, как нечто совершенно законченное, не подлежащее никаким частным изменениям и дополнениям. Напротив, мы готовы ввести в нее всякие поправки“...

Такие пункты программы, как требование прямого народного законодательства, как признание необходимости террористической борьбы, были, конечно, далеки от марксизма. Этими пунктами Плеханов отчасти отдавал еще последнюю дань народнической идеологии, отчасти сознательно прибегал к оппортунизму, приспособляясь к народнической традиции и тем самым делая программу более приемлемой для современных революционеров.

Об этом Г. В. впоследствии сам говорил. „Ей“,—писал Плеханов о группе „Освобождение труда“—„невозможно было не считаться с народническими симпатиями, скажем откровеннее, предрассудками тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально единственной русской социал-демократической группой, а число возможных русских социал-демократов казалось очень большим, т. к. все старые революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах группа поневоле должна была потребовать, по-крайней мере, быть осторожной, мягкой и уступчивой“...*)

Когда через три года после первого—в 1887 году—Плехановым был составлен „второй проект программы русских социал-демократов“, проект был, так сказать, марксистски выпрямлен и в него была внесена большая ясность. Пункт о терроре был формулирован таким образом, что социал-демократические организации „не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы“. Была внесена четкость и в то место, которое трактовало о переходе в руки рабочего класса политической власти: „...так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих... и так как высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений,—то неиз-

---

*) „Проект программы РСДРП“.

бежным предварительным его условием, является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.*)

Пролетарий—творец русской революции. Эта четко и ясно провозглашенная Плехановым в его первых произведениях мысль была в глазах народников величайшей ересью, граничащей с абсурдом.

В свое время, когда родоначальник научного социализма Карл Маркс заявил, что рабочий класс принесет освобождение человечеству, то один из его противников сказал: „Этот чудак ожидает каких-то чудес, которые совершат „полтора подмастерья"... Так же были приняты большинством революционной интеллигенции и слова Плеханова касательно русского пролетариата. В то время, когда интеллигенты—народники корчили презрительные гримасы по адресу „полутора подмастерьев", Плеханов уже расслышал топот приближающихся рабочих баталионов.

„Творцом новых социальных форм может быть класс общества, связанный с существующим положительными, а не отрицательными нитями; класс, играющий в нем известную самостоятельную роль—класс феодалов, буржуазии, крестьянства, но не класс наемников—пролетариев". Так заявляло народничество устами одного из своих идеологов—В. В.

„Пролетариат—самая мощная из создаваемых историей новых общественных сил. Пролетариат—это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское сомодержавие". Так отвечал народникам Плеханов.

А когда народники делали марксистам вынужденную уступку и, нехотя соглашаясь с их доводами, признавали, что рабочий класс, действительно, важный фактор революции, Плеханов едко поправлял их: „Вы полагаете, что рабочие важны для революции, ну а мы считаем, что революция важна для рабочих".

---

*) Сочинения, т. II, стр. 401.

Провозвестник великой, но в свое время такой чуждой русским революционерам идеи гегемонии пролетариата, Плеханов заявлял:

— Если адвокат может представлять своего клиента на суде, то никакой Комитет — Исполнительный, Распорядительный, или как бы его там ни называли,— не может представлять рабочего класса в истории,... освобождение этого класса должно быть его собственным делом и... для совершения этого дела ему нужно приобрести политическое воспитание, понять и усвоить идеи социализма.*)

Социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Но, конечно, рабочие не должны замыкаться исключительно в своем собственном кругу. Такая исключительность принесла бы их делу неисчислимый вред. В своем письме к петербургским рабочим кружкам, напечатанном в 1885 году в журнале „Рабочий"—органе социал-демократической группы, возглавлявшейся Благоевым,—Плеханов указывал, что с.-д. партия должна быть рабочей, поскольку революционная интеллигенция должна итти с рабочими..., а крестьянство должно итти за ними.

В том же письме Плеханов указывал рабочим на две основные задачи, стоящие пред ними,—во первых, завоевать политическую свободу;—во вторых, бороться ради своего освобождения от экономической эксплоатации. Чем же могут быть решены эти основные задачи, стоящие перед российским пролетариатом. Плеханов указывал, что они могут быть разрешены только силой.

— Современное правительство не даст вам добровольно политических прав; землевладельцы, фабриканты, заводчики, банкиры, словом те, в руках которых скопляются теперь богатсва, не откажутся добровольно от этих богатств и не передадут их добровольно в ваше распоряжение. Между тем вам необходимо как то, так и другое. Вам остается поэтому припомнить, что народное благо есть высший закон, и во имя этого блага силой заставить ваших врагов

*) Наши разногласия. Сочинения, т. II, стр. 166.

сделать то, к чему вы не склоните их никакими просьбами, никакими увещаниями.

Непрестанно возвращаясь к мысли о гегемонии пролетариата в российской революции, доказывая ее в целом ряде работ, Г. В. сделал на Парижском Международном Конгрессе 1889 года свое, ставшее историческим заявление:

— Революционное движение в России восторжествует как движение рабочего класса или оно никогда не восторжествует...

Это положение, однако, долгое время встречалось с недоверием в среде западно-европейских социалистов, а в рядах русских социалистов—с усмешкой.

Нужны были долгие годы, в течение которых капитализм пустил корни в толщу русской хозяйственной жизни, расслоил деревню, создал кадры крупной промышленной и финансовой буржуазии, призвал к себе на службу миллионы пролетариев, для того, чтобы можно было воочию убедиться в правоте Плеханова. Уж к середине восьмидесятых годов в Петербурге зарождается социал-демократическая группа, т. н. Благоевская, тесно связывающаяся с рабочей массой и выпускающая газету „Рабочий", участие в которой принимал и Плеханов. Быстро растущий капитализм рекрутирует для обслуживания своих нужд все большее и большее число наемных рабочих. Революционная пропаганда бросает в их среду первые семена классового самосознания, ставит наиболее сознательные элементы под марксово знамя. К началу девяностых годов в крупных промышленных центрах создаются уж социал-демократические рабочие ячейки, а в 1896 году разыгрывается всеобщая стачка питерских ткачей и прядильщиков, ставшая переломным пунктом в истории русского рабочего движения. Жизнь начала оправдывать одно за другим положения, выдвигавшиеся основоположником русского марксизма, в свое время казавшиеся такими смелыми и безосновательными.

К концу девяностых годов в России нарождается мощное социал-демократическое течение, приведшее к образованию в 1898 году Российской Социал-Демократической Рабочей партии. Революционное движение в России начало торжествовать, как дело рабочего класса...

Вернувшись после революции в Россию, Плеханов имел право сказать:

— Моя вера в русский пролетариат оказалась не утопией. а действительностью. Каждый раз, когда мне говорили об утопии, я отвечал своим противникам: наши идеалы, наша утопия,—это действительность завтрашнего дня. И вот этот завтрашний день стал нынешним днем.

4. Плеханов в российской социал-демократии.

На заре Р.С.Д.Р.П.—Борьба с экономизмом.—Второй с'езд. — Социал-демократические Гора и Жиронда.—Сближение с меньшевиками.—Спор о захвате власти.—Уход от меньшевиков.—Позиция на Об'единительном с'езде.—Борьба за поддержку Думы.—Лондонский с'езд.—„Да здравствует подполье“.—Итоги.

I.

В то время, когда российская социал-демократия переживала свой,—по известному выражению Ленина,—утробный период, Плеханов, как мы видели, был ее теоретическим знаменосцем и одним из практических руководителей.

Уже на первых порах своей жизни, в его младенческие годы, российское социал-демократическое движение перенесло серьезную болезнь „экономизма". То было в момент перелома российского рабочего движения от кружковщины к массовой организации. Движение переживало серьезный кризис; ясное понимание задач, стоящих перед российской социал-демократией, отсутствовало. По злому слову Плеханова, там где встречалось два русских социал-демократа, оказывалось три социал - демократических партий...

Буржуазные интеллигенты, которые в середине 90-х годов, под влиянием крушения народничества, валом повалили под знамя марксизма, чтобы вскоре от него отшатнуться и выступить с открытым забралом в роли либеральных идеологов буржуазии, попытались было направить социал-демократическое движение с первых же моментов по руслу оппортунизма.

„Экономизм", строго говоря, был русским отзвуком „бернштейнианства". Ревизионистское поветрие быстро перенеслось из германской социал-демократии в русскую. Здесь оно было приветливо встречено теми из „попутчиков", которые, естественно, должны были отойти от марксизма, лишь только жизнь потребовала, чтобы российская социал-демократия из пропагандиста рабочего движения превратилась в его прак-

тического руководителя на революционном пути. Ничего удивительного нет в том, что в такой критический момент со стороны некоторых элементов социал-демократической партии раздались слова, насквозь пропитанные идеями Бернштейна:

— Марксизм нетерпеливый, марксизм примитивный уступает место марксизму демократическому... Стремление партии к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении...

Проповедь отказа рабочего класса от широких задач политической борьбы и замены их экономической борьбой,—борьбой за непосредственное улучшение быта, за „пятак на рубль“, находила в рабочей среде резонанс, в значительной степени обусловленный промышленным под‘емом конца XIX века.

„Экономисты“ противопоставляли широкой, массовой политической организации „чисто-рабочее“ движение на почве непосредственной защиты классовых, точнее сказать, профессиональных интересов. В течение относительно небольшего промежутка времени „экономизм“ внедряется в большинство русских социал-демократических организаций и перебрасывается в эмиграцию, завоевывая себе большинство в заграничном „Союзе русских социал-демократов“. Плеханов нанес экономизму сокрушительный удар выпуском в 1899 году своего „Vademecum“—коллекции наиболее ярких документов „экономизма“, сопровожденных убийственными комментариями Г. В.*)

Печальной известности „Кредо“, наиболее полно отразившее взгляды „экономистов“ протягивало руку Эд. Бернштейну. Оно призывало к коренному изменению практической деятельности. „Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но главное, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетер-

*) Еще до выпуска „Vademecum'a“ из недр сибирской ссылки раздалось громкое слово протеста против „карикатуры на марксизм“, которую представлял собою „экономизм“. Протест исходил от В. И. Ленина и его ближайших товарищей.

пимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество, ее узко корпоративные, в большинстве случаев, сектантские задачи расширяются до задач общественных и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению и реформированию современного общества в демократическом направлении приспособительно к современному положению вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов".*)

Так, прикрываясь тяжеловесными квази-марксистскими фразами, отступал русский либерал, затесавшийся в марксистскую партию, на заранее приготовленные позиции:

„Не увлекаясь, приспособляясь,
„Тише вперед, рабочий народ".

Наряду с мелко-буржуазными авторами „Кредо" открыто начавшими отход от марксизма на либеральные позиции (Прокопович, Кускова и др.), „экономизм" имел и свою „левую". Эта „левая" группировавшаяся вокруг заграничного „Рабочего дела" всячески затушевывала свое родство с „экономистами", более того она отрицала даже самое наличие „экономизма", как самостоятельного течения в российской социал-демократии. Против этого левого крыла „экономизма" против р а б о ч е-д е л ь с к о й группы и направил Плеханов „Vademecum". Им, этим стыдливым союзникам экономизма, говорившим самой обыкновенной „экономической" прозой и в то же время уверенным, что они продолжают оставаться правоверными марксистами (Кричевский, Мартынов и др.), Плеханов поднес ряд документов, которые будучи собраны в одну коллекцию, должны были даже слепому показать, что экономизм—это не плод болезненной мнительности марксистской ортодоксии, а имеющее определенные социальные

*) Vademecum для редакции „Рабочего дела". Женева 1900 стр. 3.

корни, разлагающее революционно-марксистскую партию, грозное явление.

Уж тогда, когда „экономисты“ сделали свои первые вылазки, Плеханов почувствовал, что бернштейнианство и экономизм—одного поля ягоды. Суров был тот отпор, который встретили со стороны Плеханова при личном с ним столкновении Тахтарев и Акимов—Махновец—теоретики нового „практического“ уклона социал-демократии.

В „Vademecum'е“ Плеханов показал редакции „Рабочего дела“, каким жалким ублюдком является центральная идея „экономистов“ об агитации на экономической почве, в том виде как ее понимали Кускова, Тахтарев, Кричевский. Плеханов ни в малой степени не отрицал агитации на этой почве, но бичевал „тех агитаторов, которые не умеют воспользоваться экономическими столкновениями рабочих с предпринимателями для развития политического сознания производителей“. Экономисты восставали против „беспочвенной политической агитации“, они утверждали, что говорить рабочим о социализме—значит совершать „нелепость“; они уповали на самостоятельное, „самопроизвольное“ развитие сознания рабочего, а до тех пор ограничивали задачи социалистической партии агитацией за нужды дня, за улучшение быта, за р а б о ч е е д е л о. Они провозглашали лозунг „рабочий сам берется, наконец, за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей“,—тем самым идеологи экономизма ополчились против вождей начавшегося социал-демократического движения и пытались заставить его свернуть с марксистских на тред-юнионистские рельсы.

Плеханов в предисловии к Vademecm'у шутя вскрыл ту безнадежную путаницу понятий, которая легла в основу всех рассуждений Кусковой, Прокоповича и К° касательно „интереса“ рабочей массы, ее самосознания и т. д. Эти рассуждения обнаруживали, что их авторы мыслят насквозь идеалистически и что, переплетая свои идеалистические рассуждения с теми или иными марксистскими положениями, они лишь фальсифицируют марксизм. Как к таковым, т. е. как к ф а л ь с и ф и к а т о р а м м а р к с и з м а, Плеханов и отнесся к глашатаям экономического символа веры. Экономизм был в глазах Плеханова продуктом безнадежных внутренних про-

тиворечий, каким то роковым contradictio in adjecto. „Антиреволюционная социал-демократия“, говорил он, „также немыслима, как мокрый огонь и сухая вода“. Экономисты были для него социал-демократами, у которых не было ни социализма, ни демократизма.

Понятен тот суровый отпор, который встретил со стороны Плеханова этот русский ревизионизм, пытавшийся прикрыть свои оппортунистические склонности заявлениями о необходимости агитации на экономической почве. Г. В. установил, что „экономизм“—попытка предать забвению классовую борьбу, попытка сблизить пролетариат с буржуазией ценой отказа от революционной сущности марксизма и уклона в сторону жалкой цеховщины. Плеханов выступил поэтому горячим сторонником выключения „экономистов“ из российской социал-демократии. Так поступая, он, конечно, отнюдь не проявил сектантского фанатизма. Он лишь оставался верным той своей мысли, которую высказал в свое время относительно Бернштейна:

— Во взглядах г. Бернштейна остались теперь лишь слабые следы марксизма... А между тем он остается „товарищем“, и его не просят удалиться из партии. Говорят: „Как же исключить человека из партии за его взгляд. Это значило бы преследовать человека за ересь“. Люди, рассуждающие таким образом, забывают, что свобода мнений необходимо должна дополняться свободой взаимного сближения и расхождения, и что эта последняя свобода не существует там, где тот или другой предрассудок заставляет итти вслед таких людей, которым лучше разойтись, в виду различия их взглядов *).

Г. В. был всегда глубоко убежден в том, что, поскольку т а к т и ч е с к и е разногласия между различными группами одной партии переходят определенный предел, расхождение приобретает п р и н ц и п и а л ь н ы й характер. В таком случае становится неизбежным р а з р ы в.

Всю жизнь придерживаясь этого положения, Плеханов делал из него практические выводы не только по отношению к другим, но и по отношению к себе—

*) Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна. „Критика наших критиков“ Стр. 152.

тогда, когда он был в меньшинстве. „Я жид и с филистимлянами за один стол не сажусь“, любил повторять Г. В. слова Белинского...

Потому-то возглавляемая Г. В. группа «Освобождение труда» вышла из «Союза русских социал-демократов», когда последний принял платформу «экономистов». Столкновение между группой «Освобождение труда» и экономистами—рабочедельцами было в сущности прелюцией к той борьбе между революционным марксизмом и дряблым оппортунизмом, которая заполняет своим содержанием дальнейшую историю российской социал-демократии.

Это обстоятельство очень ярко проявилось уже на Парижском Конгрессе Интернационала (1900), на котором русская делегация разбилась на две группы: умеренную, примыкавшую к правому крылу Конгресса (рабочедельцы, бунд), и революционную во главе с Плехановым, присоединившуюся к левому крылу. То были первые авангардные стычки между социал-демократической Горой и социал-демократической Жирондой, нарождение которых было в это время уж пророчески предсказано Плехановым...

Борьба с „экономизмом“ заставила Плеханова снова обратиться к вопросу, который он семнадцатью годами раньше развернул в своей брошюре «Социализм и политическая борьба». Надо сказать, что Плеханов считал своим долгом в течение многих лет после выхода «Социализма и политической борьбы» напоминать русским социал-демократам мысли, изложенные в этом первом произведении русского марксизма. В своем недавно увидевшем свет письме в редакцию киевского с.-д. органа «Рабочая Газета» Г. В. писал в 1897 году: «Если я не ошибаюсь, в настоящее время наши русские товарищи не всегда помнят ту чрезвычайно важную мысль Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая... Это очень важный вопрос, дорогие товарищи! Его можно назвать вопросом из вопросов нашего революционнного движения». Редакция „Рабочей Газеты“ в свое время сочла напоминание Плеханова излишним и его письмо не было опубликовано *).

*) Оригинал этого письма находится в архиве П. Б. Аксельрода. Оно опубликовано в сборнике «Летопись революции». Берлин,

Вопрос о политических задачах русской социалистической партии, однако, благодаря «экономистам», вскоре превратился в Zeit' und Streitfrage. «Экономическое» направление извлекло из-под спуда вопросы, казалось, уж безоговорочно разрешенные жизнью, и Плеханову пришлось показать, каким образом могло оказаться, что старые народнические ошибки, беспощадно разоблаченные им много лет тому назад, повторяются и разогреваются некоторыми группами социал-демократов. Он это сделал статьею «Еще раз социализм и политическая борьба», напечатанной в № 1 «Зари» за 1900 год.

Плеханов считает, что первые уклоны наших социал-демократов в сторону „экономизма“ имели уже место в известной брошюре «Об агитации», написанной А. Кремером под редакцией Л. Мартова. Выступив на борьбу с кружковщиной и оказав ценные услуги делу массовой организации рабочих, авторы брошюры «Об агитации» в то же время допустили ряд ошибок, которые впоследствии были доведены до их логического завершения „экономистами“. Самая пагубная из этих ошибок — смешение понятий «класс» и «партия». Авторы брошюры «Об агитации» полагали, что социал-демократия до поры, до времени должна ограничивать свою деятельность среди рабочих лишь ролью руководительницы стихийно возникающих в рабочих массах экономических волнений, к политической же агитации среди рабочих можно приступить лишь тогда, когда рабочий класс пройдет уже определенные фазисы своего развития. Но рабочий класс ведь не однородное целое, он состоит из различных слоев и групп, каждая из которых находится на иной ступени развития. Если некоторые из этих групп уж прошли предварительные «фазисы», то другие еще далеки от этого. Как быть? „Все эти затруднения“—отвечает Плеханов,—„исчезают, как только мы вспоминаем, что иное дело весь рабочий класс, а иное дело социал-демократиче-

---

1923 год. Книга первая. Стр. 138—141. О нем упоминает также т. Эйдельман в статье «К истории возникновения РСДРП». Пролет. рев. 1921. № 1.

ская партия, представляющая собой лишь передовой—и в начале очень малочисленный,—отряд рабочего класса. Если рабочий класс данной страны, взятый в его целом (то есть точнее в большинстве своих членов), еще не созрел для перехода к политической борьбе, то из этого вовсе не следует, что «момент такой борьбы еще не настал для партии, задавшейся целью политического воспитания этого класса. Для партии момент политической борьбы наступает каждый раз, когда она встречает повод для политической агитации» *).

Поводом же для политической агитации может служить, по мнению Плеханова, всякое столкновение рабочего с предпринимателем, неизбежно приводящее и к столкновению рабочего с полицейским государством. Рабочие самой жизнью толкаются на путь политической борьбы с царизмом. Инициатива этой борьбы должна принадлежать никому иному, как социал-демократической рабочей партии.

Свою статью Плеханов заканчивал словами:

— Торжество «экономического» направления привело бы к политической эксплоатации русского рабочего класса демократической и либеральной буржуазией.

— Тактика, защищаемая мною в этой статье же неизбежно дала бы русской социал-демократии—этому передовому отряду русского рабочего класса,—политическую гегемонию в освободительной борьбе с самодержавием.

— Сколько застарелой близорукости нужно для того, чтобы поколебаться в выборе хотя бы на одну минуту**).

Но выбор к этому времени уж был сделан: к концу 1900 года, когда Плеханов опубликовал свою статью, волна „экономизма“ была уже на ущербе, а вскоре „экономизм“ стал событием вчерашнего дня...

II.

Если мы говорили выше, что столкновения ортодоксальных марксистов с „экономистами“ были первы-

*) «Еще раз социализм и политическая борьба». Изд. Пролетариат. СПБ. 1906. Стр. 90.

**) Там же стр. 111.

ми стычками социал-демократической Горы с социал-демократической Жирондой, то на Втором*) Лондонском с'езде РСДРП между этими двумя флангами российской социал-демократии развернулось уж настоящее сражение, выявившее принципиальные расхождения обоих фракций по наиболее важным вопросам организации, тактики и даже программы**).

Если Гора была представлена в Лондоне попрежнему революционными марксистами-ортодоксами, то Жиронда включал в себе уж далеко не одних представителей „экономизма", к тому времени окончательно разлагавшегося и образовавшего крайне правое крыло с'езда. Жиронда Второго С'езда представляла довольно пеструю группу, состоявшую из искровцев меньшинства, центра и анти-искровцев (рабочедельцы, бундовцы),—маленьких, средних и больших оппортунистов, по выражению Ленина. Плеханов на протяжении всего с'езда неизменно занимал крайнюю левую.

Знаменитая дискуссия о параграфе первом устава придала этому сравнительно маловажному вопросу большое принципиальное значение. В процессе дебатов воочию выявилось, что за спором о мартовской и ленинской редакциях параграфа первого таятся две противоположные тенденции***).

---

*) Точнее сказать не на втором, а на первом, ибо не в Минске, а в Лондоне, и не в 1898 г., а в 1903 г. фактически произошел учредительный с'езд Российской социал-демократической Рабочей партии.

**) Ленин в статье «Шаг вперед, два шага назад» так проводил грань между социал-демократической Горой и социал-демократической Жирондой; «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, толкующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист».

***) Напоминаем обе редакции;

1) Мартова. Членом Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций.

2) Ленина. Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию, как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций.

Одна из этих тенденций стремилась к созданию широкой партии, включающей в себя сочувствующие социал-демократическому движению элементы партии. Мы создаем, конечно, прежде всего организацию революционеров—заявляли сторонники этой тенденции,—«но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя и быть может не совсем активно примыкающих к этой партии» (П. Б. Аксельрод). „Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше", заявлял Л. Мартов,—«мы можем только радоваться если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет об'явить себя членом партии».

Другая тенденция была направлена к тому, чтобы партия, как авангард класса, представляла собою нечто хорошо организованное и крепко спаянное, включающее в себя лишь активных участников партии. Ленин считал, что эластичность мартовской формулы раскрывает двери для всех элементов разброда, шатанья и оппортунизма. „В атмосфере почти всеобщего политического недовольства"—говорил Ленин—„при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных районных кружках и даже частных свиданиях нам до последней степени трудно, почти невозможно, отграничить болтающих от работающих"...

Плеханов выступил убежденным сторонником того взгляда на организацию партии, который нашел свое отражение в формуле Ленина. В сжатой, сильной речи он провел четкую грань между позициями Мартова и Ленина, сделав определенные выводы из обоих позиций. Дискуссия, которая развернулась вокруг спорного параграфа, была сразу оценена Г. В., как чреватая самыми серьезными последствиями для дальнейшей судьбы партии. В своей речи по поводу редакции устава Плеханов говорил:

— По проекту Ленина, членом партии может считаться лишь человек, вошедший в ту или другую организацию; противники этого проекта утверждают, что этим создаются какие-то излишние трудности. Но в чем заключаются эти трудности? Говорилось о лицах, которые не захотят или не смогут вступить в одну

из наших организаций. Но почему н е с м о г у т? Как человек, сам участвовавший в русских революционных организациях, я скажу, что не допускаю существования об‘ективных условий, составляющих непреодолимое препятствие для такого вступления. А что касается тех господ, которые н е з а х о т я т, то их нам и не надо... Не понимаю я также, почему думают, что проект Ленина, будучи принят, закрыл бы двери нашей партии множеству рабочих. Рабочие, желающие вступить в партию, не побоятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в нее многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалить их от себя. Проект Ленина может служить оплотом против их вторжения в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма*).

Такую же т в е р д о с т ь, как в вопросе об уставе, Плеханов проявил при обсуждении других вопросов организации, тактики и программы, стоявших на повестке дня с‘езда. Все его выступления на с‘езде отмечены твердокаменной решимостью бороться за революционно-марксистскую чистоту партии, за такое организационное строение ее, которое сделало бы невозможным оппортунистические уклоны, за такую линию партийного поведения, которая обеспечивала бы неприкосновенность классового облика партии.

При обсуждении вопроса об отношении социал-демократии к либералам Плеханов требовал внесения максимальной ясности в постановления с‘езда по этому вопросу. В то время, как внесенная Потресовым (Старовер) и поддержанная Мартовым, Аксельродом, Троцким резолюция выставляла ряд требований, при выполнении которых допускались временные соглашения. с либералами, резолюция Плеханова, поддержанная Лениным, давала общие директивы касательно отношения партии рабочего класса к либерализму. Резолюция, внесенная Плехановым и принятая с‘ездом, гласила:—При-

*) Протоколы II с‘езда Р.С.Д.Р.П. стр. 245.

нимая в соображение: а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но, что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность,—II-ой очередной с‘езд Российской социал-демократической рабочей партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на анти-революционный и противопролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве.

Нам может ныне показаться странным выдвигание в огромной важности принципиальной резолюции в качестве особого партийного задания борьбы с влиянием Петра Струве. Мартов, как известно, в свое время вышучивал этот „мизерный вывод“ резолюции. „Надо разоблачать одного литератора“,—говорил он,—„не будет ли это—итти „на муху с обухом“? Но дело, конечно, было не в „одном литераторе“, а в том, что Струве выступал в роли идеолога и организатора общественного мнения либеральной русской буржуазии. В свое время Плеханов говорил, что „Бернштейн не страшен, страшно бернштейнианство“; соотношение общественных сил в России к началу XX века подсказывало, что если Струве и не страшен, то страшен струвизм, как сильно организованное либеральное течение, в корне враждебное пролетариату и его интересам.

В одной из своих речей при обсуждении программы Плеханов следующим образом иллюстрировал ту позицию, которую, по его мнению, должен занять русский пролетариат по отношению к буржуазии:

— Вообразите квартального, олицетворяющего полицейское государство, рядом с ним вообразите буржуа, вступающего в борьбу с квартальным и желающего отвоевать у него некоторые права для себя, но не для рабочего класса и, наконец, представьте себе пролетария, который смотрит на борьбу буржуа с квартальным и спрашивает себя: „Что же мне делать“? Социалисты-

утописты отвечали: „Не вмешиваться в эту борьбу, это семейная ссора твоих врагов“... Мы, стоящие на точке зрения современного научного социализма, скажем пролетариату: исход этой борьбы не безразличен для тебя, каждый удар, получаемый квартальным от буржуа, есть шаг вперед по пути прогресса и потому он принесет тебе пользу. Но борясь с квартальным, буржуа думает не о тебе, а о себе, к тому же он не справится с квартальным, поэтому ты должен сам вмешиваться в борьбу, вооружившись, по французскому выражению, до зубов, для того, чтобы не только повалить квартального, но и быть в состоянии дать отпор буржуа, когда тот захочет лишить тебя плодов победы *).

На втором с‘езде, при обсуждении проекта программы РСДРП, как бы случайно выплыл вопрос, который в то время носил чисто теоретический, если хотите, несколько академический характер, но который в нашу эпоху стал актуальным, боевым и который расщепил мировое социалистическое движение на два смертельно враждебных лагеря. То был вопрос о ценности демократических принципов, о том—является ли демократия фетишем, покушаться на который социал-демократическая партия не может и не должна, или же к демократическому принципу позволительно подойти с мерилом практической революционной целесообразности.

Во время попунктного обсуждения программы депутат от Сибирского с‘езда Посадовский (Мандельберг), как бы невзначай, среди всякого рода вермишели, бросил с‘езду вопрос: Нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии?

На этот ребром поставленный вопрос последовал ответ Г. В. Плеханова. То был ответ вождя социал-демократической Г о р ы, бросавшей перчатку выкристаллизовавшейся на с‘езде Ж и р о н д е; то был ответ сурового идеолога диктатуры пролетариата, бесстрашно делавшего последовательные выводы из диалектической

*) Протоколы II С‘езда РСДРП стр. 230.

теории революционного марксизма; то был ответ, до сих пор приводящий в ужас мещан и обывателей, вызывающий восторг революционеров и возбуждающий чувство смущения у маятнико - подобных людей, без помощно колеблющихся меж революцией и крохоборством.

Я позволю себе полностью привести памятные слова, произнесенные Плехановым. То обстоятельство, что эти слова бесчисленное количество раз цитировались в наши годы представителями всяческих группировок, думается мне, ни в малой степени не сделало их затасканной, избитой фразой.

Каждый данный принцип—заявил Плеханов—должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно принципу, гласящему, что salus populi suprema lex. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции—высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила: salus revolutiae suprema lex. И на ту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент—своего рода chambre introuvable,—то нам следовало бы стараться сделать его д о л г и м п а р л а м е н т о м; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а

если можно через две недели *). То возмущение, которое вызвали слова Плеханова у части с'езда, знаменовало собою столкновение двух полярно-противоположных течений, к тому времени уж явственно наметившихся в российском социал-демократическом лагере. Шикание и свист, которые протоколы с'езда зафиксировали после речи Плеханова, были естественным протестом реформистского социализма против революционного марксизма.

Выборы, происходившие на с'езде, поставили Плеханова на основные командные высоты партии: он был избран председателем Совета партии и, совместно с Лениным, редактором ее Центрального органа („Искра").

После краткого промежутка времени, протекшего в тесном сотрудничестве с Лениным, у Плеханова начались с ним некоторые расхождения. Расхождения эти касались отношения к бывшей редакционной коллегии „Искры", отстранившейся от участия в центральном органе партии после победы плеханово-ленинского большинства. **) Плеханов обнаружил стремление пойти на соглашение с бывшими сотрудниками „Искры", дабы покончить с „всеобщей стачкой генералов" („gréve gènèrale des gènèraux"), Плеханов полагал, что в процессе совместной работы с Мартовым, Аксельродом и их единомышленниками ими будут изжиты те оппортунистические наклонности, которые они обнаружили на с'езде. Ленин, однако, считал такого рода надежды неосновательными, а самый компромисс вредным. Тогда Плеханов поставил Ленину ультиматум, в результате которого последний и покинул редакцию. Плеханов кооптировал в ее состав бывших редакторов „Искры". ***)

---

*) Протоколы II С'езда РСДРП, стр. 169.

**) Сюда входили Мартов, Аксельрод, Троцкий, Потресов, Дан, Мартынов и другие. Они все отстранились после II с'езда от участия в „Искре". Под редакцией Плеханов—Ленина вышли №№ 46 по 51.

***) Это произошло через каких-нибудь три месяца после того, как Плеханов заметил на II с'езде РСДРП: „У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен"..- но я проявлю больше характера, чем наполеоновские жены",—шутливо бросал он тем делегатам, которые старались отделить его позицию от позиции Ленина,—„я не стану разводиться с Лениным, и надеюсь, что он не намерен разводиться со мною". *(См. об.).*

Уж вскоре после ухода из редакции Ленина Плеханов начинает обнаруживать все больше точек единомыслия с новым редакционным большинством, и его позиция через небольшой промежуток времени становится меньшевистской.

В 1904—5 годах, когда перед российской социалдемократией в множестве встали вопросы революционной тактики, Плеханов в своих ответах на эти вопросы солидаризовался с меньшевистским литературным штабом (Аксельрод, Мартынов, Мартов и другие члены новоискровской редакционной коллегии). Выступления Плеханова, относящиеся к этому периоду, носят характер, несколько необычный для Г. В. Он выступает, несмотря на остроту подвергаемых дискуссии вопросов, относительно редко, предоставляя в большинстве случаев ввязываться в бой своим соратникам по редакции. И лишь тогда, когда последние сделают промах, допустят компрометирующую представляемую ими ориентацию ошибку, или же тогда, когда слишком чувствительным сделается нажим противной стороны—когда под тяжеловесными ударами Ленина начнут колебаться защищаемые „Искрой" позиции, тогда в гордом сознании того, что требуется его властное вмешательство, выступит Плеханов и померяется силами с твердокаменным идеологом большевизма. Таковы были его статьи „Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция"—ответ на „Что делать" Ленина, язвительная статья „Централизм и бонопартизм" и другие. При обычном для Плеханова внешнем блеске его выступлений, относящихся к этому времени, при его мастерской аргументации и богатстве развиваемых мыслей—статьи Плеханова, написанные в рассматриваемый период, обнаруживают какую-то внутреннюю неуверенность их автора, какое-то отсутствие необходимой устойчивости.

В некоторых строках чувствуется, что они написаны не твердой рукой вождя, смело и уверенно указывающего путь к победе, а рукой колеблющегося в выборе тактика. *)

Отчет в этом месте отмечает: „тов. Ленин смеясь качает отрицательно головой". (Протоколы II с'езда, стр. 133). „Развод", однако, состоялся достаточно быстро.

*) Характерно отметить, что именно в это время Ленин (не в политической схватке, а наедине с одним из своих друзей) заметил:

После 9 января 1905, когда по всей великой русской равнине начали разноситься гулкие раскаты революционного грома, перед российской социал-демократией стал, как злободневный и животрепещущий, вопрос о временном революционном правительстве и о возможности участия в нем представителей рабочего класса. Еще до 9 января в брошюре Мартынова „Две диктатуры“ с которой солидаризировалась редакция „Искры“, выдвигалось то положение, что „борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические „низы“ общества заставят его „верхи“ согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца“ После 9 января в недрах редакционной коллегии „Искры“ начались разногласия по этому вопросу. Троцкий и Парвус выдвигают новую концепцию, идущую вразрез с тем, что говорилось в мартыновской брошюре. В одном из своих „Политических писем“ (Искра № 93. 17 марта 1905 г.) Троцкий заявил, что социал-демократическая партия должна выдвинуть лозунг создания временного революционного правительства, как залог осуществления завоеваний революции и доведения революционного процесса до его логического конца. По мнению Троцкого, пролетариат должен всячески популяризовать в массах идею временного революционного правительства, а когда последнее станет фактом, рабочий класс должен будет оказывать на него энергичное давление с целью побудить его к выполнению революционных обязанностей: „пролетариат будет под конвоем вести его вперед“. Пролетариат—единственная сила, которая может оказаться жизнеспособной и творческой в момент переворота, и потому он не должен уклониться от временного политического господства, выражающегося в связи с временным правительством. После 9-го января русское революционное движение „уперлось“ в решительное выступление,

Плеханов, действительно, человек колоссального роста, перед которым приходится иногда с'еживаться... А все-таки мне почему-то кажется, что он уже мертвец, а я живой человек. (См. Н. Лепешинский. На повороте).

и это выступление должно произойти под лозунгом „Да здравствует временное правительство“.

Подавляющее большинство редакции „Искры“ отнеслось к статьям Троцкого отрицательно и пером Мартова заявило, что „так как всякое правительство, стоящее во главе страны во время данной революции, рядом с задачей разрушения самодержавно—сословного строя, должно будет выполнять задачу постепенной консолидации свободного буржуазного режима... то очевидно, что наша партия, приняв непосредственное участие во временном правительстве, связав себя с ним, хотя бы только принципиальным лозунгом: „да здравствует временное правительство“,—должно будет связать себя в своей принципиальной оппозиции этим сторонам деятельности данного правительства, по необходимости носящего на себе печать классового характера слагающегося общественного строя. А это значит—для социал-демократии—на время отказаться от всесторонней борьбы с буржуазным обществом во всех его проявлениях“.*) Вступая во временное правительство, социал-демократы должны осуществлять программу—максимум. Этого не позволит характер предстоящей революции. Значит социал-демократы должны отказаться от участия во временном правительстве.

В то время, когда на страницах „Искры“ велся спор, нашедший свою формулировку в статьях Троцкого—с одной стороны, и Мартова—с другой, вопрос был перенесен в новую плоскость центральным органом большевиков „Вперед“. В целой серии статей Ленин разграничивал понятия демократического и социалистического переворотов. Он доказывал, что об‘ективный ход вещей поставил пред русским пролетариатом ту же задачу, которая стоит перед мелкой буржуазией и крестьянством, и что эта задача может быть решена лишь их революционным союзом. Обращаясь к рабочим Ленин говорил:

— Не бойтесь осквернить себя самым энергичным, ни перед чем не останавливающимся участием вместе с революционной буржуазной демократией в

*) Л. Мартов. На очереди. Искра № 93. 17 марта 1905 г.

ИЗ СОВРЕМЕННЫХ КАРРИКАТУР.

Настоящая каррикатура относится к 1903 году, ко времени возвращения в редакцию «Искры», по приглашению Плеханова, ее бывших редакторов. Автор каррикатуры—старый большевик П. И. Лепешинский.

Каррикатура изображает сизифов труд Плеханова, вытягивающего своих товарищей по редакции из болота «оппортунизм». Плеханов изображен тянущим за уши Мартова. Тут же другие члены редакционной коллегии: П. Б. Аксельрод (Рак), Мартынов (Властитель дум), Л. Д. Троцкий (Стрекоза), А. Н. Потресов (Жаба) и Дан (Змея). Издали на «дороге к пролетарской революции»—В. И. Ленин.

республиканском перевороте. Не преувеличивайте опасностей этого участия, с которыми вполне может сладить наш организованный пролетариат... При условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота.*)

Вопросу о временном правительстве была придана совершенно новая постановка, грозившая уничтожить все те положения, базируясь на которых редакция „Искры" защищала свою позицию. Плеханов не мог, конечно, оставаться в стороне от дискуссии и в ближайшем из номеров „Искры" (№ 96 от 5 апреля 1905 г.) он откликнулся статьей: „К вопросу о захвате". Основываясь на известном „Обращении" Центрального Совета Союза Коммунистов к германской фракции Союза, написанном в 1850 году Марксом, а также на письме Энгельса к Турати, писанном в 1854 г., Плеханов доказывал, что всякое участие социалистов в революционном правительстве вместе с представителями мелкой буржуазии является изменой пролетариату. Поэтому он рассматривал положения, развитые во „Вперед", как явное отклонение от принципов революционного марксизма.

Во всех тех вопросах, которые были поставлены пред Р.С.Д.Р.П. в предреволюционную полосу 1904—1905 годов—о «земской кампании», о «захвате власти», о вооруженном восстании, Плеханов энергично выступал, как сторонник меньшевизма. Когда же в мае 1905 года собрались,—в результате долгой и жестокой фракционной борьбы,—большевистский партийный с'езд (III С'езд Р.С.Д.Р.П.) и меньшевистская «Общерусская конференция партийных работников», Плеханов принимал довольно активное участие в работах последней. После того, однако, как меньшевистская конференция решила формально санкционировать распад партии на две части и принять соответствующие организационные формы, Плеханов выступил с решительным протестом против

---

*) Н. Ленин. Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства Вперед № 14. 30 марта 1905.

этих решений, «нанесших смертельный удар центральным учреждениям нашей партии». Одновременно Г. В. сложил с себя звание председателя и члена совета партии, а также выступил из редакции «Искры». С тех пор—до середины 1906 года—Плеханов оставался вне обоих фракций Р.С.Д.Р.П., создав собственную трибуну—«Дневник социал-демократа Г. В. Плеханова», каждый номер которого вызывал оживленные отклики, как в партийных кругах, так и за их пределами.

III.

Революция 1905 года и декабрьская победа контрреволюции поставили перед партией вопрос о воссоединении ее разорванных частей и выработке единой тактики, приноровленной к тем новым условиям, в которых страна очутилась после девятьсот пятого года. Из вопросов тактики, требовавших на себя безотлагательного ответа, кардинальных было три: выработка линии поведения по отношению к крестьянскому движению и установление руководящих положений в аграрном вопросе; отношение к Государственной Думе; вопрос о вооруженном восстании. Вопросы эти и стали центральными на собравшемся в апреле 1906 года в Стокгольме IV-ом, так называемом Об'единительном С'езде Р.С.Д.Р.П. Плеханов, бывший одним из активных участников с'езда, свой взгляд на эти вопросы формулировал еще в дос'ездовский период путем публицистических выступлений, на С'езде же он выступил лишь с защитой своих заранее формулированных в основном положений. Остановимся на них.

Две резко-противоположных и выкристаллизовавшихся в процессе предс'ездовской дискуссии точки зрения на аграрный вопрос столкнулись на С'езде. Одна была выражена в проекте аграрной программы Маслова, другая—в проекте Ленина (последняя, отметим в скобках, не была официальной точкой большевистской фракции. Многие депутаты большевики выступали против нее. Вообще, голоса по аграрному вопросу разбились на с'езде не в соответствии с фракционным делением).

Ленин развивал идею национализации земли, обрушиваясь на масловский проект ее муниципа-

лизации—передачи всех частно-владельческих земель во владение самоуправляющихся крупных областных организаций. Ленин подверг программу Маслова уничтожающей критике. Он разносил ее, пункт за пунктом, разбивая те основы, на которых она держалась. «Проект Маслова»,—резюмировал он,—«специально приспособлен к половинчатому, неполному, непоследовательному или урезанному и обезвреженному реакцией демократическому перевороту. Эта программа пропитана не духом революции, а духом сделки с реакцией». Ленину возражал Маслов. Он считает, что муниципализация соответствует трем основным условиям, которые партия должна пред'явить аграрной программе: она идет навстречу интересам пролетариата, не грозит стать тормазом для развития производительных сил, и наконец, не провоцирует контр-революционного движения. Однако, Маслову не удалось рассеять впечатления, произведенного докладом Ленина. «Доклад Джона (Маслова—С. В.), —рассказывает О. Варенцова,—бледен и сух. Не отличается ни яркостью, ни убедительностью. Но на помощь ему спешит блестящий адвокат Плеханов, который выступает по вопросу об аграрной программе, как непримиримый противник национализации земли. Он обвиняет тов. Ленина в уклонений от принципов марксизма, в утопизме и возрождении народовольчества. Плехановская постановка вопроса определила ход прений»*). Уже в своем «Дневнике» Плеханов высказал ту мысль, что национализация земли явилась бы попыткой реставрировать в России тот старый порядок, при котором и земля и земледелец составляли собственность государства и который является «Московским изданием экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий». Социал-демократы обязаны учитывать то обстоятельство, что крестьянское движение таит везде определенный реакционный элемент—тенденцию к восстановлению „китайщины“ в русских общественных отношениях:

— Когда крестьянин, незатронутый революционной пропагандой,... говорит о необходимости отобрания

*) О. Воронцова. Об'единительный с'езд Р.С.Д.Р.П. Четвертый с'езд партии. Изд. «Москов. Рабочий», М. 1923 г., стр. 19.

земли у помещиков, то ему и в голову не приходит, что он потрясает какие-нибудь основы. Совершенно наоборот! Он считает себя охранителем той экономической основы, которая освящена в его глазах веками, потому что на ней в течение целых веков держалось русское государство. Потому-то он искренно считает бунтовщиками помещиков, противящихся переделу.

— Если бы ему удалось восстановить указанную экономическую основу старого нашего государственного порядка, то сильно, очень сильно повернулось-бы назад колесо русской истории.*)

В своем выступлении на с‘езде Плеханов доказывал, что аграрная программа социал-демократии должна устранить экономическую основу царизма. Национализация же земли в революционный период этой основы отнюдь не устраняет. Наряду с этим основным доводом Плеханов аргументировал против ленинского проекта и тем, что он не учитывает возможной реставрации. „Проект Ленина“,—говорил Плеханов—„тесно связан с утопией захвата власти революционерами и вот почему против него должны высказаться те из вас, которые не имеют вкуса к этой утопии. Иное дело муниципализация. В случае реставрации, она не отдает земли в руки политических представителей старого порядка; наоборот, в органах общественного самоуправления, владеющих землею, она создает оплот против реакции“.**)

Как известно, на с‘езде победила плеханово-масловская точка зрения.

По вопросу об отношении к Государственной Думе Плеханов, сразу же после издания Положения о выборах 11 декабря 1905 г., выступил защитником того положения, что Дума должна быть использована в целях революции, что она должна быть превращена в арену широкой политической борьбы и что рабочие потому должны принять активное участие в выборах. В своем „ответе товарищу С.“ по вопросу о выборах в Думу, Плеханов развивал ту мысль, что вопрос об уча-

*) Дневник социал-демократа Г. В. Плеханова, № 5. февраль 1906 стр., 15. Те же мысли, отметим здесь, Плеханов развивал впоследствии во введении к «Истории русской обществен. мысли».

**) Протоколы Об‘ед. С‘езда. Р. С.-Д. Р. П. стр. 113.

стии в выборах должен быть поставлен в непосредственную зависимость от того, как он повлияет на развитие политического сознания народных масс. „Пусть мне докажут",—говорил Г. В.—что бойкот Думы дает новый толчок этому развитию, и я стану самым горячим сторонником бойкота"...*).

На с'езде, где П. Б. Аксельрод утверждал, что „с точки зрения развития классового самосознания и политической самодеятельности пролетариата, самый жалкий, даже каррикатурный парламентаризм.... представляет собою громадный плюс по сравнению с теми ничтожными средствами политического развития рабочих масс, которые до сих пор были в нашем распоряжении", и потому звал „уцепиться" за Думу, а Ленин противопоставлял этому утверждению уверенность в том, что существование Думы будет лишь порождать конституционные иллюзии, что Дума ни в малой мере не является народным представительством, и социал-демократия своим участием в выборах скомпрометирует себя,—Плеханов выступил на с'езде с энергичной защитой необходимости активно поддерживать Государственную Думу и с жестокой критикой идеи бойкота.

Плеханов доказывал, что об'ективными условиями Дума, созданная как орудие реакции, превратится в орудие революции. „Дума стоит на столбовой дороге революции"—заявлял он. В выработанной им совместно с Аксельродом и Даном резолюции признавалось, что „в современной революционной атмосфере столкновения Государственной Думы с правительством окажут разлагающее и революционизирующее влияние между прочим и на армию". Резолюция ставила пред социал-демократией задачу планомерного использования конфликтов, возникающих между Думой и правительством, революционного давления на Думу извне и демонстрации на примере думской половинчатости и дряблости необходимости созыва Учредительного Собрания**).

После с'езда Плеханов продолжал с особой страстностью защиту Государственной Думы и звал рабочие

---

*) О выборах в Думу. Ответ товарищу С. Дневник соц.-дем. № 5, стр. 31.

**) Резолюция была принята С'ездом при большинстве 62 голосов против 46 при 3 воздержавшихся.

массы к ее всемерной поддержке, к поддержке тех буржуазных группировок, которые верховенствуя в Государственной Думе, вели борьбу с правительством. В серии опубликованных им статей, озаглавленной „Письма о тактике и бестактности“, Плеханов заявил, что большевики проповедуют заговорщицкую тактику, что они реставрируют предрассудки народовольчества, что они от марксизма отходят к бланкизму. В ответ Плеханову указывалось, что, придавая слишком большое значение Думе и стремясь во-что бы то ни было к соглашению с либерально-буржуазными группировками, он вступает на путь оппортунизма, за что его превозносит буржуазная печать, как она в свое время превозносила Бернштейна. Плеханов возмущенно парировал этот удар, говоря, что Бернштейн проявлял оппортунизм в теории, между тем как он отстаивает лишь определенную тактическую линию поведения. „Я поддерживал и буду поддерживать—заявлял при этом Плеханов,—наших буржуазно-демократических публицистов там, где против них восстает отжившая революционная или реакционная догма, и я буду критиковать их там, где они попытаются противопоставить буржуазную догму живому течению революционной мысли“ *).

Последнего своего обещания Плеханов, однако, почти не выполнял и его полемическое острие беспрестанно направлялось в сторону тактики большевизма, в сторону Ленина.

В вопросе о вооруженном восстании,—третьему из основных вопросов, стоявших пред Стокгольмским с'ездом,—Плеханов выступил тем же противником тактики, которую отстаивал Ленин, как и в предыдущих вопросах. Известна фраза, брошенная Плехановым по поводу декабрьского восстания: „Не надо было браться за оружие“.

Выработанная при его ближайшем участии резолюция признавала, что борьба за власть может оказаться успешной лишь «при решительном и активном участии в восстании вместе с пролетариатом широких слоев го-

*) Письма о тактике и бестактности. Изд. Малых. С.П.Б. 1906, стр. 60.

родской буржуазии и крестьянства», и заявляла, что «партия, как организация, не может принимать на себя возбуждающего ложные надежды обязательства вооружения народа». Во время прений по вопросу о вооруженном восстании произошел характерный поединок. «Я против заговорщического захвата власти»,—заявил Плеханов,—«но я всецело за такой захват власти, каким был, напр., конвент в великой французской революции».—«Превосходно, тов. Плеханов»—ответил Ленин,—«Напишите в резолюции то, что Вы сказали. Осудите, как угодно резко заговорщичество—мы, большевики, все же таки будем целиком и единогласно голосовать за такую резолюцию, в которой будет признан и рекомендован пролетариату захват власти по типу конвента»...

Если на Стокгольмском с'езде обе фракции РСДРП скрестили шпаги по вопросу о предстоящей партии в новых условиях тактике, то на пятом Лондонском с'езде, собравшемуся в мае 1907 г., им пришлось спорить не по поводу п р е д с т о я щ е й тактики, а подвергать критике тактику, о с у щ е с т в л я в ш у ю с я партийным центром в период отделяющий Стокгольский с'езд от Лондонского, т. е. в эпоху первой и второй Государственной Думы. Там намечались п е р с п е к т и в ы, здесь подводились и т о г и. Позиция Плеханова осталась неизменной—лозунг «полновластная дума», использование в агитационных целях конфликтов думского большинства с правительством, поддержка либеральной буржуазии в ее борьбе с властью. «Нам говорят: вы делаете пролетариат орудием буржуазии»,—заявлял Плеханов в ответ на язвительную критику Розы Люксембург,—«это совсем неверно. М ы д е л а е м б у р ж у а з и ю о р у д и е м п р о л е т а р и а т а... Прошли те времена, когда пролетариат служил орудием буржуазии, миновали без возврата. Теперь пролетариат является Демиургом нашей революционной действительности. Теперь он—главная сила. И это дает ему особые права, налагает на него особые об'язанности».

IV.

Лондонский с'езд закончил собою полосу высокого революционного под'ема. Вскоре началась эпоха «столыпинщины».

Тягчайшая внешняя реакция. Разгром профессиональных организаций. Рептильная дума в результате третьеиюньского куд‘эта. Удушенная печать. Годы размагничения революционной энергии, разлагающей рефлексии ивсяческих «уклонов»—в сторону порнографии, «эксов», мистики. Удручающее безразличие к вопросам политики. Возводимая в принцип беспринципность, провозглашающая, что она одинаково восторженно славит «Христа и Антихриста душой обожженной восторгом глотка—голубку и ястреба, риксдаг и бастилию, кокотку и схимника»...

В этой тлетворной атмосфере, господствующей в стране, и зарождается в социал-демократической среде пресловутая идея ликвидаторства. В подпольи душно. Надо выйти из нелегального подземелья, приспособиться к легальным возможностям. Строить партийную организацию на новых принципах. Партия-анахронизм. Она должна быть ликвидирована... Ликвидаторство было худшим из проявлений наступившей реакции. Оно в конец дезорганизовало и без того дезорганизованные ряды разгромленной революционной армии. Оно отравляло рабочую среду удушливыми газами оппортунизма и приспособленчества...

Плеханов быстро почуял, что ликвидаторство таит в себе смертельную опасность для революционного движения, находившегося на ущербе. Тогда он обрушился всей силой своей революционной страсти на проповедников ликвидации подполья, «инвалидов не бывших в сражении».

Плеханов быстро рвет с теми, кто еще недавно был его ближайшими единомышленниками; он выходит из редакции пятитомного труда «История русского общественного движения», в котором заметил уклон в сторону ликвидаторства, он с исключительной резкостью разоблачает Потресова—недавно еще своего соратника, теперь совместно с Лариным являющегося одним из столпов ликвидаторства. Недавно еще с такой нарочитой ясностью проведенная демаркационная линия—„мы и они“—энергично стирается Плехановым. Те, которые определял как «мы», превратились во врагов, Плеханов оказался в одном лагере с теми, кого еще вчера называл «они». «С этим я не соглашусь, если даже

против меня восстанут обитатели всего земного шара и всех других планет»—заявил Плеханов в ответ на доводы ликвидаторов. «Да здравствует наш подпольный крот, да растут и крепнут наши подпольные организации»,*)—провозгласил старый революционер и благородный друг народа, который в результате оказался «под градом пуль» (Так назвал Плеханов серию своих громовых статей, направленных против ликвидаторства).

Вокруг лозунга „Да здравствует подполье» происходит сближение Плеханова с Лениным. Плеханов и Ленин совместно борются с ликвидаторами, стараются предохранить здоровое ядро партии от оппортунистической гангрены, противодействуют становящемуся все более грозным партийному дроблению... Плеханов становится сотрудником «Звезды», пишет в «Правде». После семи лет глубоких теоретических расхождений, жестоких полемических схваток и напряженной борьбы, Плеханов и Ленин—две самые светлые головы русского марксизма, два самых выдающихся идеолога российского пролетариата сошлись как соратники в борьбе за единое дело. Встреча была непродолжительной. Через некоторое время они разошлись в разные стороны для того, чтобы более уже никогда не встретиться...

На Западе показалось зарево мировой войны.

Подведем некоторые итоги.

Существует требование, удовлетворять которому должен всякий политический деятель,—в особенности, если он является вождем революционного класса. Это требование—действенное соприкосновение с массой. Лишь в общении с рабочей массой может почерпнуть вождь пролетариата чувство тактической меры, понимание задач момента, способность отвечать на текущие вопросы дня. Длительный отрыв от массы не может пройти бесследным для пролетарского вождя, какими бы запасами знаний он не обладал, как велики бы ни были его дарования, какой бы безграничной не являлась его преданность рабочему классу.

Жизнь Г. В. Плеханова—блестящее тому доказательство.

*) Социал-демократ, 1910, № 12.

Счастливая судьба столкнула Г. В. на первых же шагах его революционной деятельности с передовыми слоями нарождающегося рабочего класса России. Это соприкосновение дало Плеханову благотворный толчок, оставивший глубокие следы на всей его последующей жизни.

Вскоре, однако, вынужденный оторваться от рабочей массы, Плеханов больше никогда к ней не был в состоянии вернуться. Сорок лет пришлось Плеханову разрешать практические вопросы российского революционного движения вне общения с рабочей массой, на конференциях, совещаниях и с'ездах, общаясь лишь с революционными верхами, составляя себе представление о настроении и состоянии массы лишь по своим наблюдениям из эмигрантского далека.

Как бы велик ни был Плеханов, это обстоятельство нередко оказывалось сильнее его: оно время от времени искривляло линию его тактического поведения искажало перед ним перспективу революционной борьбы, разыгрывающейся в России. Это приводило к тому, что великий социалист, не знавший никаких колебаний в своей теоретической деятельности, безупречно—последовательный и прямолинейный в ней, обнаруживал шатания при своей практической работе в российской социал-демократии, начиная с момента происшедшего в ней раскола.

Однако, несмотря на все свои политико-практические зигзаги, Плеханов все время по справедливости оставался центральной фигурой Российской социал-демократии. У него могли быть шатания, могли быть и были ошибки, но огонь революционного марксизма никогда не потухал в душе Плеханова. Как ненавидел он всех тех, которые подменяли идею революции проектами „штопанья“ социальных прорех!.. Как издевался он над теми крохоборами, которые, по выражению Глеба Успенского, в состоянии вдохновиться мыслью о том, что в будущем историческом периоде почтовые марки станут дешевле на целую копейку!.. Как презирал он всех заменяющих „конечную цель“ продвижением медленным шагом и робким зигзагом!..

Нет в марксизме более последовательного врага максималистических утопий, всякого рода бунтов, вос-

станий, заговоров—всего того, что он клеймил как вспышкопускательство, нежели Плеханов. Но как мало обольщался этот заклятый враг максимализма благами формальной демократии, как революционно марксистски представлял он себе переход власти в руки рабочего класса.

Революция—жестокий мучительный процесс, она неизбежно влечет потрясения. Виной тому не она, а уклад жизни, ее порождающий Этого никогда не поймут Маниловы, но обязаны понимать марксисты. Плеханов не раз подчеркивал это обстоятельство:

— Рассуждая „по человечеству“, всякий не поврежденный человек согласится с тем, что „потрясения“, взятые сами по себе ничего желательного в себе не заключают. Но всякий не ослепленный предрассудками человек должен также признать, что демократическая конституция совсем не обеспечивает от такого обострения классовой борьбы, которое может сделать неизбежными такие потрясения и перевороты.*)

Диктатура класса—один из неизбежных актов классовой борьбы. Злу можно сопротивляться насилием. К этому насилию надо прибегать тогда, когда оно может ускорить рождение нового общественного уклада жизни, долженствующего сменить старый, одряхлевший.

Вот почему Плеханов на втором с‘езде Р.С.Д.Р.П. определенно заявил, что если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться.

Заслуги Плеханова перед русским рабочим движением исключительны.

В одной из своих статей Г. В. высказал мысль, что рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра—довести до конца процесс европеизации России. Начатое когда-то сверху—железной волей самого деспотического из русских правителей—оно будет закончено снизу—путем освободительного движения самого революционного из всех классов, какие знает история. Цитируя слова Герцена о том, что в России нет народа, а имеется лишь коленопреклоненная толпа и палач,

*) Cant против Канта. «Критика наших критиков». Стр. 145.

Плеханов говорил: „В лице рабочего класса в России создается народ в европейском смысле этого слова".

Понятно, что в то время, как в России противостояли друг другу толпа и палач, в ней могли рождаться лишь носители азиатской идеи единоличного бунта. Новые производственные отношения, сложившиеся в России в последние десятилетия девятнадцатого века, должны были родить в ней „народ в европейском смысле слова"—рабочий класс. Этот народ устами ткача Петра Алексеева сам пред'явил свое право на жизнь.

—Мы миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы .. Подымется мускулистая рука рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками разлетится во прах! ..

Народившийся рабочий класс должен был выдвинуть и своих идеологов—вождей. Таким вождем был Плеханов. Карлейль называет великих людей „начинателями". Г. В. был „начинателем" научного социализма в России, первым западником в истории нашего революционного движения. Конечно, и без Плеханова российское революционное движение ступило бы на путь, освещаемый научным социализмом. Если бы Плеханов восемнадцатилетним юношей был повещен где-нибудь в Шлиссельбургской крепости, все равно в России создалась бы марксистская партия, которая приобщила бы наше рабочее движение к мощному потоку западно-европейской социалистической мысли—поставила его под знамя марксизма. Заслуга Плеханова в том, что он п е р в ы й обнаружил в недрах российской общественной жизни те предпосылки, которые толкали рабочий класс России на роль руководителя революционного движения. Тем самым он способствовал тому, что российский пролетариат из „к л а с с а в себе", т. е. класса, еще не осознавшего своей общественной роли, превратился в „к л а с с д л я с е б я", т. е. осознал свою общественную роль, ее пониманием насквозь проникся.

5. Плеханов в Интернационале.

Первое выступление в Интернационале.— Доклад Брюссельскому конгрессу.—Выступления по военному вопросу.—Борьба с оппортунизмом.—Критика анархизма и синдикализма.—Место Плеханова в Интернационале.

I.

Без преувеличения можно сказать, что Плеханов был одной из центральных фигур не только российского, но и международного рабочего движения. В блестящем созвездии имен Второго Интернационала—Бебель, Жорес, Гед, Каутский, Вильгельм Либкнехт, Виктор Адлер, Роза Люксембург—имя Плеханова было одним из самых уважаемых. Имя Плеханова было известно германскому, французскому, швейцарскому рабочему классу не в меньшей мере, чем русскому пролетариату. К его авторитетным словам прислушивались представители разных течений международного социализма. Старик Энгельс высоко ценил молодого Плеханова. В одном его, до сих пор еще не опубликованном письме к Вере Ивановне Засулич (от 30-го апреля 1890 года) он писал ей: „я жду большого удовольствия от чтения Вашей статьи и статей Плеханова“*). С Плехановым спорили, против его мыслей возражали, с ним боролись, но ему отдавали должное, как одному из самых непреклонных и последовательных в своем революционном марксизме вождей Интернационала. Даже его противники были горды сознанием того, что они борятся рядом с Плехановым, и не один из них повторял о Г. В. восклицание, вырвавшееся однажды у Жореса во время спора с Лафаргом: „А все таки, чорт возьми, как хорошо, что этот человек с нами“!.

Уже первое выступление Плеханова перед лицом международного социализма было глубоко знаменательным.

---

*) Цитирую по рукописи, ознакомиться с которой мне предоставил тов. Л. Г. Дейч. (В переводе с французского).

Со времен Бакунина привыкли европейские социалисты слышать от русских революционеров уверения в том, что Россия готова к революции, что нужен удачный заговор, успешное восстание для того, чтобы великая крестьянская страна, верная своему коммунистическому инстинкту, сделала скачок в царство социализма.

В июле 1899 года в Париже собрался—впервые после распада Первого Интернационала—международный социалистический конгресс. В первый раз выступил на интернациональном конгрессе от имени России не утопист-романтик, а революционер, стоящий на высоте научного социализма. В своем докладе конгрессу Плеханов заявил:

— „Силы и самоотвержение наших революционных иделогов могут быть достаточны для борьбы против царей, как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой. Задача нашей революционной интеллигенции сводится поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только, как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может...*)

С тех пор Плеханов оставался неизменным представителем российской социал-демократии на конгрессах Интернационала.

Правда, в ближайшем вслед за Парижем конгрессе, собравшемся в 1891 году в Брюсселе, Плеханов личного участия не принимал. Несмотря на то, что ко времени Брюссельского конгресса социал-демократическое движение начало в России развиваться уже довольно заметно, а группа „Освобождение труда" готовилась закончить первое десятилетие своей деятельности, российские социал-демократы оказались не в состоянии деле-

*) Стенограмма речи Г. В. Плеханова на международном Рабочем Социалистическом конгрессе в Париже 14—21 июля 1889 года.

гировать своего представителя из Швейцарии в Бельгию... за отсутствием средств.*)

Русские социал-демократы ограничились представлением Брюссельскому конгрессу меморандума, составленного Плехановым, подписанного им и В. И. Засулич.**)

Доклад информировал конгресс о тех условиях, в которых протекает в России революционный процесс.

Жесточайший деспотизм, использовывающий в целях самозащиты и открытия европейской науки, и азиатское невежество крестьян. Десятилетием культивирующийся „нелепый софизм" о русском „национальном духе", с одинаковым усердием повторяющийся реакционерами-славянофилами и революционерами-бакунистами, верящими в социализм без пролетариата. Первые попытки внедрения в Россию научного социализма. „Изгнанные из рядов революционной партии, оклеветанные всеми, преследуемые правительством,—заявляют авторы доклада,—мы должны были в течение многих лет бороться против различных оттенков бакунистских доктрин. Это было скучное дело. Но оно почти кончено. Мы можем поздравить себя с тем, что расчистили почву для научного социализма". Доклад внушал конгрессу, что российский пролетариат вступает в международную рабочую семью и доказывал, что его деятельность окажет огромное влияние не только на историческую судьбу России, но и на судьбу Европы. С тех пор, как экономическая жизнь России начала европеизоваться, а русский капитал начинает на восточных рынках втягиваться в борьбу с европейским капиталом, интересы международной социал-демократии связываются с прогрессом русского рабочего движения. Русский пролетариат является мощным фактором революционного движения. Лишь с его развитием будет нанесен смертельный удар не личности, занимающей трон, а самому трону.

---

*) Так сообщает, по крайней мере, тов. Д. Б. Рязанов, в своих примечаниях к русскому переводу доклада Плеханова, напечатанному в № 6—7 „Под знаменем марксизма" за 1923 г.

**) Меморандум был озаглавлен: «Rapport presentè par la redaction de la revue «Le Dèmocrate—Socialiste» au congrés International ouvrier á Bruelles au molis d'août 1891.

Доклад заканчивался следующим заявлением:

— Мы поставили себе обязанность покрыть всю Россию сетью рабочих обществ. До тех пор, пока цель эта не будет достигнута, мы будем воздерживаться от участия в ваших заседаниях. До того момента всякое представительство русской социал-демократии было бы фиктивно. А мы не желаем фикций...

Но уже на следующий конгресс Интернационала— в августе 1893 года в Цюрихе—Плеханов явился как полномочный представитель российской социал-демократии. Следует указать, что если Плеханов на Парижском конгрессе 1889 года—лично, и на Брюссельском 1891 года—письменно—выступал лишь в качестве посла русской социал-демократии, если он держался там почти гостем, то на когрессе Цюрихском он уже выступает не только, как представитель русского рабочего движения, но и как авторитетный деятель международного рабочего движения. Мы видим Плеханова в Цюрихе на ответственном посту докладчика по вопросу об отношении социалистов к войне.

Уже к концу девятнадцатого века для всякого внимательного наблюдателя европейской политической жизни становилось очевидным, что взаимный антагонизм капиталистических государств ведет с неумолимой точностью к гигантскому военному столкновению. Это обстоятельство уже в 1891-ом году заставило Интернациональный конгресс поставить пред собой тот самый вопрос, который двумя десятками лет спустя оказался роковым для Второго Интернационала: вопрос об отношении социалистов к войне. Через два года—в Цюрихе—вопрос стал пред Интернационалом с новой остротой.

На Цюрихском конгрессе скрестились те же две точки зрения, которые боролись и в Брюсселе—одна, от которой исходили Либкнехт и Вальян; другая, на которую опирался известный анархист Домела Ньевенгуйс. Первая защищалась немецкой делегацией, вторая голландской.

Голландская делегация предлагала рабочему классу ответить на возникновение войны всеобщей забастовкой и отказом от военной службы.

Немецкая же резолюция не устанавливала никаких конкретных мероприятий в борьбе с милитаризмом. Они звала рабочую массу „восстать всеми находящимися в ее власти силами против шовинистических аппетитов господствующих классов". Резолюция звала к неустанной работе по сокрушению капитализма, лишь с гибелью которого наступит мир во всем мире. Таким образом резолюция ставила вопрос о конкретных методах борьбы с милитаризмом в зависимость от условий каждой страны.

Плеханов пламенно призывал конгресс к тому, чтобы принять резолюцию, внесенную немецкой делегацией. Он доказывал, что мысль о всеобщей забастовке— утопия. Рабочий класс еще не в состоянии осуществить такой забастовки и потому предложение Ньювенгуйса— пустая фраза. Если конгресс примет предложение о всеобщей забастовке на случай войны, то государи не только не задрожат на тронах, как думает голландская делегация, но лишь усмехнутся легкомысленности вождей пролетариата. Предложение это, однако, таит в себе серьезную опасность. Если-б забастовку удалось осуществить в наиболее цивилизованных странах Европы, то это послужило бы только на пользу милитаризму восточно-европейскому, это повело бы к господству русского гнета на Западе. Потому Плеханов требовал от конгресса „в интересах свободы, цивилизации и революционного пролетариата" голосовать за резолюцию немецкой делегации.

Развивая в общем аргументацию Либкнехта и Вальяна, Плеханов ввел в прения новый момент, вызвавший оживленный интерес конгресса. То был вопрос об отношении русских социалистов к возможному столкновению европейских государств с Россией. Плеханов заверял западных социалистов, что борьба с официальной Россией не есть борьба с Россией подлинной, наоборот, смертельная война, война без отдыха и пощады против русского правительства будет вместе с тем войной за освобождение русского народа. Если б в Германии произошла революция, немецкие социалистические батальоны сыграли бы по отношению к России ту роль, которую сыграли в

свое время освободитель армии конвента по отношению к крепостническим государствам Европы. И Плеханов взывал к немецким пролетариям: „Обличайте наше правительство, как можно чаще, ставьте его к позорному столбу, бейте сильней!“...

Тем же непримиримым противником войны, тем же неистовым борцом с ней, как в Цюрихе, Плеханов оставался и на протяжении двадцати последних лет—вплоть до великой империалистической бойни.

„Как идея племени сменялась идеей отечества, сначала ограниченного пределами городской общины, а потом расширившейся до нынешних национальных пределов“,—писал Плеханов в 1905 году в „Дневнике социал—демократа“—,„так идея отечества должна отступить пред несравненно более широкой идеей человечества... И чем шире делается могучая река современного рабочего движения, тем дальше отступает психология патриотизма перед психологией интернационализма“. В ответ на анкету французского журнала „La vie socialiste“ он бросил свои известные слова:

— Революционный пролетариат должен подняться выше идеи отечества.

Всеми своими выступлениями и действиями в эту эпоху он подчеркивал, что слова о пролетарском интернационализме для него являются не фразой, а боевым лозунгом. В годы русско японской войны он публично братается на Амстердамском конгрессе с вождем японского пролетариата Сен-Катаямой. Буржуазная и бульварная печать всех стран долго улюлюкала по адресу возмутительного предательства и антипатриотизма Плеханова. Он же был до конца верен тем своим принципам, которые развивал в отношении войны в Цюрихе. В письме адресованном в редакцию „Mouvement socialiste“, посвященном русско-японской войне, Плеханов заявлял, что поражение России последует на благо России, ибо оно поведет к ослаблению царизма и „это будет и чистым выигрышем для русского народа“*). В своих статьях, опубликованных в „Искре“, Плеханов

*) Не приходится говорить о том, что Плеханов так заявлял отнюдь не потому, что предпочитал режим микадо режиму царя. Когда лидер финских буржуазных активистов Циллиакус сделал Г. В.

неустанно звал рабочих бороться со всякого рода международными войнами. „Ее горячим содействием и ее энергичной поддержкой,—говорил он о социал-демократии,—пользуется только один род войны: классовая война эксплуатируемых с эксплуататорами“*).

На Штуттгартском конгрессе 1907 и Копенгагенском 1910 г. г.—на последних конгрессах Второго Интернационалам—Плеханов выступал тем же убежденным защитником лучших заветов революционного интернационализма, каким мы его знаем на протяжении всей его работы в международном рабочем движении.

С девяностых годов зловещий призрак военной катастрофы, неумолимо зревшей в недрах капиталистического общества, беспрестанно маячил пред глазами Европы. Рабочий класс, которому эта катастрофа несла наибольшие бедствия, напряженно собирал силы для того, чтобы противоставить хищничеству капитала, провоцировавшего войну, мощь своей организации, международную пролетарскую солидарность. Плеханов был одним из тех идеологов рабочего класса, устами которых европейский пролетариат, заявлял:

— Война войне!...

Но в тот момент, когда катастрофа разразилась, мощь пролетарской организации оказалась слишком незначительной для того, чтобы стать серьезным препятствием на пути войны. А Плеханов, поседевший в боях за международное рабочее дело вождь пролетариата, сменил лозунг „война войне“ на лозунг „война до победного конца“. Но об этом—ниже...

II.

Как участник международного рабочего движения, Плеханов завоевал широкую популярность среди западно-европейского пролетариата. Он, употребляя терминологию агента департамента полиции: „большим среди социалистов всех стран почетом пользовался“. Своей

предложение получить от японского правительства деньги и оружие для целей русской революции, он получил достаточный отпор (См. Мартов. История РС-ДРП. Петроград, 1923 г., стр. 83).

*) Искра. 20 сентября 1904. № 64.

популярности Г. В. в значительной степени обязан той роли, которую он играл в борьбе с международным оппортунизмом.

Борьбу с оппортунизмом в международном масштабе Плеханов развернул вскоре после того, как окончил свой памятный поединок с русскими народниками.

Вслед за самобытным, сотканным из пестрых лоскутов крестьянским социализмом народников, Г. В. обратился к строго выдержанному, причесанному под марксистскую гребенку оппортунистическому социализму тех учеников Маркса, которых испугала революционная сущность его учения. В середине девяностых годов в немецкой социал-демократии наметилось течение, поставившее своей целью „проверить" марксово учение, его „выпрямить" и „освободить" от тех ошибок, которые вкрались в теорию научного социализма. Затеянная этой группой „ревизия" привела к притуплению всех острых углов марксизма, к замене его революционной сущности реформистскими планами, к вытравливанию из марксизма идей революционного захвата власти и диктатуры пролетариата, к подмену классовой борьбы постепенным изменением капиталистического общества. Весь этот отход от революционного марксизма к либеральному реформизму прикрывался указаниями на необходимость „очистить" марксизм от его засоряющих утопических элементов и подвести под марксизм прочную философскую базу путем возвращения к учению Канта.

Плеханов был первым из марксистов, оценивших выступления Эдуарда Бернштейна как противоестественное соединение научного социализма с учением буржуазных философов. Уж в 1898 году, когда Бернштейн был еще одним из влиятельных вождей германской социал-демократии, Плеханов заклеймил затеянную им ревизию, как отступничество от марксизма.

В течение трех лет своей борьбы с Бернштейном Плеханов не переставал доказывать, что „ревизия" эта — не случайное политическое или философское заблуждение, а переход из лагеря революционного марксизма в ряды мелко-буржуазных сторонников социальной реформы. Г. В. твердил, что Бернштейн не страшен, но „бернштейниада очень страшна, как признак возможного упадка".

„Критикуя критиков“ марксовой теории, Г. В. писал:

— Историческая миссия наших „критиков“ заключается в „пересмотре“ Маркса для устранения из его теории всего ее истинно - новаторского содержания. Маркс, имя которого с увлечением повторяется теперь производителями всех цивилизованных стран, Маркс, который призывал производителей к устранению капиталистических производственных отношений,—этот Маркс очень несимпатичен нашей образованной мелкой буржуазии, идеологами которой являются г. г. „критики“. Ее отталкивают его крайние выводы: ее пугает его страсть. Но „по нынешним временам“ трудно обойтись и совсем без Маркса: его критическое оружие необходимо в борьбе с охранителями всех реакционных цветов и с утопистами разных народнических оттенков. Поэтому надо очистить теорию Маркса от ее плевел: надо противопоставить настоящему Марксу—Маркса-реформатора, Маркса-„реалиста“. „Маркс против Маркса“! И вот закипает работа „критики“*).

Борьба Плеханова со всеми теми, кто направлял „Маркса против Маркса“, кто стремясь от пролетариата к передовым слоям мелкой буржуазии, уродовал и искажал теорию марксизма, составляет одну из лучших страниц его жизни.

В этой борьбе Плеханов был воистину беспощаден к своим противникам, ибо знал, что „тут спор идет о головах“.

Когда Эдуард Бернштейн живописал преимущества демократии, утверждая, что она уничтожает классовое господство, Плеханов ему отвечал:

— Что демократия уничтожает классовое господство, это есть не более, как выдумка г. Бернштейна. Она оставляет его существовать в той области, к какой собственно и относится понятие о классе, т. е. в области экономической. Она уничтожает только политические привиллегии высших классов. И именно потому, что она не уничтожает экономического господства одного класса над другим,—буржуазии над

*) Г-н Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Сб. „Критика наших критиков“. Стр. 124.

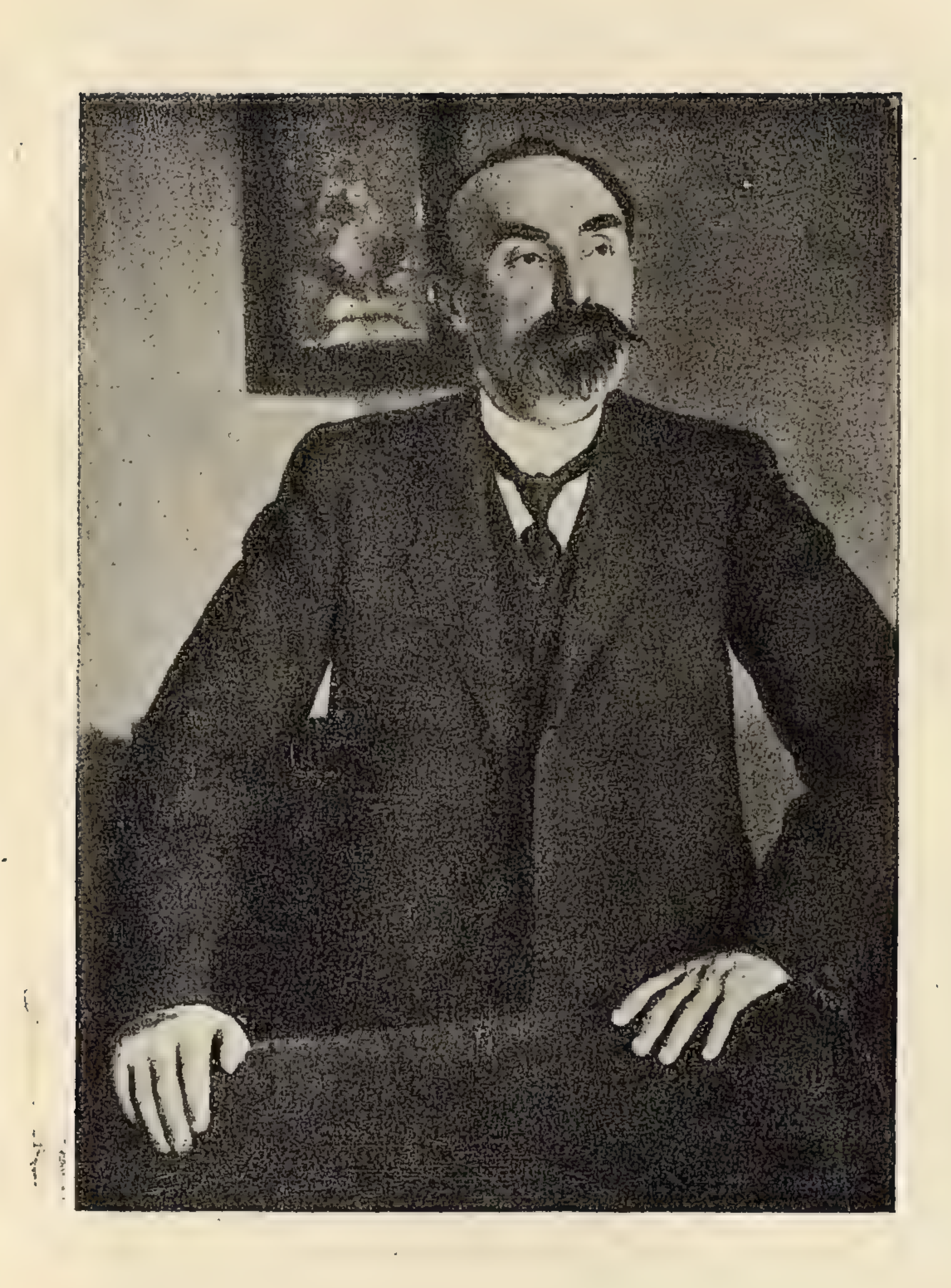
пролетариатом—она не устраняет также ни взаимной борьбы пролетариата с буржуазией, ни необходимости для пролетариата бороться всеми теми средствами, какие только могут в данное время оказаться целесообразными.

Если в Германии проявился ревизионизм теоретический, то во французском социалистическом движении одновременно наметился осязательный уклон в сторону ревизионизма практического. Видные представители французской социалистической партии провозгласили лозунг сближения с прогрессивной буржуазией и делового с ней сотрудничества.

Когда на Втором Интернационале появились первые, еще еле заметные пятна оппортунизма, Плеханов предсказал, что если этих пятен не стереть, то они превратятся в ржавчину, которая раз‘ест международное социалистическое движение. Об этом он заявил за два десятка лет до мировой войны, обусловившей распад Второго Интернационала.

На Парижском конгрессе Интернационала в 1900 г. Плеханов выступает уж застрельщиком борьбы с тем оппортунистическим уклоном, который наметился во французском социализме на исходе XIX века. Он клеймит этот уклон, как победу мелко-буржуазных предрассудков, принесенных во французский социализм перебежчиками с левого крыла буржуазии. Он борется с компромиссной политикой Каутского в вопросе об участии социалистов в буржуазном министерстве. Он требует внесения революционной ясности в постановления конгресса, безоговорочного осуждения тех, которые затемняют классовое самосознание пролетариата.

Как известно, большинство Парижского конгресса заняло в вопросе об участии социалистов в буржуазном министерстве половинчатую позицию. Оно игнорировало пресловутый „случай Милльерана“, об‘явив его внутренним делом французской партии, и приняло каучуковую резолюцию Каутского. Плеханов старался спасти положение, хотя бы внесением большей ясности в отвлеченную, непоследовательную и уклончивую резолюцию. Так, например, резолюция устанавливала, что „вступление отдельного социалиста в буржуазное министерство не может счи-

таться нормальным началом завоевания политической власти и должно быть рассматриваемо, как временный и исключительный прием в борьбе с трудными обстоятельствами". Плеханов дополнил резолюцию поправкой, гласившей, что „даже в крайних случаях социалист должен покинуть министерство, если организованная партия найдет, что это последнее дало очевидные доказательства своей пристрастности в борьбе труда с капиталом". Однако, в существенном, резолюция оставалась каучуковой и довольно добродушно проходила мимо „случая Миилльерана". Плеханов же считал необходимой самую решительную борьбу с министериализмом, первой ласточкой которого был Милльеран, начавший отход от социализма вхождением в буржуазное министерство Вальдека—Руссо и ныне кончающий свои дни на президентском кресле, полученном от „национального блока"—черной клерикально-ростовщической клики, правящей Францией после империалистической бойни.

Социалист, вступающий в буржуазное министерство, превращался в глазах Плеханова в ренегата социализма и потому, когда делегация швейцарских рабочих поднесла Г. В. к двадцатипятилетию его деятельности портфель, он воскликнул: „Благодарю цюрихских рабочих и даю им слово, что этот портфель никогда не будет портфелем министра".

Время, последовавшее за Парижским конгрессом, потвердило правильность занятой Плехановым позиции. Его предсказания о том, что министериализм является лишь первой ступенью той лестницы, которая ведет из лагеря социалистического в лагерь буржуазный, блестяще оправдались ходом событий. При всей своей уступчивости и большой терпимости французская социалистическая партия вынуждена была вскоре после Парижского конгресса исключить из своих рядов Мильерана, ставшего откровенным ренегатом. Но это исключение слишком уж скомпрометированного в глазах рабочей массы отступника не исцелило партии, которая продолжала по прежнему оставаться во власти оппортунистических настроений. „Она оставалась", писал Плеханов, „непременным членом архибуржуазного союза республиканских партий и сделалась чем-то вроде „социалистической.

лейб-гвардии главы буржуазного министерства Комба“*).

Кризис, который переживало французское социалистическое движение с конца восьмидесятых годов, был следствием большого притока в ряды французской партии мелко-буржуазной интеллигенции, отходившей от буржуазных радикалов. Это обстоятельство, количественно укреплявшее партию, качественно ее ослабляло. Пришельцы в партию образовали оппозицию ее ортодоксально-марксистскому крылу и начали ревизию...

Оппортунистически-ревизионистский уклон французской социалистической партии, приобревший угрожающий характер, заставил Амстердамский конгресс Интернационала (1904) поставить центральным вопросом порядка дня пункт „о международных правилах социалистической политики“, долженствовавших наметить основную линию тактического поведения для всех социалистических партий, являющихся членами Интернационала. Вокруг этого пункта разыгрался давно подготовлявшийся генеральный бой между сторонниками оппортунистической и революционной тактики.

Своей борьбой с международным оппортунизмом на Амстердамском конгрессе Плеханов вписывает одну из лучших страниц в историю Второго Интернационала.

Прочтите произнесенные им на этом конгрессе речи по вопросу о „международных правилах социалистической политики“. Какая непоколебимая уверенность в том, что социалистический пролетариат является единственным в настоящее время носителем прогресса, единственным защитником угнетенного человечества. Какой суровый гнев по адресу отступников социализма— Милльеранов, покрытых кровью рабочих Шалона и Мартиники. Какие уничтожающие характеристики „тоже-социалистов“ из английской рабочей партии, с-эров и других. Какие великолепные пожимания плечами по поводу „мягких“ резолюций Вандервельде—Адлера, выступавших в качестве примирителей правого и левого крыла конгресса. Какие ядовитые стрелы злой иронии, одна за другой пускавшиеся в „первосвященника оппортунизма всех стран“—Жореса!...

*) Искра, 5 октября 1904 г. № 75.

Амстердамский конгресс—одна из самых ярких точек в жизни Второго Интернационала. В известной степени в этом заслуга Плеханова, победоносно водрузившего знамя революционного марксизма в борьбе с таким опасным противником, каким был великий трибун Жан Жорес.

Плеханов отлично учитывал, каким серьезным врагом революционного движения является приспособленчество—оппортунизм, какой длительной и напряженной борьбы требует победа над ним. Вот почему на каждом конгрессе Интернационала Г. В. с неослабевающей силой эту борьбу возобновлял. После победы над оппортунизмом в Амстердаме он писал:

— Очень возможно, даже—увы!—очень вероятно, что современный социализм вплоть до самой революции, т. е. до завоевания власти пролетариатом, не излечится от оппортунистической язвы... Наш неприятель, хотя и поражен, но еще не уничтожен... Марксисты должны не теряя ни минуты преследовать потерпевшего поражение неприятеля, а не льстить себя тою приятною, но пока еще не основательной уверенностью, что он уже не существует*).

Плеханов видел в оппортунизме смертельного врага пролетарского дела. Он считал, что коренной вопрос об ортодоксальном марксизме или ревизионизме должен быть решен всяким участником социалистического движения твердо и решительно. В этот коренной вопрос упираются все расхождения и все разногласия в области тактики. „Нам, левому крылу социал-демократии, нельзя подойти ни к одному вопросу революционной тактики, не покончив предварительно с „ревизионизмом“, отвергающим почти всякую мысль о социальной революции“. Этой твердой уверенностью в том, что Карфаген должен быть разрушен, ревизионизм должен быть уничтожен,—Плеханов руководствовался при всех своих выступлениях по вопросам международной политики рабочего класса.

*) В Амстердаме. „Искра“ от 20 сентября 1904. № 74.

III.

Борясь с оппортунизмом, Плеханов не упускал, однако, из виду и другой опасности, грозившей Интернационалу—анархизма.

Уж в Цюрихе в 1893 году при столкновении с Домелой Нювенгуйсом по вопросу о военной стачке Плеханов сделал ряд острых критических замечаний касательно тактики анархизма и тех утопических воззрений, на которых анархисты эту тактику строят.

Вскоре после того Vorstand германской социал-демократической партии обратился к Плеханову с предложением подвергнуть анархическую доктрину литературной критике. Это было в 1894 г., когда после некоторого затишья анархисты, особенно французские, возобновили свою „пропаганду действия", нашедшую отклик в некоторых отсталых слоях пролетариата и вместе с ним компрометировавшую среди широких масс всякое революционное движение.

В результате сделанного Плеханову предложения и появилась его брошюра „Анархизм и социализм", а вслед за ней статья „Сила и насилие". Оба выступления Плеханова нашли живой отзвук среди европейских социалистических партий. Его работы были с большим одобрением встречены Энгельсом и Либкнехтом. Они появились на ряде языков—французском, немецком, итальянском и английском, и сыграли значительную роль в борьбе марксистского и анархического мировоззрений.

В „Анархизме и социализме" Плеханов охарактеризовал наиболее видных представителей анархистской мысли. Пред читателем проходит галлерея теоретиков анархизма. Макс Штирнер, сказавший последнее слово буржуазного индивидуализма и проповедующий „союз эгоистов"—эту жалкую „утопию возмущенного мелкого буржуа". Разоблаченный Марксом Прудон, представитель социализма мелкой буржуазии, беспомощно колеблющийся между романтизмом и консерватизмом. Декадент утопизма Бакунин,—софиситизированный марксизмом бунтарь, дополнивший утопию свободы утопией равенства. Эпигоны анархизма, во главе с П. А. Кропоткиным, доктрина которого родилась в результате

противоестественной связи манчестерства с коммунизмом... Мыслители разного калибра, теории их вытекают из различных источников, но они все в одинаковой мере являются утопистами, и утопизм каждого из них об'ективно реакционен. Анархистская же тактика не только не приносит пролетариату пользы,—она определенно вредна для дела рабочего класса.

Анархисты считают лучшим революционным средством—насилие и отвергают легальные способы борьбы. Между тем насильственные действия анархистов нередко являются антиреволюционным средством.

Революционным является лишь то средство, которое изменяет общественные отношения, сложившиеся в обществе в том направлении, которое приближает это общество к революции. Единственным революционным средством, с этой точки зрения, является развитие классового сознания пролетариев, превращающее их в организованную общественную силу. К этому и стремится революционная социал-демократия:

— В первый раз с тех пор, как мир существует и человечество стремится вперед по пути прогресса, эксплоатируемые стали понимать причины своего угнетения и твердо решили положить конец эксплоатации человека человеком. В сравнении с этим великим движением, все насильственные взрывы в мире, все заговоры революционеров старой романтической школы— не что иное, кок невинная, детская игра. И мы поэтому вполне правы, когда утверждаем, что средства, употребляемые современными социалистами,—самые революционные, какие только можно себе представить, независимо от того, какой вид они принимают: вид законной борьбы или же насильственного действия...Социал-демократы не отвергают насильственных средств, точно также они не отказываются от мирной агитации, зная, что при известных обстоятельствах насильственные средства неизбежны. Но они—кроме того, знают и считают чрезвычайно важным знать и заявляют об этом,— что между силой и насилием лежит глубокая пропасть. И только к тому, чтобы приобрести силу,—одну силу, —стремятся социал-демократы. Что касается насилия,

то оно может употребляться лишь при известных обстоятельствах.*)

Я привел такую длинную цитату потому, что в ней замечательно ярко противопоставлены друг другу противоположные тактики—марксистская и анархистская.

Прикрываясь крайней революционной фразеологией, максималистски отрицая всякую борьбу в легальных рамках, как нечистоплотный компромисс, анархисты сплошь и рядом действуют,—помимо своей воли,—на руку реакции, которой они своими выходками лишь развязывают руки в ее борьбе с революционным движением.

Полная без'исходных противоречий теория анархистов приводит их к жестоким противоречиям в практических действиях... „Анархист"—говорил Плеханов,— „человек обреченный постоянно и везде достигать противоположного тому, что ему желательно... Во имя революции анархисты служат делу реакции; во имя нравственности они одобряют самые безнравственные действия, во имя индивидуальной свободы они попирают ногами все права своих ближних".**)

Анархисты выступают в роли самых беспощадных врагов буржуазного общества, но их „революционаризм" не устрашает буржуазии—она рассматривает его лишь как причуду взбунтовавшегося мещанина—ее родного сына по крови и духу. Вот почему „в этом пресыщенном, до мозга костей испорченном обществе, где давным давно умерла всякая вера, где все искренние кажутся смешными; в этом мире, где изнывают от скуки, где, испробовав все наслаждения, не знают больше какой фантазией, каким распутством доставить себе новые ощущения, находится много людей благосклонно внимающих песням анархистской сирены". Что касается пролетариата, то лишь отдельные несознательные элементы из его среды идут за анархистами. И это продолжается лишь до тех пор, пока не прояснится их классовое сознание. С этого момента они уходят от анархистской утопии к революционному марксизму.

---

*) Сила и насилие. Сочинения Т. IV. стр. 257.

**) Анархизм и Социализм. Сочинения Т. IV. стр. 242 и 244.

Плеханов своими выступлениями, посвященными критике анархистской доктрины, всячески содействовал отрыву от анархистов тех рабочих групп, которые шли за ними. Из выступлений Г. В., посвященных анархизму, помимо указанных выше работ, назовем еще его статьи, посвященные Элизе Реклю,— виднейшему из современных глашатаев коммунистического анархизма и Вениамину Тэкеру—родоначальнику индивидуалистического анархизма, написанные—первая в 1906-ом году, а вторая в 1908-ом году,—они дают ценный материал в подтверждение того положения, которое Плеханов неустанно отстаивал всякий раз, когда заходила речь об анархизме:

— Анархизм не только не имеет ничего общего с современным социализмом, но прямо противоположен ему... Современный социализм стоит на точке зрения науки, анархизм витает в области утопии... Эти две теории лежат в двух совершенно различных плоскостях мышления и... считать анархистов левым крылом международной социалистической армии значит совсем не разбираться в вопросе.*)

К борьбе, которую Плеханов вел с анархистами, примыкает и его критика теории и практики синдикализма. В своем предисловии к III-му немецкому изданию „Анархизма и социализма", Г. В. говорит, что анархизм умирает на наших глазах, но в роли его наследника выступает так называемый революционный синдикализм. Синдикалисты отвергают тактику, усвоенную социалистическими партиями. Они признают лишь „прямое действие" в борьбе с капитализмом. Они низводят к нулю роль политической партии, руководящей пролетариатом, и мыслят профессиональные союзы единственным орудием в борьбе за раскрепощение рабочего класса. Они хотят изжить государство, сменив его договорной организацией людей на производственном базисе. Они обвиняют социалистов в искажении марксова учения и берут на себя роль реставраторов революционной чистоты марксизма...

Плеханов показал истинную ценность синдикализма, подвергнув критике теорию и практику наиболее

*) Где же правая сторона и где «ортодоксия»?.

сильной синдикалистской ветви—итальянской. На примерах Артура Лабриола, Энрико Леоне, Иванове Бономи и других теоретиков синдикализма, Г. В. выявил безнадежную путаницу понятий, в которой беспомощно застряла синдикалистская мысль,—несмотря на грим крайней революционности, архибуржуазная по своей сущности.

Своим „неприятием" государства синдикалисты воскрешают старую утопию Прудона. Роднясь с анархистами, они отклоняют использование государства даже в интересах рабочего класса. Слагая гимны будущему обществу свободной конкуренции, они отдают дань учению буржуазных экономистов. Синдикалистский пересмотр Маркса сводится к возвращению на позиции вульгарной экономии.

Несмотря на революционную фразу, синдикалисты в своем взгляде на общественный процесс приближаются к реформистам. „Во взгляде на общий ход современного капиталистического развития реформизм и „революционный" синдикализм тожественны друг с другом. Взятые вместе они представляют собою нечто похожее на пару перчаток: „левая перчатка в известном смысле противоположна правой. Но это не мешает ей быть совершенно подобной ей. Синдикализм противоположен ревизионизму. Но эта их противоположность основывается на их внутреннем тожестве"... *)

Слова Плеханова о близком родстве реформизма с анархо-синдикализмом великолепным образом подтвердились в наше время, когда революционному марксизму сплошь и рядом противостоял реформистско-синдикалистский блок, единым фронтом выступивший против Советской России **)

Считая, что синдикалистская теория может лишь затемнить классовое самосознание рабочего класса, ибо она не выявляет пред ним тенденций капиталистического общества и не указывает ему реальных точек опоры в борьбе за свое освобождение, Плеханов

---

*) Артур Лабриола. От обороны к нападению, стр. 312.

**) Интересные сведения на этот счет можно найти, напр., в работах „Коммунизм и анархо-синдикализм" А. Лозовского и „Рабочая Франция". М. 1923.

заявлял, что с синдикализмом надо бороться столь же энергично, как и с реформизмом.

Всякое завоевание синдикалистами симпатий рабочих масс является шагом назад в развитии пролетарской революции.

Итак, мы ознакомились в основных чертах с той ролью, которую Плеханов сыграл в Интернационале. Своей деятельностью в области международного рабочего движения он многое дал пролетариату. Он был одним из самых авторитетных и в то же время непреклонных блюстителей заветов революционного марксизма в Интернационале. Он вел непреклонную борьбу с утопическим и оппортунистическим его флангами. «Утопизм есть детская болезнь рабочего движения, говорил Плеханов, «оппортунизм является недугом, свойственным его зрелости».*)

Меж оппортунистически-реформистской Сциллой и анархо-синдикалистской Харибдой твердой рукой уверенного в себе пролетарского идеолога направлял Плеханов руль Интернационала по пути к конечной цели... У него не было здесь колебаний, шатаний, зигзагов. В этом отношении деятельность Плеханова в рядах Интернационала выигрывает по сравнению с таковой в среде российской социал-демократии.

*) Искра, № 75.

6. В борьбе за диалектический материализм.

„К вопросу о развитии монистического взгляда“.—Плеханов и французский материализм.—Против „ревизии“ Бернштейна.—Борьба с эмпириокритицизмом.—Плеханов о „вещи в себе“.—Плеханов о Махе.—Плеханов и Дицген.—Борьба за марксистскую экономию.—Плехановская диалектика.

I.

Маркс и Энгельс создали диалектический материализм, оставив своим последователям великую задачу собирания во-едино и систематизирования их гениального наследства.

Задача эта была выполнена духовными наследниками Маркса и Энгельса, среди них одним из первых Георгием Валентиновичем Плехановым.

Постараемся выявить роль Плеханова в деле популяризации идей диалектического материализма, углубления его отдельных проблем, превращения его в универсальный метод исследования общественных явлений —одним словом, в деле разработки той—по слову Меринга—„рудоносной жилы с огромным запасом неиспользованных сокровищ", которую представлял собою исторический материализм после Маркса и Энгельса.

Г. В. был „заражен" историческим материализмом уже задолго до того, как он стал марксистом. Еще в народническом периоде своего развития Плеханов, находясь под сильным влиянием Бакунина, заимствовал у последнего его уважение к историческому материализму. Об этом говорит сам Плеханов в предисловии к первому тому его сочинений, вышедшему в 1905 году в Женеве, об этом свидетельствуют некоторые статьи, относящиеся к народническому периоду жизни Г. В.

Так, уже в статье „Закон экономического развития общества и задача социализма в России", написанной в январе 1879 года, т.-е. за четыре года до его разрыва с народничеством, Плеханов обнаруживает, в отличие от его товарищей по революционной работе, согласие с основными положениями исторического материализма. В этой статье Плеханов выступает против утопистов, счи-

тающих, что „метафизическая сущность—пропаганда способна изменять по произволу ход истории". Через год Плеханов говорит уже языком человека, твердо стоящего на почве исторического материализма. В статье „Черный Передел" (январь 1880 г.). Г. В. определенно заявлял: „Экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов".

С середины девяностых годов борьба между марксизмом и народничеством перенеслась из зарубежной нелегальной печати в легальную русскую прессу. Стирая острые углы революционной терминологии, затушевывая политическую сущность спора, придавая ему характер отвлеченного чисто теоретического расхождения, пряча крамольные имена авторов под покровом таинственных псевдонимов, марксизм протаскивал сквозь цензурные ущелья контрабанду своих идей.

Знаменосцем марксизма в новой кампании, как и в предыдущей, выступил Плеханов. Его талантам мы, по преимуществу, и обязаны тем, что, несмотря на все неблагоприятные условия борьбы, протекавшей под наблюдением недреманного ока царской цензуры, марксизм четко и определенно выявил в ней свое революционное лицо.

Девяностые годы минувшего столетия отмечены в летописях общественной мысли Западной Европы, как эпоха страстной научной дискуссии по вопросу о сущности исторического материализма. Представители академической науки ополчились к тому времени против материализма—народившейся философии пролетариата. Исторический материализм обвиняли в механичности, внутренних противоречиях, фатализме, философской плоскости, квиетизме, шаблонности, аморальности, метафизичности... Направленные против исторического материализма выступления дали повод Карлу Каутскому, Францу Мерингу, Полю Лафаргу выступить с блестящими апологиями исторического материализма, значительно обогатившими научную сокровищницу марксизма.

Дискуссия, которая велась вокруг исторического материализма, вызвала отклик и в России. В русских журналах 1892—4 годов появился ряд статей, „развен-

чивающих" исторический материализм преимущественно аргументацией германских идеалистов. Н. К. Михайловский, проф. Кареев, Кудрин, Николай I—он, Южаков и другие критики исторического материализма доказывали доктринерскую однобокость этой системы, ее догматическую односторонность, ее научную несостоятельность.

Ответом на все эти выступления—audiatur et altera pars—послужила вышедшая в 1895 году книга Плеханова, до сих пор являющаяся классическим руководством по истории и теории диалектического материализма *). Ставшая вехой в развитии русской общественной мысли, книга Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" оказала на умы современников влияние совершенно исключительное. По свидетельству Лядова, молодежь сплошными рядами покидала народнические позиции и становилась под знамя марксизма. Бельтовым клялись, Бельтова читали

---

*) Вначале книгу предполагалось выпустить за-границей. Впоследствии, однако, было решено попытаться, издать ее легальным образом. Почин такого издания взял на себя А. Н. Потресов. В написанной по просьбе Д. Б Рязанова справке Потресов сообщает следующие подробности, касающиеся издания:

„В начале сентября (ст. ст.) 1894 г. я отправился из Петербурга за границу, чтобы убедить Плеханова начать пользоваться, наконец, орудием легальной печати, благо к этому времени уже успела выйти книжка П. Струве „Критические заметки" (в конце августа 1894 г.) и имя Маркса как-никак перестало быть запретным для цензуры и на него уже можно было ссылаться не только для того, чтобы поносить марксистов"... Получив его лондонский адрес, я двинулся к нему и, найдя его, был чрезвычайно обрадован тем, что не встретил никакого сопротивления своему предложению: печатать то, что он пишет, не в Женеве нелегально, а легально в Петербурге. Плеханов очень скоро освоился с этой мыслью и даже увлекся ею и предстоящей ему задачей пролезть сквозь „цензурное ухо". К моменту моего приезда в Лондон первые две главы книжки „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" были готовы и в этом же неизменном виде сданы были впоследствии в печать; это главы: „Французский материализм XVIII" и „Французские историки времен реставрации". За продолжение работы он сел при мне. Я поселился с ним в одной квартире. Он писал (третью, и если память мне не изменяет, часть четвертой главы), я переписывал, чтобы иметь при переезде через границу и при сношениях с типографией лишь мою собственную рукопись. В первой половине октября я вернулся в Петербург и тотчас же сдал рукопись в типографию Скороходова... В продажу книжка поступила 29-го декабря и была распродана меньше, чем в три недели".

запоем в каждом гимназическом кружке.*) Бельтов стал властителем дум поколения, которое Шелгунов назвал „молодежью будущего“. Книга Бельтова превратилась в „евангелие русской социал-демократии“, как ее назвал один из тех минутных сторонников исторического материализма, которые впоследствии „ему изменили и продали шпагу свою“, скатившись по пути „от марксизма к идеализму“ в пропасть мистицизма и реакции.

Возникает вопрос, соответствовала ли ценность книги Плеханова той научной оценке, которую она встретила. К рассмотрению этого вопроса мы и перейдем.

Одним из наиболее ценных моментов в книге Плеханова является обоснование им правильного взгляда на сущность французского материализма XVIII века, в отношении которого до сих пор приходится сталкиваться с самыми запутанными представлениями. В девяностых же годах смешение диалектического материализма с французским, приписывание первому слабых сторон второго, отсутствие ясного представления о грани, отделяющей философские взгляды Маркса и Энгельса от учения Гольбаха и Гельвеция было делом обычным. Плеханов четко и определенно провел эту грань, установил действительное отношение, существующее между диалектическим материализмом и французским XVIII века, вскрыл противоречия и слабости последнего. Он показал, что материализм Маркса и Энгельса насквозь диалектичен в то время, как воззрения Гельвеция и Гольбаха пропитаны метафизикой, роднясь таким образом с метафизическим идеализмом, вместе с которым они признают неизменность субстанции. Установив те моменты, в которых диалектический материализм примыкает к французскому, являясь его продолжателем, Г. В. вместе с тем вскрыл роковые противоречия, в заколдованном кругу которых блуждала философская мысль Гельвеция, Гольбаха и их единомышленников, он обнаружил непоследовательность и логическую несостоятельность их системы, признававшей познаваемость свойств вещей и об‘являвшей непознаваемой

*) См. М. Лядов. История РСДРП. ч. I.

сущность материи. А Деборин вполне прав, говоря, что Плеханов первый представил французский материализм в его истинном свете *).

Те же мысли, которые Плеханов бегло высказал касательно французского материализма в „Монистическом взгляде“, он подробно развернул в вышедшей год спустя его работе „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“ **) Этой работе, самой замечательной из всех тех, которые до сего времени имеются в мировой литературе нашего предмета, мы обязаны современными марксистскими представлениями о том историческом месте, которое принадлежит французским материалистам XVIII века.

Вернемся, однако, к „Вопросу о развитии монист. взгляда“, перейдя к следующим заслугам выступления Плеханова.

В семидесятых годах Н. К. Михайловский видел в историческом материализме „превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования. ***) Впоследствии, изменив свое отношение к философскому учению Маркса, Михайловский выступил одним из наиболее страстных противников исторического материализма, обесценивая в глазах читающей публики его научную ценность. Михайловский доказывал, что, „экономический материализм не есть всеоб‘емлющая философская система, а только обломок ее, что самые основные теории экономического материализма..., остаются между собой несвязанными и фактически не проверенными“****).

Плеханов своим выступлением „по печатному водя“ доказал необоснованность утверждения о несвязанности и непроверенности системы Маркса. „Положения исторического материализма не связаны между собой?“, вопрошал Плеханов,—„стоит только прочесть предисловие к „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, чтобы видеть до

---

*) А Деборин. Введение в философию диалектического материализма (Стр. 223 Птг. 1916).

**) Вышла в 1896 году. Verlag Dietz. На русском языке появилась лишь в 1922 году—в двух переводах: один под редакцией Д. Б. Рязанова, другой—Б. Г. Столпнера.

***) Отечественные Записки. 1877.

****) Русское Богатство. 1894.

какой степени стройно и тесно связаны они между собой“. Стоило, в самом деле, непосвященному читателю обратиться к тому знаменитому введению, на которое ссылался Плеханов, чтобы сразу установить наличность в нем тех самых обобщающих и неразрывно связанных между собой идей, которых тщетно искал у Маркса Михайловский.

Плеханов обнаружил ту жестокую ошибку, в которую впадают суб‘ективисты, пытаясь разобщить экономические взгляды Маркса с его исторической теорией, признавая первые и отрицая вторую. „Этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов“. Считая экономические взгляды Маркса неот‘емлемым спутником исторического материализма, Плеханов неоднократно доказывал то положение, которое Маркс формулировал словами: „Экономические категории представляют собою лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства“ („Нищета философии“). Плеханов опровергал и обвинение в непроверенности принципов исторического материализма. „Они проверены с помощью анализа общественных явлений и в книге „18-ое Брюмера“, и в „Капитале“...—решительно во всех главах от первой до последней“.

Научная ценность и общественный смысл выступления Плеханова должны были выразиться в том, чтобы выбить противников исторического материализма из тех идеалистических и суб‘ективистских позиций, на которых они закрепились.

Со свойственным ему полемическим задором Плеханов дал в своей книге образ титулярной советницы, которая думает, что весь смысл теории Дарвина сводится к тому возмутительному положению, что вот, дескать, она, почтенная чиновница, представляет собою не более, как наряженную в чепчик обезьяну. Плеханов ставил своей целью доказать, что „Маркс так же мало клевещет на „интеллигентов“ как Дарвин—на титулярных советниц“.

Следует признать, что при всей каррикатурности приведенного образа он в общем отражал отношение к историческому материализму некоторой части буржуазной и народнической публицистики. Последняя

давала лишнее доказательство словам Меринга о том, что современное буржуазное общество стоит в том же отношении к материализму, в каком оно раньше находилось к дарвинизму, рассматривавшемуся как „обезьянья теория“. Отожествление материализма со шкурничеством было в девяностых годах ходячим упреком по адресу материалистов иногда не только в обывательской среде...

Указывая, что материалисты сообразуют свои идеалы с экономической действительностью, Плеханов разоблачает суб‘ективистов, в силу своей склонности к метафизике, не понимающих двойственного, антагонистического характера всякой действительности. Материалисты опираются не на отживающую действительность, а на ту, которая приходит ей на смену— „действительность будущего, служить которому значит содействовать торжеству великого дела любви“. Нельзя говорить о том, что материалисты не придают никакого значения идеалам. Если говорить в смысле „идеалов“, заявлял Плеханов, теория Маркса есть самая идеалистическая теория, которая когда-либо существовала в истории человеческой мысли.

Противники исторического материализма считали (да и теперь, пожалуй, считают) ахиллесовой пятой этого учения его „однобокость“, „односторонность“— то, что оно является всеоб‘емлющей и потому „хромающей“ теорией, утрирующей одни и затушевывающей другие элементы общественного развития. Корректируя эту мнимую односторонность исторического материализма, его противники занимали „нейтральное положение“ между материализмом и идеализмом, доказывая, что „.....и психологическое, и экономическое направления истории одинаково верны, поскольку они... дополняют друг друга“.*)

Плеханов взял на себя задачу доказать, что всякая попытка синтеза идеалистической и материалистической точек зрения приведет не к открытию „полной истины“, которую искала суб‘ективная социологическая школа, а к „нищенской похлебке эклектизма“. Он установил в своей работе, что дуалисти-

*) Н. Кареев. Критика экономического материализма.

ческие системы, для которых дух и материя являются взаимно дополняющими субстанциями, не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительного об'яснения исторического процесса. Поэтому он звал к об'яснению явлений помощью одного основного принципа—к монизму.

Для суб'ективно-социологической школы об'яснение общественного процесса духовным началом было тезисом, рассмотрение его с экономической точки зрения—антитезисом и потому она звала к третьему моменту, в котором „односторонности тезиса и антитезы найдут свое примирение". „Соблюдая нейтралитет" между душой и телом, суб'ективисты отыскивали синтез в примирении идеализма с материализмом.

Плеханов обнаружил, что „синтез" суб'ективистов ведет к дуализму чистейшей воды. „У него", говорит Плеханов о Карееве, „тут—экономия; там—психология; в одном кармане—душа; в другом—тело. Между этими субстанциями есть взаимодействие, но каждая из них ведет свое самостоятельное существование, происхождение которого покрыто мраком неизвестности".*) Дуализму социологической школы Плеханов противоставил монизм марксизма. Он указывал, что у Маркса психология и экономия являются двумя сторонами одного явления—борьбы за существование, в процессе которой происходит определенная общественная группировка, обусловливаемая состоянием производительных сил. Плеханов исчерпывающе раз'ясняет, как следует понимать primum agens исторического материализма—экономику. Вот что он говорит по этому поводу:

— Борьба за существование создает их (людей... —С. В.) экономию, на ее же почве вырастает и их психология... Экономия сама есть нечто производное, как и психология. И именно потому изменяется экономия всякого прогрессирующего общества: новое состояние производительных сил ведет за собою новую экономическую структуру, равно как и психологию, новый „дух времени"... Далекая от того, чтобы

*) К вопросу о развитии монист. взгляда. Изд. IV, стр. 149.

быть первичной причиной, она сама есть следствие, „функция“ производительных сил.*)

Развитие общественного процесса Плеханов мыслит таким образом. На кривой линии исторического развития существуют точки великих переворотов; эти точки A, B, C, D и т. д. Когда экономическое развитие достигает точки А, торжествует один класс; когда оно доходит до точки В, класс, прежде господствовавший, вынужден уступить свое место новому классу, и т. д.—до тех пор пока общественное развитие не достигнет конечной точки S, на которой исчезнет самое деление общества на классы. Движение человечества от точки А до точки В, от точки В до точки С и т. д... вплоть до точки S никогда не совершается в плоскости одной экономики. Чтоб перейти от точки А до точки В и т. д. нужно каждый раз подняться в „надстройку“ и совершить там некоторые переделки. Только совершив эти переделки, можно достигнуть желанной точки. Путь от одной точки поворота к другой лежит через „надстройку“.**)

Плеханов неоднократно подчеркивает, что экономические отношения не являются застывшим метафизическим понятием. „Они вечно изменяются под влиянием той исторической среды, которая окружает данное общество“. Выясняя законосообразность общественного процесса, Плеханов впоследствии (в „Основных вопросах марксизма“) развернул формулу, выясняющую взаимодействие между производительными силами и общественной экономией, вместе с тем взаимодействие между экономической «основой» и идеологической «надстройкой». Опровергая обвинение исторического материализма в фетишизировании им экономического фактора и игнорировании всех остальных факторов общественного развития, Плеханов развертывает следующую пятичленную формулу отношения «основания» к «надстройке».

1. Состояние производительных сил.

2. Обусловленные ими экономические отношения.

---

*) К вопросу о развитии. Изд. IV. Стр. 149.

**) См. открытое письмо к В. А. Гольцеву. „За двадцать лет“ Изд. 3-ье СПБ. 1908, стр. 440.

3. Социально - политический строй, выросший на данной экономической основе.

4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека.

5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики.*)

Плеханов вполне прав, говоря, что приведенная формула и достаточно широка, чтобы вместить в себе все формы общественного развития, и в то же время насквозь пропитана материалистическим монизмом.

Туманному, почти метафизическому понятию взаимодействия «души» и «тела», Плеханов противоставил ясную и определенную формулу, находившуюся в строгом соответствии со взглядами Маркса, всегда признававшего в общественном процессе действие «духа», как силы в конечном счете направляемой экономикой. Обоснование и популяризация этой формулы явились делом сугубой важности; надо помнить, что в то время «узость» и „односторонность" диалектического материализма были излюбленной мишенью для его критиков. Своим выступлением Плеханов обесценил все те „примирительные"—эклектические теории, которые признавали самостоятельность многочисленных элементов общественного развития, мыслимых находящимися во взаимодействии.

До конца последовательный монист, Плеханов во всякой научной системе прежде всего ценил ее логическую последовательность, ее монистическую выдержанность. Яснее всего это сказалось на его отношении к гегелевой философии, которую Плеханов ценил исключительно высоко главным образом потому, что она учит нас последовательному мышлению; он считал, что «кто с любовью и вниманием пройдет ее суровую школу, тот навсегда получит спасительное отвращение от эклектического винегрета».**)

Если «односторонность» была одним из ходячих упреков, направлявшихся против диалектического ма-

*) Основные вопросы марксизма. С.П.Б. 1917 г., стр. 96.

**) К шестидесятой годовщине смерти Гегеля. Критика наших критиков. СПБ 1906, стр. 209.

териализма, то другим из них был «фатализм». По какой-то злой иронии самому действенному из философских учений ставилось в вину, что оно влечет за собой гражданский индифферентизм и квиетизм. Плеханов блестяще выяснил, как противники диалектического материализма приписывают ему свойства материализма метафизического, которому, действительно, присущ фаталистический характер. Материализм диалектический—не философия фатализма и пассивности, а философия действия и активности. Плеханов установил всю несостоятельность обвинения диалектического материализма в том, что он признает слепое подчинение необходимости. Диалектический материализм дает в руки угнетенных классов рычаг в борьбе с экономической действительностью. Никакое изменение в общественных отношениях немыслимо без участия масс. Необходимость участия масс в историческом процессе обусловливает влияние на них более развитых и более нравственных личностей. «Таким образом открывается широкий простор для плодотворной деятельности отдельных личностей, и если между этими личностями нашлись бы такие, которые превратились бы в Обломовых под влиянием экономического материализма, то в этом надо было бы винить не экономический материализм, а именно эти личности».*)

«Уничтожающее презрение и холодная жестокость», с которой, по мнению Михайловского, материализм относится к личности, были опровергнуты Плехановым. Диалектический материализм отнюдь не требует слепого подчинения железному экономическому закону. Он старается познать этот закон и, познав его, сделать необходимость послушной рабой разума.

«Я—червь, говорит идеалист. Я—червь, пока невежественен, возражает материалист—диалектик, но я—бог, когда я знаю. Tantum possumus, quantum scimus».**)

Человеческий разум не творит истории; он сам является ее продуктом. Но раз явившись, как следствие исторического процесса, он старается преобра-

---

*) Из открытого письма к В. А. Гольцеву. За двадцать лет. Изд. 3-е. СПБ. 1908, стр. 438.

**) К вопросу о развитии изд. IV, стр. 201.

зовать жизнь, т. е. направить течение истории по тому руслу, которое считает более желательным.

Развитие разума общественного человека можно об'яснить, с точки зрения исторического материализма, лишь посредством законосообразной деятельности людей в общественно-производительном процессе, т. е. действия. К действию же сводится вся практическая философия диалектического материализма. „Диалектический материализм есть философия действия",—провозгласил Плеханов своей книгой. Призывая, сторонников диалектического материализма к действию, заявляя, что „не следует оставлять светильника в тесном кабинете интеллигенции", Плеханов говорил:

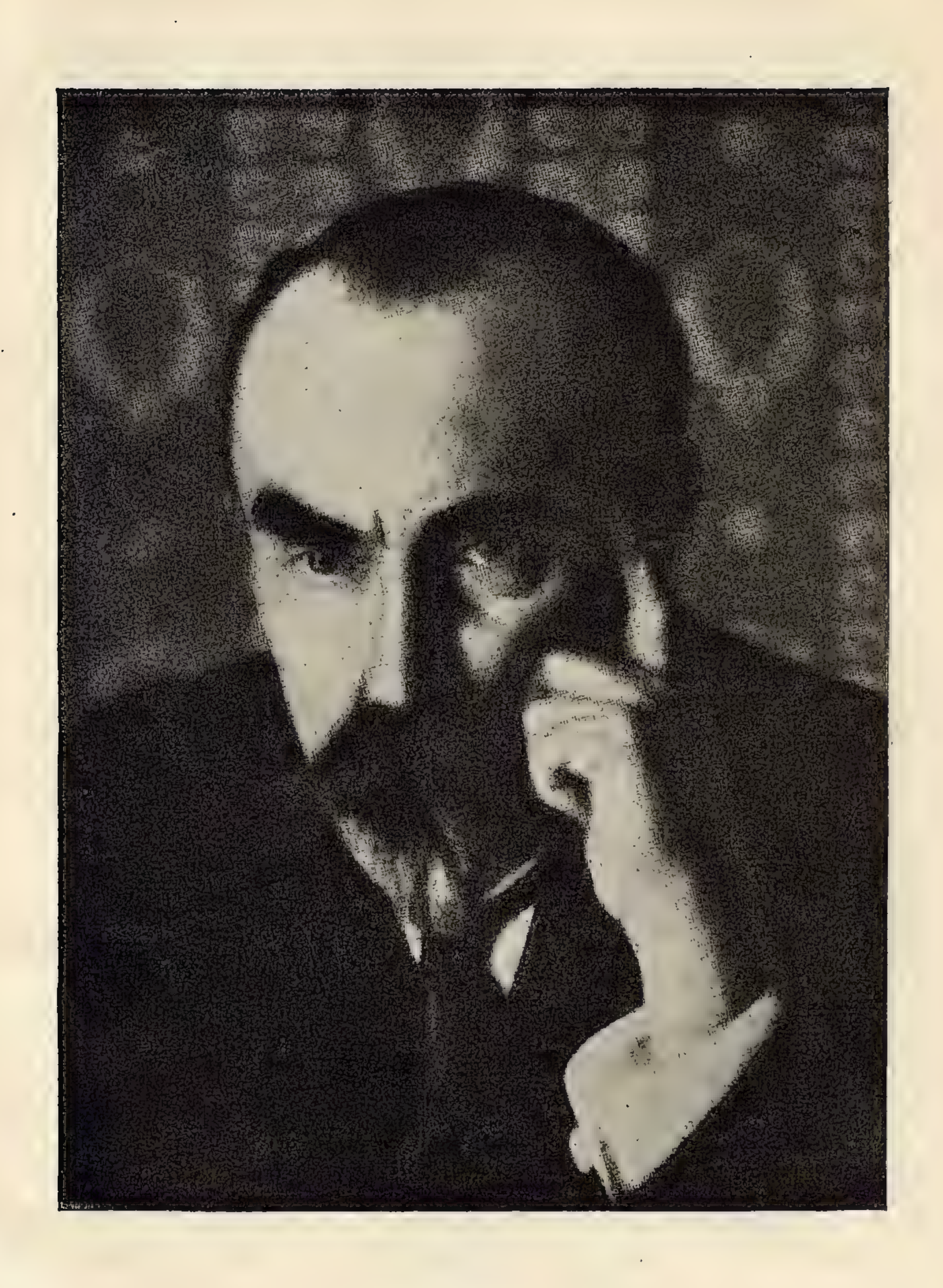
— Пока существуют „герои", воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама „толпа" станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой „толпе" разовьется соответствующее этому самосознание. *)

„Надо разбудить в толпе героическое самосознание",—провозгласила книга Бельтова в эпоху жалкого крохоборчества и хмурых чеховских человечков. Она выявила в новом, революционном свете все основные моменты диалектического материализма, показала, что последний, говоря словами Франца Меринга, не пассивная игрушка мертвого механизма, а живая действенная сила, призванная преобразовать мир.

Предрассудки о „механичности" и „квиетизме" исторического материализма были опровергнуты Плехановым с такой же последовательностью и неуязвимостью, как, раньше мнения о его „узости" и „односторонности".

Эта крупная заслуга Плеханова станет еще более рельефной, если сравнить его выступление с другим, почти одновременным, в защиту исторического мате-

*) К вопросу о развитии. Изд. IV., Стр. 230.

риализма—П. Б. Струве. *) В книге Плеханова выступили во весь свой рост те моменты активности и действенности диалектического материализма, которые были затушеваны в „Критических записках" Струве. Если в струвевских „Записках" можно было заметить зародыши будущего ревизионизма их автора, то в плехановском „К вопросу о развитии" чувствовалось величие духовного наследства Маркса—Энгельса.

Вполне понятно, что выступление Плеханова, действовавшего согласно своему любимому полемическому правилу—„От обороны к нападению", вызвало целую кампанию со стороны противников диалектического материализма, пытавшихся обеспечить научную и общественную ценность этого выступления.

Следует признать, что во всех выступлениях оппонентов Плеханова, последовавших в течение 1895 г. и продолжавшихся много лет подряд, не было ни одного довода против диалектического материализма, который не приводился бы ими раньше или не был заимствован у западно-европейских критиков марксизма. Выступая против „догматического увлечения" Плеханова диалектическим материализмом, его противники подымались на „высоты об'ективной истины", с которых и старались изобличить Плеханова в той или иной ошибке, неправильной цитате, логическом промахе, противоречии Марксу. Однако, ни одно из этих выступлений, а их было множество, не в состоянии было опровергнуть того генезиса диалектического материализма, который дал Плеханов, поколебать той аргументации, которая была им развернута.

Один из главных оппонентов Плеханова Н. Н. Кареев признал относительно выступления другого из них—Н. К. Михайловского, что оно „дает очень много материала для критики книги г. Бельтова, его научных и полемических приемов, но очень мало касается самых основ экономического материализма". Эти слова можно было применить ко всем почти выступлениям, последовавшим в ответ на книгу Плеханова, в том числе и к выступлениям профессора Кареева. Они все „очень

*) Петр Струве. Критические заметки. 1894.

мало“ касались тех основ марксова материализма, которые защищал Плеханов, и еще меньше эти основы поколебали. Кареев был прав, заявив в той же статье, что он не думает, „чтобы вся эта критика экономического материализма могла в скором времени положить конец догматическому увлечению этой идеологическою концепциею“...

Под‘итоживая значение выступления Плеханова, мы отмечаем следующие моменты, в которых выявилась ценность „К вопросу о развитии монистического взгляда“:

1. Генезис идей диалектического материализма.
2. Отмежевание диалектического материализма от диалектического идеализма и метафизического материализма; вскрытие слабых сторон последнего.
3. Обоснование того положения, что диалектический материализм—не обломок левого гегельянства, а цельная научная теория.
4. Опровержение „односторонности“ диалектического материализма.
5. Подход к диалектическому материализму, как—философии действия.
6. Формула практического применения принципов диалектического материализма к русской действительности.
7. Демонстрация диалектического материализма, как универсального метода исследования общественных явлений.

II.

Борьба с Михайловским, Кареевым и всей суб‘ективно-социологической школой была для Плеханова борьбой с людьми с „другого берега“—мыслителями идеалистического, в корне враждебного марксизму, миросозерцания. Иной характер носила его борьба с теми „услужливыми друзьями“ марксизма, которые, на словах „дополняя“, „очищая“ и „поверяя“ диалектический материализм, его в действительности укорачивали, засоряли и искажали.

В этом отношении Плеханову раньше всего пришлось столкнуться с Эдуардом Бернштейном. „ревизо-

вавшим“ не только практику марксизма, но и его философию.

Монизм, который является для Плеханова основным коэффициентом материалистического миросозерцания, Бернштейном оспаривался. Он выступал против самого термина „монистический“. „Почему не прямо „простоватый“ (simplistisch)“?, недоуменно спрашивал Бернштейн. Однако, расхождение было не только в терминологии, вернее оно было вовсе не в ней—корни были гораздо глубже и касались самых основ материалистического миросозерцания. Чистый или абсолютный материализм,—утверждал Бернштейн,—точно так же спиритуалистичен, как и чистый или абсолютный идеализм. Оба просто предполагают, хотя и с различных точек зрения, что мышление и бытие идентичны. Для Бернштейна неприемлем тот „детерминизм“ исторического материализма, при котором „материалист—тот же кальвинист, только без бога“. Бернштейн берет под свою высокую руку эклектизм, ибо„ эклектический дух“ есть возмущение здравого смысла против свойственного всякой доктрине стремления подгонять мысль под один шаблон. „Расширяя“ теорию исторического материализма и восставая против „приписываемого ей“ монизма, Бернштейн провозглашал, что „социал-демократии нужен новый Кант, который доказал бы, что презрение к идеалу, признание материальных факторов всемогущими силами развития есть самообман, всегда на деле признававшийся и признаваемый таковым теми, кто его проповедует“ *).

Плеханов был первым из марксистов, давших оценку выступлениям Бернштейна, как эклектическому соединению научного социализма с учением буржуазных идеологов. Г. В. опроверг ту мнимую идентичность бытия и мышления в материализме, которая позволяла Бернштейну отожествлять материализм с идеализмом, и утверждал, что признание этой идентичности возможно только в идеализме. Он установил, что Бернштейн и другие критики марксизма, его „углубляющие“ и „дополняющие“ в сущности бьют Марксу челом его же

*) Эд. Бернштейн. Исторический материализм. Перевод. Л. Канцель. Изд. II СПБ. 1901 Стр. 330.

добром и в своей невероятной наивности даже и не подозревают, что „Маркс“, которого они „критикуют“ не имеет ничего общего, кроме имени, с настоящим Марксом, будучи создан их собственным и поистине разносторонним непониманием предмета *).

Искажение, о котором говорил Плеханов, заключалось преимущественно в приписывании марксизму „автоматического“ понимания исторического действия экономики, которым марксизм никогда не грешил и против которого неоднократно высказывались сами основоположники диалектического материализма. От лиц, „автоматически“ понимавших его учение, как известно, Маркс открещивался, говоря „Je ne suis pas marxiste“...

„Критикуя критиков Маркса“, Г. В. доказал всю нелепость обвинения марксизма в автоматическом понимании исторического процесса. Он установил, что обвинение в автоматичности есть попытка обезценить марксизм со стороны тех, которые мечтают о замене „конечной цели“ социальной реформой. Каждое выступление Плеханова было лучшим доказательством того, что марксизм отнюдь не „автоматически“ воспринимает процесс общественного развития.

Плеханов дерзнул выступить против Бернштейна уже в 1898 году—во время Штуттгартского партейтага, т. е. когда Бернштейн был одним из наиболее авторитетных идеологов германской социал-демократии. В статье „Wofür sollen wir ihm dankbar sein“, напечатанной в „Sachsische Arbeiter Zeitug“, Плеханов уже тогда заклеймил затеянную Бернштейном „ревизию“ как отступничество от марксизма и поставил вопрос ребром: или марксизм похоронит Бернштейна или Бернштейн похоронит марксизм. Такая постановка вопроса была признана недопустимой даже радикально настроенными представителями германской социал-демократии.

Прогноз Плеханова, однако, блестяще оправдался последующими выступлениями Бернштейна и уже в конце 1901 г. Г. В. имел возможность начать свою статью „Духовное завещание г. Бернштейна“ словами:

*) Основные вопросы марксизма. Изд. 1917 г. Стр. 76.

„Г. Бернштейн умер для школы Маркса, к которой он когда-то принадлежал“ *).

С той же беспощадностью отнесся Г. В. не только к тем марксистам, которые звали „назад к Канту“, но также и к тем, которые выступили с попытками „нового обоснования“ марксизма, противоставляя диалектическому материализму критический реализм, окрашенный в эмпириокритические, эмпириосимволические, эмпириомонистические и всякие иные тона. Все эти выступления, которые велись в значительной части своей под флагом „очищения марксовой философии от засорения ее плехановской школой“, в действительности являлись ничем иным, как антиматериалистической философской ревизией марксизма. Борьбе с этой ревизией, как мы уже сказали, Плеханов отдался с той же последовательностью, как раньше борьбе с бернштейнианством, ибо считал, что и то и другое „бьет марксизм по лицу“. „Идейная неясность“, писал Плеханов в 1907 г., „особенно вредна у нас в настоящее время, когда под влиянием реакции и под предлогом пересмотра теоретических ценностей, идеализм всех цветов и оттенков справляет в нашей литературе настоящие оргии, и когда некоторые идеалисты... об‘являют свои взгляды марсизмом самоновейшего образца“. **) Этим и об‘ясняется та страстность, которая проявилась в полемике Плеханова с эмпириокритиками.

Центральной мишенью критики Богданова, Базарова, Юшкевича, Валентинова и других марксистов, поднявших по чьему-то язвительному замечанию „бунт на коленях“ против марксизма, была плехановская „вещь в себе“. Определяя опыт, как „наши собственные ощущения и образы предметов, выростающие на их основе“ (Примечания к „Людвигу Фейербаху“ Энгельса), Плеханов устанавливал, что материей называется то, что „действуя на наши органы чувств, вызывает в нас

---

*) Точно также жизнь оправдала одновременный прогноз П-ва в отношении другого из критиков марксовой теории—П. Б. Струве. В 1901 г Г. В. предсказывал Струве, что „неомарксизм“ доведет его до роли теоретика мелкой буржуазии и идеолога либерализма. Как известно, Струве докатился до ступеней, еще гораздо более далеких.

**) Примечания к „Людвигу Фейербаху“ Энгельса. Стр. 109

те или другие ощущения". То, что вызывает в нас ощущения, Плеханов определяет кантовским термином „вещи в себе", совокупность „вещей в себе" и есть материя. Критики Плеханова считали, что „вещью в себе" он воскрешает кантианство и рвет с марксизмом, для основоположников которого не было, дескать, никаких „вещей в себе", т. е. вещей вне наших ощущений и представлений.

Материалисты, по словам Плеханова, никогда не утверждали, что они знают каковы вещи сами по себе—независимо от их действия на нас, а только считают, что вещи известны нам именно потому, что они действуют на наши органы чувств и именно в той мере в какой они на них действуют.*) Что же касается кантианства, отрицающего применение категории причинности к „вещам в себе", то оно непосредственно приводит к суб'ективному идеализму, ибо „если вещь сама по себе не действует на нас, то мы ничего не знаем об ее существовании и самое представление о ней должно быть об'явлено ненужным т. е. лишним в нашей философии". **) Естественный результат такого подхода к вещам—солипсизм—признание других людей существующими лишь в нашем воображении.

Так как Плеханов указывал, что материя как отправной пункт опыта не может быть философски исчерпывающе определена, то его оппоненты выдавали на этом основании материи testemonium paupertatis, утверждая, что „понятие настолько неопределенное и неопределимое не может быть основою какого-бы то ни было философского мировозрения. ***) Г. В. установил, что понятию „материя" или понятию „дух" нельзя дать никакого испчерпывающего философского определения—нужно лишь взять какое-либо из этих понятий первичным фактом. ****) Обвинять материалистов в том, что,

*) Ididem.

**) Примечания к «Людвигу Фейербаху». Стр. 109.

***) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. Б. 1908. Стр. 10.

****) О том же очень ясно высказалась в свое время Л. И. Аксельрод (Ортодокс). «Раз материя первоначальный факт», говорила она, «то естественно ее нельзя определить другой причиной, лежащей вне ее самой». См. ее статью «Двойственная истина в современной немецкой философии» (Философские очерки. С. П. Б. 1906).

говоря о вещах в себе—вещах вне нашего сознания, они впадают в метафизику, значит изобличать самого себя в отрицании соответствующей нашим ощущениям об‘ективной реальности. Отрицать же последнюю, значит признавать первичность духовного по отношению к физическому,—сознания по отношению к бытию, т. е. превращаться в идеалистов. Плеханов таким образом поставил с головы на ноги тот гносеологический вопрос, который выдвинули, как главное оружие против него, эмпириокритики и которому они придали постановку, обозначавшую поворот от материализма к идеализму.

Плеханов установил, что для идеалиста без суб‘екта нет об‘екта. В противоположность ему для материалиста об‘ект существует вне зависимости от суб‘екта. Определяя опыт, как результат взаимодействия между суб‘ектом и об‘ектом, Г. В. утверждал, что об‘ект не перестает существовать и тогда, когда суб‘екта еще нет и когда уже прекратилось его существование. Те, которые утверждают, что без суб‘екта нет об‘екта, просто-на просто смешивают одно с другим два совершенно различных понятия: существование об‘екта „в себе“ и его существование в представлении суб‘екта.*)

Мы уже говорили о тех нападках, которым подвергся Плеханов со стороны эмпириокритиков и других махистов, заявлявших, что он предпринял „злосчастную попытку помирить Энгельса с Кантом при помощи компромиссной, чуть-чуть познаваемой вещи в себе“.**) В. И. Ленин, проведя грань между кантовской непознаваемой вещью в себе и познаваемой вещью в себе Плеханова, доказал ценность обвинения Плеханова в кантианстве. Философия Канта, по своему существу,—компромисс между материализмом и идеализмом, ее поэтому критикуют и материалисты и идеалисты—понятно с полярно противоположных точек зрения. В лице Плеханова эмпириокритики столкнулись с представителем материалистов, „отвергающих в системе Канта самомалейшие элементы агностицизма и идеализма, доказывающих, что вещь в себе об‘ективно реальна, вполне познаваема, потусторонняя, ничем принципиально

*) От обороны к нападению. Ответ г. А. Богданову. Письмо второе. Стр. 39.

**) Очерки по философии марксизма. 1908. Стр 67.

не отличается от явления".. *) „Караул", закричали они—это незаконное смешение материализма с кантианством. Ленин выясняет всю ту разницу, которая имеется между критикой Канта, Плехановым и той же критикой со стороны эмпиримонистов, „Махисты критикуют Канта за то, что он черезчур материалист, а мы его критикуем за то, что он недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы—слева.**)

В своем споре с кантианцами Плеханов доказывал, что кантовская вещь в себе обладает признаками материальности, но в то же время недоступна нашему чувству. Плеханов вскрыл таившееся в такой постановке вопроса роковое противоречие: признавая материальность вещей в себе, мы считаем, что они являются источником наших ощущений; в то же время, признавая их недоступными нашим чувствам, мы должны притти к заключению об их нематериальности... Кантовской непознаваемой вещи в себе Плеханов противоставил вещь в себе—познаваемую:

— Никакого другого знания предмета, кроме знания его через посредство тех впечатлений, какие он на нас производит, нет и быть не может. Поэтому, если я признаю, что материя нам известна только через посредство ощущений, ею в нас вызываемых, то это вовсе не значит, что я об'являю материю чем-то „неизвестным" и непознаваемым. Напротив, это значит, что она, во-первых, познаваема, а во-вторых, познана человечеством в той самой мере, в какой ему удалось ознакомиться с ее свойствами, благодаря впечатлениям, полученным им от нее в длинном процессе своего зоологического и исторического существования.***)

Мнение Канта о непознаваемости вещей в себе Плеханов разбивал логикой самого кантова учения.

Исходя из определения Кантом явления как состояния нашего сознания, вызываемого действием на нас вещей самих по себе, Г. В. указывал, что предусмотреть данное явление, значит предусмотреть то дей-

---

*) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, Изд. II. М. 1920. Стр. 199.

**) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 199.

***) От обороны к нападению. Стр. 41 (Ответ г. А. Богданову. Письмо второе).

ствие, которое окажет на наше сознание вещь сама по себе. Наука доказывает, что некоторые явления мы можем предусматривать—это значит, что мы в состоянии предусматривать действия, которые будут произведены на нас вещами самими по себе. „Если же мы предусматриваем некоторые действия на нас вещей самих по себе, то это значит, что нам известны некоторые их свойства. А если нам известны некоторые свойства вещей самих по себе, то мы не имеем права называть эти вещи непознаваемыми".

Плеханов не только никогда не пытался об'единить марксизм с кантианством, но всегда являлся одним из наиболее последовательных противников такого противоестественного об'единения. Подчеркивая дуалистический характер кантианства, разрывающего связь между бытием и мышлением, Г. В. со времени своей полемики с Конрадом Шмидтом неустанно доказывал, что „в борьбе с материализмом главной твердыней являются всевозможные разновидности кантианства" что „незаконное сожительство Маркса с философией Канта должно представляться чем-то чудовищным".

После вещи в себе другим основным моментом в критике, которой подвергался Плеханов со стороны махистов, было понятие об'ективной истины „в бельтовском смысле".

Изображая процесс изменения общественных отношений и соответственного видоизменения научных теорий, Г. В. говорил: „В результате этих изменений является, наконец, всестороннее рассмотрение действительности, следовательно, и об'ективная истина... ...И это знание есть уже об'ективная истина, и никакой „рок" не сдвинет уже нас с этой открытой, наконец, правильной точки зрения".*) Эмпириомонисты усматривали в словах Плеханова противоречие постоянному развитию науки с ее никогда не останавливающимися завоеваниями. „И это говорится когда же?"—спрашивал А. А. Богданов по поводу слов Плеханова. „В эпоху великой и поистине беспримерной революции в мире научного познания, когда колеблются и падают научные законы, казавшиеся самыми незыблемыми и универсальными, уступая ме-

*) Примечания к „Людвигу Фейербаху" Энгельса. Стр. 117.

сто поражающе-новым формам, открывая неожиданные и неизмеримые перспективы". *) Этот вопрос был вполне естественным в устах автора „Эмпириомонизма", постулировавшего, что „марксизм заключает в себе отрицание безусловной обективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин". Не подлежит сомнению, что в этих словах, равно как и в приведенном выше вопросе Богданова, сказалось недопустимое смешение понятий об'ективности какой-либо истины и ее неизменности—вечности. Это чреватое последствиями смешение было рельефно выявлено Лениным в „Материализме и эмпириокритицизме", где он резко разграничил два вопроса: 1) существует ли об'ективная истина, т.-е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от суб'екта? 2) Если да, то могут ли представление выражающее об'ективную истину выражать ее сразу абсолютно или же только приблизительно, относительно?

Эмпириомонисты категорически отрицают существование об'ективной истины. Истина ими рассматривается как определенная идеологическая форма, как „организующая форма человеческого опыта". **) Отрицая существование „критерия об'ективной истины в бельтовском смысле", эмпириомонисты признают невозможным существование об'ективной истины вообще. Плеханов установил, что, отыскивая основу об'ективности в сфере коллективного опыта и определяя физический мир как социально-организованный опыт, эмпириомонисты превращаются в чистокровных идеалистов.

Что касается „статики" и „догматики", которые по мнению эмпириокритиков проявились в „бельтовской" об'ективной истине, то следует признать, что эти грехи ни в малой степени не тяготели над Плехановым. Если Г. В. утверждал, что „никакой рок не в силах отнять теперь у нас ни открытий Коперника, ни открытия превращения энергии, ни открытия изменяемости видов, ни гениальных открытий Маркса", то он отлично понимал, что эти слова дадут возможность бросать ему обвинения и в „статике" и в „догматике":

*) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. Б. 1908 г. Стр. 24.

**) А. Богданов. Эмпириомонизм. Кн. III Стр. IX.

—Но ведь не остановится же человеческая мысль на том, что вы называете открытием или открытиями Маркса? Конечно нет, господа! Она будет делать новые открытия, которые будут дополнять и подтверждать эту теорию Маркса, как новые открытия в астрономии дополняли и подтверждали открытие Коперника.*)

Эти слова Плеханова находились в полном соответствии с рассуждениями Энгельса касательно абсолютной и относительной истины, представляющими, как известно, абсолютную истину, как сумму истин относительных.

Анализируя теорию об'ективности, данную эмпириомонистами и обнаруживая всю ее несостоятельность, Плеханов с особенным вниманием остановился на отрицании махистами об'ективной реальности пространства и времени. Он установил, что рассматривая пространство и время, как формы человеческого созерцания или, говоря языком Богданова, как „формы социального согласования опыта различных людей", эмпириомонисты повторяли известную раскрытую Энгельсом ошибку Дюринга, для которого пространство и время существовали лишь потому, что их мыслят живые существа. Подчеркивая, что эмпириомонисты отказываются признать бытие времени, независимого от чьего бы то ни было мышления, Г. В., обращаясь к Богданову, говорил: „Бытие вне времени представляет собой такой же великий абсурд, как и бытие вне пространства. Вы наклеили оба эти абсурда на философию Маха".**) Плеханову пришлось выполнить по отношению к махистам ту же миссию, которую Энгельс выполнил по отношению к Дюрингу, когда об'яснял ему: „Основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства". („Анти-Дюринг".)

Следует признать, что эту миссию Плеханов выполнил с исчерпывающей полнотой и последовательностью, выявив все слабые места теории эмпириокритиков и эмпириомонистов в этом отношении.

---

*) К вопросу о развитии... Стр. 176.

**) От обороны к нападению. Стр. 84. Ответ А. Богданову Письмо третье.

Одной из твердынь русского эмпириомонизма является, как известно, богдановская теория „подстановки“. Считая, что „старая (марксова—С. В.) формулировка исторического монизма, не переставая быть верною в своей основе, уже не вполне нас удовлетворяет“*), Богданов пытался исправить ее своей теорией „подстановки“.

Теория „подстановки“ исходит из основной предпосылки эмпириомонизма—раздвоения опыта на „психический“ и „физический“—зависящий от индивидуума и зависящий от коллектива. Основываясь на этой предпосылке, эмпириомонисты ставят себе задачу построения опыта вне обоих указанных зависимостей. „Подставляя“ под чужие „высказывания“ свой индивидуальный опыт, эмпириомонисты рисуют мировой процесс, как мир „элементов“, образующих бесконечную цепь комплексов самых различных ступеней организованности. „Все эти комплексы действуют друг на друга, взаимно разрушая друг друга „в борьбе“, взаимно связываясь в процессе образования больших и выше организованных систем, взаимно отражаясь одно в других. „Явления психические“—это отражения самых различных комплексов в таком из них, который обозначается как „человеческий индивидуум“; „явления физические“—в таком, который называется „коллективный суб‘ект“.**)

Плеханов установил, что „теория подстановки“, являющаяся одним из китов эмпириомонизма, представляет собою определенно выраженный махистский идеализм, при котором физическое „подставляется“ под психическое. Он указал, что „функциональная зависимость“ эмпириомонистов ничем не отличается от „предустановленной гармонии“, от которой они так усердно открещивались, что теорией „подстановки“ разрывается естественная связь явлений.

Подвергнув беспощадной критике учение эмпириокритиков и эмпириомонистов, обнаружив, что оно является плотью от плоти махистской философии, Плеханов обратил острие своей критики против самого Маха.

---

*) А. Богданов. Развитие жизни в природе и обществе Стр. 37.

**) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. Б. 1908 г. Стр. 52.

Об'явив весь мир одним комплексом связанных между собой ощущений, Мах полагал, что он тем самым разрешил антиномию суб'екта и об'екта, „Я“ и „не Я“. Взяв за основу кантовский трансцедентальный идеализм, Мах в то же время боролся с кантовской непознаваемой вещью в себе. Поэтому его учение—шаг вперед по отношению к идеализму Канта, но шаг назад по отношению к материализму Маркса. „Мах, хотя и совершенно бессознательно“, говорит Плеханов, „постоянно вынуждается переходить на материалистическую точку зрения. И каждый раз, когда он переходит на нее, он попадает в логическое противоречие с идеалистической основой своей собственной „философии“.*)

Исчерпывающе выяснив природу рокового раздвоения Маха—его дуализма, Г. В. приходит к заключению, что „махизм есть лишь берклеизм, чуть-чуть переделанный и заново перекрашенный под цвет „естествознания XX века“. **) В этих словах был приговор тем „махообразным“ марксистам, которые пытаются подвести под здание научного социализма фундамент имманетной философии; приговор тому философскому ревизионизму, который опираясь на „новейший позитивизм“, приходит к старейшему идеализму.

Под'итоживая значение борьбы Плеханова с махизмом в его всяческих выявлениях и всевозможных вариациях, следует признать, что эта борьба представляет собой факт столь же крупной общественно-научной ценности, как и его полемика с суб'ективно-социологической школой и критика бернштейнианства. В этой борьбе Плеханов неизменно оставался верным продолжателем Марксова дела и носителем философии рабочего класса. Он выявил истинную ценность всех выступлений эмпириокритиков против „бельтовской школы“ против „плехановской вещи к себе“. Касаясь этих выступлений, А. Деборин в свое время писал: „Как бы согласно особому уговору все критики материализма с

*) От обороны к нападению. Стр. 55.

**) Ibid Стр. 67. Считаю долгом указать здесь, что мысль о том, что аргументация „махистов“ против материализма заимствована у Берклея, была впервые высказана Л. И. Аксельрод (Ортодокс)—в ее „Философских очерках“ (1906).

некоторых пор тянут одну и ту же песнь с одним и тем же монотонным припевом: одно дело материализм Марксаи Энгельса, другое дело материализм Плеханова—Бельтова. Материализм Маркса и Энгельса эмпиричен и реалистичен; материализм Плеханова—Бельтова метафизичен и идеалистичен."*) То же чрезвычайно характерное обстоятельство отметил и В. И. Ленин. „Махисты, желающие быть марксистами дипломатично оставили в стороне Энгельса, совершенно игнорировали Фейербаха и топтались исключительно кругом да около Плеханова". **) Г. В. заклеймил это „топтание" не только как неудачную, но и как немужественную философию.

Безупречные логические построения Плеханова заставляли разлетаться во все стороны карточные домики эмпириокритических концепций. Его трезвый и глубокий анализ вскрывал всю реакционность теорий, которые под оболочкой позитивизма и новейшего естествознания таили в себе ядро идеализма и фидеизма. Его беспощадная убийственная чисто герценовская ирония вырывала всякую почву из под ног адептов трусливого идеализма.

Обороняясь от своих противников—махообразных марксистов и марксообразных махистов. Плеханов в свою очередь атаковал их; защищаясь от махизма, нападал на него. Свой переход от обороны к нападению Г. В. сопровождал той страстностью, которая составляет одну из самых характерных черт Плеханова. Эта страстность дала повод некоторым видным теоретикам марксизма, в том числе и Каутскому, упрекнуть Плеханова в излишней горячности и ненужном обострении спора. Г. В. однако считал „горячность" необходимым условием борьбы с философским ревизионизмом, ибо он был убежден в том, что теоретическая буржуазная реакция, производившая в то время опустошение в рядах передовой интеллигенции России, совершалась под знаменем философского идеализма. Борьбу с теми философскими учениями, которые способствуют такому опустошению, Плеханов считал обязательным вести с последовательной суро-

*) А. Деборин. Введение в философию диалектического материализма Птг. 1916 Стр. 343.

**) Вл. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм М. 1920. Изд. 2-ое. Птг. 93.

востью. В этом огромная и ценная заслуга Плеханова. Он первым из марксистов провозгласил, что за ширмой гносеологической схоластики эмприокритиков таятся классовые тенденции. Здесь следует отметить, что, осуществляя свое теоретическое размежевание с махистами в эпоху царившей в России безраздельной реакции, Г. В. поставил прогноз, в правильности которого последовательные марксисты должны были убедиться в переживаемую эпоху Великой Революции. Так напр., В. И. Невский в результате своих практических наблюдений над тем, как выковывается мысль рабочего класса в наше время, заявил, что идеи эмпириокритиков, с которыми столь страстно боролся Плеханов, представляют собою не „философию живого опыта", а „философию мертвой реакции". К этому положению и сводил всю свою полемику с махистами Г. В., сразу понявший погубные результаты той философской путаницы, которая наступила в результате того, что „в революционные головы попало реакционное содержание".

Особое место в „обороне" Плехановым диалектического материализма от многочисленных попыток „поверить", „дополнить", „исправить" теорию Маркса занимает отношение Г. В. к философии Иосифа Дицгена.

Как известно, учение германского философа-самоучки, самостоятельно пришедшего к открытию основных принципов диалектического материализма, дало повод некоторым из его последователей провозгласить дицгенизм высшей „универсальной натур-монистической" фазой диалектики. Плеханов выступил против такого чрезмерного увлечения философией Дицгена, заявив, что философские воззрения Маркса и Энгельса „не могут быть д о п о л н е н ы, а могут быть, пожалуй, п о п у л я р и з о в а н ы с помощью учения Дицгена"*). Плеханов считал, что у Дицгена нельзя обнаружить ни одного основного положения, которого бы не формулировали—более научно и более ясно—Маркс и Энгельс.

Центральный пункт гносеологии Дицгена—положение о том, что „мировое единство сплошь многообразно и все многообразие составляет одно монистиче-

*) Основные вопросы марксизма СПБ 1917 г. стр. 5.

ское целое“*), об‘является Плехановым повторением мысли, составляющей основу всякой диалектики и исчерпывающе формулированной творцами научного социализма. Анализируя характер выступлений Дицгена, направленных против спекулятивной философии, рассматривающей дух вне мира и над миром, Плеханов считает, что Дицген с этой задачей не справился. В том ответе, который Дицген давал на вопрос об отношении суб‘екта к об‘екту, Плеханов усматривал логическое грехопадение. Положение Дицгена о том, что бытие производит мышление, которое, однако, является частью бытия, по мнению Плеханова, „привлекает к И. Дицгену людей, находящихся под влиянием современного идеализма и во что бы то ни стало желающих приставить идеалистическую голову к историческому материализму“**).

III.

Борьбу за диалектический материализм Плеханов вел главным образом на социологической и философской арене, но есть еще одна область, в которой Г. В. пришлось не раз скрестить оружие критики с противниками марксизма. Эта область—экономия.

Мы указывали уже выше, что приобщение Плеханова к марксизму произошло раньше всего, так сказать, по экономической линии. Тогда, когда Плеханов не был еще марксистом, он был уже экономическим материалистом, и экономические отношения являлись для него «коренной» причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов». Впоследствии—марксистом—Плеханов подчеркивал, что экономическая теория Маркса является неот‘емлемой и основной частью того цельного миросозерцания, имя которому м а р к с и з м. Он весьма иронически относился к тем эклектикам, которые пытались оторвать экономическую сторону марксова ученья от какой-либо другой. Обращаясь к русским суб‘ективистам, разобщавшим экономические и исторические взгляды Маркса, Плеханов говорил: «этим

*) А. Дицген, Завоевания (Аквизит) философии и письма о логике СПБ 1906, стр. 47.

**) От обороны к нападению, стр. 177. Иосиф Дицген.

сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов“...

Эта борьба, которую Плеханов много лет упорно и настойчиво вел с народниками, показала, что основоположник русского марксизма умел не только платить дань теоретического внимания тому, что его противники называли «экономической струной», но, что он умел этой «струной» и достаточно хорошо пользоваться.

Вся та серия антинароднических работ, которая была выпущена Плехановым в восьмидесятых и девяностых годах и которая обессмертила его имя для истории социализма, обнаружила в Плеханове человека тонкого экономического чутья, внимательного исследователя русской хозяйственной жизни и знатока экономического быта России. Основной факт, которым аргументирует автор „Социализма и политической борьбы“, „Наших разногласий“, „Обоснования народничества в трудах г-на В. В.“—факт экономический. Плеханов побивает своих противников статистической сводкой, цифровыми данными, доказательствами почерпнутыми из экономической повседневщины. Основываясь на экономических фактах, Плеханов и развернул новые перспективы в тех кардинальных вопросах, которые стояли перед русской общественностью на исходе XIX века и требовали от нее словами древнего сфинкса: „Отгадай или я сожру тебя!“—то были вопросы об общине, о кустарничестве, об артели, о разложении натурального хозяйства, о пришествии капитализма. Мы в своем месте устанавливали, какую роль сыграли эти выступления Плеханова в истории русской общественной мысли. Здесь будет нам позволительно сказать лишь, что если бы Плеханов никогда впоследствии не высказал ни одного соображения по вопросам теоретической экономии, то уже одним своим спором с народниками он завоевал-бы себе почетное место в истории нашей экономической мысли.

Заслугой Плеханова—экономиста является, однако, не только умение мастерски разбираться в экономических фактах и помощью их ставить безупречные марксистские прогнозы, но не в меньшей мере, и та борьба за марксизм, которую он вел в сфере экономики.

Была эпоха—Плеханов ее называет „золотым временем буржуазной политической экономии",—когда в глазах теоретиков экономической науки капитализм был единственным нормальным хозяйственным строем, и законы, присущие этому строю, являлись естественными, вечными и непреложными законами общественного хозяйства. То было на заре капитализма, когда скрытые в капитализме противоречия проявлялись в очень слабой форме, когда рабочий вопрос не стоял еще пред обществом так грозно, как он стал несколькими десятилетиями спустя. В это время и выросло грандиозное здание классической политической экономии, нашедшей свое наиболее полное выражение в трудах Смита и Рикардо. Но по мере того, как изменялся „ход вещей" в европейском обществе, изменялся в нем и „ход идей". По мере того, как росли и ширились социальные противоречия в недрах капиталистического общества, как грозным призраком стали пред ним промышленные кризисы, как вышел на историческую арену рабочий класс—класс для себя, по мере того как начали, одним словом, показываться признаки грядущего заката капитализма, рушилось и стройное здание классической экономии. „Теперь"—писал Плеханов в своем критическом этюде о Воронцове,—„буржуазная экономия давно уже изверилась в самое себя, и теория естественных законов народного хозяйства потеряла почти всякий кредит".*) По мере того, как новые общественные отношения превращали принципы классической экономии в анахронизм, им на смену должны были приходить, и действительно приходили, новые взгляды, исходившие от новых экономических школ. Эти школы занимали определенное место в орбите классовой борьбы, заполнявшей собою современность. Одни из них продолжали цепляться за обанкротившийся догмат старой классической школы о естественных законах хозяйства (Бастиа). Другие старались примирить интересы капитала с интересами труда, спасая то, что можно было изнаследства классиков и предавая погребению те из принципов школы Смита—Рикардо, которые

*) Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.) СПБ. 1896 стр. 25.

были убиты ходом жизни (Дж. Ст. Милль). Наконец, к этому времени возникла величественння система, подвергнувшая экономическую науку современности всесторонней критике и обосновавшая экономические принципы в строгом соответствии с интересами рабочего класса (Маркс—Энгельс). Общественные отношения эпохи привели к тому, что по известному выражению Карла Маркса „дело шло уже не о том верна та или другая теорема, а о том вредна или полезна, удобна или неудобна она для капитала".

С середины XIX века любая экономическая школа была уже кровно связана с интересами определенной социальной группы. Экономисты сознательно или бессознательно подгоняли свои положеняи к интересам того буржуазного общества, частицу которого они представляли. „Западно-европейские буржуазные экономисты",—говорил Плеханов в одной из своих статей—„находятся теперь далеко не в таком положении, чтобы их могла интересовать та или другая теория an und für sich. Решающее значение имеют в их глазах практические стремления авторов этих теорий"...*) Это положение Плеханов доказал на примерах „историко-реалистической" школы, учения Родбертуса, „австрийской школы" предельной полезности и множества других течений экономической мысли. Политическая экономия—одно из сильнейших идеологических оружий в той классовой борьбе, которая непрестанно кипит вокруг нас. Долг идеолога рабочего класса выбить это оружие из рук противника,—завоевать его для своего класса. Да можно ли, однако, говорить о политической экономии, как об оружии в руках борющегося класса? Плеханов в этом не сомневался. П а р т и й н а я н а у к а,—отвечал он в свое время Бернштейну,—строго говоря невозможна. Но к сожалению, очень возможно существование «ученых», проникнутых духом партии и классовым эгоизмом. Когда марксисты презрительно отзываются о буржуазной науке, они имеют в виду именно «ученых» этого рода".**)

*) Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова. За двадцать лет. Изд. 3-е, стр. 48.

**) Cant против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна. Критика наших критиков. Стр. 149.

Научный социализм отрицательно относится к классической буржуазной экономии. Но это отнюдь не значит, что он презрительно проходит мимо нее. Нет, современный социалист критикует учение классиков экономии, но он не метафизик и не утопист и потому умеет эту критику осуществлять диалектически:

— Она (классическая буржуазная экономия—С. В.) представляется им тем, чем она была в действительности, т. е. не сплетением лжи и софизмов, сбивших с толку человечество, а учением о законах, управляющих экономической жизнью общества на известной ступени развития. Теории буржуазных экономистов служат социалистам необходимым пособием при изучении того общественного порядка, который подготовляет условия социалистической революции. Диалектическая критика Маркса устранила односторонние, метафизические взгляды буржуазных экономистов, пополнила пробелы и исправила ошибки их теорий и поставила политическую экономию на совершенно новых основаниях... Буржуазная политическая экономия изучала буржуазный порядок в его готовом законченном виде, который она считала неизменным. Современная нам политическая экономия изучает буржуазный порядок с точки зрения развития, с точки зрения его возникновения и уничтожения.*)

Плеханов рассматривал экономическое ученье Маркса, как одну из сторон многогранной системы диалектического материализма. Борясь за чистоту всей системы, Плеханов не мог не бороться и за экономию марксизма. В одной из своих речей Г. В. сказал как-то, что он дал себе слово, по выражению Лассаля, „бить умственной дубиной“ всякого, кто становится между пролетариатом и ясным пролетарским сознанием.

Миссию страстного борца за чистоту и цельность марксизма Плеханов осуществлял и в области вопросов философских, и в области вопросов социологических, и в области, наконец, вопросов экономических.

С особенным возмущением и энергией, как мы видели, Плеханов восставал против всяких попыток „примирить“ марксизм с враждебными ему по существу

*) Н. Г. Чернышевский. СПБ. 1910, стр. 347.

течениями, противоестественно сочетать его с чуждыми направлениями, эклектически „дополнять“ и „исправлять“ его...

Всю силу проявлявшегося у него в таких случаях возмущения не раз почувствовали Туган—Барановский, Струве, Франк, Леонэ и другие критики экономических воззрений Маркса, венчавшие творца научного социализма с Брентано, с Бем-Баверком, с Парето и прочими калифами на час буржуазной экономической мысли, пытавшиеся сочетать теории, базирующие на психологических потребностях, с теориями, исходящими из производственных отношений.

„Критикуя критиков“ экономической теории Маркса, Плеханов рассеял немало предрассудков, которые сложились вокруг нее.

Одним из таких, к тому очень ходячим предрассудком, являлось знаменитое „противоречие“ между первым и третьим томами „Капитала“. Не один из критиков Маркса скакал и играл по поводу этого „противоречия“. Бем-Баверк, Воронцов, Бенедетто Кроче, Франк, взапуски твердили, что экономическая теория Маркса терпит крушение, благодаря столкновению закона трудовой стоимости с законом равного уровня прибыли.

Плеханов в своих работах очень убедительно показал, что то противоречие, в которое, по мнению критиков, впал Маркс, является противоречием мнимым, рожденным недостаточным пониманием марксизма. Ссылками на „Капитал“ Плеханов показал, что антиномия, возбуждающая недоумение критиков, была учтена Марксом, и им разрешена, что творец «Капитала» не утверждал прямого совпадения средних цен товаров с их стоимостями. Если Маркс в третьем томе „Капитала“ указал, что действие закона стоимости ограничивается и видоизменяется действием закона равного уровня прибыли, то это его утверждение находилось в соответствии с теми мыслями, которые он высказал в предыдущих томах своего труда. Еще до появления третьего тома Плеханов предсказал, что рассматриваемая антиномия может быть решена именно в том направлении, которое избрал, как вскоре оказалось, автор „Капитала“. Если Маркс указал, что действие одного

закона хозяйственной жизни ограничивается и видоизменяется действием другого ее закона, то никаких поводов для того, чтобы бить в литавры по поводу того, что Маркс противоречит самому себе, в этом утверждении нет. «Разве не точно излагает учение современной астрономии тот, кто говоря, что планеты движутся по эллипсисам, не считает при этом нужным в силу тех или других соображений, сделать добавление на счет тех или других отклонений от эллиптической орбиты, которые наблюдаются в действительном движении планет и которые, в свою очередь, находят себе об'яснение в других теоремах науки? В естествознании мы почти на каждом шагу сталкиваемся с тем явлением, что действие одного закона ограничивается и, следовательно, видоизменяется действием другого».*) Когда же «критики» Маркса, вроде Воронцова, предлагают те или иные решения мнимого противоречия между законами трудовой стоимости и равных прибылей, то они в сущности повторяют мысли, давно высказанные классиками экономии и несравненно более плодотворно использованные Марксом. Большая заслуга Плеханова-экономиста и в том, что он разбил ту „формулу притупления общественных противоречий“, которую вслед за Кэри-Бастиа и их эпигоном Шульце-Геверницем, оседлали Бернштейн-Струве.

На многочисленных примерах, заимствованных из официальной статистики современных буржуазных государств, Плеханов показал как расходятся с действительностью те, которые твердят о постепенном смягчении социальных противоречий внутри капиталистического общества. «...Разглагольствования на тему о притуплении общественных противоречий, о диффузии богатства, об «обеднении» капиталистов и об «обогащении» работников являются горькой насмешкой над тем классом, которому с особой силой дает себя чувствовать общественное неравенство».**)

Если-б мы обратились к целому ряду существенных вопросов политической экономии—к вопросам рынка и кризисов, к теории народонаселения, к проблеме

*) Н. Г. Чернышевский. СПБ. 1910. Стр. 19.

**) Г-н П Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Критика наших критиков, стр. 65.

земледельческой ренты—в истолковании Плеханова, то мы увидели бы, что это толкование неизменно остается ортодоксально-марксистским. В толковании всех этих вопросов Плеханов является не простым популяризатором взглядов Маркса-Энгельса, а прямым продолжателем их учения.

Говоря о Плеханове-экономисте нельзя пройти, наконец, мимо тех характеристик отдельных носителей экономической мысли и целых экономических школ, которые рукой мастера рассеяны по ряду его работ и которые образуют собой канву для марксистской истории экономических учений.

IV.

Центральная теорема диалектического материализма, устанавливающая, что идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное, была для Плеханова не только положением, нуждавшимся в теоретической разработке и защите, но и осью универсального метода исследования общественной жизни. Этим методом Г. В. с исключительной силой пользовался и как литературный критик, и как историк общественной мысли.

Главную задачу свою как литературного критика Плеханов видел в том, чтобы перевести идею данного художественного произведения с языка искусства на язык социологии, чтобы найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления *). Оценивая какое-либо произведение искусства, Плеханов прежде всего выяснял, какая сторона классового сознания выражается в нем, устанавливал, где то общественное «бытие», которое определило собою данное „сознание"—идеологию разбираемого произведения.

В своих критических статьях Плеханов неоднократно задавался вопросом о том, существует ли и в чем выражается причинная связь между техникой и экономикой общества, с одной стороны—и его искусством,—с другой, Восставая против расплывчатости и

*) За двадцать лет. Предисловие к третьему изданию СПБ. 1908, стр. X.

туманности известной формулы, определяющей искусство, как отражение жизни, Плеханов указывает, что понять процесс отражения искусством жизни можно лишь изучив механизм этой последней. Основная пружина жизни цивилизованных народов—классовая борьба. Следовательно, классовая борьба отправная точка при изучении искусства какого-либо народа. Ключ к об'яснению прекрасного Плеханов отыскивает не в биологии, а в социологии. Эстетические понятия и вкусы определяются общественными условиями существования. „Держась обоими руками за то неоспоримое положение, что общественное сознание определяется общественным бытием", Плеханов во всех своих литературно-критических выступлениях аппелирует к классовой борьбе, как основной пружине общественной жизни. Критерий классовой борьбы является в руках Плеханова ключем к уразумению процесса образования любого литературного произведения.

Не соглашаясь с рассуждениями Канта, доказывавшего, что эстетическое наслаждение свободно от всякого интереса, Плеханов признавал правильность указания Канта в применении к отдельным индивидуумам, но утверждал, что эстетические вкусы общественного человека в конечном счете об'ясняются причинами утилитарного характера.

В то же время, предупреждая неправильные выводы из указанного положения. Плеханов неоднократно выступал против того упрощенного взгляда, согласно которому искусство следует рассматривать, как нечто совершающееся под исключительным и непосредственным влиянием экономического фактора. Непосредственное влияние производительной деятельности человека на его миросозерцание, эстетические вкусы и создаваемое им искусство проявляется лишь в лишенном классового характера первобытном обществе. Но в обществе цивилизованном, разделенном на классы, непосредственное влияние хозяйственной деятельности на образование искусства становится менее заметным. Историю идеологии в обществе, разделенном на классы, можно уяснить лишь исходя из влияния классовой борьбы на психологию составных частей общества. В искусстве выражается общественная психология, харак-

тер же последней определяется теми отношениями, в которых находятся группы, образующие данное общество. Эти отношения в свою очередь складываются под влиянием развития производительных сил. Таким образом экономия влияет на искусство не непосредственно, а через различные факторы—политику, философию, религию и т. д., обусловленные ею самой.

Считая основной задачей литературной критики отыскание социологического эквивалента художественного произведения, Плеханов очень сурово осуждал тех критиков, которые, перегибая палку в другую сторону, ограничивают свою роль тем, чтобы переводить идею произведения с языка искусства на язык философии. Определение социологического эквивалента литературного произведения являлось для Плеханова первым актом материалистической критики; ее второй акт—анализ его художественных достоинств. Этот второй акт не только возможен, но и необходим.

Плеханов был одним из первых представителей той материалнстической критики, которая, по его собственому выражению, с одной стороны понимала железные законы движения «экономической струны», а с другой показывала, как на этой струне вырастает «живая одежда» идеологии.

Пользуясь историческим материализмом, как универсальным методом исследования общественных явлений, Плеханов не только оставил ряд огромной ценности литературно-критических статей, но и обогатил русскую историческую науку своими исследованиями по развитию русской общественной мысли, насквозь пропитанными диалектическим материализмом.

Никогда не порывая той причинной связи, которая существует между «ходом вещей» и «ходом идей», Плеханов исчерпывающе обосновал материалистическое понимание русского исторического процесса, Г. В. заявил, что «историк русской общественной мысли, отвергая, как совершенно устаревшее учение о полном своеобразии русского исторического процесса, ни в каком случае, не может закрыть глаза на его относительное своеобразие». *) Не сомневаясь в том, что

*) История русской общественной мысли, т. I, стр. 11.

основным двигателем общественного процесса в России, как и во всякой другой стране, была классовая борьба, Плеханов обнаруживает коренную ошибку историков, сравнивающих эту борьбу исключительно с той, которая происходила на Западе, оставляя в стороне общественные отношения Востока. Лишь в сравнении России—страны, колонизовавшейся в условиях натурального хозяйства, с восточными деспотиями—ключ к пониманию русского исторического процесса, следовательно всех извилин русской общественной мысли. Пользуясь этим ключем, Плеханов вносил очень существенные коррективы в то понимание русского исторического процесса, которого придерживались многие видные авторитеты нашей исторической науки.

В противовес тем многочисленным суб'ективным историкам, которые витая в облаках абстрактного идеала, всюду и везде отыскивают вечные этические категории, Плеханов, опираясь на железный рычаг классовой борьбы, никогда не оставлял твердой социологической почвы.

Об этом свидетельствуют его исследования о Чернышевском, Белинском, Герцене, Чаадаеве и, прежде всего, оборвавшаяся «История русской общественной мысли».

V.

Энгельс установил в „Анти-Дюринге", что „материализм, по существу, диалектичен и более не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками". Доведя материалистическую диалектику до высшего совершенства, Плеханов всем своим творчеством доказывал этот энгельсовский тезис. „Философия Маркса и Энгельса", говорит Г. В., „не только материалистическая философия. Она есть диалектический материализм". *) Никогда не оставляя отточенного оружия диалектики, Плеханов рассматривал всякую форму в процессе движения. Он подходил к каждому историческому явлению, как к преходящему и старался не только вскрыть причины его породившие, но также отыскать те семена развития, которые оно в себе таит:

*) Предисловие к «Людвигу Фейербаху» Энгельса, стр. 81.

— Все течет, все изменяется, каждая вещь носит в себе зародыш своего исчезновения. Такой ход вещей, отражаясь в человеческих головах, обусловливает собою то, что каждое понятие заключает в себе зародыш своего отрицания. Это—естественная диалектика понятий, основанная на естественной диалектике вещей. Она не сбивает людей, владеющих ею, а, напротив, придает их мысли гибкость и последовательность. *)

Плеханов владел материалистической диалектикой, как никто. Поэтому она не сбивала его, а служила ему компасом, которым он пользовался при исследовании самых сложных и запутанных явлений общественной жизни. Следуя известной энгельсовской формуле, Плеханов всегда рассматривал вещи и их отражения в понятиях в „их взаимной связи, сцеплении, в движении, возникновении и уничтожении". Ни одного из принципов не возводил он на степень безусловной истины. Лейтмотивом всего его творчества было: „отвлеченной истины нет; истина конкретна, в ней все зависит от обстоятельств времени и места. Плеханов никогда не мыслил по формуле: „Да-да, нет-нет, что сверх того, то от лукавого". Он жестоко смеялся над так мыслящей „доктринерской породой марксистских попугайчиков"—„марксят", как говорил Г. В.

Материализм и диалектика являлись для Плеханова понятиями, взаимно дополняющими друг друга. Без одного из них он не мыслил другого. «В основе нашей диалектики», говорил Г. В., «лежит материалистическое понимание природы. Она на нем держится; она пала-бы, если бы суждено было пасть материализму. И, наоборот, без диалектики неполна, одностороння, скажем больше: невозможна материалистическая теория познания. **)

Диалектика—живой дух марксизма; революционность—душа диалектики. Революционная по существу, устанавливающая неминуемость уничтожения существующего уклада, она неприемлема в своем рациональном виде для идеологов буржуазии. Вот почему последние предпочитают иметь с ней дело в «мистифицированном виде», как говорил Маркс. „В мистифицированном виде"

*) Генрик Ибсен. СПБ. 1906, стр. 42.
**) Примечания к «Людвигу Фейербаху» Энгельса. Стр. 21.

диалектика превращается в оправдание действительности, становится философским освящением последней. «Мистификация» диалектики сводится к притуплению ее революционного острия, приписываемому ей отрицанию скачков в природе и общественном процессе, провозглашению непрерывности последнего. В своем „мистифицированном виде“ диалектика превращается в теорию постепенного эволюционного принципа.

Здесь—об'яснение тому, что большинство бывших марксистов, ушедших от рабочего класса к мелкой буржуазии, свой „критический пересмотр“ философских предпосылок марксизма начало с «мистифицирования» диалектической формулы. «Нам может быть понятно только непрерывное изменение», писал в свое время П. Б. Струве, поэтому „старое положение: natura non facit saltus (природа не делает скачков) должно быть дополнено другим: intellectus non patitur saltus (интеллект не терпит скачков)“.*)

Струве, Бернштейн, Бердяев, Булгаков утверждали, что природа, интеллект, история „не терпит скачков“. Из этой философской предпосылки следовал естественный вывод о невозможности скачка из „царства животных в область человеческой свободы“, о невозможности четко провести демаркационную линию между сменой одной социальной формации другой, об утопичности предсказания Zusammenbruch'a. Грозная перспектива социальной революции в результате „ревизии“ сменялась миролюбивыми чаяниями социальной реформы.

Плеханов, показав шаткость аргументов от философии Струве-Бернштейна, первый из марксистов определил те классовые стимулы, которые привели их к реакционной мистификации революционной диалектики.

Положению ревизионистов о том, что скачков не бывает, а есть только непрерывность, Плеханов противопоставил утверждение о том, что в „действительности изменение всегда совершается скачками, но только ряд мелких и быстро следующих один за другим скачков сливается для нас в один „непрерывный процесс“.**)

---

*) Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik. Bd. XIV. Heft 5/6. S. 679. Цитирую по Плеханову.

**) Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Критика наших критиков. Стр. 104.

Изучая природу и общество, надлежит всегда помнить, что скачки предполагают непрерывное изменение, а не, прерывное изменение неизбежно приводит к скачкам. Лишь на основе этого синтеза можно воздвигнуть правильную теорию познания.

Что касается той практической тенденции, которую таят в себе теоретические выступления в области толкования диалектического принципа, то Плеханов трактовал ее как тягу к передовым слоям мелкой буржуазии и попытку «приспособить» марксово учение к ее идеологическим запросам.

Диалектический материализм был для Плеханова цельным и единым философским миросозерцанием. Он неоднократно указывал, что исторический материализм это только часть материалистического понимания мира, что материалистическое об'яснение истории предполагает материалистическое понимание природы. В отличие от многих других марксистов, Плеханов был убежденным противником того взгляда, который защищал, напр., Штерн, утверждавший, что «не только с нравственным, но и философским материализмом исторический материализм не имеет ничего общего». *) Г. В. доказывал, что между материалистической философией и материалистическим пониманием истории имеется взаимная и неразрывная связь, что Маркс и Энгельс—материалисты не только в области исследования общественного процесса, но и в области понимания отношения между материей и духом.

Н. К. Михайловский в шутку назвал Плеханова „поэтом марксистской диалектики". Мы можем повторить теперь слова Михайловского отнюдь не иронически. Г. В. был настоящим поэтом марксистской диалектики, которой он владел как немногие из учеников Маркса. Неуязвимая в логических построениях, убийственная в беспощадной иронии, овеянная пафосом революционной страсти, диалектика Плеханова была исключительной по своей силе и красоте.

Работа, проделанная Плехановым в области разработки диалектического материализма, воистину огромна.

*) И. Штерн. Исторический материализм. Перевод в изд. «Голоса» СПБ. 1905. Стр. 19.

Собирая воедино наследство Маркса—Энгельса, Г. В. разрабатывал, систематизировал, грудью защищал его от всякой попытки засорения, искажения и нес в массу марксов светильник материалистической диалектики.

В истории русской общественной мысли есть эпоха, когда наша разночинная интеллигенция массами становилась под знамя диалектического материализма. То были годы, когда Россия вступила в фазу капитализма, что не позволило более русской интеллигенции исповедывать исторический идеализм и толковать об исключительной самобытности русского исторического процесса. «Тогда», говорит Плеханов, «явился сильнейший спрос на исторический материализм, потому что только с его помощью можно было сделать удовлетворительный анализ как западно-европейского, так и русского общественного бытия». *) Вполне естественно, однако, что массовое увлечение историческим материализмом могло продолжаться лишь до тех пор, пока довлели реальные предпосылки этого увлечения. Вскоре начался „отход“ от материализма и „возвращение“ к идеализму со стороны интеллигентов, являвшихся идеологами европеизированной русской буржуазии, не смогшими примириться с теми выводами, к которым приводило приложение материалистического метода к русской общественной жизни. О всех почти теоретиках, выступивших в начале девяностых годов глашатаями диалектического материализма, через какой-нибудь десяток лет можно было сказать, что „иных уж нет, а те далече“. И лишь один Плеханов, в отличие от своих минутных сторонников, бывший идеологом пролетариата, до конца дней оставался безупречно последовательным материалистом. Недаром один из наиболее убежденных идеалистических противников Плеханова Н. И. Кареев, вспоминая свою полемику с материалистами, сказал в 1913 году: „из тогдашних теоретиков экономического материализма один только г. Плеханов остался твердо стоять на занятой им позиции“. **) Будучи идейным преемником Маркса—Энгельса и наследником их философской системы, Плеханов беззаветно отстаивал дух

*) История русской общественной мысли т. 1 стр, 129.
**) Н. И. Кареев. Собрание сочинений. 1913, т. III, стр. VI.

марксовой философии, но никогда не был в плену ее догмы. В. Г. мог не сомневаться, когда однажды сказал: „Я предоставляю сведущим в философии людям решить, как отношусь я к Марксу и Энгельсу: „как раб, следующий за своими господами, но неспособный усвоить всю полноту их мысли, или же, как ученик, сознательно отстаивающий те принципы, к которым пришли его великие учителя".*)

Мы видели выше, что Плеханов никогда не обращал исторического материалитма в шаблон. Он всегда относился чрезвычайно критически ко всем тем марксистам, которые злоупотребляли историко-материалистическим методом, как например, автору „Греческой теории становления" Элевфоропулосу или немецкому марксисту Фейегарду, недопустимо упростившим и схематитировавшим материалистическое понимание истории.**)

В ту пору, когда Плеханов начал свои выступления в защиту диалектического материализма, его противники упрекали Г. В. в том, что защищаемая им философская система не создала такой книги, которая давала бы этой системе оправдание. Плеханов в ответ указывал, что такая „книга" может быть создана только путем „длинного ряда частных исследований, обрабатывающих соответствующие области науки с помощью марксова метода". ***).

Если так, то следует признать, что никто не сделал для создания книги столько, сколько сам Плеханов. В его философских памфлетах, литературно-критических и исторических трудах мы имеем настоящую „книгу" диалектического материализма. В каждой странице этой книги чувствуется, что она написана человеком, для которого диалектический материализм был сильнейшим из духовных оружий рабочего класса в борьбе за его раскрепощение. Поэтому Плеханов так ревниво оберегал философию пролетариата от всякого искажения ее теориями, „бившими марксизм по лицу": на духовном оружии самого революционного из всех классов совре-

---

*) От обороны к нападению. Стр. 633. Идеология мещанина нашего времени.

**) У нас в России такой склонностью к упрощению марксизма особенно страдал, как известно, покойный Шулятиков.

***) Основные вопросы марксизма. Птг. 1917 г. стр. 105.

менного общества нельзя оставить ни единого пятна эклектической ржавчины—она притупит это оружие. О Плеханове можно смело сказать словами Энгельса, что он „не шутил с марксизмом“.

В „Критике гегелевой философии права“ Маркс утверждал, что подобно тому, как пролетариат обретает в философии духовное оружие, точно также философия обретает в пролетариате свое физическое орудие. Если так, то заслуга Плеханова в области диалектического материализма велика вдвойне. Он не только дал в руки рабочему классу России это мощное оружие, но он предварительно этот рабочий класс открыл.

7. Плеханов и вопросы искусства.

Марксизм и вопросы искусства.— Плеханов и проблема происхождения искусства.— Искусство в классовом обществе.—Художник и общество.—Автономность искусства. — Материалистическая критика.—Плеханов—литературный критик.—Плеханов, как основоположник марксистской эстетики.

I.

Маркс-Энгельс дали алгебру исторического материализма; пред их духовными наследниками стала задача путем частных исследований постепенно заменять алгебру исторического материализма арифметическими данными, исследовать эволюцию общественных форм в свете нового—в корне враждебного традиционному—понимания социального процесса.

Плеханов был одним из тех идеологов рабочего класса, которые в течение десятилетий пахали марксовым плугом почти во всех областях общественной идеологии,—его пытливый ум проникал во все этажи многоэтажной общественной надстройки, икс-лучами марксизма он освещал природу и развитие важнейших общественных институтов, в числе последних и искусство.

Искусство—та идеологическая сфера, которая слабее других изучена и исследована марксизмом, и в которой потому сильнее, нежели в других, господствует идеализм.

Отвлеченная метафизическая эстетика оказалась не в состоянии построить науку об искусстве, об'яснить процесс его зарождения и развития. Попытки социологически подойти к искусству, связать его с общественной жизнью, сделанные Гердером, Тэном, Гюйо, не подвели под науку об искусстве прочного фундамента, не вывели ее из того тупика, в который она была загнана идеализмом и метафизикой. Это обстоятельство бросалось в глаза всякому наблюдательному исследователю искусства. Так, например, Эрнст Гроссе, мысли-

тель, достаточно далекий от исторического материализма, резко и определенно поставил к концу 90-х годов вопрос: почему существо и жизнь искусства остаются окутанными мраком? На этот вопрос он сам отвечал: потому что наука об искусстве до сих пор держится совершенно фальшивого метода и до сих пор ограничивается недостаточным материалом. Наиболее существенный недостаток в построении науки об искусстве, указанный Гроссе, заключался в том, что наука об искусстве презрительно игнорирует вопросы зарождения искусства, его появления и развития у первобытных народов. «Во всех (прочих) отраслях социологии мы выучились начинать сначала: сперва изучают простейшие формы социальных явлений и, лишь выяснив существо и условия этих простых форм, решаются приступить к об'яснению сложных... Все другие (социологические науки) поняли какую сильную и незаменимую помощь при изучении культуры доставляет недавно выросшая этнология; одна наука об искусстве презрительно не удостаивает взглядом грубые произведения первобытных народов, предлагаемые ей этнологией»... О том же говорит известный историк первобытной культуры Шурц. «В то время,—пишет он,—как эстетика и история искусства занимались почти исключительно только законченными произведениями искусства высшей культуры и спесиво пренебрегали неприглядными зачатками и началами, встречающимися у самых примитивных народов,—они пренебрегли именно тем путем исследования, который лучше всего может привести к более глубокому познанию».*)

Марксизм, по своей, так сказать, природе, по самому своему существу, освобождает науку об искусстве от отвлеченности и абстрактности, от индивидуалистической трактовки явлений искусства, от игнорирования низших форм первобытного искусства.

И, естественно, когда Плеханов задался целью проникнуть в область искусства и обследовать ее в свете материалистического понимания общественного процесса, то он прежде всего обратился к искусству первобытному.

*) Г. Шурц. История первобытной культуры. Перевод Пименовой и Негрескул. СПБ. 1910. Стр. 683.

Обратившись к первобытному искусству, Плеханов подверг критике идеалистический генезис искусства, который—в формулировке Шиллера—сводит происхождение искусства к заложенному в человеческой природе стремлению к игре—Spieltrieb—или, как это делает Спенсер, протягивает нити от зарождения искусства к избытку накопляющейся в животном организме энергии. Корни искусства не только в биологии, но и в социологии,—их надо искать в образе жизни первобытных народов, в социальных условиях их существования, в их экономическом быту. Характер художественной деятельности первобытного работника совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что производство полезных предметов и вообще хозяйственная деятельность предшествовала у него возникновению искусства и наложила на него самую яркую печать. Что изображают рисунки чукчей? Различные сцены из охотничьей жизни. Ясно, что сначала чукчи стали заниматься охотой, а потом уже принимались воспроизводить свою охоту в рисунках. «Труд,—говорит Плеханов,—старше искусства, и вообще человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения».

Для того, чтобы понять и осмыслить процесс зарождения и развития первобытного искусства, надо обратиться к первобытному хозяйственному строю. Лишь изучив этот строй, мы в состоянии ответить на вопрос, играющий решающую роль при генезисе искусства: каково отношение игры к труду, какое из понятий этих является предшествующим и какое последующим.

Один из ходячих ответов на поставленный вопрос сводился к признанию того, что игра старше труда, что зарождение искусства предшествует производству полезных предметов. «Приручение домашних животных,—говорил Бюхер,—начинается не с полезных животных, а с тех, которые человек содержит для своего удовольствия. Развитие обрабатывающей промышленности, повидимому, всюду начинается с раскрашивания тела, татуировки, прокалывания или иного обезображивания отдельных частей тела. Вслед за тем, мало-по-малу, развивается изготовление украшений, масок, рисунков на

коре, петроглифов и т. п. занятия... Таким образом технические сноровки вырабатываются при играх и лишь постепенно получают полезное применение... Игра старше труда, а искусство старше производства полезных предметов»... *)

Вывод, к которому пришел Плеханов, диаметрально противоположен: «Игра—дитя труда, который предшествует ей во времени». Искусство—игра,—материалистам совершенно незачем возражать против этого положения, выдвигаемого идеалистической эстетикой. Но им надлежит показать, что игра это отнюдь не «праздная забава», как, например, утверждал даже Н. Г. Чернышевский оказавший мощное влияние на эстетические воззрения Плеханова. Взгляд на искусство как на игру надо дополнить взглядом на игру как на дитя труда, - это дополнение и осуществил Плеханов, давший нам этим возможность взглянуть на историю искусства в новой - материалистической—перспективе.

Игра, по мнению Плеханова, является утилитарной функцией, выявляющейся в процессе общественного хозяйствования. Бюхер, Гроссе и др. не понимали и не могли понять этого обстоятельства, поскольку первобытный человек мыслился ими как индивидуальный искатель пищи. В действительности первобытный человек был членом хозяйствующего коллектива. Понимание того, что первобытный человек хозяйствовал не как Робинзон, а как общественное животное, приводит к падению бюхеровского взгляда на отношение игры к труду, к необходимости заменить его противоположным. Бюхеровское положение «игра старше труда» применимо к индивидууму, но оно несостоятельно по отношению к общественному человеку. Пляска молодой дикарки может быть, конечно, подражанием пляске, ко-

*) В некотором родстве с таким взглядом находится и Прудон, для которого искусство возникало совершенно независимо от практической жизни, вне ее сферы. «Тот, кто впервые нашел среди предметов природы такой,—писал он,—который, будучи приятным, интересным, странным, восхитительным или ужасным, не удовлетворяет непосредственно его жизненных потребностей и материальных нужд и, привязавшись к нему, сделал из него для себя игрушку, украшение или воспоминание; кто, передав произведенное на него впечатление дру-

торую она наблюдала, и тогда, по отношению к ней, игра—старше труда, но нельзя упускать из виду того, что молодая дикарка в своей пляске лишь подражает матери или другой женщине, изображающей пляскою, скажем, процесс собирания растений; говоря об обществе, надо помнить, что в нем труд старше игры.

С какой же точки зрения, спрашивает Плеханов, экономист и вообще человек, занимающийся общественной наукой, должен смотреть на вопрос об отношении труда к игре? Человеку, занимающемуся общественной наукой, нельзя смотреть на этот вопрос иначе, как с точки зрения общества, потому нельзя, что, ставши на точку зрения общества, мы с большей легкостью находим причину, по которой игры являются в жизни индивидуума раньше труда; а если бы мы не пошли дальше точки зрения индивидуума, то мы не поняли бы ни того, почему игра является в его жизни раньше труда, ни того, почему он забавляется именно этими, а не какими-нибудь другими играми. Если бы дикарь был индивидуалистом, как его изображает тот же Бюхер, то он бы вовсе не знал искусства, ибо искусство рождается лишь в условиях общежития, ибо оно—продукт социального общения, ибо оно—общественное явление. В обществе же труд—отец искусства.

У всех народов и во все времена,—писал в своей известной работе о происхождении искусства Эрнст Гроссе,—искусство проявляется как социальный факт и рассматривать его лишь как индивидуальное явление значит заранее отказаться от понимания его сущности и значения. Плеханов показал, что дать соответствующий действительности генезис искусства, научно обосновать его происхождение и развитие у первобытных

гу, брату или любовнице, подарил им этот предмет в знак уважения, дружбы, любви, тот явился первым художником» (Ц. Ж. Прудон, Искусство, его основание и общественное значение, перев. А. Ф. Федорова, СПБ. 1895, стр. 46).

Приблизительно, того же взгляда держится и Шурц, утверждающий, что «нельзя сказать, чтобы связь между работой и искусством во времени была неразрывна: и у самих первобытных народов встречаются песни без работы и работы без песен», (Г. Шурц, История первобытной культуры, стр. 690).

народов можно, лишь подходя к нему как к социальному фактору. Наблюдения над зарождением искусства и над его развитием у первобытных народов доказало, что искусство на своих высших ступенях развивается под непосредственным влиянием экономики, что оно является одним из тех видов общественного с о з н а н и я первобытного человека, которое определяется его общественным б ы т и е м. За малыми исключениями, первоначальным мотивом художественного творчества является экономическая, практическая потребность. Первобытный орнамент сначала был меткой и лишь впоследствии стал украшением. Пляска, песня, поэзия народились в процессе хозяйственной деятельности, сопровождавшемся ритмическими телодвижениями, ритмической речью. Театральные произведения первобытных народов отражали их хозяйственный быт—у охотничьих народов они носили характер животной пантомимы, у земледельческих—отражали их аграрный быт. Причинная связь между экономикой и искусством первобытных народов столь очевидна, что в наше время ее не рискнет оспаривать ни один из исследователей искусства; эта явная связь заставляет мыслителей, очень далеких от исторического материализма, касаясь низших форм искусства, говорить самым как ни на есть материалистическим языком. *)

Другое дело, когда от зарождения искусства переходишь к его развитию, от примитивных форм переходишь к сложным, с низших ступеней поднимаешься на высшие, от искусства б е с к л а с с о в о г о общества переходишь к искусству общества к л а с с о в о г о. Здесь причинная связь между хозяйственным бытом и искусством затушевывается, нити, связующие экономику с эстетикой, обволакиваются идеологическим покровом, влияние из непосредственного становится посредственным, оно передается через длинную цепь

*) «Большая часть художественных произведений первобытных народов,—пишет Гроссе,—возникает вовсе не из чисто-эстетических стремлений, но вместе служит какой-нибудь практической цели; и часто эта последняя является несомненно первоначальным мотивом, в то время, как эстетические потребности удовлетворяются лишь попутно, на вторм плане» (Эрнст Гроссе. Происхождение искусства, М. 1899, стр. 284.)

промежуточных звеньев, соединяющих производственный базис общества с верхними этажами идеологической надстройки. Выявить в таких условиях связь между экономикой и техникой общества,—с одной стороны, и его искусством—с другой, является, понятно, задачей несравненно более сложной, нежели в применении к первобытному бесклассовому обществу. Неудивительно, что с этой задачей оказались не в состоянии справиться те исследователи искусства, от которых скрыта основная двигательная пружина общества — классовая борьба, и которые потому осуждены бесплодно блуждать в лабиринтах сложнейшей общественной организации. В лучшем случае они могли, подобно Геннекену, дойти до понимания того, что «литература, искусство национальное, составляется из ряда произведений, выражающих одновременно общую организацию масс, которые ими восхищались, и частную организацию людей, которые их произвели», но они были совершенно бессильны об'яснить, каким образом «общая организация масс» отражалась в произведениях искусства. Тэн установил неразрывную зависимость произведения искусства от «нравственной температуры», но пассовал перед выяснением того, чем определяется сама эта температура и т. д.

В сторону разрешения этой задачи Плеханов и не раз обращался.

Когда новозеландец воспевает возделывание бататов, когда австралийка пляской отображает телодвижения, имеющие место при собирании растений,—то влияние производительной деятельности на искусство очевидно,—но если искусство развивается в классовом обществе, в среде классов, оторванных от всякого производительного труда, то это искусство непосредственного отношения к общественному процессу производства не имеет. «Значит ли это,—спрашивает Плеханов,—что в обществе, разделенном на классы, ослабляется причинная зависимость сознания людей от *их бытия*»? Нет, нисколько не значит, потому что разделение общества на классы само обусловливается экономическим его развитием. И если искусство, создаваемое высшими классами, не имеет никакого прямого отношения к производительному процессу, то это об'ясняется

в последнем счете тоже экономическими причинами. Стало быть, материалистическое об'яснение истории вполне применимо и в этом случае; но само собой разумеется, что в этом случае не так легко обнаруживается несомненная причинная связь между бытием и сознанием, между общественными отношениями, возрастающими на основе «работы», и искусством. Здесь между «работой», с одной стороны, и искусством—с другой, образуются некоторые промежуточные инстанции, часто привлекающие к себе все внимание исследователей и тем затрудняющие правильное понимание явлений.

Вот почему, обращаясь к классовому обществу, мы непосредственно-экономическое об'яснение искусства должны заменить изучением классовой психологии, находящей свое отражение в искусстве. Художник в своем творчестве вольно или невольно, сознательно или бессознательно отражает классовую психологию окружающих его общественных групп. Будучи даже вполне материально независимым,—правильно указывает А. В. Луначарский,—специалисты-художники невольно отражают в своих произведениях идеалы, думы и страсти, которыми волнуется класс наиболее им близкий; еще чаще художник работает для представителей господствующих классов и тогда вынужден приноравливаться к их требованиям. Каждый класс, имея свои представления о жизни, свои идеалы, налагает свою собственную печать на искусство. *) Танец австралийки поддается непосредственно экономическому об'яснению, менуэт французской маркизы можно понять, лишь выявив психологию того непроизводительного класса, к которому она принадлежит. Здесь можно говорить о непосредственном влиянии психологии, но отнюдь не экономики. „Экономический фактор уступает здесь честь и место психологическому, но не забывайте, что само проявление непроизводительных классов в обществе есть продукт его экономического развития. Значит, экономический „фактор" вполне сохраняет свое преобладающее значение, даже и уступая честь и место другим".**)

*) А. В. Луначарский. Основы позитивной эстетики, М. 1923, стр. 123.

**) Основные вопросы марксизма, П. 1917, стр. 82.

Попробуйте дать непосредственно экономическое об‘яснение факту появления школы Давида во французской живописи XVIII века, у вас ровно ничего не выйдет кроме смешного и скучного вздора, но попробуйте взглянуть на эту школу, как на идеологическое отражение классовой борьбы во французском обществе накануне Великой Революции, и дело сейчас же примет совершенно другой оборот: вам станут вполне понятны даже такие качества живописи Давида, которые, казалось бы, так далеки от общественной экономии, что ничем не могут быть связаны с нею.*)

В своем творчестве художник воплощает какую-либо общую идею, но эта идея в произведении искусства никогда не проявляется в „отвлеченном“ виде. „Художник должен индивидуализировать то общее, что составляет содержание его произведения. А раз мы имеем дело с индивидуумом, то перед нами являются известные психологические процессы, а тут уже не только совершенно уместен, но и вполне обязателен и даже чрезвычайно поучителен психологический анализ. Психология действующих лиц потому и приобретает в наших глазах огромную важность, что она есть психология целых общественных классов или, по крайней мере, слоев, и что, следовательно, процессы, происходящие в душе отдельных лиц, являются отражением исторического движения».**)

Свои взгляды на развитие искусства в классовом обществе Плеханов сделал попытку проверить на примере французского искусства XVIII века. На сцене средневековой Франции царствует фарс,—в этом виде театрального искусства находят своеобразное отражение оппозиционные настроения массы по отношению к господствующим сословиям. На смену фарсу дворянство выдвигает трагедию, отражающую взгляды и стремления аристократии. Аристократическое происхождение трагедии обусловливает собою ее формы и даже технику.

Дитя аристократии, классическая трагедия беспредельно и неоспоримо господствовала на французской

*) Ibidem, стр. 84.

**) Судьбы русской критики—«За 20 лет», изд. 3-е, стр. 175.

сцене, пока нераздельно и неоспоримо господствовала аристократия. Когда господство аристократии стало оспариваться, когда „люди среднего состояния“ прониклись оппозиционными настроениями, старые литературные понятия начали казаться этим людям неудовлетворительными, а старый театр недостаточно „поучительным“. Буржуазия, осознавшая себя как новая классовая единица, как социальная группа, призванная возглавить всю общественную организацию, одним словом, буржуазия из класса в себе превращавшаяся в класс для себя,—не могла, по словам одного из историков, мириться с тем, что на театральной сцене властвовали короли и императоры; она могла позволить себе роскошь заказать свой собственный литературный портрет. Этим портретом явилась слезливая комедия—буржуазная драма. Слезливая комедия противопоставляла испорченности придворного общества буржуазную добродетель, семейные и моральные устои „человека среднего сословия“. Сменяя аристократическую драму буржуазной, третье сословие вначале решительно отвернулось от античного мира, бывшего неисчерпаемым источником вдохновения для авторов аристократической, ложноклассической трагедии. Оно устами Бомарше восклицало: „Какое дело мне, мирному подданному монархического государства XVIII в., до афинских римских происшествий!“. Проходит некоторое время, и те самые идеологи третьего сословия, которые презрительно отворачивались от античной истории, поспешно возвращаются к ней, превращают ее в источник, из которого они черпают полной пригоршней. Как же это случилось? В буржуазной драме,—говорит Плеханов,—французский человек „среднего состояния“ противопоставил свои домашние добродетели глубокой испорченности аристократии. Но то общественное противоречие, которое надо было разрешить тогдашней Франции, не могло быть решено с помощью нравственной проповеди. Речь шла не об устранении аристократических пороков, а об устранении самой аристократии. Понятно, что это не могло быть без ожесточенной борьбы и не менее понятно что отец семейства при всей неоспоримой почтенности своей буржуазной нравственности, не мог послужить образцом неутомимого и бесстрашного борца.

Общественная потребность заставляла буржуазию искать в литературе образцов героизма и гражданского мужества. В поисках этих образцов она и вынуждена была обратиться к античному миру.

Однако интерес, который проявляли к античному миру аристократия и буржуазия, был по своей сущности глубоко различен. Интерес идеологов буржуазии обратился в сторону политической борьбы разыгрывавшейся в античном мире, и к примерам гражданского мужества, к народным возмущениям и восстаниям. Республиканские герои Плутарха вдохновляли буржуазию, которую классовый интерес неизбежно толкал к смертной схватке с абсолютизмом. Давид изображал Брута, как гражданина-революционера, и потому выставленная в начале революции картина Давида имела ошеломляющий успех в массе. „Она доводила до *сознания* то, что стало самой глубиной, самой насущной потребностью *бытия*, т.-е. общественной жизни тогдашней Франции“. Смена буржуазной драмы, после кратковременного периода ее господства, воскресшей классической трагедией, обусловлена была необходимостью для третьего сословия перейти от туманных оппозиционных настроений к решительным революционным действиям. Воскресла классическая трагедия, классические сюжеты вернулись в живопись, но содержание новых произведений уже было не тем, что прежде.

„Классическая трагедия продолжала жить вплоть до той поры, когда французская буржуазия окончательно восторжествовала над защитниками старого порядка и когда увлечение республиканскими героями древности утратило для нее всякое общественное значение. А когда эта пора наступила, тогда буржуазная драма воскресла к новой жизни и, претерпев некоторые изменения, ...окончательно утвердилась на французской сцене“ (Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с социологической точки зрения).

Проанализировав французскую драматическую литературу и французскую живопись XVIII века, Плеханов на их примере мастерски подтвердил основную теорему марксизма, гласящую, что ход идей в обществе определяется ходом вещей. Марксист не имеет права

отделываться общими фразами и абстрактными формулами. Он не может ограничиваться отвлеченными заявлениями о том, что искусство есть отражение жизни. «Чтобы понять,—говорит Плеханов,—каким образом искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней. А у цивилизованных народов борьба классов составляет в этом механизме одну из самых важных пружин. И только рассмотрев эту пружину,—...мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно об'яснить себе духовную историю цивилизованного общества».

Идеалистическая эстетика доходила до понимания зависимости произведения искусства от эпохи, в которую оно создается, но в последнем счете она об'ясняла это произведение всякого рода психологическими сущностями, свойствами духа, развитием абсолютной идеи. Понятно, что это могло приводить идеалистическую эстетику лишь к псевдо-об'яснению тех фактов, с которыми она сталкивалась, лишь к мнимому пониманию художественного творчества. Вот почему гениальные идеалисты, как, например, Гегель, для об'яснения явлений искусства нередко вынуждены были прибегать к материализму, который снимал их с мели, на которую их садила последовательная идеалистическая концепция. „Точно так же, как в „Philosophie der Geschichte",—говорит Плеханов,—Гегель и в „Эстетике" временами сам покидает свое идеалистическое царство теней для того, чтобы подышать свежим воздухом житейской действительности ". На примере гегелевых рассуждений о голландской живописи, Плеханов показывает, как великий идеалист, видя бессилие своей абсолютной идеи и немощь абстрактных логических законов, при об'яснении того или иного явления в искусстве обращался к историческому движению человечества, к исследованию социального механизма эпохи. Но обращаясь в том или ином конкретном случае к социальной жизни и правильно об'ясняя определенное явление в искусстве ходом ее развития, идеалистическая эстетика обрекает себя на самоубийство. Что, говорит Плеханов, если мысль справедливая в применении к голландской живописи оказалась столь же справедливой в применении к живописи в Италии, к скульптуре Греции, к поэзии во

Франции и т. д., и т. д.?.. История искусства стала бы об‘ясняться историей общественной жизни, и в хитроумных логических постройках идеалистов, апеллирующих к свойствам абсолютной идеи, не оказалось бы ни малейшей надобности. Идеалистическая эстетика умерла бы сама собой. *) Сказать, что искусство отражает собою жизнь, это значит сказать, что оно отражает общественную психологию, последняя же обусловливается тою борьбою классов, которая царит в современном обществе. Это обстоятельство должно сделаться одной из отправных точек для всякого приступающего к изучению искусства в классовом обществе, к исследованию его эволюции.

II.

Построенная на идеалистической основе, наука об искусстве трактует произведения искусства преимущественно как продукты индивидуального творчества, рожденные тем или иным художником,—обусловленные и вызванные к жизни исключительно личным гением их творца. Понятно, что исследователь искусства, отдающий себе отчет в сущности социального процесса, не может мириться с такой гипертрофией индивидуального начала, произносимой в науку об искусстве. „Социологически построенная эстетика,—говорит Вильгельм Гаузенштейн в своей интереснейшей работе „Искусство и общество“, —протестует против искажающей фактическое положение вещей, переоценки индивидуума... Сам индивидуализм рассматривается социальной эстетикой лишь как особая форма выявления общественной жизни, подхода человека к вопросам общественного бытия, т. е. как особо историческая категория, подчиненная общим принципам общественного бытия“. **)

Марксизм со своим взглядом на роль личности в общественном процессе предостерегает исследователя искусства от той индивидуалистической переоценки явлений искусства, о которой говорит Гаузенштейн.

---

*) Судьбы русской критики—«За 20 лет», изд. 3-е, стр. 147.
**) Wilhelm Hausenstein, Die Kunst und die Gesellschaft, München 1917, Piper-Verlag S. 2.

Плеханов, с исключительным блеском, развернувший в ряде своих работ вопрос о роли личности в истории, исследовал эту проблему и в приложении к области искусства. В искусстве, как и во всякой иной социальной сфере, роль выдающейся личности, роль гения состоит в том, что эта личность с особым успехом удовлетворяет общественные нужды, возникшие в процессе развития общества. «В области искусства гений дает наилучшие выражения преобладающей эстетической склонности данного общества или данного общественного класса».*) Величие художника заключается в том, что он является выразителем великого исторического момента. Гений раньше других улавливает стремления своего времени и лучше других эти стремления выражает. Гений—плоть от плоти и кость от кости своей эпохи. „Нравственное и умственное состояние,—понимал уже Тэн,—одни и те же как для общества, так и для артистов; они не стоят ведь совершенно особняком. Один лишь их голос слышим мы теперь, отдаленные от них целыми веками; но в звуках этого гремящего голоса, дрожания которого достигают нашего слуха, мы распознаем сложный гул и как бы необ‘ятное глухое жужжание,—распознаем великий, бесконечный, сложный говор народа, вторившего им вокруг“.**)

Гений лучшим образом воплощает в произведениях искусства запросы и стремления окружающей среды,—если бы не он, эти запросы нашли бы свое воплощение в менее совершенном, менее глубоком, менее ярком творчестве другого художника, но они все же были бы воплощены в звуки, краски, мрамор.

«Если бы какие-нибудь механические или физиологические причины, не связанные с общим ходом социально-политического и духовного развития Италии, еще в детстве убили Рафаэля, Микель-Анджело и Леонардо да-Винчи, то итальянское искусство было бы менее совершенно, но общее направление его в эпоху Возрождения осталось бы то же. Рафаэль, Леонардо

---

*) К вопросу о развитии монист. взгляда, изд. Белтрестпечати, 1923, стр. 194.

**) Тэн, Чтения об искусстве, пер. А. Н. Чудиновой, СПБ. 1889 стр. 4.

да-Винчи и Микель-Анджело не создали этого направления; они были только лучшими его выразителями. Правда, вокруг гениального человека возникает обыкновенно целая школа, при чем его ученики стараются усвоить даже мельчайшие его приемы; поэтому пробел, который остался бы в итальянском искусстве эпохи Возрождения вследствие ранней смерти Рафаэля, Микель-Анджело и Леонардо да-Винчи, оказал бы сильное влияние на многие второстепенные особенности в его дальнейшей истории. Но и эта история не изменилась бы по существу, если бы только не произошло, по каким-нибудь общим причинам, какого-нибудь существенного изменения в общем ходе духовного развития Италии.*)

Все идеологи, гений которых проявляется в сфере искусства, имеют общий корень—психологию эпохи. На примере романтической троицы—Гюго, Делакруа, Берлиоз—художников слова, краски, звука—Плеханов показал, что психология французского романтизма может быть нами постигнута лишь тогда, когда мы подойдем к ней как к психологии общественного класса, находившегося в определенных исторических условиях, жившего и действовавшего в определенной общественной обстановке.

Этого положения от нас не должно заслонить и то обстоятельство, что иногда творчество художника, выражающего психологию определенного класса, не только не встречает в этом последнем отзвука, но даже, наоборот, сталкивается с противодействием с его стороны.

Подобный разлад между идеологами и тем классом, стремления и вкусы которого они выражают, вообще не редкость истории. Им об'ясняются весьма многие особенности в умственном и художественном развитии человечества... Происхождение и развитие такого разлада может быть об'яснено в последнем счете только экономическим положением и экономической ролью того общественного класса, в среде ко-

*) К вопросу о роли личности в истории—„За 20 лет“, изд. 3-е, стр. 474—475.

торого он проявился. Здесь,—как и везде,—только бытие проливает свет на «тайны» мышления.*)

Один из тех вопросов, которые властно требуют на себя ответа со стороны всякого занимающегося исследованием искусства, это вопрос об автономности или утилитарности искусства. Искусство —самоцель, самоценность, оно существует для самого себя или же искусство служит общественности, ей подчиняется, отправляет некую общественную функцию? Какой из принципов должен быть признан правильным?

Приступая к решению этого вопроса, Плеханов считает необходимым из'ять его из плоскости долженствования. Научная эстетика вообще не дает искусству каких бы то ни было предписаний. Ее задача лишь выяснять все причины, под влиянием которых в искусстве возникают определенные течения, направления и приемы. Отнюдь не провозглашая вечных законов искусства, она должна изучать те законы, которые управляют развитием искусства.**)

Это общее положение, неоднократно высказывавшееся им, Г. В. применяет и к тому частному вопросу, который мы поставили выше:

— На него, как и на все подобные ему вопросы, нельзя смотреть с точки зрения «долга». Если художники данной страны, в данное время чуждаются «житейского волнения и битв», а в другое время, наоборот, стремятся к битвам, ...то это происходит не оттого, что кто-то посторонний предписывает им различные обязанности («должны») в различные эпохи, а оттого, что при одних общественных эпохах ими овладевает одно настроение, а при других—другое. Значит, правильное отношение к предмету требует от нас, чтобы мы взглянули на него не с точки зрения того, что должно было бы быть, а с точки зрения того, что было, и что есть.***)

---

*) Основные вопросы марксизма, П. 1917, стр. 100.

**) Искусство и общественная жизнь. Сб. «Искусство», изд. «Новая Москва», 1922, стр. 131.

***) Идеалистическая эстетика логически выродилась в эстетику догматическую. Она устанавливала отвлеченные принципы прекрасного, создавала незыблемые правила, которым обязан

Итак, каковы общественные условия, которые толкают мысль художника в сторону утилитарного или автономного взгляда на искусство?

Автономный взгляд на искусство, проповедь искусства для искусства, по утверждению Плеханова, рождается там, где создается конфликт между общественной средой, окружающей художника, и между ним.

Окруженный атмосферой разлагающегося, паразитического светского общества, столкнувшись с придворными кругами, которые пытались привлечь музу поэта на служение своим целям, Пушкин противопоставил их попыткам проповедь искусства для искусства:

Пойдите прочь! Какое дело поэту мирному до вас?..

Так же поступали французские романтики и парнасцы. Романтическое искусство явилось выявлением протеста передовых французских художников против буржуазного быта, его умеренности, аккуратности, пошлости, мещанского уюта. Передовые французские художники считали, что ставить перед искусством какие-либо утилитарные задачи, делать его полезным, значит отдавать его на служение тому самому обществу, которое они презирали и ненавидели и вне которого они не видели никакой другой общественной сферы. Итак, «склонность художников и людей, живо инересующихся художественным творчеством, к искусству для искусства, возникает на почве безнадежного разлада их с окружающей их общественной средой», *) или же,

---

следовать художник. «В сущности этих правил лишь два,—ядовито заметил еще Тэн: первое—советует родиться гением,—это дело ваших родителей,—добавлял он,—а не мое; второе—советует много трудиться, чтобы вполне овладеть своим искусством,—это опять не мое, а ваше дело. Мое дело—выставить вам факты и показать, каким образом произошли они» (Тэн, Чтения об искусстве, пер. А. Н. Чудиновой, СПБ. 1889, стр. 8). Иначе, Тэн требовал от эстетики, чтобы она из догматической стала исторической. Однако, он задачу лишь поставил, но ее не решил. Она решается лишь марксизмом—единственным безупречным методом исследования общественного процесса.

*) Отчаявшись в улучшении мира и оставляя его лежать во зле,—говорит А. В. Луначарский о проповедниках искусства для искусства,—они ищут спасения в искусстве как самодовлеющей форме бытия (Основы позитивной эстетики). Отчаяться в улучшении мира, значит отчаяться в существовании той реальной общественной силы, которая могла бы этот мир преобразовать, его обновить.

как Плеханов выразился в статье, посвященной литературным взглядам Белинского, в известные исторические эпохи нежеланье метать бисер перед холодной и неразвитой толпой должно приводить умных и талантливых людей к теории искусства для искусства.

Даже тогда, когда художнику думается, что он служит лишь самодовлеющему, «чистому» искусству, его творчество глубоко коренится в той социальной почве, на которой он творит.

Даже в те эпохи, когда безраздельно владычествует так называемая теория искусства для искусства и когда художники, повидимому, поворачиваются спиною ко всему тому, что имеет какое-нибудь отношение к общественным интересам, литература не перестает выражать вкусы, взгляды и стремления господствующего в обществе класса. Тот факт, что в ней получает преобладание названная теория, свидетельствует лишь о том, что в господствующем классе или, по крайней мере, в той части его, к которой обращаются художники, царствует индифферентизм по отношению к великим общественным вопросам. Но и такой индифферентизм представляет собою лишь одну из разновидностей общественного (или классового, или группового) настроения, т. е. сознания. *)

Однако если общественные условия эпохи позволяют художнику, находящемуся в конфликте с обществом, надеяться на обновление этого общества, на переворот в социальных группировках,—тогда художник не проповедует более искусства для искусства, не твердит о том, что

Мы рождены не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Художник, чувствующий возможность обновления того общества, с которым он находится в конфликте, дает исход своим настроениям не в «звуках сладких», превращаемых в самоцель, а захватывается «житейским треволненьем»,—вовлекается в общественные битвы, которые кипят или хотя бы подготовляются вокруг не-

*) Н. Г. Чернышевский, стр. 209.

го, т. е. он заставляет свое творчество служить определенным утилитарным целям. Эпохи революционных потрясений заставляют рьяных глашатаев принципа искусства для искусства бросать свои позиции и кидаться в самую гущу общественных битв. Плеханов ссылается в качестве примера на Бодлера, на Леконта-де Лиля,— мог он почерпнуть примеры из нашей русской действительности. Вспомним хотя бы 1905 год, когда поэты-декаденты, недавно еще бывшие необузданными сторонниками «чистого» искусства, заделались «кузнецами, кующими стих для народа», «певцами в стане революции» и т. д.

Плеханов ставит перед собою и решает еще один существенный для всякого теоретика искусства вопрос: какой из двух противоположных взглядов на искусство более благоприятен его успехам? Диалектик до мозга костей, Плеханов, конечно, знает, что, как и все вопросы общественной жизни, вопрос этот не допускает безусловного решения. Тут все зависит от условий времени и места. При определенных условиях, отгораживаясь от действительности, не допуская своего творчества служить ей, художник подымает художественную ценность своих произведений (так было с французскими романтиками, примерно, или с парнасцами). Но когда художники становятся слепыми по отношению к важнейшим общественным течениям своего времени, тогда очень сильно понижается в своей внутренней стоимости природа идей, выражаемых ими в своих произведениях. А от этого страдают и эти последние. Когда художник не ориентируется в окружающей его общественной обстановке, когда он не может понять и осмыслить ее, в его произведение неизбежно врежется калечащим осколком ложная идея, а последняя неминуемо приведет художника к противоречиям и, следовательно, понизит эстетическое достоинство его произведения.

Эту мысль Плеханов сделал одной из основных осей своих критических очерков. Он показал нам, как неумение проникнуть в недра общественной жизни сплошь и рядом парализовало художественную ценность произведений такого великого художника, каким был Генрик Ибсен. Он показал нам, как несостоятельная общест-

венная идея иногда коверкала произведения такого мастера, как Кнут Гамсун. Он показал нам, как ложная общественная идея заводила в тупик русских народников-беллетристов. Он показал нам, как неумение осознать происходящий вокруг общественный процесс обусловило бледную немочь декадентства, импрессионизма, кубизма и проч. «чепухи в кубе».

III.

Научная критика должна быть для Плеханова раньше всего критикой об'ективной. «Она об'ективна как физика и именно потому чужда всякой метафизики». Эта об'ективность, однако, отнюдь, не лишает критика общественной, публицистической точки зрения на рассматриваемые им литературные явления.

«Если существуют действительные вечные законы искусства,—говорит Плеханов,—то это те, в силу которых в известные исторические эпохи публицистика неудержимо врывается в область художественного творчества и распоряжается там как у себя дома. Тоже и с критикой. Во все переходные общественные эпохи она пропитывается духом публицистики, а частью прямо становится публицистикой. Дурно это или хорошо? C'est selon! Но главное это неизбежно, и против этой болезни никакого медицинского снадобия никто еще не придумал». *)

Выступая в качестве литературного критика, Плеханов никогда не уподобляется поседелому в приказе дьяку, который:

> Спокойно зрит на правых и виноватых,
> Добру и злу внимая равнодушно,
> Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пером Плеханова—литературного критика — неустанно руководит жалость по отношению к угнетенной трудовой массе, вязнущей в тине нищеты и невежества, гнев по отношению к ее жестоким паукоподобным эксплоататорам. Литературно-критические выступления Плеханова пропитаны ненавистью по отношению

*) Судьбы русской критики—«За 20 лет», изд. 3-е, стр. 160.

к бессознательным и сознательным врагам народа— ибсеновским Штокманам, гамсуновским Карено и празднoболтающим „либералам в серой шляпе“. Они пронизаны глубокой любовью к горьковским Левшиным, ведущим тяжелую и суровую борьбу за „уничтожение копейки“, вокруг которой происходит непрестанная свалка в капиталистическом обществе,—к представителям того нового класса, чьи «суровые очи» уже не плачут, как плакали угнетенные у Некрасова, а горят сознанием своей силы. Одним словом, свои литературно-критические выступления Плеханов ставит твердо и решительно под знак своего общего мировоззрения, своих общественных и социальных симпатий.

Плеханов-критик тот же страстный друг эксплоатируемых и беспощадный враг угнетателей, тот же революционный марксист, которым мы его знаем во всех сферах его многогранной научной и политической деятельности. Потому он не хочет в своих критических работах быть холодным, как мрамор, невозмутимым, как дьяк поседелый.

Если научная критика смотрит на историю искусства, как на результат общественного развития, то ведь и сама она есть плод такого развития. Если история и современное положение данного общественного класса необходимо порождают в нем именно такие, а не другие эстетические вкусы и художественные пристрастия, то у научных критиков могут также явиться свои определенные вкусы и пристрастия, потому что не с неба же сваливаются и эти критики, потому что ведь и они тоже порождаются историей.*)

Право художника пронизывать свое творчество идейностью, осенять его той или иной общественной идеей, подходить к тому или иному жизненному явлению, отправляясь от своих общих взглядов,—неоспоримо. Идейность способствует художнику в поднятии художественности его произведения, сообщает ему убежденность, стойкость, пафос, страсть и отнюдь не ведет его к тенденциозности, т.-е. к нарочитому искажению действительности во имя предвзятого принципа. Но понятно, что общественная идея, которую художник кладет в

*) Ibid.

основу своего произведения, должна быть правильно осознанной, ясно учтенной общественной идеей:

— Нужно, чтобы проповедник хорошо разобрался в тех идеях, которые он проповедует, чтобы они вошли в его плоть и кровь, чтобы не смущали, не сбивали, не затрудняли его в момент художественного творчества. Если же это непременное условие отсутствует; если проповедник не сделался полным господином своих идей; если его идеи к тому же не ясны и не последовательны,—тогда идейность вредно отразится на художественном произведении, тогда она внесет в него холод, утомительность и скуку. Но заметьте, что вина будет падать здесь не на идеи, а на неумение художника разобраться в них; на то, что он по той или другой причине не сделался идейным до конца. Стало быть, вопреки тому, что кажется на первый взгляд, дело не в идейности, а как раз наоборот,—в недостатке идейности.*)

Великий норвежский драматург не мог найти выхода из абстрактной, и потому бессодержательной, морали в области общественных отношений. Он не смог отрешиться от точки зрения избранных индивидуумов и их «автономной воли». Его многочисленные герои самоусовершенствуются, очищают волю ради очищения воли, подымают бунт ради бунта духа. Это привело Ибсена к рассудочности, символизму, тенденциозности. Ибсеновское скитание в пустыне абстракции, его блуждание в лабиринте неразрешимых вопросов было следствием того, что великий писатель не сумел найти в окружающей его пошлой действительности средства для перестройки этой самой действительности, не сумел обнаружить в ней точки опоры для приложения «очищенной воли».

Талантливая плеяда русских беллетристов 70—80-х годов сделалась жертвой неразрешимого для них конфликта художественного творчества с интересами к вопросам общественности. Они оказались не в состоянии разрешить этого конфликта, благодаря тому, что ими овладела ложная и узкая общественная идея. Эта ложная идея привела Успенского, Наумова, Каронина к роковым и безысходным противоречиям: «Рваться вперед,

*) Генрик Ибсен, стр. 2—3.

—и в то же время защищать отжившую свой век старину! Желать добра народу,—и в то же время отстаивать учреждения, способные только увековечить его рабство! Считать мертвое живым, а живое мертвым,—кто кроме слепых, не заметит бездонной пропасти подобных противоречий!»—восклицает Плеханов. *) Вывод, к которому пришел Г. В. в результате исследования творчества народников-беллетристов, гласит: «Художественное достоинство произведений названных беллетристов принесено было в жертву ошибочному общественному учению».

В предисловии к 3-му изданию своего сборника «За двадцать лет» Г. В. определил задачу, стоящую перед критиком-марксистом, как заключающуюся в том, чтобы «перевести идею данного художественного произведения с языка искусства на язык социологии, чтобы найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления»... Мне думается, что даже того немногого, что было сказано выше о литературно-критической манере Плеханова, достаточно для того, чтобы убедиться в том, с каким мастерством, с таким блеском и талантом, с какой особой, я бы сказал, виртуозностью выполнил Г. В. первую из указанных им задач—определение социологического эквивалента произведения искусства.

Наивные критики марксизма, а иногда также его прямолинейные и столь же наивные приверженцы, считают, что пользоваться марксистским методом значит рассматривать идеологию как нечто, непосредственно определяемое экономикой. Не приходится говорить о жалкой несостоятельности этого воистину убогого представления о марксизме. Марксизм—тончайший и сложнейший метод исследования общественных явлений—рассматривает идеологию как непосредственно обусловливаемую общественной психологией, а последнюю, как сложившуюся в результате многостороннего воздействия различных социальных факторов, в конечном счете направляемых данным состоянием производительных сил—этим „primum movens“ общественного процесса. Кто нуждается в иллюстрации этого по-

*) Наши беллетристы-народники—«За 20 лет», изд. 3-е, стр. 77

ложения, пусть обратится к многочисленным статьям Плеханова, посвященным искусству,—указывая на них, мы говорим „Ecce marxismus!“—„Се марксизм!“...

Итак, первая задача, стоящая перед марксистом-критиком, заключается, по указанию Плеханова, в определении социологического эквивалента произведения искусства. Ограничивает ли, однако, марксизм анализ художественного произведения этой задачей? Отнюдь нет. «Стремясь найти общественный эквивалент данного литературного явления,—говорит Плеханов,—(материалистическая) критика (эта) изменяет своей собственной природе, если не понимает, что дело не может ограничиться нахождением этого эквивалента, и что социология должна не затворять двери пред эстетикой, а напротив настежь растворять их перед нею. Вторым актом верной себе материалистической критики должна быть... оценка эстетических достоинств разбираемого произведения... Первый акт верной себе материалистической критики не только не устраняет надобности во втором акте, но предполагает его как свое необходимое дополнение». Каковы же эстетические воззрения Плеханова?

Не будет ошибкой сказать, что эстетические взгляды Г. В. непосредственно примыкают к эстетической теории Н. Г. Чернышевского, первого из русских *) и одного из первых европейских мыслителей, по материалистически подошедшего к проблеме искусства. Однако между эстетическими теориями Чернышевского и Плеханова—такое же расстояние, как между хромающим материализмом Людвига Фейербаха и диалектическим материализмом Маркса-Энгельса.

Чернышевский—первый из мыслителей, сделавших решительную попытку изгнать идеализм из области науки об искусстве, подвести под нее материалистическую основу, выявить связь между эстетикой и экономикой. Чернышевский энергично восстал против понятия абсолютной красоты, он показал, как это понятие изменяется в зависимости от той общественной среды, в которой оно слагается, и в зависимости от того эко-

*) Если не говорить о зародышах материалистического подхода к исскусству, которые таятся у В. Г. Белинского.

номического уклада, который господствует в данной среде.

Поскольку Чернышевский устанавливал причинную связь, существующую между эстетическими понятиями и экономическим бытом, поскольку он восстал против идеалистического толкования искусства и метафизического к нему подхода, мы имеем основание считать его предшественником Георгия Валентиновича Плеханова, как основоположника марксистской эстетики. Но, если Чернышевский, оперевшись на философскую систему Людвига Фейербаха, сделал крупный шаг вперед в науке об искусстве, то в его эстетической теории отразились и все слабые стороны фейербахианства,—в первую голову его неумение динамически, точнее, диалектически взглянуть на общественный процесс. Таким образом эстетический кодекс Чернышевского сложился из элементов материалистических и идеалистических, и даже та самая метафизика, против которой Чернышевский восставал, нередко прорывалась в его рассуждениях об искусстве. Слабые идеалистическо-метафизические элементы в теории Чернышевского в своем крайнем выявлении привели к той позиции разрушения эстетики и безраздельного утилитаризма, наиболее талантливым защитником которой выступил Д. И. Писарев; его здоровое ядро оказало несомненное влияние на Плеханова, сочетавшего материалистические взгляды Чернышевского с марксистским методом, которым он так несравненно владел.

Чернышевский утверждал, что произведений, созданных одной лишь идеей прекрасного не существует, и если художественное произведение, с одной стороны, отражает идею прекрасного, то,—с другой преимущественно,—оно обусловливается нашими стремлениями к правде, любви, к улучшению быта. Плеханов считает, что такой постановкой вопроса Чернышевский совершает недопустимую методологическую ошибку, в значительной степени обесценивающую тот вполне правильный материалистический принцип, который он применяет,—эта ошибка в разложении органического целого—произведения искусства—на отдельные составные элементы:

— Если произведение искусства рядом с идеей прекрасного и, стало быть, независимо от нее выражает также известные нравственные или практические стремления, то критик имеет право сосредоточить свое главное внимание именно на этих стремлениях, оставляя в стороне вопрос о том, в какой мере они получили в разбираемом произведении свое художественное выражение. Когда критика поступает так, она по необходимости принимает морализующий характер. *)

Это—тропинка, которая ведет от Чернышевского к Писареву с его метафизическим утилитаризмом и в корне идеалистическим отрицанием эстетики.

Для Плеханова задача научной эстетики не ограничивается констатированием того факта, что искусство выражает не только стремление к прекрасному, но также и другие стремления человека. „Ее задача состоит главным образом в обнаружении того, каким образом эти другие стремления человека находят свое выражение в его понятии о прекрасном, и каким образом они сами, видоизменяясь в процессе общественного развития, видоизменяют также „идею“ прекрасного“.

Чернышевский доказывает, что искусство воспроизводит жизнь, что оно отображает действительность,— при этом действительность всегда прекраснее отражающего ее искусства, оригинал выше копии. Назначение искусства—отображать прекрасное, существующее в действительности.

Да, искусство воспроизводит жизнь. С этим положением Чернышевского Плеханов вполне согласен. Но Чернышевский сам сознает, что о жизни и о прекрасном имеют различное представление люди, принадлежащие к различным общественным классам.

Как же будет относиться человек низшего общественного класса,—спрашивает Плеханов,—к той жизни, которую ведет высший класс, и к тому искусству, которое воспроизводит эту жизнь высшего класса? Надо думать, что он,—если только в нем уже начала работать мысль, соответствующая его собственному классовому положению,—отнесется к этой жизни и к этому искусству отрицательно. Если он имеет какое-нибудь

---

*) Н. Г. Чернышевский, стр. 219.

отношение к художественному творчеству, то он захочет реформировать господствующее понятие об искусстве, а господствуют обыкновенно, до поры до времени, понятия высшего класса,—он станет „творить“ на свой особый лад. Тогда и окажется, что его художественное творчество обязано своим происхождением тому обстоятельству, что его не удовлетворяло прекрасное, встречаемое им в действительности*).

Итак, если Чернышевский утверждал, что искусство отображает действительность, он был несомненно прав, но столь же несомненно, что он был не прав, когда закрывал глаза на то обстоятельство, что иногда искусство отображает не действительность, а чувство неудовлетворения ею. Чувство неудовлетворения действительностью сегодняшнего дня, которое испытывает художник, нередко ведет его к изображению действительности завтрашнего дня. Прав, в этом отношении, Гюйо, когда он утверждает, что, признавая высшую эстетическую эмоцию—эмоцией социальной, „мы охотно признаем, что высшее выражение общества есть характеристика высшего произведения, чтобы это не касалось только... общества действительного, общества современного писателю... Главным образом степень предвосхищения грядущего общества и даже общества идеального характеризует великих гениев, вожаков мысли и чувства“.**) Ошибка Чернышевского была обусловлена его неспособностью диалектически взглянуть на общественный процесс, ощутить и осмыслить его динамику, постоянно меняющую действительность и следовательно отношение к ней тех социальных пластов, из которых слагается общество.

Еще Дарвином было установлено, что чувство красоты различно у различных племен и наций, в пределах одной даже расы, и что обстоятельство это обусловливается тем, что ощущения красоты ассоциируются со сложными идеями. Последнее свойство Дарвин приписывал только цивилизованным народам. Плеханов показал, что такое мнение ошибочно, и что дикарь также ассоциирует ощущение красоты со сложной идеей.

---

*) „За двадцать лет“, изд. 3-е, стр. 296.

**) Гюйо. Искусство с социологич. точки зрения, стр. 66.

Когда дикарь украшает себя зубами тигра или шкурой бизона,—то это результат ассоциации с мыслью о победе над хищником,—показатель ловкости и храбрости; когда африканка украшает себя двадцатью фунтами железных колец, надеваемых на руки и на ноги, то это результат сложной идеи, заставляющей ее ассоциировать железные кольца с представлением о драгоценности, о богатстве,—таковым железо является и поныне у некоторых африканских племен.

Люди, как и многие животные, способны, в силу свойственного им чувства прекрасного, испытывать особое эстетическое удовольствие. Это—факт, изучение которого подлежит биологии. Но какие именно вещи и явления доставляют им такое удовольствие, это зависит от условий, под влиянием которых они воспитываются, живут и действуют. Природа человека делает то, что у него могут быть эстетические вкусы и понятия. Окружающие его условия определяют собою переход этой возможности в действительность; ими об'ясняется то, что данный общественный человек (т.-е. данное общество, данный народ, данный класс) имеет именно эти эстетические вкусы и понятия, а не другие.

Это установленное Плехановым обстоятельство и показывает, что об'яснение развития наших эстетических понятий следует искать не в биологии, а в социологии, что для этого надо от Дарвина перейти к Марксу.

Осознав это, Плеханов и приступил, во всеоружии марксистского метода, к разрешению вопросов происхождения и развития искусства.

К вопросам этим Плеханов обращался неоднократно. Он посвятил им ряд отдельных статей; во множество работ Г. В., посвященных теории марксизма, вкраплены рассуждения и мысли об искусстве. При каждом представившемся случае Плеханов с какой-то особой любовностью, с каким-то исключительным интересом останавливался на выяснении вопросов, связанных с генезисом и эволюцией искусства. И там даже, где он бросал только отдельные беглые мысли, они ярким материалистическим светом освещали новые, неисследованные еще марксизмом, области, указывали

пути, по которым должен направиться творец научной эстетики, воздвигнутой на базе диалектического материализма. Плеханову этим творцом сделаться не удалось. Кипучая политическая деятельность, разносторонность теоретической работы, многогранность научных интересов—не позволили Г. В. осуществить мысль, десятилетия бывшую его заветной мечтой,—написать фундаментальный труд по эстетике, построить марксистский эстетический кодекс. Но, если Г. В. этого кодекса и не построил, то он, как никто среди марксистов, сделал много для того, чтобы установить основные принципы его построения, наметить план, следуя которому марксистский теоретик искусства мог бы осуществить эту большую, ответственную и благодарную задачу.

Если Плеханова и нельзя назвать творцом марксистской научной эстетики, то мы имеем все основания считать его ее основоположником. То, что он стал таковым, было обусловлено мотивами двоякого свойства. Плеханов был очень чуткой, художественной, поэтической натурой,—момент красоты, момент поэзии—неизменно находили отзвук в его тонкой психической организации. Даже как политический работник, как оратор, как публицист, он выявлял это свое преклонение пред красотой,—недаром каждое его выступление доставляло такое эстетическое удовольствие слушателям, вызывало такой восторг его художественностью, который запечатлевался у слушателей буквально на десятилетия. Здесь, в этой эстетической восприимчивости душевной организации Г. В., мне думается, и заключается тот суб'ективный фактор, который обусловил собой его пытливый, сверлящий интерес к вопросам искусства. На-ряду с этим суб'ективным моментом выдвигается, конечно, и момент об'ективный: учет того огромного удельного веса, который имеет искусство в социальной жизни. Этот удельный вес, по мнению Плеханова, должен еще возрасти по мере разложения религии, этого мифологического отражения действительности, которая сменится подлинным, художественным ее отображением—искусством.*)

*) См. воспоминания Аксельрод-Ортодокс об отношении Плеханова к искусству.

Треть века пахал Плеханов марксистским плугом во всех областях, относящихся к сфере наук об общественном человеке. Одна из тех глубоких материалистических борозд, которые он провел при этом, пролегает чрез науку об искусстве.

8. Плеханов и вопросы религии.

Марксизм и исследование религии.—Определение Плехановым религии. — Анимистическая концепция.—Отношение к тотемизму.—Борьба с религиозным новаторством: толстовская религия; евангелие от декаданса; богостроительство под флагом марксизма.—Рабочий класс и борьба с религией.

I.

К проблеме религии Г. В. Плеханов не проявил того жгучего интереса, который характеризует его отношение к другим сферам общественной идеологии—к вопросам искусства, например, приковывавшим его исследовательский глаз на протяжении десятилетий. Он, повидимому, считал более существенным сосредоточивать свою энергию на исследовании иных общественных идеологий, а не меркнущей, умирающей религии—этого по известному слову молодого Маркса—призрачного солнца, которое вращается вокруг человека, лишь до тех пор, пока он сам не начинает вращаться вокруг самого себя. И лишь тогда, когда религиозные вопросы, как продукт жестокой реакции, охватившей страну после крушения первой революции, выплыли на поверхность русской общественной жизни, Плеханов обратил свой зоркий взгляд в сторону религиозной проблемы. Он памятовал завет Маркса, говорившего, что в нашу эпоху религиозные вопросы имеют не теологическое, а исключительно общественное значение—о религиозных интересах, как о таковых не может быть более и речи.

Выступления Плеханова по вопросам религии относятся к 1908-9 годам. В глухую ночь столыпинщины, когда определенная часть интеллигенции, отойдя от революции, за победной колесницей которой она недавно бежала, бросилась в об'ятья самой низкопробной реакции; когда даже в среде революционных партий начали намечаться упадочные—ликвидаторские настроения,—в это время зловещими огоньками начали вспыхивать то в одной, то в другой интеллигентской группировке всякие религиозные устремления и мистические настроения, разного рода богостроительские,

богоискательские, боготворческие попытки. Религиозно-мистический угар охватил не только ренегатов освободительного движения, выкинувших пресловутые лозунги «Вех», не только хамелеонов из декадентской братии—ему поддались даже такие элементы, которым их принадлежность к авангарду рабочего класса и марксистское миросозерцание, казалось, обеспечивали иммунитет от теологического дурмана. Это последнее обстоятельство, повидимому, и было наиболее сильным из толчков, под влиянием которых Г. В. счел необходимым дать надлежащую оценку современным религиозным исканиям, производство же этой оценки понудило Г. В. вплотную подойти к проблеме религии, выявить свое понимание ее генезиса и эволюции.

Применение марксистского метода к истории религии обогатило эту молодую, находящуюся в состоянии хаотического брожения науку рядом ценных принципов и отправных точек, способствовавших созданию плодотворных рабочих гипотез. Среди резкой разноголосицы, царящей в области науки о религии—с ее множеством противоборствующих школ, марксизм ясно и четко развернул свое понимание эволюции религиозной идеологии в классовом обществе и вскрыл социальные причины религиозных движений. Однако, следует признать, что вопросам религии, марксизмом уделялось далеко не то время, на которое они могли рассчитывать хотя бы в качестве одного из важнейших социальных явлений. Марксистская литература до сих пор не установила еще вполне обоснованных, исчерпывающих важнейшие моменты религиозной проблемы и, главное, согласованных между собою взглядов. Прав проф. Н. М. Никольский, говорящий, что «по отношению к изучению религии имеющиеся труды марксистов должны рассматриваться только, как первая, но очень глубокая разведка, наметившая вехи и способы будущего исследования; в силу этого марксизм в области изучения религии еще не выработал окончательно таких же точных и определенных приемов изучения, как по отношению к другим областям науки общества, и главная его работа еще впереди“.*)

*) Проф. Н. М. Никольский. Религия, как предмет науки. Минск, 1923, стр. 41.

Пятнадцать лет тому назад—т. е. тогда, когда Плеханов выступал по вопросам религии,—марксистская разведка в область религиозной проблемы была, конечно, еще менее глубокой, нежели в наше время. Вот почему Г. В., пожелав вскрыть социальное содержание религиозных исканий послереволюционных лет, счел себя вынужденным в виде необходимой предпосылки обосновать свой взгляд на религию, как на таковую.

II.

Итак чем является для Плеханова религия? В статье «О религии», напечатанной в сентябре 1909 года в журнале «Современный Мир», он говорит: «Религию можно определить, как *более или менее стройную систему представлений, настроений и действий*. Представления образуют *мифологический элемент* религии, настроения относятся к области *религиозного чувства*, а действия к области *религиозного поклонения* или, как говорят иначе, *культа*».

В одной из своих статей по вопросам религии (о книге Фр. Лютгенау) Плеханов указывает, что религия, как таковая, как явление, складывающееся из перечисленных элементов, появляется лишь на определенной ступени общественного развития. Первоначально же мы можем установить полосу господства того, что Тейлор называет минимумом религии—т. е. вообще веры в существование духов. «Первоначально такая вера», говорит Плеханов в примечании к указанной статье, «не имеет никакого влияния на действия людей, и тогда она не имеет ровно никакого значения, как «фактор» общественного развития, поэтому и религией ее можно называть лишь с весьма существенной оговоркой. Такую веру, не обусловливающую соответствующих же действий, Плеханов называет религией *в узком смысле*—в отличие от религии *в широком смысле*, являющейся мощным социальным фактором, складывающимся из трех элементов, из которых каждый предыдущий обусловливает собою

последующий и которые совместно образуют единую систему: представления, настроения, действия».*)

Определить понятие религии дело очень не легкое. Из множества определений религии, данных философами-идеалистами, мы не знаем ни одного хоть сколько-нибудь удовлетворительного. Они все оперируют туманными—метафизическими сущностями, недопустимо суб'ективны, не дают никакого представления о границах религиозной сферы. Сошлюсь хотя бы на наиболее известные из таких определений. Религия это—«чувство наших обязанностей, основанных на божественном велении» (Кант); «чувство абсолютной зависимости» (Шлейемахер); «стремление к освобождению от абсолютной зависимости» (Штраус); «действующий нравственный порядок» (Фихте); «забота о судьбе ценностей» (Гефдинг). Немногим лучше и определение Макса Мюллера, для которого религия—это «идея бесконечности». Все эти определения отрывают религию от ее вещественной основы—в этом их тягчайший грех. От этого греха свободны марксистские исследователи религии, но им грозит другая опасность, жертвой которой являются некоторые «упростители»—вещественная основа религии закрывает от них ее другие корни. Они поддаются соблазну, который в свое время охарактеризовал Маркс—ограничиться разложением земного ядра религиозных туманностей,—вместо того, чтобы из своеобразных действительных жизнеотношений развить его обожествленные формы. Плеханов счастливо избежал этой опасности и в этом одна из крупных заслуг его выступления в области религии.

Согласно Плеханову, в основе религиозной системы лежат некие представления, образующие мифологический элемент религии.

Миф возникает как результат стремления человека уяснить себе те или иные, действительные или

*) В своем ответе на анкету „Mercure de France" Плеханов писал: „Если мы воспользуемся тем определением, которое Эдуард Б. Тейлор называет «минимальным», то мы скажем, что религия есть вера в духовные существа, живущие рядом с телами и процессами природы. „Максимальным" же определением религии является вера в духовные существа, связанная с моралью и служащая ей санкцией.

мнимые явления, с которыми он сталкивается, об'яснить их происхождение. Миф есть рассказ, отвечающий на вопросы: почему? и каким образом? Миф есть первое выражение сознания человеком причинной связи между явлениями.

Ответы, которые миф дает на возникающие у дикаря вопросы о происхождении явлений, способны удовлетворить человека первобытного, до крайности упрощенного, примитивного миросерцания. Чем же характеризуется это примитивное миросозерцание, в чем его отличительная черта?

— Она состоит в том, что человек, его держащийся, олицетворяет явления природы. Все эти явления представляются первобытному человеку действиями особых существ, имеющих, подобно ему, сознание, потребности, страсти, желание и волю. Уже на очень ранней ступени развития эти существа, будто бы вызывающие своими действиями известные явления природы, приобретают в представлении первобытного человека характер духов и, таким образом складывается то, что Тейлор назвал анимизмом. *)

Анимизм—первая наивная попытка дикаря осмыслить явления природы, их понять, проникнуть в их сущность. В своей борьбе за существование, - говорит Плеханов о первобытном человеке,—он совершает известные действия, которыми причиняются известные явления. Таким образом он привыкает смотреть на себя как на причину этих явлений. Судя по аналогии с собою, он думает, что и все остальные явления вызываются действиями существ, подобно ему имеющих известные ощущения, потребности, страсти, рассудок и волю. Но он не видит этих существ и потому считает их «духами», при обычных условиях недоступными его внешним чувствам и только в исключительных случаях непосредственно действующими на них. На почве этого анимизма возникает религия, дальнейшее развитие которой определяется ходом общественного развития. **)

Душеверие, определенные представления о душе, возникают у первобытного человека в результате его

*) О религии.

**) Предисловие к „Введению" Деборина. Стр. 8.

наблюдений над функциями собственного организма, устройство которого ему совершенно не понятно. Болезнь, сновидение, смерть об'ясняются дикарем, которому недоступно научное понимание этих загадочных явлений, присутствием или отсутствием в теле души, ее отлучениями из него и возвращениями в него.

По аналогии со своими представлениями о невещественной душе, заправляющей телом, дикарь создает и представление о мире, руководимом духами. Таким образом в сознании первобытного человека и складывается концепция дуалистического анимизма, сквозь призму которого рассматриваются им все явления окружающего мира. *)

Как мы видим, Плеханов принимает, как наиболее вероятную, анимистическую теорию Тейлора, он отыскивает корни религии там, где их искал Энгельс.

Плехановский подход к вопросу о происхождении религии является далеко не узаконенным в среде марксистских исследователей проблемы религии. Против выставленных Г. В. положений нередко раздаются возражения, сводящиеся к тому, что он перевел генезис религии в область антропологическую, совершенно игнорируя ее социальный корень. Вследствие этого нам приходится хотя бы кратко остановиться на тех сложившихся в марксизме гипотезах, которые выделяют в первую голову социальные причины возникновения религии. Из них наиболее стройная и внешне убедительная принадлежит А. А. Богданову.

По мнению Богданова, религиозные представления первобытного человека создаются по аналогии с окружа-

*) Разбираясь в природе,—говорит А. В. Луначарский,—человек истолковывал ее по аналогии с собой. Анимистическая гипотеза—самое простое и естественное толкование природы для совершенно некритического ума. Но оно укрепилось и приобрело огромное значение именно потому, что шло навстречу практической потребности человека. Как перед сильным, с которым тщетно бороться, человек становится на колени, как бы говоря: я маленький, жалкий; как перед ним, он кидается ниц, говоря: я в твоей воле весь, твоя вещь; как перед могучим он протягивает руки, умоляя о помощи, как дитя умоляет мать; как ему он приносит дары, желая склонить к себе его душу,—так поступает человек и по отношению к великим и сильным духам, управляющим ходом материальных событий, от которых зависит его благополучие и самое существование. («Религия и социализм». Стр. 38—39).

ющими его общественными отношениями. Анимистический дуализм—по Богданову—плод дуализма общественного. «Человек привык понимать свои трудовые отношения к внешнему миру, как проявление активной, организующей воли, воздействующей на пассивную исполнительскую силу; и то же самое начинает он находить во всяком явлении.

Он видит движение солнца, течение воды, слышит шелест листьев, ощущает дождь и ветер,—и для него всего легче представлять все это таким же способом, каким представляет он свою общественно-трудовую жизнь: за внешней силой, которая прямо действует на него, он предполагает личную волю, которая ее направляет; и хотя эта воля для него невидима, она непосредственно достоверна, потому, что без нее ему непонятно явление. Так возникает „душа вещей". *) Защитником той же точки зрения, рассматривающей возникновение религии, как продукт авторитарных отношений, выступает и Н. И. Бухарин, подписывающийся обеими руками под богдановской теорией происхождения религии. Понятие «духа», «души» у тов. Бухарина —отражение экономической структуры общества, в котором выделяется организаторский труд. Разделение человека на «тело» и «душу»—анимистический дуализм —рожден дуализмом производственных отношений. **)

Богдановская точка зрения на происхождение религии была формулирована лет за шесть до того, как Плеханов выступил со своими статьями, посвященными вопросам религии. Каковы же были мотивы, обусловившие мысль Г. В. о том, что религия возникла вне непосредственного влияния социальных отношений, господствовавших в первобытном обществе, и заставившие его выступить против богдановской точки зрения?

Плеханов считает, что анимистические представления возникли на такой ранней ступени общественного

---

*) А. А. Богданов. Авторитарное мышление Сб статей «Из психологии об-ва», СПБ. 1904. Стр. 115. Такого взгляда А. А. Богданов придерживается и по настоящее время. «Все религиозное, мышление есть авторитарная идеология», заявляет он в одной из своих последних статей. (На полпути. Статья в сборнике „Научные Известия»—N I. 1922).

**) См. Н. И. Бухарин. Теория исторического материализма Стр. 192-201.

развития, когда о разделении общества на организаторов и организуемых отнюдь еще не приходится говорить. Приноравливать возникновение анимизма к авторитарной организации общества, значит делаться жертвой недопустимой аберрации во времени. Анимистические представления возникают у племен, находящихся на низшей ступени общественного развития, переживающих стадию первобытного коммунизма. Анимизм предшествует авторитарной организации, складывающейся в недрах данного общества. Каким же образом можно выводить его из этой самой организации? *)

Плеханов охотно допускает мысль, что анимизм не был изначальной формой религиозных верований первобытного человечества, что допустимо говорить о некой доанимистической фазе этих верований, о каком-то своеобразном туманном монистическом взгляде на душу и тело, по поводу которого строил догадки еще Гюйо. **) Если бы гипотезы о доанимизме и оправдались, то они ни в малой мере не могут расшатать анимистической концепции, согласно которой душеверие возникает из наблюдений человека над самим собой и ни в малой же мере они не могут подкрепить той концепции, которая выводит анимизм из общественных отношений. Решающим является в этом отношении тот факт, что анимизм возникает на той ступени общественного развития, когда общество еще не дифферен-

---

*) Эту несостоятельннсть богдановской схемы метко изобличает в своей полемике с И. И. Степановым и М. Н. Покровский.

Для него, говорит тов. Покровский об А. А. Богданове,—„об'ективный корень религии—культ предков». Лет шестьдесят назад все так думали, точно также, как лет шестьдесят назад, все были уверены, что «родовой быт»—древнейшая форма общественной организации. Беда в том, что мы имеем не только религиозные эмоции, но религиозные верования вполне оформленные с зачатками культа, для стадии гораздо более примитивной, чем «родовой быт» и оседлое население... Никакой большой семьи, с патриархом-большаком во главе, у них еще не сложилось, а религия есть; откуда же она могла взяться, по богдановской схеме?... Такие порядки, какие тов. Бухарин живописует, вслед за А А. Богдановым, существуют на современной фабрике, а вовсе не в древней семье (Страх страха смерти и производственное значение религии. Под знаменем марксизма. 1922№ 9-10).

**) В качестве одной из таких гипотез можно вспомнить и мысль о панвивизме,—монистической доанимистической стадии религии.

цировалось, когда ему неизвестно еще деление на организаторов и организуемых.

„Дело не в авторитарной организации производства,—которая у дикарей отсутствует, а у варваров низшей ступени находится еще в зачаточном состоянии;—дело в технических условиях, при которых первобытный человек борется за свое существование",—такова отправная точка Плеханова при разрешении вопроса о генезисе религии.

Отрицает ли Плеханов роль авторитарной организации общества в разработке религиозных представлений? Конечно, нет. Для него это влияние является невызывающим сомнения фактом:

— Что авторитарная организация,—и не только производства, но и всего общественного быта, раз возникнув, начинает оказывать огромное влияние на религиозные представления, это совершенно неоспоримо. Это лишь частный случай того общего правила, согласно которому в обществе, разделенном на классы, развитие идеологии совершается под сильнейшим влиянием междуклассовых отношений... Но это правило, как и всякое другое, может быть понято верно, а может также быть истолковано в каррикатурном смысле.*)

„Каррикатурным" и является, по мнению Плеханова, то об'яснение анимистического дуализма, которое приписывает возникновение анимизма авторитарной организации общества, т. е. относит это возникновение к эпохе, совершенно не знавшей еще общественного расслоения.

Возникновение религиозных верований коренится в наблюдениях первобытного человека над своей внутренней природой—эта точка зрения Тейлора

---

*) О религии. От обороны к нападению. Стр. 197. Слова эти могут быть направлены и против некоторых рассуждений Генриха Эйльдермана—автора солидной в общем марксистской работы „Urkommunismus und Urreligion", вышедшей в конце 1923 года и на русском языке (Первобытный коммунизм и первобытная религия—перевод Г. П. Полякова, издание „Атеист"). Труд Эйльдермана в некоторых местах грешит тем самым „упрощением" марксизма, который отличал работы покойного Шулятикова.

и Фрезера легла и в основу анимистической концепции Плеханова.*)

Отсюда, однако, очень далеко от того, чтобы можно было приписывать Плеханову игнорирование социального фактора в деле образования религии. Плеханов, более чем кто либо другой, понимал и учитывал роль общественных отношений, как силы, формирующей религиозные верования человечества. Но вместе с тем, он настаивал на том, что религиозные представления складываются в сознании первобытного человека по аналогии с функциями его организма. Если Гюйо, скажем, называет религию „универсально-социологическим об'яснением мира в мифической форме", то он прав, но не целиком. Говоря о религии, нельзя забывать того, что анимизм возник не по аналогии с человеческим обществом, а по аналогии с индивидуумом, как существом одаренным сознанием и волей.**)

Рассуждая таким образом, Плеханов поступал точно также, как его великий учитель. Фридрих Энгельс ни мало не сомневался в том, что уже на довольно ранних ступенях общественного развития в процессе образования религии „на-ряду с силами природы вступают в действие общественные силы" и что „благодаря этому те образы фантазии, в которых сначала находили себе отражение только таинственные силы природы, получают общественные аттрибуты, становятся представителями общественных сил". (Die Phantasiegestalten, in denen sich anfangs nur die geheimnissvollen Kräften der Natur wiederspiegelten, erhalten damit gesellschaftliche Attribute, werden Repräsentanten geschichtlicher Mächte). Однако, понимание этого факта не мешало Энгельсу энергично подчеркивать, что „всякая религия есть ничто иное, как фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил (äussern Mächte.—Курсив мой— С. В.), которые господствуют над их повседневным бытием,—отражение, в котором земные силы приобре-

*) Здесь отличие анимистической концепции от космологической (натуристической) школы, выводящей возникновение религиозных верований из наблюдений человека над внешней природой (Кун и Шварц. Макс Мюллер).

**) Рецензия на книгу Гюйо «Безверие будущего». (От обороны к нападению. Стр. 287).

тают форму сил надземных. На первых ступенях истории, таким образом, прежде всего отражаются силы природы, которые в дальнейшем ходе развития у различных народов проделывают самые многосложные и самые пестрые персонификации".*)

Плеханов не игнорировал социальных корней религии, но он счел необходимым, особенно рельефно выдвинуть то положнение, которое уже после статей Плеханова нашло защитника и в лице одного из наиболее выдающихся марксистских исследователей религии Генриха Кунова, говорящего, что „на низших ступенях своего развития человек, хотя бы он жил общинами—ордами, все же был естественным существом в несравненно большей мере, чем общественным существом, и потому первоначально чувствовал свою зависимость от природы несравненно сильнее, чем зависимость от жизненных отношений своей общины".**)

Итак, религиозные представления—при своем возникновении—как утверждает Плеханов—имеют анимистический характер и обусловлены прежде всего неумением человека разобраться в своей собственной природе***).

Как же после своего возникновения эти представления развиваются, какова следующая фаза их развития?

---

*) Fr. Engels. Herrn Eugen Dührings Ummälzung der Wissenschaft. Verlag von Dietz. Stuttgart. 1904. S. 342—3.

**) Генрих Кунов. Возникновение религии и вера в бога. Перевод И. Степанова. Изд. 2-е. Стр. 3.

***) За пятнадцать лет, прошедших со времени выступления Плеханова. анимистическая конценция не только не пошатнулась, но наоборот закрепилась на своих позициях. А. Тюменев, автор отличной статьи «Возникнов:ние религии и первые шаги религиозного развития», опубликованной в №№ 3 и 4 Записок Научного Общества Марксистов ПТГ. 1922, вполне правильно горорит, что в настоящее время можно считать твердо установленным тот факт, что исходным пунктом развития религиозных представлений в уме дикаря является так называемый анимизм, т. е. признание одушевленности и одухотворенности всей природы. Как бы разно ни толковалось понятие анимизма, во всяком случае, почти все исследователи теперь согласны между собою в том, что именно анимизм и убеждение во всеобщей одушевленности природы составляет основу, почву, на которой выросли верования первобытного человека.

Раньше всего Плеханов отмечает то обстоятельство, что техника первобытного человека накладывает непосредственный отпечаток на его анимистические представления. Первобытный человек верит в духов, правящих миром. Но каким образом дух правит миром, каким образом он вызывает к жизни данное явление? Этот вопрос первобытным человеком разрешается по аналогии с теми процессами, помощью которых он сам вызывает те или иные явления. Вот почему характер первобытной космогонии определяется характером первобытной техники.

В ту фазу своего развития, когда дикарь еще не производит, не творит, а лишь добывает уже созданное природой, он не знает еще мифов о *создании* мира духами или богами. Его мифология тогда не ставит пред собою вопроса о том, кто *создал* человека, животных, а решает лишь вопрос о том, *откуда* они *пришли*. Лишь с развитием техники, когда человек начинает творить, его мифология изменяется соответствующим образом: она уже не твердит о том, что человек пришел со дна озера, из недр земли и т. д., а говорит о создании человека богом из праха, т. е. уподобляет это создание процессу, с которым имеет дело дикарь, постигший, скажем, горшечное искусство.

— Итак, миф о сотворении человека возникает не сразу. Он предполагает некоторые с нашей нынешней точки зрения невысокие, но на самом деле чрезвычайно важные успехи техники. И, чем больше совершенствуется техника, чем больше растут производительные силы человека, чем больше увеличивается его власть над природой, тем более упрочивается миф о создании мира богом*).

Рассматривая возникновение и эволюцию религиозных верований первобытного человека, Плеханову пришлось, конечно, дать ответ и на вопрос о тотемизме.

Тотемизм в настоящее время исследователями самых различных направлений принимается, как одна из древнейших форм религиозных представлений. Однако, вопрос о происхождении этой формы служит до сих пор предметом оживленной дискуссии, в результате ко-

*) О религии. От обороны к нападению, стр. 204.

торой не установлено каких-либо общих и согласованных точек зрения. Одни утверждают, что тотемизм рожден культом предков (Тейлор, Вундт); другие полагают, что тотемизм—своеобразный путь к сохранению животных и растительных видов от истребления их человеком (Фрезер); третьи розыскивают корни тотемизма в установлении внешних признаков, способствующих предупреждению половых сношений между кровными родственниками (Кунов). Плеханов в своих рассуждениях о тотемизме, примыкает в основном к точке зрения Джевонса, согласно которой тотемизм—продукт кровного союза, устанавливаемого первобытным человеком между собою и тем или иным—имеющим наибольшее влияние на его судьбу—представителем животного мира.*)

Считая данное животное своим тотемом, первобытный человек убежден в том, что это животное состоит в кровном родстве с тем кланом, к которому он принадлежит. Члены этого клана верят в то, что связанное с ними кровными узами животное не только не способно причинить им какого либо вреда, но наоборот, всячески им покровительствует. Со своей стороны, клан поддерживает дружественные отношения к животному—родственнику. Его не только нельзя убивать и употреблять в пищу, но ему нередко оказывают и почести, как покровителю клана, иногда даже и родоначальнику.

Греческий философ Ксенофан—говорит Плеханов,—ошибся, говоря, что человек всегда творит своего бога по своему образу и подобию. Нет, сначала он творит его по образу и подобию животного. Человекоподобные боги возникают лишь впоследствии, как результат новых успехов человека в деле развития своих производительных сил. Но и впоследствии в религиозных представлениях людей долго сохраняются глубокие следы зооморфизма**). Первый бог, которому поклонялось человечество,—животное, являющееся тотемом. Характерно, что вначале этот бог еще не индивидуализирован,

*) Тотемизм же имеет место и по отношению к растениям. Растительный тотемизм в общем характеризуется теми же чертами, что и животный.

**) О религии. От обороны и нападению, стр. 208.

а является видовым понятием. Раз тотем—черепаха, сова, скорпион,—значит всякая черепаха, всякая сова, всякий спорпион—божество. Процесс индивидуализации богов начался лишь с той поры, когда человеческая личность начала выделяться из кровного союза.

Тотемизм—одна из наиболее устойчивых форм религиозных верований древнего человека. Однако, как мы знаем, эта форма мало-по-малу распадается. Каковы же причины разложения тотемизма?.

Плеханов усматривает эти причины в изменении материальных условий существования человека. Рост производительных сил поставил первобытного человека в новые, по отношению к природе,—условия. Воздействуя на внешнюю природу и тем самым изменяя самого себя, первобытный человек изменяет также свои представления об окружающем мире. Ощутив свое превосходство над животными, он начинает себя противопоставлять им. Тем самым и рушится основа тотемизма. Эта основа исчезает с того момента, как первобытный человек начинает эксплуатировать животное. Здесь, однако, марксисту приходится задуматься над тем фактом, что приручение животного многие авторитетные исследователи выводят из тотемизма. Гипотеза о том, что первобытный человек заботясь о животном, начинает его приручать,—может показаться опровергающей зависимость сознания от бытия. Если, мол, так, то это значит, что религиозное сознание первобытного человека определило собою его экономическое бытие. Но это понятно, лишь мнимое опровержение центральной теоремы марксизма. В самом деле мы имеем следующий процесс:

— На данной экономической основе—первоначальный охотничий быт,—возникает первональная форма религиозного сознания: тотемизм. Эта форма религиозного сознания вызывает и упрочивает такое отношение между первобытным охотником и некоторыми видами животных, которые обусловливают весьма значительное увеличение производительных сил охотничьего общества. Увеличение этих производительных сил изменяет отношение человека к природе и, главным образом, его представление о животном мире. Человек начинает противопоставлять себя животному. Эта дает очень силь-

ный толчок антропоморфизации его представлений о богах; тотемизм отживает свой век. Бытие вызывает сознание, которое воздействует на него и тем самым подготовляет свое собственное дальнейшее изменение.*)

Чем выше мы будем подниматься по лестнице общественного развития, тем сильнее, понятно, будет сказываться влияние общественных отношений на религиозные представления человечества. Разложение кровного союза и образование семьи, смена племенной организации государственной—все это является мощными факторами в деле эволюции религиозных представлений. Здесь, конечно, выступают в качестве властной силы, формирующей религиозные представления, те авторитарные отношения, против которых Плеханов выступал тогда, когда им приписывали отнюдь им не принадлежавшую роль в возникновении анимизма:

— Раз возникло правительство, возникают известные отношения между правящими и управляемыми. За правящими признается обязанность заботиться о благосостоянии управляемых. За управляемыми признается обязанность подчиняться правителям. Кроме того, там, где существуют определенные законы, естественно существуют также их профессиональные охранители—законодатели и судьи. И все эти отношения между людьми получают свое фантастическое выражение в религии. Боги становятся небесными царями и небесными судьями.**)

К сожалению, момент зависимости религиозных представлений от общественных отношений был Г. В. лишь схематически намечен, но не разработан. Это обстоятельство наносит серьезный ущерб его религиозной концепции, хотя даже того немногого, что Плеханов сказал об этом моменте, достаточно для того, чтобы не говорить о недооценке им зависимости религиозных представлений и верований от социального фактора.

Как мы уже знаем, Плеханов усматривает в религии систему, слагающуюся из определенных п р е д с т а в л е н и й, н а с т р о е н и й и д е й с т в и й. Его

*) Там же. Стр. 216.
**) Там же. Стр. 218

точка зрения на первые два из этих элементов нами уже выяснялась.

Свойственные религии представления,—употребляя собственную формулировку Плеханова,—имеют анимистический характер и вызываются неумением человека дать себе отчет в явлениях природы. К представлениям, происходящим из этого источника, присоединяются впоследствии те анимистические представления, с помощью которых олицетворяются и об‘ясняются людьми их отношения между собою. Что касается религиозных настроений, то они коренятся в чувствах и стремлениях людей, вырастающих на почве данных общественных отношений, и изменяются параллельно с изменением этих отношений.*)

Что же представляет собою третий элемент религии—действия,—в совокупности образующие религиозный культ?

Эти действия вырабатываются в процессе установления человеком своих отношений к богу. Естественно, что эти отношения строятся по аналогии с взаимными отношениями людей. Они имеют своей целью добиться от божества каких-либо услуг. Поклоняясь богу, человек воздействует на него. Поклонение же естественно выливается в форму какого-либо действия—жертва, заклинание, молитва и т. д.**)

Формы воздействия на божество, к которым прибегает человек, разнообразны. Если молитвой он пытается упросить божество, то жертвой он хочет его задобрить, а заклинанием заставить поступить так, как ему—человеку—это надобно. В последнем отношении чрезвычайно характерное явление представляет магия, эта по меткому выражению Ренана «стратегия анимизма», пользуясь которой первобытный человек становится «дирижером огромного хора духов, которые жужжат вокруг его ушей».

*) Ibid, 221.

**) На исключительном значении для выяснения сущности религии момента просьбы, обращенной к божеству с целью практического воздействия на него, подробно останавливался тов. Б. И. Горев в своем докладе, прочитанном 12 октября 1922 г. в Социалистической Академии.

Конечный вывод, к которому Плеханов пришел в результате анализа религии, сводился к тому, что анимизм является неот'емлемым элементом религии. Лишенная анимистического элемента религия превращается в нравственность, т.-е. перестает быть самое собою.

«Религии чуждой анимистических представлений, до сих пор не было, да... и быть не может».—Это положение Плеханов превратил в центральный опорный пункт в своей борьбе с религиозными «новаторами» всех рангов и мастей.

III.

Религиозное «новаторство», рожденное реакцией, охватившей страну после крушения, первой революции, как мы уже указывали, и вызвало обращение Плеханова в сторону религиозных вопросов. В религиозном движении, характеризовавшем настроение российской интеллигенции в эту эпоху, Плеханов различал четыре основных направления: первое—связанное с именем Льва Николаевича Толстого и его попытками построить религию, свободную от «сверх'естественного» элемента; второе—богоискательство мистически настроенных декадентов; третье—обращение в сторону религии дезертировавших из освободительного лагеря «веховцев» и, наконец, четвертое,—богостроительство группы социалистов, пытавшихся примирить марксизм с религией. Против этих направлений и обрушился всей тяжестью своей логики и всей страстью своего возмущения Г. В.*)

Меньше, нежели на других религиозных течениях, Плеханов остановился на учении Л. Н. Толстого, по отношению к которому он заявил, что солидаризуется

*) По разного рода причинам цикла своих противорелигиозных статей Г. В. закончить не успел и потому религиозные устремления «Вех» остались не освещенными его критикой. В одной из своих статей Г. В. указал лишь, что он считает необходимым подвергнуть религиозные откровения авторов «Вех» особо тщательному разбору. К этому его понуждало то обстоятельство, что «евангелие от Струве-Гершензона-Франка-Булгакова явилось своеобразным духовным орудием европеизации нашей буржуазии и что творцы этого «евангелия» действовали не как теологи, а выступали, как идеологи определенного класса».

с оценкой данной ему в свое время Л. И. Аксельрод—Ортодокс.*)

Основная мысль, которую Плеханов проводит по отношению к религии Толстого, заключается в том, что эта религия пропитана тем самым „сверх‘естественным“ элементом, от которого ее считал вполне свободным ее творец, что она—по своей сущности—столь же анимистична, как и всякая иная религия.

В определениях религии, данных Л. Н. Толстым, Плеханов считает наиболее характерным то обстоятельство, что все они вращаются, вокруг некоего „назначения“, которое человек выполняет своей жизнью. Мысль об определенном „назначении“ человека, на которой базируется толстовское вероучение, естественно приводит к мысли о некоем сознательном существе, которое дает человеку это назначение. Как же мыслит Толстой это существо, извне руководящее человеком, ставящее пред ним определенные цели? Это „нечто“, дающее человеку его назначение, мыслится Толстым в образе бога, который „есть дух, проявление которого живет в нас и силу которого мы можем увеличить своей жизнью“.**) Толстой признает бога—духа, т. е. нечто стоящее над природой, ей диктующее свою волю, иначе говоря, нечто сверх‘естественное. То самое „сверх‘естественное“ начало, против которого восстал Толстой, логически стало осью вращения его религиозной системы, ибо отказавшись от этого начала, освободив свою систему от анимистического элемента, Толстой тем самым лишил бы ее религиозности,—она перестала бы быть религией.

В различные исторические эпохи,—говорит Плеханов, подвергая анализу вероучение Л. Н. Толстого,—вера в духов (анимизм) принимает до такой степени различный вид, что люди одной из них считают бессмыслицей ту веру в „сверх‘естественное“, которая считалась

---

*) В ее книге „Tolstois Weltanschaung und Entwickelung“, изданной в 1902 г. в Штуттгарте. Вероучение Толстого Л. И. подвергла разбору и в статье «Душевная трагедия Л. Н. Толстого, как основа его вероучения», написанной в 1912 г.

**) Ортодокс показала, что исходными пунктами толстовской религии является вера в личного бога, творца, законодателя и целеполагателя.

проявлением высшего разума в продолжение другой или даже нескольких других. Но эти недоразумения между людьми, стоявшими на точке анимизма, ни мало не устраняли основного характера верования, общего им всем; верование это было верой в существование одной или нескольких „сверх‘естественных" сил. И только потому, что всем им свойственна такая вера, все они имели религию. Религий, чуждых анимистических представлений, до сих пор не было, да и быть не может... Пример религии Л. Н. Толстого может служить лишним доказательством этой истины. Л. Н. Толстой—анимист и его нравственные стремления окрашиваются в религиозный цвет лишь в той мере, в какой они сочетаются с верой в бога, который есть „дух" и который определил назначение человека. *)

Подробно остановился Плеханов на том религиозном течении, которое пыталось сотворить—по злому слову Г. В.—„евангелие от декаданса".

На примере религиозных исканий Мережковского, Минского и их соратников Плеханов вскрыл социальную природу богоискательства российских декадентов, прикрывающих анархо-мистической словесностью свой буржуазный индивидуализм.

Религиозные искания Мережковского обусловлены его порывом к «абсолютной свободе», которую он противопоставлял «механическому миросозерцанию», превращающему человека в «органный штифтик» слепых сил природы. Плеханов подчеркнул в своих статьях, что та роковая антиномия *свободы и необходимости*, в которой без‘исходно запутался Мережковский, давно и определенно разрешена научной мыслью, не допускающей метафизического противопоставления друг другу этих понятий, диалектически рассматривающей их как категории, взаимно дополняющие друг друга.

Быть материалистом, механически воспринимать мир, об‘явить бога вымыслом—для Мережковского равносильно тому, чтобы признать себя «фортепианной клавишей», превратиться в жалкого и беспомощного раба всевластных сил природы. Что же внушило Мережков-

---

*) Еще о религии. От обороны к нападению, 229—30.

скому такое понимание материализма? То, отвечает Плеханов, что над ним довлеют анимистические предрассудки:

— С точки зрения анимизма, достигшего известной степени развития, человек, как и вся вселенная, есть создание бога или богов. С тех пор, как человек приучается смотреть на бога, как на своего отца, он естественно начинает считать его источником всяких благ. И так как свобода во всех ее разновидностях представляется ему благом, то он и видит в боге источник своей свободы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что отрицание бога представляется ему отрицанием свободы. Эта психологическая аберрация вполне естественна на известной ступени умственного развития человечества.*)

Мережковский находится в цепких лапах анимизма еще в одном отношении. Он культивирует религию в противовес „утилитарной нравственности" материалистического миросозерцания, ведущего в конечном счете к аморализму. Анимист всегда мыслит нравственность находящейся в неразрывной связи с религией. Отказаться от веры в бога, от признания духа, стоящего над миром, отбросить религию, таким образом, равносильно уничтожению нравственных принципов. Падение религии тожественно падению нравственности. В самом ли деле, однако, нравственность с религией неразрывна? На этот вопрос Плеханов дал ответ уж в своей первой статье «О религии». Этот ответ сводился к тому, что в процессе общественного развития нравственность возникла совершенно независимо от религии и что лишь с течением времени люди стали освящать религией ее предписания.

Это повело к постепенному срастанию в сознании людей нравственных понятий с религиозными верованиями. Сростание нравственных понятий человека с его представлениями о сверх'естественных существах, правящих миром, является результатом довольно длительного исторического процесса. Этот процесс и создает ту аберрацию, которая позволяет людям выводить н р а в с т в е н н о с т ь и з р е л и г и и,—вопреки то-

*) О так называемых религиозных исканиях в России. Сб. «О религии» Изд. «Красная Новь» М. 1923 стр. 100.

му, что говорит научное исследование нашего прошлого. Нравственность—естественный продукт з е м н ы х, междучеловеческих отношений и извлекать ее из каких-то н а д з е м н ы х, божественных источников—значит впадать в вопиющее противоречие с тем, что имело место в действительности. Связь между моралью и религией, казавшаяся неразрывной,—как писал Плеханов в своем известном ответе на анкету журнала „Mercure de France,—должна исчезнуть благодаря прогрессу человеческого разума. Когда эволюция социальных отношений уничтожит до корней супранатуралистическую концепцию, мораль снова займет свое независимое место. Передовой класс современного человечества уж отводит морали такое место,—она в его глазах не нуждается в теологических подпорках.

Все те, которые обвиняют материалистов в том, что разрушением религии они разрушают нравственность, сами совершают, как прекрасно выразился Плеханов в одной из своих статей, направленных против Бернштейна, тягчайший грех против гуманности и культуры. Этот тягчайший грех—проповедь религии, ведущей, по известному выражению Энгельса, к „опустошению человека и природы", перенесению их действительного содержания на какой-то потусторонний божественный фантом. Мережковский выступил таким опустошителем человека и природы. „Все нравственно-возвышенное, все благородное, все истинно-человечное, писал Плеханов, принадлежит, по его мнению, не человеку, а потустороннему фантому. Поэтому фантом представляется ему необходимым условием нравственного возрождения человечества и всякого общественного прогресса".*)

Почему же писатели-декаденты превращаются в евангелистов от декаданса, почему они отрываются от реальной действительности и устремляются к потустороннему фантому? Они ищут пути на небо—гласил ответ Плеханова,—по той простой причине, что они сбились с дороги на земле. Они или проходят мимо величайших освободительных движений современного человечества (одни с чувством вражды, другие—равноду-

*) Ibid, стр. 105.

шия) или пытаются окропить их святой водой, смывающей с них проклятие их „материального“ экономического происхождения.

Декаденты ищут бога, потому что им „скучно“ на земле и потому, что они трепещут пред мыслью о том что смерть несет им уничтожение.*) „Религия гарантирует мне бессмертие. Да здравствует религия!“, восклицал Мережковский. В этом восклицании отразился подлинный лик декадентского богоискательства, порожденного уродливым индивидуализмом его носителей, каждый из которых провозглашает себя «монадой, не имеющей окон», мечтает об одиночестве в „башне из слоновой кости“.

Но декаденты не только носители уродливого,— они и его жертвы. Они стремятся освободиться от гнетущего чувства одиночества. И вот, за невозможностью отделаться от него с помощью представлений, относящихся к действительной земной жизни нашего грешного человечества, измученные духовным одиночеством индивидуалисты обращаются к небу, ищут «общего бога». Они надеются, что придуманный ими «общий бог» вылечит их от их застарелей болезни—индивидуализма. „Выдыбай боже!“ Тщетный призыв! Против индивидуализма не растет никакого зелья на небе. Печальный плод земной жизни людей, он исчезнет лишь тогда, когда взаимные отношения людей не будут более выражаться принципом: «человек человеку—волк». **)

IV.

С наибольшей беспощадностью Плеханов счел необходимым выступить против тех религиозных исканий, которые имели целью сочетать несочетаемае—марксизм с религией. Здесь было то место, в которое Плеханов направил главные удары своей противорелигиозной аттаки, и сделал он это, конечно, потому, что от-

*) В богоискательстве декадентов тов. М. Н. Покровский мог почерпнуть не малое количество иллюстраций к той своей мысли, что со страхом смерти—не справляются не только дикари, но иногда и российские интеллигенты. Страх смерти загоняет мысль первых, а кой-когда и вторых в тупик религии.

**) Ibid., стр 131.

сюда, по его мнению, грозила наибольшая опасность делу революции, попытки сочетать марксизм с религией были симптомом идеологического разложения в самом революционном лагере, что, конечно, являлось обстоятельством, несравненно более грозным нежели религиозные стремления тех, кто отошел от революции или же переметнулся в лагерь ее врагов.

Глашатаем религиозного устремления в марксизме выступил А. В. Луначарский,—автор книги „Религия и социализм", изданной в 1908 году „Шиповником".*)

А. В. Луначарский взял на себя миссию—помочь человеческому самосознанию стать человеческой религией. Он подобно Фейербаху пытался возвысить антропологию до степени теологии. Он хотел уловить в религии „те черты ее, которые составляют самую глубину ее духа, именно отношения ее к основным потребностям, к основным запросам человека".**)

Цель религии Луначарский усматривал в том же, в чем ее видел в свое время старик Дицген—в том, чтобы „облегчить истомленное человеческое сердце от скорби земной жизни". Религия, заявлял Луначарский, связывает идеал и действительность, отыскивает пути от последней к первому. Так она идеализируется, ибо усложняется. Сначала религия связывает данную потребность с ее удовлетворением, потом все вообще потребности с их окончательным, вечным удовлетворением. Она разрешает тоску органического, живого по полноте жизни, по счастью.***)

В связи с таким своим пониманием религии Луначарский и приходил к определению ее, как такого мышления о мире и такого мирочувствования, „которое психологически разрешает контраст между законами жизни и законами природы". Иметь религию значит воспринимать мир таким образом, чтобы находить разрешение законов жизни и законов природы.

---

*) Помимо отповеди Г. В. Плеханова религиозные искания Луначарского были подвергнуты очень обстоятельной критической оценке в работе Б. М. Борохова «Виртуализм и религиозно-этическая проблема в марксизме», написанной в 1908 г. вскоре после выхода книги тов. Луначарского, но увидевшей свет лишь в 1920 году в издании «Молот».

**) Религия и социализм, стр. 21.

***) Ibid, стр. 39.

Высшее разрешение этих противоречий дает научный социализм. В той победе человека над природой, которую несет социализм, в том напряжении сил, которого социализм требует от человечества, А. В. Луначарский усматривал новую грядущую религию. То религия без бога, религия труда. Есть ли она действительная религия? О, да! „без бога, и без гарантий—маски того же бога—она остается религией“. Итак, вывод, к которому приходил тов. Луначарский в результате своего анализа религии, гласит, что религия не только не гибнет, но что, наоборот, ей даже предстоит подняться на новую высоту, пусть религия меняет свои формы, но она жива и будет жить.

Г. В. Плеханов острым взором сразу уловил ту чрезвычайную общественную опасность, которую таило в себе выступление А. В. Луначарского, заявлявшего к тому в предисловии к своей книге, что он преподносит свои мысли о религии российскому пролетариату в качестве идеологического оружия в предстоящих ему боях. Плеханов счел своим марксистским долгом показать, что выкованное т. Луначарским и подхваченное Максимом Горьким *) оружие „новой религии“ не только не нужно рабочему классу и его партии, но что оно принесет их делу лишь несомненный вред.

По отношению к выступлениям Луначарского и Горького Плеханов занял ту точку зрения, что к ним нельзя отнестись как к злоупотреблению религиозной терминологией, на которое можно было бы посмотреть сквозь пальцы, как к неудачному обороту речи, мимо которого можно было бы пройти. Грех марксистских

---

*) Максим Горький в своих выступлениях, относящихся к 1907—9 годам, солидаризовался во взглядах на религию с Луначарским, так в ответ на анкету «Mercure de France» он называл социализм религиозным чувством связи с прошлым и грядущим. Проповедью «новой религии» пропитана и его «Исповедь».

Луначарский и Горький не ограничивались одной лишь литературной проповедью богостроительства. Они пропитали богостроительскими тенденциями и возглавлявшуюся ими известную партийную школу на острове Капри. Характерно, что рабочее ядро слушателей школы своим здоровым пролетарским инстинктом сразу уловило, какую опасность таит в себе «богоискательство» под флагом марксизма и покинуло каприйскую школу, (см. об этом в истории Рос. Ком. Партии т. Зиновьева СПБ 1923, стр. 138-139).

проповедников „новой религии“ заключался, по мнению Плеханова, в том, что они стали „разогревать старую ошибку Фейербаха и налагать штемпель религии на такие отношения людей между собою и на такие их чувства, настроения и стремления, в которых нет ровно ничего религиозного“.*) Раз так, значит дело идет о чем-то несравненно большем, нежели неправильный словесный оборот, о чем-то заслуживающем серьезной критической оценки.**) Этой оценки религиозные искания некоторых марксистов требовали, по мнению Плеханова, тем более, что они выявились на фоне жестокой реакции, охватившей страну и лишившей российского интеллигента веры в торжество общественного идеала, что, естественно, влекло за собой всякие мистические настроения и устремления.

Луначарский и Горький низлагают бога, об‘являют его фикцией, но вместе с тем об‘являют человека богом. Но человек же не фикция, вопрошал их Плеханов. Где же логика?

Как мы уже знаем, Луначарский усматривал основную цель религии в разрешении рокового контраста между законами природы и законами жизни. Такая постановка вопроса знаменует собою убеждение в отсутствии общности между законами мира физического и мира морального, но говорить об отсутствии о б щ е г о между этими двумя н е с о и з м е р и м ы м и величинами, значит совершать недопустимую логическую ошибку. Человек изучает законы природы, их познает: на них опираясь, стремится осуществить свои идеалы,

---

*) „Исповедь“ М. Горького, как проповедь „новой религии“. От обороны к нападению, стр. 259

**) Тов. Луначарский хочет верить, писал один из критиков «новой религии»,—что окрестив социализм религией «он сделает его более обоснованным об‘ективно».

«Если бы здесь дело шло только о с л о в е «религия» мы могли бы вполне последовать примеру флегматичного хохла, распевающего на полях и ярмарках:

Человік сие мак
«Жинка каже гречка.
«Нехай так, нехай так,
«Нехай буде гречка мак».

Мы бы сказали пускай себе социализм зовется «религией»... Но дело куда серьезнее... (Б. Борохов. Виртуализм и религиозно-этическая проблема в марксизме).

ставить же вопрос в той плоскости, в которой его рассматривал Луначарский, значит класть в основу своего рассуждения измерение несоизмеримых величин.

Плеханов вскрывает одно за другим те противоречия, которыми кишат рассуждения А. В. Луначарского о религии. Луначарский отрицает существование моральных сил, стоящих над миром, но признавая вместе с Гефдингом религию заботой о „сохранении ценностей“ он должен придти к признанию их. Ибо иначе забота о „судьбе ценностей“ не приводит в смысле религии ни к чему. Он об'являет метафизиками тех, кто считает прогресс перманентным законом природы, в то же время твердит о совпадении материальной эволюции и прогресса духовности. Луначарский рассматривает религию, как некое „мышление о мире“ и некое „мирочувствование“. Мышление, свойственное религии, эволюционирует. На место анимизма оно теперь ставит научный энергетизм, на место магизма—высоко развитую технику. «В чем же скажется»,—ставил Луначарскому вопрос Плеханов,—«влияние религии на мышление людей, держащихся «энергетического» образа мыслей? Если бы эти люди могли обоготворить энергию, то вопрос решился бы очень просто: обоготворение предполагает религиозное отношение к своему предмету. Но обоготворить—значит олицетворить, олицетворить же в данном случае—значит отклониться к анимизму, на месте которого стоит теперь, по словам А. В. Луначарского, научный энергетизм. Где же выход?».*)

По мнению Луначарского, мирочувствование человечества эволюционировало, но в своей сущности оно осталось религиозным. Эта сущность—в тоске, вечно живущей в человеке. Когда-то эта тоска выражалась в жажде жизни продолжаться, защищать себя от нападения среды; теперь она выражается в жажде подчинить себе природу, господствовать над нею. „Итак,—возражал Плеханов,—тоска жива в человеке, и религия именно нужна для того, чтобы избавиться от тоски... Против этого трудно возразить что-нибудь: это дело личного «мироощущения». Есть люди, которых тоска в них живущая заставляет пить, что называется горь-

*) От обороны к нападению, стр. 239.

кую. Есть люди которых та же тоска,—вернее сказать, иная разновидность тоски, заставляет искать утешения в одной из старых религий. Наконец, есть еще люди, которых еще иная разновидность тоски заставляет мечтать о той или другой новой религии. Это все мне очень хорошо известно. Но рискуя навлечь на себя упрек в «простом филистерстве», я признаюсь, что решительно не способен понять, почему «жажда господствать над природой» непременно должна принимать вид тоски и притом тоски, предрасполагающей к религии.*)

Религия, которую провозгласил Луначарский, об'являлась им религией без бога. Плеханов в своем ответе Луначарскому показал, что понятие божества, вопреки всем усилиям Луначарского, свило себе уютное гнездышко в религиозной концепции А. В., звавшего „обожать потенции человечества".

Анализируя религиозные искания А. В. Луначарского, Плеханов пришел к выводу, что эти искания не только несовместимы с марксизмом, но, что своей попыткой напялить на социализм религиозный костюм, пророки „новой религии" возвращаются к воззрениям утопических социалистов.

Пролетариат быстрее других социальных групп освобождается из под власти религиозных предрассудков. Выступая в роли активного устроителя жизни, борца за новые формы, пролетариат раньше других начинает вращаться вокруг самого себя—тем самым он перестает верить в то, что вокруг него вращается призрачное солнце религии.

Общественные отношения разлагают религию, расшатывают почву у нее под ногами. Рабочий класс—революционный авангард современного человечества—призван быть могильщиком религии. Поэтому Плеханов—один из лучших вождей этого класса—в ответ всем тем, кто нудно и скучно „строил Бога", кто воздев очи ввысь отдавался во власть мистики, кто пытался гальванизировать разлагающийся труп религии,

*) Там же, стр. 240.

кто вытаскивал из-под спуда „опошленные попами“ слова и вводил их в обиход рабочего класса—заявлял:

— Прогресс человечества несет с собой смертельный приговор и религиозной идее и религиозному чувству.*)

Но пролетарий не фаталист, он не сможет пассивно созерцать процесса отмирания религии, а обязан всячески ускорить течение этого процесса. Религия будет умирать долго и скучно: „Будут иметь место различные пережитки, народятся ублюдочные концепции мира, полуматериалистические, полуспиритуалистические, но эти пережитки осуждены на исчезновение в свой черед. **) До тех пор, однако, пока история не привела в исполнение своего приговора, пока религиозный дурман властвует над головами определенной части человечества, передовой класс современности должен отдавать энергию и силу на борьбу с этим дурманом. Вот почему пролетарская партия не может быть пассивной по отношению к религии, она не может мириться с „религиозными фантазиями“, она не может относиться к ним, как к частному делу, она должна вести борьбу с религией, должна вести агитацию против религии.***)

Критика религии—долг пролетарского идеолога, долг революционного марксиста.

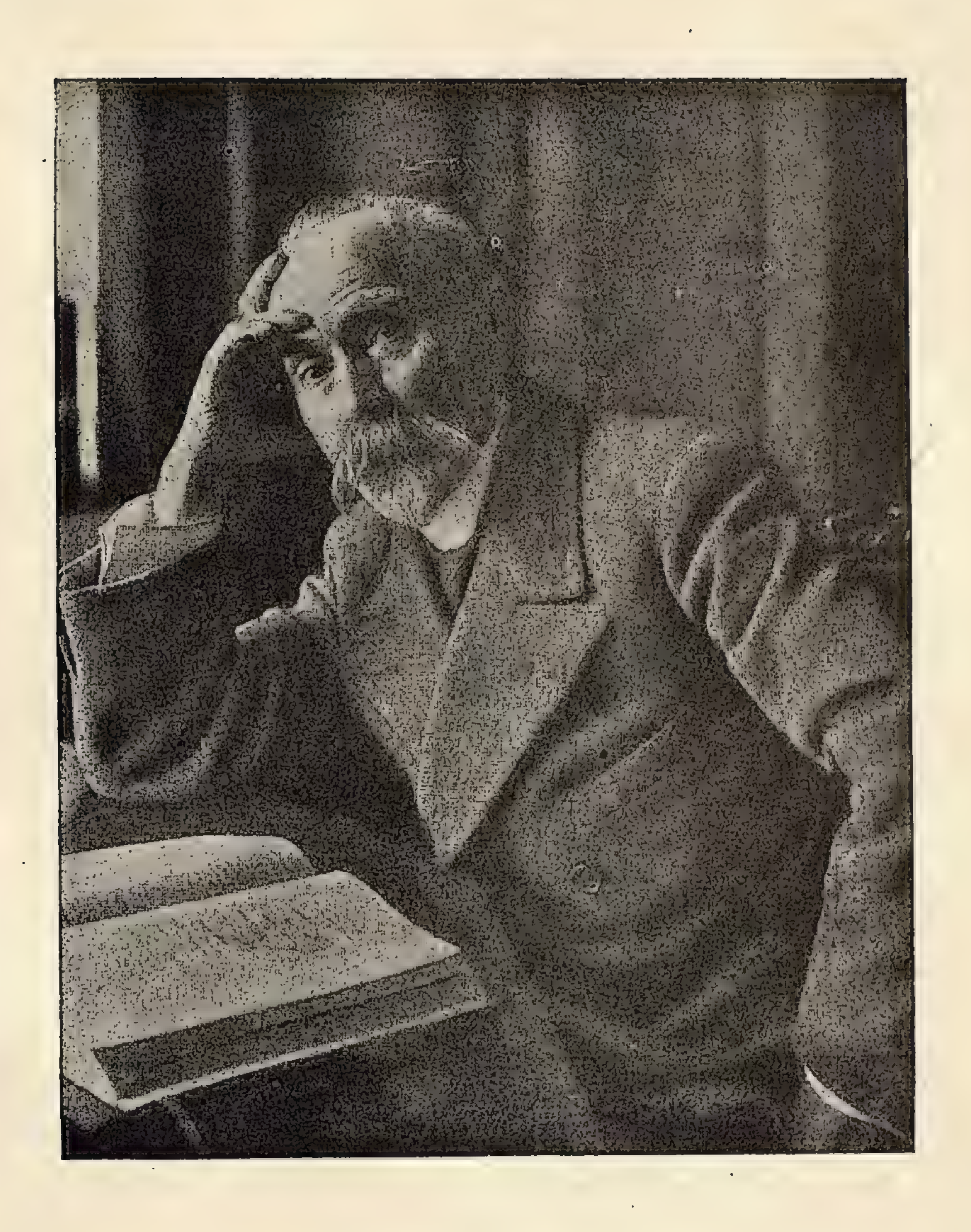
Плеханов об этом долге не забыл.

---

*) Ответ на анкету „Mercure de France“.

**) Ibidem.

***) Этого положения, высказанного Г. В. в его рецензии на книгу Дютгенау о естественной и социальной религии, иногда не понимают, не говорим уже об оппортунистах, даже и революционные социалисты. Так, напр., Герман Гортер, ничтоже сумняшеся, об'являет религиозные убеждения членов социалистической партии не имеющими отношения к партии, а лидер шведских коммунистов Хеглунд выступил в середине 1923 г. со статьей в защиту принципа «религия—частное дело» в применении к членам коммунистической партии. Как известно, эта статья была предметом оживленного обсуждения на июльском 1923 года пленуме Коминтерна, сурово осудившем позицию Хеглунда.

9. Плеханов, как историк русской общественной мысли.

Точка зрения Плеханова на русский исторический процесс.—История России—история колонизующейся страны.—Разрыв между европеизованными верхами и азиатскими низами.—Пролетариат России, как европеизованный народ.—Изображение Плехановым движения русской общественной мысли по екатерининскую эпоху.—Плеханов и Чаадаев.—Плеханов и Герцен.—Плеханов и Белинский.—Плеханов и Чернышевский.

I.

О Г. В. Плеханове, как историке русской общественной мысли, можно говорить в двояком смысле слова: узком и широком. Если-б мы ограничили свою задачу узким смыслом слова, нам пришлось бы говорить о Плеханове, лишь как об авторе «Истории русской общественной мысли». Для того же, чтобы охарактеризовать Г. В., как историка русской общественной мысли в широком смысле слова, надо остановиться на нем и как на исследователе ряда этапов в развитии русской общественной мысли XIX века.

При рассуждениях о Плеханове, как авторе «Истории», надлежит соблюдать сугубую осторожность, памятуя, что замысел Г. В. дать фундаментальный труд по истории русского общественного сознания, начиная с допетровской эпохи и кончая десятыми годами XIX века, осуществлен лишь в малой части. Обстоятельство это должно предостерегать от решительных приговоров над «Историей русской общественной мысли» всякого, не берущегося судить по четырем стенам первого этажа о достижениях архитектора, творческий замысел которого заключался в возведении величественного многоэтажного здания.*)

Имеющаяся в нашем распоряжении часть «Истории» ценна тем, что содержит в себе изложение общих взглядов Г. В. на русский общественный процесс. Понятно, что поскольку Плеханов задался в своем труде целью

*) Так поступали некоторые суровые, но довольно не убедительные в своих рассуждениях критики плехановской «Истории» (см. напр. рецензию А. Кудрявцева в журнале «Летопись» за 1916 г. № 11 и книгу М. В. Нечкиной «Русская история в освещении экономического материализма.» Казань, 1922 г. гл. IV.

исследовать развитие русского общественного **с о з н а н и я**, он мыслил это сознание, как находившееся в зависимости от соответствующего общественного **б ы т и я**. Бытие определяет сознание—эта центральная теорема диалектического материализма не могла не быть отправным пунктом Г. В. при исследовании им процесса развития русской общественной мысли. Раз так, то Плеханов счел необходимым в качестве введения к своему труду установить основные точки зрения на русский исторический процесс, на то **б ы т и е**, под влиянием которого развивалось русское общественное **с о з н а н и е**, на тот **х о д в е щ е й**, который обусловил собою **х о д и д е й**, избранных Плехановым предметом своего исследования.

Тожественен ли русский исторический процесс историческому процессу Западной Европы или же он представляет собой совершенно самобытное явление? Таков коренной вопрос, ответ на который с самого почти начала прошлого века разделял представителей русской исторической науки на противоположные лагери и который возбуждал страстные споры в самых широких кругах российской интеллигенции. В течение многих десятилетий в русской историографии безраздельно господствовало мнение о полном своеобразии русского исторического процесса. Это мнение вербовало своих адептов в самых различных социально политических группировках,—начиная славянофилами 40-х годов и кончая народниками конца XIX века,—каждая из которых на свой особый лад твердила, что «умом России не понять, аршином общим не измерить,—у ней особенная стать». С течением времени, однако, под влиянием различных факторов, первым из которых является нарождение в России капитализма, мнение о коренном противоречии между историческими судьбами России и европейского Запада, начинает подвергаться ревизии. В противовес установившемуся взгляду на самобытность русского исторического процесса начинает выдвигаться взгляд на русскую историю, как на процесс аналогичный, пережитому Западом. Россия начинает рассматриваться как европейская страна, лишенная какой-то, самобытной «стати», как страна подлежащая измерению европейским историческим аршином.

Приступая к своему исследованию по истории русской общественной мысли, Г. В. Плеханов счел необходимым раньше всего подвести итог имеющимся в распоряжении науки данным по вопросу об исторической самобытности России. «Похожа ли история России на историю Западной Европы?»—этим вопросом Плеханов и открыл свой очерк развития русских общественных отношений, являющийся введением в «Историю».

Отвечая на поставленный вопрос, Г. В. Плеханов солидаризуется с Н. П. Павловым-Сильванским, который в результате своих замечательных изысканий по русскому феодализму отверг укоренившееся представление о полном своеобразии русского исторического процесса и установил глубокую аналогию между западно-европейским и русским феодализмом. Плеханов, однако, солидаризуется с Павловым-Сильванским лишь частично: он признает его правоту постольку, поскольку талантливый историк восстает против ложного представления о полном своеобразии русского исторического процесса. Однако, является чрезвычайно ошибочным, отвергая абсолютную самобытность русской истории, удариться в другую крайность: об'являть русский исторический процесс лишенным элементов своеобразия, отожествлять его с западно-европейским историческим процессом. Надо помнить, что «там где отсутствует коренное несходство, может быть на лицо несходство второстепенное, придающее все таки достойное замечания «своеобразие изучаемому процессу». Поэтому отрицательное,—и, в общем, очень удовлетворительное у Павлова-Сильванского,—решение старого вопроса о полном своеобразии русского исторического процесса еще отнюдь не исключает вопроса об его относительном своеобразии.» *)

Отвергая и теорию чистого своеобразия русского исторического процесса и теорию полного тожества этого процесса с западно-европейским, Г. В. выступает защитником того положения, что русский исторический процесс, совпадающий в своих основных тенденциях с западно-европейским, отличается все же от последнего некоторым относительным своеобразием. Русское обще-

*) История русской обществ. мысли. М. 1918. Т. I, стр. 9.

ственное развитие отличается некоторыми, правда не первостепенными, историческими особенностями, но и эти второстепенные особенности не должны остаться за полем зрения исследователя. Эти особенности в целом ряде моментов отдаляют Россию от европейского Запада и приближают ее к азиатскому Востоку. Совершая в общем тот же путь, что и прочие европейские государства, Россия, однако, на своем историческом пути нередко уклонялась в сторону восточных деспотий. Таким образом Россия, на протяжении всей ее истории, по характерному выражению Плеханова, как-бы колеблется между Западом и Востоком. Характер этого колебания изменяется от одной исторической эпохи к другой. В Московский период эти колебания гораздо значительнее, чем в киевский. После петровской эпохи они начинают уменьшаться—по мере ускорения и углубления процесса европеизации России. Эта последняя фаза европеизации России далеко еще не закончена и в наши дни, писал Плеханов накануне революции семнадцатого года.

В чем же усматривал Плеханов относительное своеобразие русского исторического процесса? В характере классовой борьбы, определявшей собою исторический ход развития русского общества. Крупнейший авторитет русской исторической науки В. О. Ключевский уж подчеркнул, что классовые отношения в России развертывались иначе, чем на Западе. Но в об'яснении этого правильно подмеченного им факта он оказался бессильным или, вернее сказать, он дал ему совершенно несостоятельное об'яснение. Классовые отношения на Западе и в России развивались, по мнению В. О. Ключевского, различно—поскольку на Западе «экономический момент» всегда предшествовал «моменту» политическому, в России же имело место обратное явление: здесь «политика» предшествовала «экономике» или же «политика» и «экономика» в своем взаимном предшествовании чередовались (смешанный процесс—по терминологии проф. Ключевского). Построенная Ключевским схема развития классовых отношений в России на основе смешанного процесса была подвергнута Плехановым критической проверке, в результате которой он заявлял, что эта схема находится в жестоком противоре-

чии с историческими фактами. «В действительности, политический «момент» никогда и нигде не идет впереди экономического; он всегда обусловливается этим последним, что нисколько не мешает ему, впрочем, оказывать на него обратное влияние».*)

Вслед за взглядом В. О. Ключевского на развитие русских общественных отношений и на роль экономического и политического моментов в истории Руси, Г. В. прощупал своим марксистским зондом и теории некоторых других авторитетов русской исторической науки, строивших те или иные гипотезы по вопросу о своеобразии русского исторического процесса.

В ряду этих гипотез внимание Плеханова приковали раньше всего взгляды С. М. Соловьева, основывавшего свое об'яснение русской исторической самобытности на свойствах географической среды и противоставлявшего западно-европейскому камню русское дерево. Плеханов показал, что гипотеза Соловьева не выдерживает критики фактов и не выдерживает ее прежде всего потому, что Европа отнюдь не была на протяжении всей своей истории каменной, как думает Соловьев, а роль дерева в русской истории также не так велика, как утверждает Соловьев. Соловьев мыслит влияние географической среды на народ непосредственным, между тем, как в действительности можно говорить лишь о влиянии посредственном: климат и природа лишь через развитие производительных сил влияют на исторические судьбы народа.

Плеханов останавливается и на вопросе, издавна концентрирующем на себе внимание историков: о влиянии, которое оказали нашествия кочевников на течение русского исторического процесса. Г. В. предварительно задается вопросом о том, как это могло случиться, что земледельческая Русь была покорена восточными кочевниками, стоявшими на более низкой ступени экономического развития. Ведь экономически более развитое общество владеет и военной техникой более высокой формации, а в военной технике—основной фактор победы. По этому поводу, как известно, в

*) Op. cit, Т. I, стр. 24.

нашей исторической науке был сделан ряд предположений.

В. А. Келтуяла, напр., считает, что Русь до половины тринадцатого века была не земледельческим, а охотничье-торговым государством. Татары же были скотоводами, т.-е. находились в более высокой фазе экономического развития, чем жители юго-восточной Руси. Таким образом, победа монголов-скотоводов над русскими охотниками представляет собою вполне нормальный случай подчинения экономически более развитым обществом общества менее развитого. Плеханов подверг мысль В. А. Келтуялы тщательному анализу, который убедил его в ее несостоятельности и противоречии фактам. Русь была ко времени татарского нашествия страной земледельческой—таков вывод, к которому пришел Плеханов.

Как же тогда быть? Мы имеем перед собою, мол, конфликт материалистического об'яснения истории с установленным фактом: подчинение экономически более развитого общества обществу отсталому. Однако, это конфликт не действительный, а мнимый. Он вырисовывается лишь в воображении тех, кто механически воспринимает исторический материализм, кто вульгаризирует марксову теорию. Исследователь же, овладевший марксистским методом с той глубиной, которую этот метод требует от своих последователей, не будет смущаться тем фактом, что скотоводы-татары покорили русских земледельцев: «Этот факт так же мало противоречит материалистическому об'яснению истории, как движение вверх шара, наполненного газом, более легким, нежели атмосферный воздух, опровергает теорию тяготения. В каждом из этих двух случаев перед нами лишь мнимый пародокс». *)

Если общество подымается с более низкой на более высокую экономическую ступень, то оно тем самым делает шаг вперед. Но это продвижение вперед не следует понимать как автоматически одновременно совершающееся во всех областях. При общем продвижении общества вперед, при его общем прогрессе возможен частичный временный застой или даже регресс.

*) Т. I., Стр. 42.

Изменился общественный базис, общество поддалось вперед, однако те или иные этажи надстройки могут в течение некоторого времени оставаться теми же, что и были. В некоторых областях общество может задержаться в своем развитии или даже попятиться назад. Переход Руси к земледелию и связанная с ним дифференциация общественного труда, могли вызвать относительную слабость русских в областях военной организации. Кочевники же—татары—были поголовно воинами. Более примитивная организация, постоянная напряженная борьба, привычка к переходам с места на место,—все это могло обусловить победу монголов-охотников над русскими земледельцами. Никакого опровержения исторического материализма в этом историческом факте усмотреть нельзя.

Плеханов видит в натиске, которому Русь веками подверглась со стороны своих соседей кочевников, один из фактов, обусловивших относительное своеобразие русского исторического процесса. Расходясь в этом отношении с таким авторитетом в области марксистского исследования русской истории, как М. Н. Покровский, Плеханов считает роль, сыгранную татарским нашествием в развитии России, весьма значительной. Сводит он ее к следующему.

Натиск кочевников оттеснил население Руси от берегов Черного моря. Обстоятельство это, замедлившее в высокой степени темп экономического развития Руси, усугублялось еще периодическими нападениями монголов на торговые караваны, направлявшиеся из Руси в страны, лежащие на юге. Наконец, налеты кочевников на города и селения дезорганизовывали нормальное течение жизни в границах Руси. Все это тормазило хозяйственное развитие страны. Пагубные последствия многовекового натиска монголов особенно сказались на низах русского общества, где накоплялось большое количество хозяйственно-неустойчивых элементов, попадавших в зависимость от верхов, владевших значительными богатствами. Процесс подчинения трудящихся масс ростовщическому капиталу под влиянием натиска татар ускорился. «Многовековый натиск кочевников»,—говорит Плеханов,—«замедлял рост тех производительных сил, которыми располагало оседлое население

Руси, ...замедление их роста в свою очередь задерживало процесс возникновения в ней влиятельного класса держателей земли и определенных норм политической жизни». *) Натиск кочевников ослаблял значение боярства в жизни Руси. Тем самым увеличивался удельный вес князя, роль которого в глазах населения становилась тем более значительной, что князь выдвигался обстоятельствами на ответственный пост руководителя обороны государства, его «военного сторожа», по выражению В. О. Ключевского.

Перманентный натиск кочевников на юго-западную Русь расшатал ее и без того слабые хозяйственные устои. Татарское нашествие, бывшее наиболее драматическим эпизодом этого длительного процесса, нанесло, по мнению Плеханова, юго-западной Руси окончательный удар, заставив центр русской исторической жизни перенестись с юго-запада на северо-восток. То многостороннее влияние, которое оказывал натиск кочевников на юго-западную Русь и на характеристике которого Плехановым мы остановились выше, сблизило общественный быт Руси с бытом и строем восточных деспотий. Спрашивается, какой характер приобрел этот быт с перенесением центра русской исторической жизни на северо-восток—в бассейн Оки и Верхней Волги.

Наиболее характерной стороной общественного быта Руси в новый период ее развития, Плеханов считает то, что здесь «положение русского крестьянина мало-помалу сделалось очень похожим на положение крестьянина любой из великих восточных деспотий.**) Каким же образом протекал в северо-восточной Руси процесс закрепощения крестьянства, сделавшийся, по утверждению Г. В., новым этапом в отдалении России от Запада и приближении ее к Востоку?

Уже с XII века северо-восточная Русь заселяется выходцами из Руси юго-западной: то были смерды и холопы, бежавшие на север от своих господ-бояр и «лепших» людей. На первых порах беглецы, прибывавшие с юга в северо-восточную Русь, действительно, находили там независимость, к которой они стремились.

*) Т. I., стр. 51.
**) Т. I. стр. 75.

Но то был, однако, незначительный период. С перенесением центра государственной жизни с юга на север изменилось и положение крестьянства.

Новые географические условия диктовали государству пред'явление новых более тягостных требований земледельцу, а для обеспечения выполнения этих требований оно увеличивало свою власть над сельским населением. Вот почему «история этого населения в бассейне Волги есть процесс постоянного закрепощения его государству». *)

Земледельческий труд становится в северо-восточной Руси основным базисом «княжеского хозяйства». Но хозяйство это было натуральным. Князь или сам хозяйничал на земле или предоставлял ее своим служивым людям. Это последнее значило, что он предоставлял в его распоряжение труд сидевших на определенном участке земледельцев. По вопросу о пользовании этим трудом, о формах и границах этого пользования и возникали постоянные трения между служивыми людьми и земледельцами. В качестве верховной инстанции обе стороны в таком случае аппелировали к князю. Как же решался вопрос последним?

— А для князя выгоднее всего было решить спорный вопрос так, чтобы, обеспечив себе всю полноту политической власти над служивым человеком, предоставить этому последнему всю широту возможной экономической эксплоатации земледельца. В этом смысле вопрос мало-по-малу и был решен внутренней историей северо-восточной Руси. Крепостная зависимость крестьян от помещиков явилась, между прочим, юридическим выражением этого, найденного историей, решения. **)

Логически развиваясь, система закрепощения государством крестьян привела к абсолютному торжеству крепостничества в отношениях между государственной властью и главной рабочей силой государства—крестьянством. Быт русского крестьянина стал тождественным быту земледельца великих восточных деспотий.

*) Т. I, стр. 62.
**) Ibid, стр. 64.

Но государственный быт северо-восточной Руси складывался на манер восточных деспотий не только по отношению к крестьянину. Отношения между государственной властью и служилым населением явно носили на себе в о с т о ч н ы й отпечаток. Русский феодализм представляет собою несомненный факт, однако он отличается от феодализма западного к р е п о с т ь ю с о с л о в и й г о с у д а р с т в у. Уже к половине XVI века служилое сословие России было закрепощено государству и здесь опять таки, один из наиболее заметных зигзагов, который русский исторический процесс делает по направлению от Запада к Востоку. Надо думать,—говорит Плеханов,—что если бы ожила мумия какого-нибудь «холопа» или дьяка.... одного из египетских фараонов, скажем XII династии, и совершила путешествие в Московию, то в противоположность западному барону Герберштейну, она не нашла бы очень много удивительного для себя в общественно-политическом быту этой страны. Она решила бы, что отношения московитян к верховной власти весьма близкие к тому, что существовало на ее далекой родине, именно, таковы, какими они должны быть в благоустроенной стране. *)

В том, что на Руси государство закрепостило себе не только низший класс-земледельцев, но и высший служилых людей—черта сближающая Россию с восточными деспотиями, однако процесс закрепощения сословий протекал в России несколько иначе, чем на Востоке: он здесь отличался большей остротой, так как географические условия заставляли государство производить значительное давление на закрепощенное население, это заставляли его делать, впрочем, не одни только природные условия, но и соседство с более цивилизованными народами Запада, оборона от которых требовала от государства максимального напряжения сил.

История России является историей страны к о л о н и з у ю щ е й с я—это обстоятельство было уже давно подмечено и выявлено исследователями русской исторической жизни; однако, выявляя это обстоятельство, они забыли,—указывает Плеханов,—подчеркнуть, что

---

*) Т. I, стр. 73.

Россия колонизовалась в условиях натурального хозяйства. Эта особенность наложила свой отпечаток на некоторые очень важные явления русской общественной жизни. Плеханов проводит интересную параллель между тем, как боролись на Западе городское население и третье сословие с феодальными отношениями и какие формы тот же процесс принял в России.

Русские люди, принадлежавшие к низшему сословию, протестовали против крепостного ярма тем, что бежали в южные степи, где они находились за пределами правительственной власти, державшей их на крепостной цепи. Здесь беглецы окапывались против этой самой власти, а иногда и переходили в наступление на нее. Восставая против общественно-политического уклада Руси, казачество и играло до некоторой степени революционную роль. Однако революционность этой роли очень относительна и говорить о ней можно лишь с большими оговорками. Мы знаем, что в свое время, будучи народником, Г. В. готов был видеть в Булавине, Разине и Пугачеве „титанов народно-революционной обороны". Анализируя в „Истории русской общественной мысли" роль, сыгранную казачеством в русской истории, Плеханов отказывается признать ее революционной, ибо самый протест казаков против уклада русской жизни был исторически-бесплоден. Восставая против этого уклада, казаки могли в лучшем случае его низложить, разрушить, но они были бессильны поставить на его место другой порядок, основанный на новом способе производства. Здесь опять-таки одно из многочисленных отличий русской истории от западно-европейской, один из „европейских недочетов" русского исторического процесса. Когда на Западе городские общины и третье сословие восставали против феодализма, они боролись за новые производственные отношения. Когда у нас казачество восставало против старого уклада, его протест был исторически-бесплоден.

Существует в русской исторической науке весьма распространенный взгляд на то, что свержение татарского ига и конечная эмансипация России от натиска кочевников знаменует собою победу Европы над Азией.

Плеханов считает такой взгляд несостоятельным. Россия победила кочевников-азиатов к тому времени, когда сложившиеся в ней общественные отношения приблизились, если не сказать отожествились с теми, которые веками господствовали в великих деспотиях Востока. „Стало быть Европа победила „азиатцев“ лишь потому, что сама сделалась Азией“.*) Примеры аналогичных побед крупных земледельческих об'единений над кочевниками известны и истории Востока. Однако, счастливая для России особенность ее исторического процесса заставила Россию, уподобившуюся азиатским деспотиям и отстоявшую свою независимость от кочевников, обратиться в сторону Запада. Преодолевая многовековую инерцию, азиатская Русь начала медленно, но неуклонно поворачиваться в сторону европейского Запада.

Экономическая необходимость с середины XVII века начинает уж подтачивать натуральный строй хозяйства, на котором базировался социально-политический уклад Руси, и постепенно заменять его денежным хозяйством. В недрах государства российского начинают накапливаться противоречия, которые достигнув определенного *количественного* предела, приведут к *качественному* изменению его облика-скачку от азиатского Востока к европейскому Западу. Этим скачком явились петровские реформы. Преобразования Петра отнюдь не были, как то нередко утверждают, крутой ломкой, шедшей в разрез со всем течением исторической жизни. Петр лишь разрешил ту задачу, которая была поставлена на очередь предыдущим ходом русского общественного процесса, и для разрешения которой созрели необходимые элементы в недрах российской государственности. Петр приступил к решению задачи, поставленной к его времени на очередь всем ходом русского общественного развития: европеизации России. Задача эта решалась не скоропалительно и не без труда, необходимого для преодоления исторической косности: „Неуклюже, неохотно, с огромным трудом, с тяжелыми вздохами поварачивалась к Западу старая московская Обломовка, однако все-таки

*) Т. I, стр. 98.

поварачивалась“... *) Процесс европеизации России осуществлялся туго и медленно и сам реформатор, европеизовавший Россию, был типичным азиатским деспотом. Это звучит парадоксально, но таков исторический факт: Петр по азиатски европеизовал Россию. Он подобно восточному деспоту не церемонился с имущественными правами жителей государства и беспощадно нарушал их тогда, когда этого только требовало государственное преобразование. И небольшую осторожность он соблюдал по отношению к личности подданных. „Европеизируя Россию“,—говорит Плеханов,—„Петр доводил до его крайнего логического конца то бесправие жителей по отношению к государству, которое характеризует собою восточные деспотии.**)

Одной из важнейших петровских реформ было преобразование армии на западный лад, преобразование это совершалось на фоне начавшегося сдвига страны от натурального к денежному хозяйству и повлекло за собою переход от натуральной (земельной) оплаты служилого класса за военную службу к денежному вознаграждению, к жалованью. Тем самым чрезвычайно осложнились общественные отношения, господствовавшие в России. Высшее сословие, переведенное на денежное жалованье, должно было лишиться земли или стать в новые отношения к ней. На первое, конечно, оно не могло согласиться и оно использовало свое положение, свою близость к государственному аппарату, чтобы поставить себя в новое, привилегированное положение. При Анне Ивановне начался и при Екатерине Второй закончился процесс раскрепощения русского дворянства. Тем самым разрушилось то формальное оправдание, которым прикрывалось закрепощение крестьян: необходимость экономически обеспечить дворянству возможность нести военную службу. «Когда дворяне были раскрепощены»—подчеркивает Плеханов,—«крестьяне решили, что теперь очередь за ними, так как теперь их временно-подневольный труд лишился всякого смысла». ***)

*) Т. II, стр. 69.
**) Т. II, стр. 94.
***) Т. I, стр. 108.

Со времени раскрепощения дворянства крестьяне ждут, как естественного следствия, их собственного освобождения. Это освобождение должно было, по их представлению, быть провозглашенным, подобно раскрепощению дворян, с высоты царского трона. Если, однако, акта об освобождении, вопреки чаянию крестьян, не следовало, то это понималось как результат противодействия помещиков, не давших царю осуществить долга справедливости. Это сознание, прочно внедрившееся в крестьянскую массу, нередко переходило из пассивной враждебности по отношению к помещику, в открытую борьбу с ним — в восстания, бунты, аграрные беспорядки. Враждебное помещику крестьянство верило в царя,—от него оно в течение многих десятилетий ждало своего освобождения. Эта присущая русскому крестьянству психологическая черта, порожденная общественно-политическим бытом Руси, колебавшейся между Западом и Востоком, оказывала огромное влияние на общественные отношения России в течении всего последнего периода ее истории. Дворянство отлично учитывало приверженность крестьян монарху, дворяне считали, что их попытки ограничить абсолютность монархической власти разобьются о ту поддержку, которое крестьянство несомненно окажет самодержавию в его борьбе с дворянином-помещиком. Вместе с тем те же дворяне понимали, что дружба с монархом упрочит их безопасность по отношению к „покушениям“ на землю со стороны крестьянства. Таким образом волей сложившихся в России своеобразных классовых отношений самодержавие было поставлено на долгие годы в исключительно благоприятные условия:

— ...наш монархический строй был прочен совсем не отсутствием у нас борьбы классов.... а именно ее наличностью. Но одной из замечательных особенностей русского исторического процесса явился тот факт, что наша борьба классов чаще всего остававшаяся в открытом состоянии, в течении очень долгого времени не только не колебала существовавшего у нас политического порядка, а, напротив, чрезвычайно упрочивала его.*)

*) Т. I, стр. 110.

Мы уже указывали выше, что, по мнению Плеханова, характернейшей особенностью допетровской России, сближавшей ее с великими деспотиями Востока, является закрепощение сословий государству. С Петра отношения между государством и сословиями начинают изменяться. Петровские реформы обуславливают вскоре осуществленное раскрепощение дворянства. С раскрепощением дворянства оно перестает играть роль служилого класса восточных деспотий—положение его отныне отожествляется с положением высших сословий в абсолютных монархиях Запада. Что же касается положения крестьянства, то последнее не только не раскрепощается, но его крепостное ярмо в петербургский период все увеличивается. Таким образом, положение всего крестьянства все более приближается к положению восточного серва, в то время, когда положение русского дворянства круто изменилось в сторону Запада. Тем самым сделался неизбежным разрыв между народными низами и дворянскими верхами, являющийся одним из наиболее существенных моментов новой русской истории. Этот разрыв, имевший место в большинстве западных государств и вполне естественный в виду классового антагонизма верхов и низов, в России принял особо острые и своеобразные формы.

Но „сблизив с Западом высшее сословие и отдалив от него низшее, петровская реформа тем самым увеличила недоверие этого последнего ко всему тому, что шло к нам из Европы. Недоверие к иностранцу помножалось на недоверие к эксплотатору“.*)

Пропасть, образовавшаяся между низами и верхами, являлась и пропастью между народом и интеллигенцией. Разрыв между народной массой и европеизированной интеллигенцией—один из фактов наиболее чреватых последствиями для всего хода русской общественной мысли. Этот факт загнал русскую общественную мысль ко второй половине XIX века в тупик, выхода из которого российская интеллигенция так и не могла найти. Выход создался лишь тогда, когда наряду с европеизованной интеллигенцией в России начал появляться и европеизованный народ. Этот народ, повернувшийся от

*) Т. I, стр. 117.

Востока к Западу, вышел на русскую историческую арену, как результат внедрения в Россию капитализма, создавшего в нашей стране общественные отношения, аналогичные тем, которые господствовали на Западе. Этим европеизированным народом явился русский пролетариат.

Русский рабочий класс вскоре после своего нарождения выступил на тот путь, на который задолго до него ступил уж западный пролетариат: на путь борьбы с капиталом, на путь сокрушения старых, отживших форм общественного уклада. Этот класс стал одною из тех двух сил, которые вызвали революцию девятьсот пятого года. Другою из этих сил было крестьянство, добивавшееся земли, стремившееся к „черному переделу“. „Пока и поскольку эти две силы действовали в одном направлении, до тех пор и постольку побеждала революция. Но разнородные по своей природе, они не могли долго действовать вместе: движение русской крестьянской Азии лишь на короткое время совпало с движением русской рабочей Европы. Когда они перестали действовать вместе, стала торжествовать реакция, т. е. стало побеждать дворянство“.*) Что касается появившейся на исторической сцене на-ряду с пролетариатом буржуазии, то Плеханов подчеркивает здесь еще одну черту, характерную для относительного своеобразия русского исторического процесса. Русская буржуазия была несравненно менее революционной нежели ее европейская сестра. Она выросла в атмосфере „сделок“ с правительством, выклянчивания „гарантий“ и „субсидий“, что, конечно, не способствовало выработке в ней революционного темперамента.

С нарождением капитализма Россия безвозвратно ступила на путь европеизации. На этом пути она может проявить некоторые своеобразные особенности, но повернуть назад с него она уже не сможет—этого не позволят развившиеся в ней общественные отношения. Если, однако, доведение до логического конца процесса европеизации России тормозится (на языке того времени, когда Плеханов писал свою „Историю“ это значило: если революционное уничтожение азиатско-кре-

*) Ibid. Стр. 125.

постнического режима задерживается), то это об'ясняется одной из несчастных особенностей русской истории:

— ...русское полицейское государство было достаточно европеизовано для того, чтобы пользоваться в своей борьбе с новаторами почти всеми завоеваниями европейской техники, между тем, как наши новаторы только с недавнего времени стали опираться на народную массу, которая... европеизована только в лице одной своей,—пролетарской,—части. Россия платится за то, что она слишком европеизована сравнительно с Азией и недостаточно европеизована сравнительно с Европой.*)

Еще не совсем обсохла та типографская краска, которой были напечатаны эти слова, как переживший себя самого азиатский режим был сметен великой революцией. Внешний азиат, так долго задерживавшийся на русской исторической сцене, был безвозвратно побежден новыми общественными отношениями. Тем более трудной оказалась для победоносного новатора—рабочего класса—борьба с прочно внедрившимся в нашу жизнь „азиатом внутренним“—обломовщиной, халатностью, некультурностью. Не раз на протяжении революции мертвый хватал живого, не раз на пути российского пролетариата,—передовой колонны европейского рабочего класса—казалось непреодолимым препятствием являлась азиатчина—тяжкое наследство разложившегося общественного уклада. Требовалась гениальная стратегия вождей революции для того, чтобы это препятствие не оказалось роковым.

„Очерком развития русских общественных отношений“ Плеханов обосновал свою точку зрения на важнейшие моменты русского исторического процесса. Очерк содержит в себе, так сказать, плехановскую философию русской истории. Против философско-исторических воззрений Г. В. был выдвинут ряд возражений, на некоторых из которых будет не лишним кратко остановиться.

„Г. Плеханов предлагает свести очень сложный исторический вопрос“—писал в свое время А. А. Кизеветтер,—„ к математически прямолинейной формуле:

*) Т. I., стр. 130.

Россия=Европа+Азия; следовательно, за вычетом из России всего европейского, весь остаток целиком об'ясняется из русской азиатчины. Все ясно и осязательно-наглядно". Даже того краткого изложения плехановской философии русской истории, которое мы дали, будет достаточно, думается нам, для того, чтобы признать Плеханова свободным от обвинения в схематическом упрощении русского исторического процесса. Нигде на протяжении „Очерка" Плеханов не прибегнул к метафизическому противопоставлению понятия Европы понятию Азии и меньше всего погрешил он рассуждениями по формуле „что не Европа, то Азия" и т. д. Наоборот,—Плеханов старается в каждом этапе русской истории найти элементы, имевшиеся в общественно-политическом быте западных монархий или восточных деспотий, и на основании произведенного им, таким образом, анализа провести аналогию между русским общественным процессом и теми типами исторического развития, которые оказывали свое влияние на историческое бытие России. Есть ли это метафизическая прямолинейность или диалектическое рассмотрение исторического процесса во всей его сложности и извилистости?.

Далее, Плеханова упрекали в том, что он воскрешает старую, шлёцеровскую периодизацию русской истории и выделяет эпоху Петра как переломный момент в русской истории, превращает ее в искусственную грань нашего общественного развития и т. д.*) Между тем, Плеханов как нельзя более далек от такой искусственной, метафизической периодизации, которая отличает схему Шлёцера. Как мы уже видели, петровская реформа рассматривается Плехановым исключительно, как результат длительного процесса, принудившего Россию во имя сохранения ее независимости перестроить свое общественное бытие. Если петровская реформа и является в глазах Плеханова историческим скачком, то он энергично подчеркивает, что этот скачок был результатом предшествующего накоп-

*) Такой упрек был сделан Плеханову, напр., в историографическом очерке М. В. Нечкиной „Русская история в освещении экономического материализма" Казань 1922 г.

ления элементов, породивших преобразование страны. Таким образом между Плехановым и теми исследователями, которые рассматривают петровскую реформу, как рожденную лишь волею великого преобразователя „мощным гением Петра“,—непроходимая пропасть.

Обвиняли еще Плеханова и в том, что он оперирует совершенно неопределенным термином „Восток“, вследствие чего его центральная антитеза Восток—Запад является туманной и шаткой.*) Если Плеханов и не дает словесно-формального определения понятия „Восток“, то из всего текста его работы явствует в каком смысле употребляет он это слово. Термином „Восток“ Плеханов характеризует социально-политический быт, типичный для великих деспотий Азии и Африки (Египет) и элементы которого он отыскивает в укладе русской общественной жизни. Никакой туманности и шаткости в определении не имеется.

Наиболее суровое слово, направленное против Плеханова, как автора „Истории русской общественной мысли“ принадлежит М. Н. Покровскому, рассматривающему „Историю“, как упадочное произведение, вышедшее из-под пера человека, бывшего идеологом пролетариата и ставшего идеологом технической интеллигенции, услужающей капиталу—идеологом образованных слуг класса предпринимателей. „Этому слою нужен был свой идеолог—и он нашел его в лице Плеханова после 1905 г.“ **) (Подчеркнуто мною—С.В.). Мне думается, что так говоря тов М. Н. Покровский жестоко ошибается.

Говорить о Плеханове после 1905 г. как о бывшем идеологе пролетариата — недопустимо. Разве Плеханов не после 1905 г. вписал в историю своей жизни героическую страницу борьбы с ликвидаторством за партию рабочего класса, разве не после 1905 г. был он „певцом подполья“?. Разве не после 1905 г. выступал Плеханов как убежденный защитник заветов революционного марксизма на кон-

---

*) Так, напр., заявлял А. Кудрявцев в № 11 «Летописи» за 1916 г.

**) М. Н. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература, Птг. 1923 г. стр. 109.

грессах Интернационала (Штуттгарт, Копенгаген)?. Разве, наконец, не после 1905 г. Плеханов выступал как один из самых выдающихся в международном рабочем движении знаменосцев воинствующего материализма—страстный борец со всякими философскими, религиозными и иными искажениями марксизма?.. Стоит читателю вспомнить о множестве фактов из деятельности Г. В. Плеханова после 1905 г. для того, чтобы иметь веские основания не согласиться с М. Н. Покровским, когда он говорит, что после 1905 года Плеханов обосновывал «не поступательные стремления пролетариата, а оборонительные со всех сторон стремления того общественного слоя, который командовал пролетариатом от имени капитала, но не прочь был стать командиром и от своего собственного имени»*) „Историю русской общественной мысли“ Плеханов писал как раз в то время, когда он находился „под градом“, пуль, которыми его осыпали из оппортунистического лагеря.

Не прав тов. М. Н. Покровский и в некоторых своих отдельных указаниях на дефекты плехановской „Истории“.

Так, напр., М. Н. полагает, что Плеханов выдвигал формально-политический момент в русском историческом процессе с целью оправдать им меньшевистскую позицию в вопросе о захвате власти и подкрепить даже кадетские воззрения на конституцию. В действительности же выпячивание формально-политического момента не могло сослужить Плеханову никакой службы для оправдания его позиции в эпоху Первой революции. В 1904—6 годах Плеханов „вовсе не отгораживался от „экономики“ во имя «чистой политики». Наоборот, он в то время постоянно аргументировал соображениями от экономики, ссылался на незыблемые экономические отношения, на естественные фазы экономического развития, и т. д. Потому позиция Плеханова в 1904—6 годах и его философия русской истории, изложенная им в 1912-13 г.г., думается нам,—две вещи разные.

Далее М. Н. Покровский ставит в вину Плеханову, что он отодвигает роль классовой борьбы в рус-

*) Ibidem.

ской истории на задний план, считая, что эта борьба в ее открытой форме не характерна для русского исторического процесса. Тов. М. Н. Покровский цитирует слова Плеханова из его «Введения», в котором он рассматривает, как своеобразную особенность русской истории тот факт, что „наша борьба классов, чаще всего остававшаяся в скрытом состоянии, в течение очень долгого времени не только не колебала существовавшего у нас политического порядка, а напротив чрезвычайно упрочивала его". Но ведь фразе, цитируемой тов. Покровским, предшествует другая, гласящая, что «наш монархический строй был прочен совсем не отсутствием у нас борьбы классов, ...а именно ее наличностью». И эти последние слова являются у Плеханова отнюдь не случайно оброненной фразой, а мыслью, наложившей свой отпечаток на построение всей плехановской „Истории".

Единственный заслуживающий внимание тяжелый упрек, который можно направить по адресу Плеханова—автора «Истории русской общественной мысли» это сделанное им во „Введении" указание на то, что основным фактором общественного процесса является к л а с с о в а я   б о р ь б а   и   к л а с с о в о е   с о т р у д н и ч е с т в о. „Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их в з а и м н о й   б о р ь б о й там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и во-вторых, их более или менее дружным с о т р у д н и ч е с т в о м там,—где заходит речь о защите страны от внешних нападений".*)

Этот печальный ляпсус звучит резким диссонансом не только по отношению ко всему тому, что всегда говорил и писал Плеханов о борьбе классов, но и по отношению к тому изложению событий русской общественной жизни и явлений русской общественной мысли, которое он сам дает в „Истории".

Стоит здесь также отметить, что и в своих статьях, посвященных империалистической войне 14-18 годов, Плеханов неустанно утверждает, что оборона госу-

*) Т. I, стр. 11.

дарства от внешнего врага должна рассматриваться не как сотрудничество классов, а как особая форма классовой борьбы,—„борьба с эксплоататорами по ту сторону границы“. То, что Плеханов сказал во введении в „Историю“, находится в вопиющем противоречии с этими его многократными утверждениями.

Своим „Очерком“ Плеханов дал сжатую и ясную, диалектическую во всех своих построениях, марксистскую схему развития русских общественных отношений. Если в этом „Очерке“ и есть спорные уязвимые места (примерно, утрирование роли татарского нашествия в деле падения Киевской Руси), то все же они не могут умалить того значения, которое по праву следует признать за исследованием Плеханова.

Строго говоря, непосредственным предметом исследования Плеханова является развитие общественного *сознания* в России, очерк же развития общественных *отношений* служит, как мы уже указали, лишь введением.

Специальную часть своего исследования Плеханов открывает широко набросанной картиной движения общественной мысли в допетровской Руси. Это движение рассматривается Г. В., как берущее свой исток в четырех высотах: борьба духовной власти со светской, борьба дворянства с боярством, борьба дворянства с духовенством и наконец, борьба царя с боярством. На фоне этого движения Плехановым зарисована длинная галлерея носителей общественной мысли—идеологов тех или иных социальных группировок.

Подвегнув далее тщательному анализу влияние, оказанное петровской реформой на ход развития общественной мысли, Плеханов перешел к движению этой мысли и после Петра. Особое внимание было при этом уделено Г. В. изящной литературе пореформенной эпохе. Вопреки установившимся взглядам, Плеханов полагает, что первые деятели в области художественного творчества этой эпохи, как Кантемир или Сумароков оказали значительное влияние на процесс европеизации России.

Обратившись к екатерининской эпохе и проследив влияние, оказанное Западом на общественную мысль России XVIII века, Плеханов очень выпукло охаракте-

ризовал противоречия между теорией и практикой Екатерины. Он показал, как эти противоречия влияли на тех передовых интеллигентов екатерининского царствования, у которых „теория порождала отрадные надежды, а практика разбивала их". Здесь, по его мнению, начало длительного процесса разочарования передовой интеллигенции в самодержавии.

Остановившись на том влиянии, которое французский материализм XVIII века оказал на русскую общественную мысль, Плеханов показал, что анти-материалистическая реакция, наступившая после крушения Великой Революции очень быстро сказалась и на настроении русской интеллигенции. Он особенно внимательно остановился при этом на русском розекрейцерстве, в котором, по его слову, рядом с помещиком уживался мистик, оказывая ему необходимую поддержку. Говоря о русских мистиках XVIII века, от которых он, к слову сказать, тянул преемственную нить к мистикам XIX века, Плеханов об'яснял наличие в русском мистицизме некоторых своеобразных черт ролью, сыгранной в нем „мещанством", активным элементом которого были разночинцы и виднейшим идеологом которого явился Н. И. Новиков. Новиков последняя ступень, до которой дошел автор „Истории русской общественной мысли".

Касаясь специальной части плехановской истории, укажем еще, что она изложена сильным, метким, пластическим языком, что в ней установлен ряд смелых и новых точек зрения на важные моменты развития общественной мысли, что в ней проводятся полные глубокого интереса параллели между западно-европейским и русским общественным сознанием определенных эпох, что в ней даются яркие, образные, блещущие остроумием характеристики отдельных носителей русской общественной мысли.

Задачу составления марксистской истории русской общественной мысли трудом Плеханова, понятно, нельзя считать разрешенной—прежде всего потому, что его замысел был осуществлен в малой части. Составление такого исчерпывающего труда, думается нам, может быть лишь результатом работы большой коллективной группы исследователей-марксистов. Плехановская работа явится в таком случае большой ценности вкладом в этот

коллективный труд. Не менее ценными элементами такого труда будут и исследования Плеханова, посвященные отдельным носителям русской общественной мысли, к которым с особой любовью и интересом обращался Плеханов.

II.

Если среди представителей русской общественной мысли девятнадцатого века Плеханов чувствовал родственную связь с Белинским и Чернышевским, то из представителей этой мысли в восемнадцатом веке ему был особенно близок А. Н. Радищев.

Уж в своей речи на русском собрании в Женеве в 1900 году, посвященной 75-летию восстания декабристов, Плеханов назвал Радищева самым ярким представителем освободительных стремлений нашего восемнадцатого века.

И не случайно, конечно, говоря в своей посмертной рукописи о Радищеве, Г. В. вспомнил слова Гегеля, который, закончив в своей „Философии истории" обозрение древнего Востока и перейдя к Западу, сказал: „В Греции мы чувствуем себя как на своей родине". „Миросозерцание Радищева",—говорит Плеханов,—„хотя и не тожественно с миросозерцанием передового человека нашего времени,—по весьма понятной причине, тожество является здесь очевидной невозможностью,—однако, связано с ним узами близкого родства. Идеи, на которых он воспитался, были теми идеями, под знаменем которых совершился плодотворный общественный переворот конца XVIII века и которые частью до сих пор сохранили свое значение, а частью послужили теоретическим материалом для выработки нынешних наших понятий".*)

Плеханов ценил в Радищеве самого выдающегося из русских мыслителей XVIII века, разделявших идеи Великой французской революции. Г. В. высказал ряд представляющих собою глубокий интерес мыслей по вопросу о влиянии, оказанном на Радищева французским материализмом.

---

*) Цитирую по неопубликованной еще посмертной рукописи.

Он показал, что его учение о развитии человеческого характера было целиком заимствовано у французских материалистов. Революционные идеи французов встретили у Радищева живой отклик. „Екатерина II нашла“,—говорит Плеханов,—„что „Путешествие из Петербурга в Москву“ распространяет французскую заразу. По своему она была совершенно права. Радищев несомненно выступал, как последователь французских революционеров“... Г. В. считал Радищева первым в ряду тех учителей жизни, между которыми впоследствии выдвинулись Чернышевский и Добролюбов. Этой мысли он не успел надлежащим образом обосновать, ибо его исследования о Радищеве оборвались посредине. Но того, что содержится в неоконченной посмертной рукописи Г. В., посвященной Радищеву, достаточно для того, чтобы получить общее представление об отношении Плеханова к первому идеологу русского революционного движения.

Как мы уже говорили, разрыв между европеизированными верхами и народными низами, погрязшими в тине азиатских общественных отношений, которыми их окружил восточно-деспотический режим, оказал мощное влияние на течение русской общественной мысли. Лучшие из представителей этих европеизованных верхов задумывались над положением народной массы, изучали его помощью западно-европейского масштаба. Но их западно-европейская точка зрения не давала им возможности постичь восточно-азиатского быта массы, а тем паче ставить какие-либо прогнозы касательно будущего ее развития. Таким образом создавалась, воистину, трагическая антитеза, жертвой которой сделались наиболее чуткие и передовые носители русской общественной мысли, среди них одним из первых П. Я. Чаадаев.

Вышедшее или, лучше сказать, вырвавшееся из под пера Чаадаева «Философское письмо»—один из самых потрясающих документов, которые знает наша история общественной мысли. В этом полном безысходного пессимизма документе талантливый русский мыслитель огласил те безутешные выводы касательно исторических судеб России, к которым он пришел в результате изучения ее прошлого и наблюдения над ее настоящим.

Географическое положение России, расположившейся между Востоком и Западом, «опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию», должно было сделать нашу страну носительницей двух великих начал—воображения и рассудка, превратить ее в мировой культурный центр. История России говорит о чем-то совершенно другом: «Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи к массе идей человечества... Ведомые злою судьбою, мы... уединились в своих пустынях, не видя ничего происходившего в Европе. Мы не вмешивались в великое дело мира...» Чаадаев, в порыве безнадежного пессимизма, готов верить, что в самой крови русских есть что-то такое, что не дает России стать великой цивилизованной страной. В будущее России верить не приходится, ибо «мы принадлежим к нациям, которые не составляют еще необходимой части человечества». Россия, по приговору Чаадаева, является „каким то пробелом в порядке разумения“.

Чем же обусловлен этот воистину трагический пессимизм мыслителя по отношению к народу, частью которого он является, и который он любил крепкой неподдельной любовью? Чаадаев был одним из тех людей, сознание которых подпало под власть европейских идей, рожденных европейскими же общественными отношениями. Россия с ее восточно-азиатскими общественными отношениями не представляла, конечно, благоприятной почвы для реализации этих идей: эти идеи должны были терпеть безжалостное крушение при первом столкновении с российской действительностью. Носители и глашатаи этих идей являлись „лишними людьми“, „умными ненужностями“. Когда эти „лишние люди“, не способные возвыситься еще до материалистического понимания истории, пытались об‘яснить себе, почему западные идеи, западные порядки не прививаются их родине, то их об‘яснение было, понятно, до корня идеалистическим. Они об‘ясняли отсталость России, ее варварство, ее культурное бесплодие народным духом, расовыми особенностями, чем то, что таится в самой крови народа. Поскольку Чаадаев и другие лишние люди исходили от такого отправного пункта,—их пессимизм должен был быть и был безысход-

ным. „Если в самой оторванности нашей“,—замечает Плеханов,—„есть,—по мнению Чаадаева,—что-то враждебное совершенствованию, то вряд ли можно думать, что мы станем когда-нибудь великим цивилизованным народом“.*)

Таковы выводы, к которым можно притти на основании «Философского письма», но мы знаем Чаадаева ведь и как автора «Апологии сумасшедшего», как инспиратора книги Ястребцова „О системе наук“, как автора представляющей большой интерес переписки с современниками. В этих произведениях Чаадаева проскальзывает и луч надежды на будущее России, вера в то, что „великие идеи, раз настигнув нас, найдут у нас более удобную почву для своего осуществления и воплощения в людях“. Чаадаев так верит, полагая, что Россия рано или поздно извлечет все необходимые уроки из европейской истории и тем самым избегнет ошибок, которыми чревата история Запада. В этом отношении Чаадаев является типичным представителем утопического реформаторства с его верою во всемогущую силу суб'ективной логики руководителей общества. В этом отношении у Чаадаева оказались точки соприкосновения со своими антиподами—славянофилами. Но эти точки соприкосновения только формальные. В действительности Чаадаев был западником до мозга костей, тот самый „русский дух“, восторженными апологетами которого выступали славянофилы, был в глазах Чаадаева вековым проклятием русской истории. Страстный глашатай идеи сближения России с Западом, Чаадаев сыграл в развитии русской общественной мысли, революционную роль,—ему принадлежит то несомненное право быть занесенным в „синодик русского освобождения“, которое в свое время оспаривал у Чаадаева М. О. Гершензон. Тот мистический уклон, который временами так сильно дает себя чувствовать в выступлениях Чаадаева, не окрашен в реакционные цвета. Мистицизм Чаадаева был лишь следствием бессилия революционизировать окружающие мыслителя общественные отношения. „Мистицизм“,—говорит Плеханов,—„послужил Чаадаеву наркотическим

*) Пессимизм П. Я. Чаадаева. Критика наших критиков. Стр. 337.

средством, отчасти уменьшавшим его нравственные муки, ослаблявшим на время симптомы его, столь знакомой российскому интеллигенту болезни—безнадежности в борьбе с общественным злом". Не приходится говорить, что путь мистицизма это тот, по которому Россия может отнюдь не приблизиться, а лишь удалиться от западничества. Путь, ведущий к западничеству диаметрально-противоположен

— Западничество восторжествует у нас,—а отчасти уже торжествует malgré tout!—не под знаком мистицизма, а под знаком материализма.*)

III.

Среди представителей русской общественной мысли двое служили предметом особого поклонения и любви со стороны Г. В. Плеханова: эти двое—Виссарион Григорьевич Белинский и Николай Григорьевич Чернышевский.

Раньше, однако, чем обратиться непосредственно к этим великим мыслителям, остановимся еще на отношении Плеханова к третьей из центральных фигур русской общественной мысли XIX века—к Александру Ивановичу Герцену.

В отношении Герцена Плеханова больше всего интересовало его философское мировоззрение, и потому ценность выступлений Г. В., посвященных Герцену, заключается преимущественно в выяснении его философского облика.

Для того, чтобы понять философскую эволюцию Герцена, надо раньше всего уяснить себе отношение Герцена к Гегелю.

Подпав под мощное влияние Гегеля, Герцен воспринял и гегелевское решение кардинальной философской проблемы—об отношении бытия к мышлению. Он решал эту проблему в согласии с верховным принципом Гегеля „Дух вечен, материя всегдашняя форма его инобытия". Дух Гегеля витает даже над таким произведением Герцена, как его известные „Письма об изучении природы", рассматриваемые некоторыми историками литературы,

*) П. Я. Чаадаев. Совр. мир 1908, № 1.

как „реалистический манифест“ Герцена. Детальным анализом этого произведения Плеханов показал, что к средине сороковых годов Герцен был чистокровным идеалистом гегелевской школы.

Гегель, подчинив себе русского мыслителя, заставил его совершить ряд ошибок—прежде всего неправильно решить вопрос о единстве бытия и мышления. Но Гегель не только приводил Герцена к ошибкам, он оказал на его философскую организацию чрезвычайно благотворное влияние. Плеханов считает знакомство Герцена с Гегелем «огромным счастьем». Революционная сторона гегелева учения—диалектика—была самым живым образом воспринята Герценом. Она толкнула Герцена на ряд замечательных мыслей по вопросу о сближении естествознания с философией. Эти мысли позволили Плеханову даже сравнить герценовы «Письма об изучении природы» с энгельсовым «Анти-Дюрингом». Цитируя Герцена, Плеханов восклицает: «Под впечатлением всех этих отрывков легко можно подумать, что они написаны не в начале 40-х годов, а во второй половине 70-х и притом не Герценом, а Энгельсом. До такой степени мысли первого похожи на мысли второго. А это поразительное сходство показывает, что ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, и стало-быть и Маркса. Не даром Герцен проходил ту же школу Гегеля, через которую прошли почти одновременно с ним основатели научного социализма. Разница лишь в том, — и это, конечно, весьма существенная разница,—что диалектика Герцена оставалась идеалистической, а диалектика Энгельса-Маркса была уже материалистической».*)

В то время, когда Герцен подпал под влияние Гегеля, он, как известно, разделял идеи социалистов-утопистов. Сен-Симон, Фурье, Прудон—были властителями его дум в ту эпоху. Плеханов и задался целью проследить, какое влияние оказало гегельянство на утопический социализм нашего мыслителя.

Плеханов показал, что в области теоретической философии Герцен был идеалистом. Он показал, что таковым же Герцен являлся и в области философии исто-

---

*) Философские взгляды А. И. Герцена. Совр. мир. 1912 г. № 3.

рии. В тоже время, восприняв и впитав в себя гегелеву диалектику, Герцен старался обосновать об‘ективную необходимость осуществления социалистических идей. Стоя на почве исторического идеализма, Герцен понятно не в состоянии был решить этой задачи, для перехода же на почву исторического материализма у него не было достаточных данных. Это повело Герцена к тяжелому кризису и разочарованию в социализме, который не в состоянии «проложить мост из теории в действительность». Герцен начинает разыскивать твердые точки, опираясь на которые он смог бы выработать определенные исторические воззрения. Он принимает за одну из таких точек русскую общину, которую использовывает для построения полуславянофильской теории русской самобытности. Эту полуславянофильскую теорию Плеханов рассматривает, как своеобразную попытку Герцена найти какое-либо об‘ективное оправдание своим социалистическим идеям, т. е., как бессознательное обращение его от исторического идеализма в сторону исторического материализма. Но то было обращение робкое и половинчатое. То было, по выражению Плеханова, *полупризнанием* того, что бытие определяет собой мышление. «Но так как полупризнание осталось полупризнанем, оно привело и могло привести лишь к утопическому решению рокового вопроса».

Поняв бессилие исторического идеализма в решении важнейших вопросов общественной жизни, запутавшись в антиномии бытия и сознания в применении к историческому процессу, Герцен делал мучительные усилия, чтобы выбраться из дебрей противоречий, в которые он попал. Он хватался за русскую общину, но в то же время заявлял, что судьба этой общины обусловлена развитием западно-европейской революционной мысли. Он уходил от идеализма к материализму, но не продвинулся дальше «физиологических» соображений, характерных для до-марксова «естественно-научного» материализма... Явная несостоятельность его попыток приводила Герцена к мучительным переживаниям, к *теоретической драме*, заключавшейся в том, что он, по выражению Плеханова, «чувствуя несостоятельность исторического идеализма, не мог сделаться историческим материалистом»... Этой драмой вызваны были некото-

рые его скептические, по отношению к социализму, нотки. Но то был скепсис по отношению к социализму утопическому, он знаменовал собою не отказ Герцена от социализма вообще, а обнаруживал лишь его стремление обосновать социализм на прочном научном фундаменте. На это обстоятельство, затушевавшееся в истории нашей общественной мысли, Плеханов впервые указал.

Исследуя философское и социально-политическое мировоззрение Герцена, Плеханов уделил особое место отношению Герцена к вопросу об освобождении крестьян. Отсылая читателя к интересной статье Г. В. «Герцен и крепостное право», укажем здесь на следующие основные мысли Плеханова.

Освобождение крестьян было для Герцена первым шагом по пути социалистического развития России. Взгляды Герцена на это развитие позволяют считать его родоначальником русского народничества. Выступление Герцена в этой роли и повело его к разрыву с либералами. Идеи Герцена воплотились в теорию «русского социализма» 70-х годов. Революционная молодежь этой эпохи разошлась с Герценом по тактическим вопросам, чем сделала большую логическую ошибку.

Плеханов относился к Герцену в высокой степени критически. Он обнаружил его логическую беспомощность и утопические наклонности в ряде существенных вопросов философского и политического мировоззрения. Но оценивая роль, сыгранную им в истории русской общественной мысли, Плеханов отводил ему почетное место в среде наших немногих великих мыслителей:

— Герцен был один из самых замечательных людей, выдвинутых замечательной эпохой 40-х годов. Он уступал Белинскому по логической силе ума, но превосходил его разносторонностью знаний и яркостью литературного изложения. Как политический публицист, он до сих пор не имеет у нас себе равного. В истории русской общественной мысли он всегда будет занимать одно из первых мест. И не только русской: когда будет, наконец, написана критическая история международной социалистической мысли, Герцен явится в ней как один из наиболее вдумчивых и блестящих предста-

вителей той переходной эпохи, когда социализм стремился сделаться «из утопии наукой.»*)

От Герцена обратимся к Белинскому и Чернышевскому.

О Белинском Плеханов выразился как то, что он принадлежит к числу тех людей, которых надо или горячо любить, или жестоко ненавидеть.**) Приходится ли говорить о том, что Плеханов относился к неистовому искателю правды и пламенному борцу за справедливость с чувством горячей любви?

Плеханов любил Белинского прежде всего потому, что чувствовал в нем родственную себе натуру. Г.В., как известно, был дальним родственником Белинского. Но гораздо ближе нежели их родство по крови, было родство Белинского и Плеханова по духу. Психические организации обоих мыслителей были чрезвычайно близки друг другу.

Страстность была основным элементом души Белинского. Она была, по его собственному выражению, источником его мук и радостей. Таким же основным элементом психики, таким же источником мук и радостей была страстность у Плеханова. Они оба—и Белинский и Плеханов—были такими страстными полемистами, равных которым не знает история русской общественной мысли. Если сравнить между собой такие разные по своему содержанию, такие далекие друг от друга по своему общественному значению и по эпохе, обусловившей их появление, документы как, скажем, письмо Белинского к Гоголю и статьи Плеханова, направленные против Бернштейна, то—несмотря, повторяю, на огромную внешнюю разницу отделяющую эти произведения друг от друга, временами кажется, что они писаны одной и той же рукой, одним и тем же пером.

С каким восторгом и упоением говорил Белинский о блаженстве, которое заключается в том, чтобы сказать „какому-нибудь гению в отставке без мундира, что он смешон и жалок своими детскими претензиями на

---

*) Герцен—эмигрант. История русской литературы XIXвека, под ред. Овсянико-Куликовского. Т. III.

**) О книге С. Ашевского. Совр. мир. 1911 № 5.

великость..., сказать какому-нибудь ветерану, что он пользуется своим авторитетом на кредит, доказать какому-нибудь литературному учителю, что он близорук, что он отстал от века"... Посмотрите же с каким энтузиазмом осуществлял Плеханов на протяжении всей своей жизни это низвержение идолов, это свержение кумиров, о котором Белинский говорил, как о „блаженстве неиз'яснимом, сладострастии безграничном"... Каким „блаженством неиз'яснимым" было для Плеханова развенчание Михайловского, Кареева, Богданова, Шмидта, Бернштейна, Тихомирова, Воронцова, Кривенко, Струве, Артура Лабриолы, десятков других больших и маленьких божков, гениев в отставке, литературных ветеранов, обанкротившихся учителей...

„Я буду постоянно бесить их, выводить из терпения, дразнить",—говорил Белинский о своих врагах, „бой мелочной, но все же бой; война с лягушками, но все же не мир с баранами". Разве не так действовал Плеханов, с неослабной энергией всю жизнь воевавший со всякого рода лягушками, квакавшими по адресу марксизма или его позорившими своим лягушечьим подходом к величественной теории диалектического материализма—с разного калибра философскими, социологическими и прочими карликами.

Попробуйте собрать бесчисленные памфлеты Плеханова, его публицистические статьи, его полемические фельетоны, его речи на конгрессах и с'ездах, разве не со спокойной совестью вы поставите в качестве эпиграфа к этой доброй половине плехановского литературного наследства, известные слова Белинского: „Я рожден для печатных битв..., мое призвание, жизнь, счастье, воздух, пища—полемика"?.

Открывая второй с'езд Партии, Плеханов так и воскликнул, что ему хочется жить, «чтоб продолжать борьбу». «В этом и заключается весь смысл нашей жизни»...

Я позволю себе привести некоторые из отзывов, характеризующих наших мыслителей при их столкновении с противниками, некоторые зарисовки, относящиеся к моментам их схваток с врагами:

— Затронутый, он вдруг выростал, слова его лились потоком, вся фигура его дышала внутренней энер-

гией и силой, голос по временам задыхался, все мускулы его лица приходили в напряженное состояние... Он нападал на своего противника с силой человека власть имеющего, мимоходом играл им как соломинкой, издевался, ставил его в комическое положение.

— Что с первого раза обращало на себя внимание в нем—это его логика, его изумительная диалектика, которой он управлял как первоклассный фехтовальщик шпагой, без малейшего, видимого труда, шутя выбивая оружие из рук противника, шутя точно играючи бросая свои отточенные мысли...

— Да, это был сильный боец! Он не умел проповедывать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль.

— Он не только мыслитель; по темпераменту он также воин: он трибун и публицист. И он порывается на баррикаду, но его «баррикада»—трибуна оратора и борца...

Я воспроизвел несколько отзывов о Белинском и Плеханове, и разве не кажется странным, что эти отзывы о двух лицах, живших в разные исторические эпохи, бывших идеологами различных общественных групп? Разве не может показаться, что речь идет об одном лице—так много общего было в духовной организации этих двух страстных воинов, двух неистовых борцов за счастье народа.*)

Герцен назвал как-то Белинского фанатиком, человеком экстремы. А сколько раз говорили о фанатике Плеханове, о его нелепых крайностях, когда он выступал твердокаменным защитником марксистских позиций, порывая, когда считал это нужным, со своими ближай-

*) Из приведенных четырех отзывов первый и третий относятся к Белинскому и принадлежат Панаеву и Герцену, а второй и четвертый относятся к Плеханову и принадлежат Потресову и Аптекману.

шими друзьями, перенося свои общественные расхождения даже в плоскость личных отношений и отказываясь именовать товарищами тех, с кем расходился во взглядах.

„Я жид и с филистимлянами за один стол не сажусь“, повторял Плеханов вслед за Белинским.

Белинский умел смертельно ненавидеть своих врагов и заявлял, что любит человечество по маратовски.

„Я начинаю любить человечество маратовски, говорит он:—чтобы сделать счастливою меньшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную“.

Маратовская любовь к человечеству руководила и Плехановым, когда он говорил в одном из своих писем: „Не щадите наших политических врагов; они не щадят нас... Наша борьба есть борьба на смерть; давите голову змеи, пока можете давить ее“.*)

Плеханов любил человечество маратовски и потому он органически не понимал толстовской любви к людям, всеми фибрами души восставал против нее, возмущался теми, кто, подобно русскому поэту безвремения, одинаково восторженно славит „голубку и ястреба, риксдаг и бастилию, кокотку и схимника“...

„Как часто ссылаются на любовь противники социализма!“,—говорит Плеханов в своем очерке об Ибсене,—„как часто упрекают социалистов за то, что любовь к эксплуатируемым родит ненависть к эксплуататорам! Добрые люди советуют любить всех: и мух, и пауков, и угнетателей, и угнетенных“... Плеханов возмущался этим опошлением великого начала любви. Он знал, что любовь к угнетенным неразрывно связывается с ненавистью к угнетателям: он, подобно Белинскому, любил человечество маратовски. „Люди экстремы“,—Белинский и Плеханов имели мужество делать и самые крайние выводы из своей маратовской любви к человечеству. Они умели иногда заговаривать и о гильотине.

Два эпизода.

Из жизни Белинского. Однажды на вечеринке у одного петербургского литератора зашел спор

*) Из письма к В. И. Ленину от 26 августа 1901 года.

о письме Чаадаева. Белинский запротестовал против того возмущения, которое высказывалось спорящими по поводу выступления Чаадаева. Он указывал, что в странах образованных совсем бы не обиделись на слова Чаадаева. На это присутствовавший здесь магистр Петербургского университета с неподражаемым самодовольством заявил: „В образованных странах есть тюрьмы, в которые запирают безумных, оскорбляющих то, что целый народ чтит..... и прекрасно делают"..... Белинский вырос,—рассказывает бывший очевидцем спора Герцен. Он был страшен, велик в эту минуту, скрестив на больной груди руки и глядя прямо на магистра, он ответил глухим голосом: „А еще в более образованных странах бывает гильотина, которой казнят тех, которые находят это прекрасным". Сказавши это, он бросился на кресло изнеможенный и замолчал. При слове „гильотина" хозяин побледнел, гости обеспокоились, сделалась пауза. Магистр был уничтожен....

Из жизни Плеханова. Однажды на одном эмигрантском собрании, споря с анархистами, Плеханов заявил, что каждый социал-демократ должен быть террористом à la Робеспьер. Мы не станем подобно социалистам-революционерам,—сказал он,—стрелять теперь в царя и его прислужников, но после победы мы воздвигнем для них гильотину на Казанской площади. Не успел Плеханов закончить этой фразы, как среди жуткой тишины переполненной залы раздался отчетливый возглас: „Какая гадость!" Противники Плеханова негодуя бросали по его адресу: „Позор! Якобинцы! Вешатели!". Г. В. побледнел, посерел, смешался. Его поклонники бурно апплодировали...*)

Итак, и Белинский и Плеханов умели заговаривать о гильотине. Но за суровыми, жестокими словами их таилась такая горячая любовь к обездоленной народной массе, такая крепкая преданность интересам эксплуатируемого и угнетаемого человечества, до которой очень далеко сантиментальной, слащавой любви тех, которые одинаково пекутся «о пауках и о мухах»...

Разве можно крепче и благороднее любить человечсство, нежели Белинский, восклицавший: «Что мне

*) Об этом эпизоде с некоторыми вариациями рассказывают в своих воспоминаниях В. А. Поссе и Г. Сандомирский.

в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что я понимаю идею, что мне открыт мир идей в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству?»...

А Плеханов? Он отлично понимал, что добродетельные мещане будут находить у з к о й его любовь к рабочему классу и жестоким его отношение к врагам пролетариата. И он бросал по адресу этих лицемеров и филистеров:

— Говорят: зачем же защищать интересы одного только рабочего класса? Это узко. Надо защищать интересы всего человечества. Но говорить так, значит играть словами. Я спрошу людей, занимающихся этой игрой как чем-то очень серьезным: о каком „человечестве" говорите вы? Если о трудящемся человечестве, если о тех, которые, трудясь сами, не сидят ни на чьей шее, то их интересы, говоря вообще, совпадают с интересами рабочего класса. А если вы говорите о тех, которые не могут существовать, не эксплоатируя чужого труда, подобно тому, как паразит не может жить не высасывая чужих соков, то я позволю себе усумниться в том, чтобы люди, стремящиеся к добру и истине, могли принимать к сердцу интересы э т о г о будтобы человечества.*)

Один из наиболее выдающихся историков русской литературы, покойный С. А. Венгеров назвал Белинского великим сердцем. Как великое сердце, история русской общественной мысли давно занесла Белинского в пантеон своих великих. Это было сделано еще задолго до Плеханова. Плеханов же ничего нового не внес в прочно сложившееся представление о „неистовом Виссарионе", как о человеке исключительной моральной мощи и кристального благородства. Те места в работах Плеханова о Белинском, где он говорит о нем, как о великом сердце, имеют для нас лишь автобиографический (по отношению к Плеханову) интерес: они выявляют то созвучие душ, на котором мы останавливались выше.

*) В. Г. Белинский. Статья в истории русской литературы XIX века. Изд. Мир. Т. II.

Не случайно многострадальная тень В. Г. Белинского всю жизнь находилась пред взором Г. В. Плеханова. Не случайно она витала над его смертным одром и не случайно последней волей Плеханова было—покоиться рядом с останками Белинского. Но не только могилы Белинского и Плеханова находятся одна около другой,—мы храним благодарную память о двух благороднейших энтузиастах, которых отделяет друг от друга целая историческая эпоха, но имена которых связались в нашем сознании, как имена людей,—у которых было великое сердце.

Если мы выше сказали, что Плеханов не внес нового в сложившееся представление о моральном облике Белинского, то надо признать, что он сделал очень много для уяснения того места, которое принадлежит Белинскому, как мыслителю, как родоначальнику русских просветителей, как человеку не только великого сердца, но и гениального ума. Своими исследованиями Плеханов сделал чрезвычайно много для уяснения общественной ценности Белинского. Он установил ряд новых точек зрения на определенные моменты в творчестве Белинского и рассеял ряд предрассудков, укоренившихся в нашей литературе в отношении его.

В качестве одного из таких моментов следует раньше всего указать на пресловутый вопрос об отношении Белинского к российской действительности, в свою очередь упирающийся в более общий вопрос о влиянии, оказанном на Белинского философией Гегеля.

Ходячее представление о Белинском сводилось обыкновенно к тому, что Белинский, увлекшись гегелевской системой, ее принципом разумности всего действительного, стал приверженцем современной российской действительности. Потом же, испугавшись тех выводов, которые он сделал из гегелевой философии и которые привели его в лагерь охранителей и апологетов режима, Белинский «раскланялся с философским колпаком» Гегеля, порвал с его системой и стал в оппозицию социально-политическому строю России.

То обстоятельство, что философия Гегеля заставила Белинского капитулировать пред гнусной российской

современностью, обыкновенно истолковывалось в русской критической литературе, как показатель некоторой логической слабости гениального критика, его неумения справиться с системой великого немецкого идеалиста.

Одним из наиболее плодотворных результатов работы Плеханова в области изучения Белинского и является разрушение этого трафарета.

В развитии миросозерцания Белинского или в его умственной драме, как он выражался, Плеханов насчитывал три акта: 1)—абстрактный идеал и фихтеанство; 2)—примирение с „действительностью" под влиянием „абсолютных" выводов гегелевой философии; 3)—восстание против „действительности" и переход частью на отвлеченную точку зрения „личности", частью на конкретную точку зрения гегелевой диалектики. „Четвертый акт этой драмы,—говорит Плеханов,—начался полным разрывом с идеализмом и переходом на материалистическую точку зрения Фейербаха. Но рука смерти опустила занавес, после первых же сцен этого акта".*)

Первый период в развитии Белинского характеризуется его увлечением философией Фихте с ее игнорированием действительности во имя абстрактного идеала. Фихтеанство Белинского было рождено теми социально-политическими условиями, которые окружали Белинского. Гнетущая, безнадежная действительность николаевского царствования и мучительное сознание своего бессилия по отношению к ней, заставило Белинского найти выход в том, чтобы «повернуться спиной» к этой самой действительности. Этот выход ему указала фихтеанская философия, об'являющая действительную жизнь призраком. Однако пытливый ум и мятущаяся душа Белинского не могли надолго успокоиться на лоне абстрактного идеала Фихте. Белинский разочаровывается в фихтеанстве, за которое он, по его собственному выражению, уцепился в поисках душевной гармонии.

Тогда начинается второй период его умственного развития, характеризующийся тем, что Белинский под-

*) Ibidem.

пал под мощное влияние гегелева ученья. Как мы уже говорили, этот период в жизни Белинского окутан множеством предрассудков и неправильных представлений, которые были вскрыты и выявлены Плехановым.

В момент перехода от фихтеанства к гегельянству Белинский терзался вопросами общественного порядка,—вопросами смены одного исторического периода другим и роли случайности в общественном процессе. Система Фихте оказалась при разрешении этих вопросов бесплодной и потому Белинский порвал с нею. Система Гегеля устанавливала внутреннюю необходимость общественных явлений, она развертывала захватывающую своей логической стройностью картину закономерно осуществлявшегося исторического процесса, она провозглашала знаменитый принцип разумности всего действительного.

Белинскому казалось, что эта система дает ответ на все „проклятые вопросы", которыми он терзался, она открыла ему „новый мир", она дала ему возможность взглянуть по иному на ту самую российскую действительность, пред которой он раньше или беспомощно негодовал, или пытался ее игнорировать. Белинский становится апологетом действительности, ибо действительность всегда разумна. Он пишет свои известные статьи о Бородинской годовщине и о Менцеле, в которых выступает в роли проповедника смирения пред действительностью.

В предыдущем периоде своего развития Белинский старался—говорит Плеханов...—разрешить мучившее его противоречие между абстрактным идеалом и конкретной действительностью посредством приравнения к нулю одной из сторон этой антиномии: он об'явил призраком всякую действительность, противоречащую идеалу. Теперь он поступает как раз наоборот: теперь он приравнивает к нулю другую сторону антиномии, т. е. об'являет призраком всякий идеал, противоречащий действительности.*)

*) Белинский и разумная действительность. За 20 лет. Изд. 3-е. стр. 187.

Белинский сделал со свойственной ему страстностью крайние выводы из системы Гегеля. Значит ли это, что он плохо понял ее, как полагают многочисленные критики Белинского, начиная Герценом и Тургеневым, кончая Скабичевским и Волынским? Отнюдь нет, утверждает Плеханов. Плеханову, как никому из историков философии, удалось выявить в своих работах двойственный характер гегелевского ученья: его консервативную систему и его революционный метод. О Белинском нельзя утверждать, что он не понял учения Гегеля. Он в полосу своего примирения с действительностью концентрировал внимание лишь на консервативной стороне гегельянства—на той самой стороне, которую выдвигал на первый план и сам Гегель. По мере того, однако, как Белинский углубился в сущность философии Гегеля, он начал понимать и революционную, диалектическую сторону этой философии. Тогда наступает конец его примирению с действительностью, он «раскланивается с философским колпаком Егора Феодоровича» (ироническое название Гегеля) и переходит в оппозицию действительности. Был ли этот перелом в миросозерцании Белинского достигнут разрывом с философией Гегеля? Да, отвечает шаблон, установившийся в нашей критической литературе. Нет, доказывает Плеханов.

Плеханов показал, что, раскланявшись с философским колпаком Гегеля, Белинский продолжал оставаться гегельянцем, но гегельянцем, для которого гегелево ученье являлось уж не санкцией всякой, даже самой гнусной, действительности, а было алгеброй революции. Белинский перестает с этого момента отожествлять действительное с существующим. Он знает, что действительность бывает и отжившей, тогда она не разумна,—тогда она должна уступить свое место действительности разумной, действительности завтрашнего дня. Таким образом, в развитии Белинского начался тот период, который Плеханов назвал третьим актом его умственной драмы. «Если Белинский в первой фазе своего развития жертвовал действительностью ради идеала, а во второй идеалом ради действительности, то в третьей и последней фазе он стремился примирить идеал с действительностью посредством идеи

развития, которая дала бы идеалу прочное основание и превратила бы его из «абстрактного» в «конкретный».*)

Идеалистическая система Гегеля оказалась не в состоянии помочь Белинскому в разрешении тех вопросов, которые предстали пред ним в эту новую критическую эпоху его жизни. Он пришел к отрицанию действительности, но он оказался бессильным конкретизировать это отрицание. Он не мог найти в обществе той силы, которая могла бы превратить отрицание действительности в исторический факт. Он не мог, одним словом, исторически примирить действительность с идеалом. Но его бессмертная заслуга в том, что он первым в истории русской общественной мысли поставил эту задачу в порядке дня. В том же, что он оказался не в состоянии эту задачу решить,—вина не Белинского, а общественных отношений его эпохи.

В поисках ее решения он бросался из стороны в сторону. Он обращался на время к социализму, однако, страстное увлечение социализмом вскоре сменяется у него жестоким разочарованием в социалистической теории, которая была в его время насквозь утопической и следовательно не могла дать ему той исторической базы отрицания действительности, которую он так напряженно искал.

Последней попыткой неистового искателя найти дорогу, ведущую из области абстрактного идеала в область исторической действительности, было его приближение к материализму Фейербаха. Но мы знаем, как мало могло помочь Белинскому в его поисках фейербахианство и как мало оно ему в действительности дало.

Белинский так и не решил этой задачи. Однако, он ее поставил во всю ширь и над ее решением мучительно бился долгими годами, что совершенно не нашло себе надлежащей оценки в нашей критической литературе.

Плеханову принадлежит неот'емлемая заслуга того, что он первым указал на этот „самый главный предмет, святая святых“ умственной деятельности Бе-

*) Ibid, стр. 203.

линского. Г. В. сделать это было тем легче, что в его распоряжении была мощная теория диалектического материализма, дававшая ответ на те вопросы, которыми терзался Белинский и что он жил в эпоху, когда в русской общественной жизни можно было уже узреть тот элемент исторического обновления общества, который еще отсутствовал во время Белинского. В этом отношении родоначальник русских марксистов был счастливее родоначальника русских просветителей. Но он, который первым посмотрел на историю умственного развития Белинского, с точки зрения конкретных взглядов новой исторической эпохи, считал долгом сугубо подчеркнуть то обстоятельство, что „и до сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличность которых открыл Белинский чутьем гениального социолога...“ Плеханов был восторженным поклонником Белинского не только потому, что Белинский—великое сердце, но преимущественно и потому, что видел в нем центральную фигуру во всем ходе развития русской общественной мысли...

IV.

На ряду с В. Г. Белинским,—родоначальником русских просветителей, предметом особой любви и уважения со стороны Плеханова, являлся—мы это уже указали—Н. Г. Чернышевский,—самый выдающийся представитель наших просветителей. Плеханов в течение многих лет старался проникнуть в творческую лабораторию Чернышевского, определить те пути, по которым развивалась его мысль, выявить те общественные предпосылки, которые обусловливали собою его идеи, установить то место, которое принадлежит Чернышевскому в истории русской общественной мысли. Питая, по его собственному заявлению, благоговейное уважение к Чернышевскому, Плеханов подходил к его ученью в высокой степени критически. Чернышевский был последователем Фейербаха, Плеханов был продолжателем Маркса. Этим определяется его отношение к творчеству великого русского просветителя. „Я не от-

вергаю наследства Чернышевского,—заявлял Плеханов,—но я и не могу довольствоваться им. Я дополняю его теми драгоценными приобретениями, которые удалось сделать человеку, шедшему по одной дороге с Чернышевским, но ушедшему дальше его, благодаря более благоприятным обстоятельствам своего развития". *)

В Чернышевском Плеханов больше всего ценил философа. Философское наследство Чернышевского Г. В. почти безоговорочно принимал.

Чернышевский был фейербахианцем, при этом таким, который по материалистически толковал неясные и оставляющие сомнение места в учении своего учителя. В основе его философских представлений лежит идея **единства** человеческого организма. Он неразрывно связывает между собой суб'ективную и об'ективную сторону явлений, но их, однако, не отожествляет. Его гносеологические принципы находятся на высоте современного научного материализма, под его теоретико-познавательными рассуждениями может подписаться материалист и в наши дни. Единственное уязвимое место в философском миросозерцании Чернышевского,—и в этом отношении он был учеником своего учителя,—его понимание диалектики: подобно Фейербаху он недооценил диалектический метод. Он ограничивал ценность этого метода его требованием всестороннего изучения действительности, и упускал из виду главную отличительную черту диалектики, гениально выявленную Марксом—Энгельсом: сознание зависимости хода идей от хода вещей. В недостаточно ясном понимании диалектического метода—ахилессова пята философских воззрений Чернышевского. Но это слабое место в философском миросозерцании Чернышевского не умаляло в глазах Плеханова той роли, которую сыграл в истории русской общественной мысли Чернышевский, как философ. Плеханов, если не ошибаюсь, был первым из исследователей Чернышевского, который указал на эту сторону в творчестве великого русского просветителя и который оценил Чернышевского, как философа.

*) Н. Г. Чернышевский. Изд. «Шиповник» СПБ. 1910, стр. 17.

Определяя место, которое принадлежало Чернышевскому в истории нашей философской мысли, Плеханов говорил: „Чернышевского знают у нас как публициста, отчасти как историка литературы..., но его совсем не знают как философа. Это об'ясняется, во-первых, тем, что он мало писал о философии, а во-вторых, его манерой изложения своих мыслей. Он писал так просто и ясно, что некоторые его читатели наивно отказывались именно по этой причине признать за философию то, что он излагал в статье „Антропологический принцип"... И до сих пор, если вы спросите среднего русского „интеллигента", были ли философами Лавров и Владимир Соловьев, вы тотчас услышите: конечно, были. А если вы скажете такому „интеллигенту", что Чернышевский тоже был философ и притом гораздо более глубокий, нежели Лавров и Соловьев, то вы приведете его в немалое изумление. Философия Чернышевского была недостаточно туманна"...*)

Я с тем большим удовольствием процитировал приведенные слова, что они не только характеризуют привычное пренебрежение, с которым относились у нас к философским взглядам Чернышевского, но также и потому, что они с полным правом могут быть применены и к самому Плеханову.

Плеханов нам не оставил специальных философских трактатов, он даже никогда не занимал университетской кафедры, но по характеру своего ума, по своим теоретико-познавательным способностям он был одной из самых тонких философских организаций, которые встречаются в истории нашей общественной мысли. Чернышевский говорил о Лессинге, что он «по устройству головы» был философом. Эти слова будет уместно повторить и о самом Плеханове. «По устройству головы» он был глубоким философом. В этом нас убеждают посвященные философским проблемам статьи Плеханова, даже отдельные страницы и строчки, вкрапленные в его работы общего характера.

Но не только одна участь—игнорирование профессиональными гелертерами—позволяет провести параллель между Чернышевским и Плехановым, как фило-

*) Н. Г. Чернышевский, стр. 147—48.

софами. Есть много общего и в их отношении к философским проблемам. Они оба чрезвычайно любили философию, исключительно высоко ставили занятия ею. Чернышевский говорил, что тому, кто раз заинтересовался философией, будет уже трудно оторваться от ее великих вопросов. Так же думал и Плеханов—доказательство тому в тех многочисленных экскурсах в область философии, которые он непрестанно совершал при всяком представившемся случае.

Чернышевский и Плеханов философию неразрывно связывали с практической жизнью. Для Чернышевского философия была теоретическим базисом практических требований. Тем же она была и для Плеханова. Г. В. потому не раз возмущался теми практиками нашего социалистического движения, которые третируют философию, как бесплодное теоретическое умствование. В предисловии к своему сборнику „Критика наших критиков" он писал: „отношение наших „практиков" к философии всегда напоминало мне отношение к ней прусского короля Фридриха—Вильгельма I. Как известно, этот мудрый монарх оставался совершенно равнодушным к философской проповеди Христиана Вольфа до тех пор, пока ему не об'яснили, что Вольфов принцип достаточного основания должен вызывать побеги солдат со службы. Тогда солдатский король приказал философу в 24 часа оставить прусские владения под страхом смертной казни через повешение... Наши „практики" готовы мириться со всякой данной философией до тех пор, пока им не покажут, что она мешает осуществлению их практических целей... Нынешний идеолог рабочего класса не имеет права быть равнодушным к философии".*)

Чернышевский и Плеханов не отрывали философии от жизни, они их неразрывно связывали. Потому они совлекали с философии ветхого Адама метафизики и софистических ухищрений. Чернышевский зло подтрунивал над теми философами, речь которых туманна и головоломна, и противоставлял им простые и ясные слова. Одна из отличительных черт Плеханова—здесь еще один элемент родства между философскими мане-

*) Критика наших критиков. СПБ. 1906 г., стр. V.

рами обоих мыслителей—его простой и понятный и в то же время строго-научный, далекий от вульгаризации подход к проблемам философии. Эта черта выявляется не только в произведениях Плеханова, она производила неотразимо сильное впечатление и на собеседников Г. В. П. И. Лепешинский вспоминает свою первую встречу с Г. В. „Меня необычайно поразила та смелость и простота, с которой он утверждал некоторые свои философские постулаты... Да,—выкраивал я, как сейчас помню, какую то свою мысль,—но все-таки между той материей, из которой состоит камень, и той, модусом, которой является человек, есть качественная разница. То есть я хочу сказать, что есть материя и материя....

— В чем разница?—вскинул на меня свои умные глаза Плеханов.

— Человек мыслит, с ударением подчеркнул я, а камень э... э... э...

— И камень мыслит,—спокойно сказал Плеханов. —Как так, разинул я от удивления рот... Плеханов стал пояснять, что количество переходит в качество, но и обратно, качество разложимо на количественные моменты. Мысль есть сложное движение и складывается из тех же элементов движения, которые определяют энергетическое состояние и камня. И если кто-нибудь хочет принять мысль за „субстанциональное“ свойство материи, то он обязан приписать и камню то же свойство.—Все это было очень просто, азбучно, элементарно, но мое предрассудочное отношение к таким страшным словам, как „вульгарный панпсихизм“ и т. п. мешало мне до этого момента дерзать на такого рода философскую „свистопляску“, какую допустил только что сам Георгий Валентинович Плеханов“.

Плеханов ядовито острил, что иной русский интеллигент не считает Чернышевского философом потому, что его философия была недостаточно туманна. Но благодаря той же ли „недостаточной туманности“ философских рассуждений Г. В., до сих пор оспаривается его право быть названным философом?...

Вернемся к Чернышевскому.

Наряду с философскими взглядами Чернышевского Плеханов весьма ценил и его эстетику. Эстетический кодекс Чернышевского оказал несомненное влияние на

Г. В., который, сочетав материалистические взгляды Чернышевского на исскуство с марксистским методом, построил свою эстетическую теорию. Этого момента мы здесь, однако, не развернем, так как касаемся его в очерке об отношении Плеханова к вопросам искусства.

Итак не будет ошибкой сказать, что Плеханов в основном принимал философские взгляды Чернышевского и его эстетическую теорию. Иным было отношение Г. В. к историческим и политико-экономическим рассуждениям того же мыслителя.

На исторические воззрения Чернышевского непоследовательность его учителя,—слабые места в системе Фейербаха,—наложила особенно явственный отпечаток. Поэтому, высказывая нередко здравые материалистические мысли касательно исторического процесса, Чернышевский в основных своих исторических взглядах является идеалистом. Моменты материализма и идеализма переплетаются в его исторических рассуждениях, причем всегда доминируют взгляды идеалистические. Для марксиста Плеханова исторические взгляды Чернышевского были таким образом ступенью, давно превзойденною гениальными основоположниками диалектического материализма.

В такой же мере превзойденной ступенью являлись для Плеханова и политико-экономические взгляды Чернышевского. Чернышевского—политико-эконома Плеханов критиковал очень обстоятельно и гораздо более сурово нежели Чернышевского—историка. К этому его принудила та историческая обстановка, в которой он опубликовал свои работы о Чернышевском. То было время ожесточенной полемики с народниками, пытавшимися в своей борьбе с марксизмом опереться на авторитет Чернышевского. Плеханов и показал, как несостоятельна попытка противопоставить экономическим воззрениям Маркса взгляды великого русского просветителя. Экономическая теория Маркса базируется на фундаменте научного социализма, экономические взгляды Чернышевского вытекают из утопического социализма. Воспринимать их, значит возвращаться от Маркса к утопии... Плеханов внимательно изучил духовное наследство Чернышевского и дал ему историческую оценку. Он

обнаружил многие слабые места во взглядах Чернышевского, застрявшего в своем развитии, на пути от Фейербаха к Марксу. Но он показал, что в основном Чернышевский поднялся на такие высоты, до которых так и не добрались эпигоны русского народничества,— мнимые продолжатели дела Чернышевского.

Плеханов считал Чернышевского одним из своих предков, одним из предтечей молодого русского марксизма. Он утверждал, что русские марксисты имеют все данные для того, чтобы чувствовать себя близкими к Чернышевскому, ибо только они выступают хранителями лучших заветов самого крупного из наших просветителей.

* * *

Фридрих Энгельс произнес когда-то известную фразу: „Мы немецкие социалисты гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но и от Канта, Фихте и Гегеля".

Плеханов вел свою родословную, подобно Энгельсу, по двум линиям. Он был горд сознанием того, что является продолжателем дела основоположников революционного марксизма и вместе с там наследником лучших русских просветителей. От Белинского—через Чернышевского—к Плеханову тянется нить, связывающая три вершины русской общественной мысли.

10. В годы войны и революции.

Мировая война и крах Второго Интернационала.— Постановка Плехановым вопроса о виновниках войны.—Кантовы законы права и нравственности в применении к империалистической войне.—Теория борьбы с эксплуататорами по ту сторону границы.—Революция. —Призывы Плеханова к единству.—„Война до победного конца“.—„Вне коалиции нет спасения“.—Трагизм плехановской позиции в годы войны и революции.—Последние дни Плеханова.—Возвращение к Плеханову.

I.

В одной из своих статей Плеханов сочувственно цитировал слова Эдгара Кинэ: каждая партия рано или поздно делает непростительную ошибку, которая увлекает ее в бездну. Непростительные ошибки делают не только партии, но иногда и партийные вожди и эти ошибки также увлекают их в бездну.

В момент, когда разразилась катастрофа, десятилетиями зревшая в недрах капиталистического общества, Плеханов совершил роковую ошибку того типа, о котором говорит Кинэ.

Все с нетерпением ждали Плеханова в первые дни этой войны,—пишет умеренный социалист Девдариани—Сан. Хотели услышать его голос. Никто не сомневался в том, что он резко выскажется против хищнической политики всех правительств и тем спасет честь научного социализма. Не было оснований сомневаться в том потому, что все помнили, что писал и говорил Плеханов раньше о войне... Он, однако, ничего не сделал для того, чтобы способствовать приближению момента, когда, через поля, усеянные человеческими трупами и костями, через реки и моря крови, через все окопы и линии заграждений, социалисты всех стран обменялись бы рукопожатием..*)

Нет ничего удивительного в том, что позиция, которую Плеханов занял по отношению к мировой войне в момент ее возникновения и на которой он оставался до конца, больно поразила всех верных заветам Интернационала социалистов.

---

*) Девдариани. (Сан.) Г. В. Плеханов (40 лет литературной и политической деятельности). Харьков 1919, стр. 75 и 77.

Мировая бойня, начавшаяся летом 1914 года, знаменовала собою величайший исторический перелом. Эпохи же великих общественных переворотов нередко захлестывают выдающихся исторических личностей, ставят пред ними задачи, решение которых для них оказывается непосильным, и приводят их таким образом к банкротству. Военная позиция Плеханова не была выражением его личного банкротства. Она знаменовала не личный крах Г. В. Плеханова, а крушение всей организации международного рабочего движения, бессильно капитулировавшей пред многочисленными проблемами, которые выплыли пред ней в кровавом тумане войны. Плеханов, Каутский, Гед, Вандервельде, Вальян, Кунов, Гайндман—каждый из этих вчерашних вождей и идеологов Интернационала своими взглядами и поступками в годы войны демонстрировал развал той организации международного единения пролетариев, которую он возглавлял. Но если в отношении большинства из этих пассовавших пред грандиозностью и сложностью развернувшихся событий вождей можно было сослаться на то, что их революционность и раньше давала уклоны—если в отношении их можно было говорить о том, что и в моменты предыдущих—далеко не столь острых кризисов переживавшихся Интернационалом—они нередко обнаруживали колебания и платили дань оппортунизму, то по отношению к Плеханову даже и эти ссылки не могли быть приведены в качестве об'ясняющего и раз'ясняющего обстоятельства.

В 1914 году Второй Интернационал был побежден оппортунизмом. Эту роковую возможность Плеханов предсказал за десять лет до того, как она стала фактом; уже в 1904 году, после Амстердамского конгресса Плеханов бил тревогу по поводу „оппортунистической язвы", которая грозит раз'есть Второй Интернационал.

Как же он реагировал на события в тот момент, когда, его предсказание оказалось пророчеством Кассандры?

В своем известном письме к болгарскому социалисту З. П., писанному на третьем месяце войны (датированном 27 октября 1914 г.), Плеханов заявлял: „...как ни сильно впечатление, произведенное на меня нынешней войною,—я не могу покинуть привычную для

меня классовую точку зрения... Я готов рассуждать о задачах переживаемого нами исторического момента лишь при условиии, что Вы будете придерживаться той же классовой точки зрения, т. е. точки зрения международного пролетариата". Это заявление не единственное. В то время, как под влиянием налетевшего циклона многие из вчерашних социалистов отшвырнули в сторону как ненужную ветошь революционные обороты речи и, покаявшись в своих социалистических прегрешениях, заговорили языком буржуазных ура—патриотов, Плеханов соблюдал марксистскую терминологию и был убежден в том, что его ультра-оборонческая позиция есть позиция верности заветам Интернационала. Это обстоятельство он неустанно подчеркивал на протяжении всего военного четырехлетия... «мы продолжаем держаться основы старого Интернационала»... „По вопросу о войне я стою теперь на той самой точке зрения, на которой стоял во время Цюрихского Международного Конгресса". „Интернационалист обязан поддерживать вооруженную борьбу против германского империализма, прямо обязан поддерживать ее всеми силами, всем сердцем и всем помышлением, если не хочет изменить себе, если не желает перестать быть интернационалистом". Так твердил Плеханов в каждой своей статье. Всех тех, кто не стоял на оборонческой (обороны Антанты) точке зрения, он об'являл ренегатами Интернационала, «интернационалистами, да только с другой стороны», людьми разыгрывающими недостойный революционера грезо-фарс.

Для того, чтобы питать такое убеждение в своей верности знамени Интернационала и в то же время упорно и страстно защищать тактику, об'ективно являвшуюся отходом от этого самого знамени, надо было или быть крайним лицемером или совершить ошибку того рокового типа, который парализует лучшие суб'ективные намерения и увлекает человека в бездну. Плеханов на протяжении четырех десятилетий своей политической деятельности никогда не лицемерил, элементов тартюфства в нем никогда не было. Но он совершил роковую ошибку, которая зияющей пропастью отделила его суб'ективное стремление действовать в полном согласии с заветами Интернационала от той ро-

ли, которую он сыграл в период империалистской войны—роли об'ективно противо-интернационалистской.

Перейдем к этой, воистину, роковой ошибке.

Ошибка Плеханова была отчасти обусловлена уже самой постановкой вопроса, ответом на который он пытался уяснить свое отношение к войне.

Плеханов ставил в качестве отправного пункта для своих рассуждений вопрос: «Какие именно общественные классы, в каких именно капиталистических государствах и с какими именно специальными целями нашли нужным начать империалистическую войну в августе 1914 года».*)

То была лишь марксистская ф о р м у л и р о в к а, но не марксистская п о с т а н о в к а вопроса по существу. Марксистский анализ той международной обстановки, в которой разразилась катастрофа, исключал вопрос о «специальных целях», с которыми определенные классы определенных стран начали войну. Этот анализ воочию показывал, что война возникла в результате того именно, что господствующие классы в с е х крупных капиталистических государств преследовали о д н у очень определенную цель хищнического обогащения,— и что эта «специальная цель» была обусловлена самой сущностью их социальной природы. Этот анализ делал недопустимой ту постановку, которую дал вопросу Плеханов, перенесший его в плоскость поисков «зачинщиков» войны, обнаружения ее виновников, отделения обороняющейся стороны от нападающей, правого от виноватого и т. д.

Плеханов считал, что он прочно стоит на почве марксистской диалектики, отличая обороняющегося от нападающего, подобно тому, как отличал эксплуатируемого от эксплуататора. Г. В. ссылался при этом на авторитет Маркса и Энгельса, отличавших между оборонительной и наступательной войной. Но он упускал из виду тот факт, что принципиальная возможность, точнее говоря обязанность, марксиста отличать оборонительную войну от наступательной, отнюдь еще не значит, что такое отличие всегда возможно. Война 1914 года была обусловлена факторами такого порядка, которые

*) Мой дружеский совет редакции «Текстильщика». Март. 1916.

делали в корне невозможным проведение грани, отделяющей сторону нападающую от стороны обороняющейся. Плеханов перенес центр тяжести в то обстоятельство, что германские дипломаты, германские генералы, германские капиталисты провоцировали августовский взрыв 1914 года; он неустанно твердил, что „война вызвана властолюбивыми вожделениями австро-германских правителей и корыстолюбивыми стремлениями австрийских и германских империалистов“.*)

Это обстоятельство, верное само по себе, не могло сделаться для марксиста решающим. Основным и рашающим должен был для него являться тот факт, что война представляет собою неизбежный финал обострения экономических противоречий между могущественными группами капиталистических держав в эпоху империализма, что она разделила мир на два гигантских треста, каждый из которых стремится к умерщвлению противника и к установлению своей мировой хозяйственной гегемонии. (То обстоятельство, что внутри этих трестов развивались внутренние противоречия по национальной линии, нисколько не изменяет картины). Игнорировать этот основной факт марксист не имел права. Плеханов его недооценил, он говорил о нем, как о чем-то само собою подразумевающемся и потому он не отдавал ему должного внимания. Это привело Плеханова к тому, что к великой катастрофе, созревшей в недрах капиталистического общества, он подошел с кантовским критерием „простых законов нравственности и права“... Плеханов был прав, говоря, что для социалиста обязательны эти „простые законы“, когда он сталкивается с человеком, который душит другого. Но в 1914 году речь шла не о насильнике и жертве, а о том очевидном факте, что капитализм разнуздал бешенную фурию мировой войны, им взлелеянную и взрощенную. Плеханов отмахнулся от этого факта заявлением, что „признание об‘ективной необходимости того или другого общественного явления ни мало не исключает вопроса об его виновниках“.**) Отделавшись от основного факта, долженство-

*) Еще о войне Сан-Ремо. 8 мая 1915 г.
**) Мой дружеский совет редакции «Текстильщика».

вавшего определить собою отношение марксиста к мировой империалистической войне, ф р а з о й, Плеханов говорил, что он не желает уподобиться тому судье из старинной русской комедии, который восклицает: „Как вы хотите, чтобы я разобрал, кто прав и кто виноват, ведь и истец и ответчик оба ссылаются на законы!" И потому Плеханов, вооружившись простым кантовским законом нравственности и права, неустанно искал виновных в войне, нарушителей мира, насильников и пр. Эти поиски завели Г. В. в такие дебри, из которых ему не помог выбраться даже его исключительной логической мощи ум... Поиски правого и виноватого, точка зрения „простых законов права и нравственности" жестоко мстила за себя Плеханову. Она исторгала у него фразы, немыслимые не только в устах ортодоксального вождя международного марксизма, но недопустимые даже для марксистски мыслящего человека.

„Как революционер,—заявлял Плеханов,—я не мог быть равнодушен к судьбе Франции, страны великой и поистине славной революции". Раз Г. В. уже приводил в качестве мотива, определявшего его отношение к воюющим странам, свои симпатии к той или иной стране, почему же он забывал, что Франция, страна великой и славной революции, представляла собою также страну тупой и подлой реакции, что она—не только родина благородных революционеров, но и царство свирепых лавочников? Ведь никому другому, как самому Плеханову принадлежат слова: „Современная французская республика—республика буржуазии, и притом буржуазии, быстро идущей к упадку. Официальные представители этой республики настоящие политические „декаденты". От них нельзя ждать ничего, кроме низкопоклонства пред царизмом." *) „Я не мог не сознавать, что победа Германии надолго обеспечила бы германскому „ревизионизму" преобладание в Интернационале"—таков еще один из аргументов Плеханова в пользу его позиции.**) Почему же Плеханов помнил об оппортунизме германском и забывал об оппортунизме французском, он—пламенный прокурор французского оппор-

*) Французское правосудие и русское шпионство. Соч., Т. IV, Стр. 323.

**) Социалисты и военные кредиты. 1916.

тунизма пред судом Интернационала?. Если нужны еще примеры того, в какую трясину завели Г. В. „простые законы“, заставлявшие его идеализировать „обороняющуюся от напавшего разбойника“ Антанту, приведем восторженное восклицание о «великом примирительном действии английской свободы», которым Плеханов встретил телеграмму бурского генерала Бота о верности английскому знамени...*)

Черта, отличающая „оборончество“ Плеханова от оборончества других формаций. В то время, как Лентши, Тома, Давиды, Вандервельде, Реннеры, Эрве tutti quanti предавали забвению классовую бурьбу и на всех перекрестках провозглашали Burgfrieden—Union sacrèe Плеханов не отрекался от классовой борьбы. Наоборот, он даже построил особую теорию, долженствовавшую доказать, что, принимая участие в войне, рабочий класс продолжает вести классовую борьбу, приобрёвшую иное выявление:

— Борьба эксплоатируемых с эксплоататорами не перестает быть классовой от того, что эксплоататоры живут по ту сторону границы и говорят на другом языке. Пролетарии стран, аттакованных Германией и Австрией, ведут международную классовую борьбу уже тем самым, что с оружием в руках противятся осуществлению эксплоататорских планов австро-германских империалистов. **)

Конечно, в принципе Плеханов был прав: война с внешним врагом может быть борьбой классовой в подлинном смысле этого слова. Вспомним войны, которые вели армии Конвента с войсками крепостнической Европы. Вспомним героическую борьбу Красной Армии с бесчисленными иноземным армиями—то была классовая борьба в ее высшем выявлении, то была подлинная борьба эксплоатируемых с эксплоататороми, живущими по ту сторону границы. Но разве не белыми нитками оказалась шитой теория „войны с эксплоататорами по ту сторону границы“, когда эту войну вели армии Гинденбурга с армиями Фоша, армии Николая Николаевича с армиями Энвера-Паши!

---

*) Англо-ирландская драма. 1916.

**) Австрийские социал-демократы о международном братстве народов. 1916.

Явно несостоятельная в применении к великой империалистической войне, эта теория лишь затушевывала тот фактический призыв к гражданскому миру, который таили в себе оборонческие лозунги Плеханова. Говоря о классовой борьбе, Плеханов фактически был уж в плену у идеологии гражданского мира. Он буквально вздрагивал каждый раз, когда сталкивался с нарушениями священного единения пред лицом австрогерманской опасности. Он негодовал по поводу того, что депутат Бризон имел мужество крикнуть с трибуны французского парламента: „Долой войну“ Он возмущался „национальным эгоизмом“ ирландцев, решившихся на восстание во время войны. Он звал социалдемократическую фракцию Государственной Думы голосовать за военные кредиты...

Плеханов сконцентрировал все свое внимание на реакционности германского империализма, на его агрессивной природе, представляющей собою величайшую угрозу делу прогресса, демократии, социализма. Плеханов не жалел красок для того, чтобы изобразить все те бедствия, которые несет делу мировой свободы победа германского империализма. В его словах не было преувеличений и он был прав, говоря об империализме германском. Но он совершал непростительную ошибку, пытаясь противопоставить германскому империализму империализм англо-французский, как более прогрессивный.

„Меж холерой и чумой не выбирают“, говорит французская поговорка. Плеханов предпочитал чуме холеру... Он игнорировал тот факт, что если война, представляющая собою столкновение двух капиталистических коалиций, принесет решительную победу одной из сторон, то ее результатом будет жесточайшая реакция, которую установит в мире победивший империализм—безразлично будет ли победителем Антанта или Центральные державы. Благодаря этому, он не учитывал того обстоятельства, в котором отдавали себе очень ясный отчет марксисты гораздо меньшего калибра, напр., покойный Мартов, говоривший: „Если даже предполагать такую победу союзников над Германией, которая может быть подведена под формулу „уничтожения прусского милитаризма“..., то и в этом случае

ближайшее будущее представится в весьма мрачном свете... Китайские таможенные стены между политическими коалициями, еще более усиленные вооружения, еще более беззастенчивая политика империалистских гигантов по отношению к маленьким государствам и «державных» народностей по отношению к подчиненным, еще более яростное соперничество старых и новых империализмов на мировой арене,—такова картина завтрашнего дня. Все могущественные факторы империалистской реакции, все антидемократические силы найдут в этой международной атмосфере и повод, и благоприятные условия для своего усиления...“*) Не учтя этого обстоятельства, Плеханов не мог, конечно, сделать и соответствующих выводов. Поэтому он считал долгом марксиста звать пролетария Антанты «отстаивать свой кровный интерес от разбойного нападения на него со стороны нового тройственного союза: 1) юнкера, 2) капиталиста и 3) пролетария центральных империй»; поэтому он не исполнил настоящего, подлинного долга марксиста, который диктовал ему «кровный интерес» международного пролетариата. Этот интерес требовал от рабочего класса выступить в годину империалистической бойни в качестве той третьей стороны. (Не третий радующийся!), которая единственно в состоянии решить задачи, по отношению к которым оказался бессильным кипиталистический мир, разнуздавший фурию войны. Это обстоятельство является труизмом для нас, очевидцев той бесшабашной оргии, которую победители из стана Антанты пять лет уж справляют на вулкане послеверсальской Европы. Но Плеханов обязан был предвидеть возможность такого исхода, и тогда, быть может, он пришел бы не к лозунгу «война до победного конца», а к паролю Ленина: «Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций».**)

*) Л. Мартов. Национализм и социализм. Изд-во „Социалист“. Птб. 1918 (Писано 1916) стр. 35—37.

**) Н. Ленин. Положение и задачи социалистического Интернационала. 1 ноября 1914 г. „Социал-демократ“ № 33.

Позиция Плеханова по отношению к войне предопределила и его позицию по отношению к революции.

На родину Г. В. вернулся сразу почти после революции.

Он ехал в Россию с надорванным здоровьем. Поездка из Сан-Ремо в Петроград грозила стать роковой. Когда друзья указывали ему на опасность, сопряженную с поездкой, и советовали отказаться от нее, Плеханов, отвечал: «Я предчувствую, что мне недолго прожить в России, но нельзя не ехать: старый воин революции должен быть на посту, раз призывают его». *)

Все, которым довелось быть в ночь на 13 апреля семнадцатого года на Финляндском вокзале в Петербурге, помнят как десятки тысяч рабочих и солдат, представители социалистических партий и революционных организаций встречали Плеханова, склонив красные знамена пред отцом российской социал-демократии.

Со свойственной ему прямолинейностью Плеханов уже здесь, только ступив на родную почву, поплыл против течения, защищая ту точку зрения на войну, которую он отстаивал с самого начала ее.

Измученной трехлетней бойней рабочей и солдатской массе, жаждавшей конца войны, слова Плеханова показались такими чуждыми и непонятными. Между нею и Георгием Валентиновичем пробежал здесь первый ветерок недоверия.

Прибыв в Россию, Плеханов со свойственной ему страстностью и решительностью продолжал защиту своей позиции—войны до сокрушения германского милитаризма и оценки революции семнадцатого года, как последней буржуазной революции в Европе. Мятущиеся революционные массы, стихийно восставшие против войны и породившего ее экономического уклада, с величайшей враждебностью отнеслись к этой позиции. В толпе заговорили об «измене» Плеханова, о забвении им интересов рабочего класса.

Г. В. оказался вне великого революционного потока залившего Россию.

---

*) Передаю со слов тов. Л. Г. Дейча, которому это было сказано Георгием Валентиновичем при их встрече в Лондоне накануне от'езда в Россию.

Плеханов пережил глубочайшую трагедию идейного одиночества в момент того революционного взрыва, подготовке которого он отдал всю свою жизнь.

В одной из статей („Единство“ № 69 от 29 июня 1917 года) Г. В. писал «Ошибки имеют свою логику. И это самое неприятное свойство ошибок... Логика ошибок есть неумолимая логика жизни». Та ошибка, которую Плеханов совершил по отношению к войне, имела свою логику и эта логика была неумолима, в особенности по отношению к такому последовательному мыслителю, как Плеханов, всегда бесстрашно заявлявшему: «Я иду до конца»...

Прибыв в Россию, Г. В. сразу провозгласил: «чтобы отстоять завоеванную свободу Россия должна довести войну до конца. Это диктуется интересами не только освобожденной России, но и интересами широких демократических кругов союзных стран».

В своих многократных выступлениях на страницах «Единства», равно и в публичных выступлениях, которым мешала болезнь Г. В., он резко выступал против лозунга «мира без аннексий и контрибуций», считая, что эта формула неудовлетворительна, ибо она лишь поможет германскому империализму закрепить результаты своих военных побед. Он критиковал шаги, предпринимаемые с целью сближения социалистов воюющих стран, считая невозможным какие-бы то ни было переговоры с германским социалистическим большинством—сподвижником германским империалистов. *) Он высказывался против какого-бы то ни было давления со стороны России на союзные правительства, с целью понудить их к политике мира, ибо считал, что это давление может ослабить сопротивление врагу.

В статье, посвященной первомайскому празднику 1917 года, Г. В. писал:

— Немедленное заключение мира было бы величайшей услугой тому милитаризму и тому империализму, с которыми хотели бы бороться люди, так безрассудно кричащие «долой войну!»... Мир, заключенный при нынешнем соотношении сил на театре военных действий,

*) См., напр., серию его статей, посвященных вопросу о Стокгольмской социалистической конференции. Единство. №№ 25, 28.

был бы не миром, а лишь перемирием, в высшей степени опасным для стран, подвергшихся в 1914 году нападению со стороны Германии... Для того, чтобы закончить нынешнюю войну прочным миром, необходимо помириться на таких условиях, которые позволили бы народам располагать своей судьбой по своему собственному усмотрению. Но Вильгельм и его клевреты пока еще слишком сильны для того, чтобы согласиться на подобные условия. Только энергичное продолжение войны союзниками может их к этому принудить.*)

Отношение Плеханова к войне обусловило и его взгляды на революцию. Народное восстание было, по-мнению Г. В., результатом неумения царского правительства справиться с войной и потому основной задачей, которую революция поставила пред страной, было благополучное окончание войны. «Я считаю, что революция была сделана против правительства не потому, что оно вело войну, а потому, что оно не хотело вести ее надлежащим образом, и вело дело к поражению. Теперь, когда враг внутренний свергнут, энергия в борьбе с внешним врагом должна быть удесятерена»,— так заявил Плеханов журналистам, которые встретили его при в'езде в Россию.

При свете войны Плеханов с особой силой защищал тот взгляд на характер современной русской революции, как последней буржуазной революции среди европейских стран, который он—в основном—высказал еще в 1905—6 году.

Плеханов был убежден, что переход к социализму является для России делом относительно далекого будущего, что наша страна находится в таком историческом фазисе, когда она страдает не столько от развития капитализма, сколько от его недостатка, что важнейшей исторической задачей, предстоящей революционной России, является развитие производительных сил на основе капитализма.

Вот почему знаменитые тезисы Ленина, гениально намечавшие поступательный ход нашей великой революции, были об'явлены Плехановым бредом, «я

*) Всемирный праздник наемного труда. «Единство» № 14 от 15 апреля 1917 г.

твердо уверен в том,—писал Плеханов,—... что в призывах Ленина к братанию с немцами, к низвержению Временного Правительства, к захвату власти и так далее, наши рабочие увидят именно то, что они представляют собою в действительности, т.-е. безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской земле.»*)

Желая предохранить страну от «анархической смуты», Плеханов проповедовал классовый мир, звал к соглашению между социальными группами и политическими партиями, провозглашал, что «вне коалиции нет спасения»...

Голос Плеханова звучал глухо, без отзвука. В стране уж вспыхивало пламя гражданской войны. Рабочий класс лихорадочно готовился к своему последнему, решительному бою. Контр-революция оскаливала зубы. Плеханов звал к «единству».

Он доказывал рабочим, что «если наш пролетариат пред‘явит капиталистам такие требования, исполнение которых сделало бы бесцельным (с капиталистической точки зрения) дальнейшее ведение предприятий, то предприятия будут закрыты, рабочие лишатся заработка, и в стране будет организован голод»...**)

Он доказывал крестьянам, что «нужно дать частным землевладельцам известное вознаграждение; скромное вознаграждение, способное избавить от нищеты бывших землевладельцев—необходимо».***)

Он доказывал буржуазии, что «отныне русская промышленность может развиваться только в том случае, если торгово-промышленный класс поставит перед собою задачу осуществления широких социальных реформ». Он взывал к представителям буржуазии: «...в интересах всей России и в ваших собственных интересах необходимо искать сближения с рабочим классом»...****)

*) О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен. Единство № 11 от 12 апреля 1917 г.

**) Борьба наемного труда с капиталом. Единство, № 44 от 20 мая 1917 г.

***) Письмо Всероссийскому крестьянскому с‘езду. Единство № 50 от 28 мая 1917 г.

****) Из речи на Московском Государственном совещании. Август 1917 г.

Безответно звучали слова Плеханова в раскаленной атмосфере страны, вступавшей в полосу гражданской войны. Лозунг диктатуры рабочего класса окрылял уж пролетарскую армию; капиталисты и помещики грозили уж костлявой рукой голода и генеральским свинцом. В воздухе, пропитанном запахом пороха, несуразно звучала ирландская легенда о двух кошках, которые дрались так упорно и так жестоко, что от них остались только хвосты—эту легенду с лихорадочным блеском в глазах и роковым румянцем на лице—с трибуны Московского Государственного Совещания—напоминал России больной Плеханов.

В сознание масс—так угодно было исторической иронии—просачивалось представление о Плеханове, как о человеке компромисса, как о крохоборе, как о «соглашателе». Вспоминаю, как летом 1917 года я спросил одного рабочего чугунно-литейного завода, знает ли он, кто такой Плеханов.

— «Плеханов? Это тот, который хочет нам прибавку дать?! Нет, товарищ, с прибавкой уж кончено. Нам что-то большее давай, а не прибавку!»... *) О Плеханове—отце идеи пролетарской гегемонии в русской революции—в момент этой революции рабочие знали лишь как об авторе «плехановской прибавки»... А матрос Степан Кокотько слал Г. В. письмо:—«я открыто скажу, что вы—человек, продавший свою совесть капиталу». Плеханов утешал себя тем, что то были «письма темных людей»... Но уж через несколько месяцев Г. В. для того, чтобы оправдать линию своего поведения в глазах питерского пролетариата, счел необходимым аппелировать к своему прошлому.

В «открытом письме к петроградским рабочим», опубликованном в газете «Единство» от 28 октября 1917 года, Плеханов восклицал:

— В продолжение целой четверти века мы стойко выносили самые ожесточенные нападки и преследования... И вот теперь, когда жизнь как нельзя более убе-

---

*) Плеханов состоял в начале революции председателем так называемого Особого Совещания по вопроеу об улучшении материального положения железнодорожных служащих и рабочих. Установленное совещанием увеличение оклада железнодорожникам получило название «плехановской прибавки».

дительно показала, что мы были правы, теперь когда русский рабочий класс в самом деле стал великой движущей силой общественного развития, мы отвернемся от него и перейдем на сторону буржуазии?

— Да ведь это ни с чем не сообразно; этому может поверить лишь тот, кто не имеет малейшего понятия о психологии!

Для оправдания своего настоящего Плеханов аппелировал к своему прошлому. Для политического деятеля—великое счастье—быть занесенным на скрижали истории, войти в ее пантеон.

Но нет для активного политического деятеля большего несчастья, чем при жизни превратиться в осколок истории. Когда Керенский, предоставляя Плеханову слово на Московском Государственном Совещании, в качестве единственной инстанции, от которой мог выступить Плеханов, назвал историю (Слово принадлежит Георгию Валентиновичу Плеханову—от истории»), это было результатом трагического одиночества Г. В. в момент революции. В этом одиночестве Плеханов отлично отдавал себе отчет—в письме Всероссийскому Крестьянскому С'езду он писал: «Мне сдается, что ваше настроение временно исключает возможность усвоения вами моего взгляда. В виду этого всякая попытка убедить вас теперь представляется мне безнадежной». На тяжелом опыте Плеханов убедился в том, как мало отклика находят в стране, вовлеченной в орбиту гражданской войны, его слова об уступках, компромиссах, соглашениях. Но он,—по его собственному выражению, —«шел до конца»...

Плеханов звал к «соглашению», звал к компромиссу, ему рукоплескали те, с которыми он всю жизнь боролся, те, которые находились по ту сторону баррикады.

Но, несмотря на ту роль, которая была об'ективно сыграна им в решающие дни революции, Плеханов суб'ективно оставался с революцией. Он хорошо знал цену русской буржуазии и ее идеологам, когда на Московском Совещании бросил правой стороне:

— Знаете,—существуют такие партии, о которых можно сказать, что если бы они не сделали ни одной

частной ошибки, если-б они были чисты как ангелы божьи, то все таки в их пассиве была бы огромная ошибка—эта ошибка заключается в том, что они существуют, просто в самом факте их существования. Вот такой партией была партия русского самодержавия, и такой партией в настоящее время являются те, которые хотели бы путем контр-революции восстановить это самодержавие. Но есть и другие партии, про которые можно сказать, что каковы бы ни были частные ошибки, которые сделали эти партии, огромная заслуга заключается уже в том, что эти партии существуют... Великая заслуга нашей крайней революционной демократии заключается в том, что она существует...

Старый боец сказывался в Плеханове, когда он возмущенно клеймил буржуазию, нагло твердившую о том, что это она и ее Государственная Дума произвели революцию. Он напоминал, что лишь революционная демократия десятилетиями напряженной работы подготовила и осуществила революцию. «Это один из тех фактов, о котором можно сказать, что если бы люди позабыли о нем или обошли его, составили заговор молчания, то возопили бы камни и деревья. Я говорю: камни и деревья, потому, что, если в России тюрьмы строятся преимущественно из камня и кирпича, то сибирские этапы строятся преимущественно из дерева».

Плеханов звал буржуазию к коалиции с социалистами, но буржуазия уже в это время заключила коалицию с ингушами генерала Корнилова, и Плеханову пришлось задуматься над вопросом: «Кто же собственно опаснее... немец внешний—Гинденбург с подчиненными ему военноначальниками,—или же немец внутренний—бывший наш верховный главнокомандующий сверными ему полками?»*) Плеханов требовал, чтобы генерал Корнилов был наказан по всей строгости законов военного времени, но ему становилось очевидным, что Корнилов—марионетка, двинутая социальными силами к соглашению, с которыми Плеханов звал рабочий класс.

Г. В. знал историю и умел использовывать ее уроки. Он хорошо помнил о случаях бессознательного со-

---

*) Что делать? Единство № 127 от 29 августа 1917 г.

трудничества представителей трудящейся массы с ее классовыми врагами. «Жирондисты отнюдь не были контр-революционерами. Однако, сделав несколько ошибочных шагов в борьбе с монтаньярами, они, занимаясь агитацией против Парижа в провинции, к удивлению и к огорчению своему увидели себя идущими бок-о-бок с монархистами».*)

Русские социалистические жирондисты в процессе нашей революции быть-может также «к удивлению и огорчению своему» не раз оказывались идущими бок-о-бок, с монархистами и матерыми контр-революционерами. Логика жизни приводила их в стан контр-революции... С Плехановым, к счастью, этого не произошло. При всей той страстности, с которой он вел борьбу с «максимализмом слева» и с «утопией захвата власти», Плеханов энергично и убежденно предостерегал тех, кто шел за ним, от рокового уклона вправо, от ухода «в страну, из которой нет возврата»...

Когда в июле 1917 г. один из членов организации «Единство» выступил с предложением открыть кампанию против советов, Георгий Валентинович в горячей речи обрушился на это предложение. «Нужно уметь видеть, что будет завтра,—говорил он. Посмотрите вокруг себя и вы увидите, что улица уже контр-революционна. Предположим, что мы сбросили сегодня советы, мы тотчас же очутимся во власти этой улицы.»**)

Старый революционер знал, что такое контр-революционная улица. В одной из своих последних статей он заявлял:

—Враги революционной демократии, видя ее серьезные ошибки, готовы кричать тепер: «Долой ее! Распни ее!»—Мы, сами принадлежащие к этой демократии, конечно, не повторим этого реакционного крика. Мы критикуем ошибки демократии не затем, чтобы осуждать ее на распятие. Мы воскликнем наоборот: «Да здравствует революционная демократия!..»***)

---

*) Контр-революция и контр-революционеры. Единство № 13 от 7 сентября 1917 г.

**) Костант. Фельдман. Вождь или только теоретик. Однодневная газета памяти Плеханова, выпущенная Комитетом по организации похорон. СПБ. 9 ноября 1918 г.

***) Круг смыкается. Единство. № 157. от 6 октября 1917 г.

Плеханов был убежден в том, что если победит контр-революция, русский пролетариат будет распят. Это убеждение обусловило его отношение к Октябрьской революции.

Плеханов был убежденным противником того, что произошло в Октябре. Он неустанно твердил: «Наш рабочий класс еще далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти».

Он считал переход власти к пролетариату «глубочайшим историческим несчастием», как для самого пролетариата, так и для всей страны.

Если бы нам пришлось изыскивать эпиграф к этой странице жизни Г. В. мы-б взяли слова бельгийского поэта:

И не узнали...
... ни корабля родного,
Ни вымпелов, ни парусов,
Чью ткань они сами соткали.
(Верхарн. На севере.)

Нам, живущим на седьмом году Советской власти, не приходится доказывать всю глубину ошибки Плеханова. Мы хотим лишь указать здесь, что даже, совершая свою роковую ошибку, или точнее являясь жертвой этой ошибки, Г. В. субʻективно оставался тем же беззаветным другом рабочего класса, каким мы знаем его на протяжении всей его славной жизни. Как таковой, он понимал, что несет пролетариату победа контр-революции.

Он в момент Октябрьской революции заявил, что «противники большевизма не должны прибегать ни к заговорам, ни к восстаниям, так как эти методы борьбы неизбежно вызовут взрыв терроризма». Плеханов заявлял, что большевизм является этапом великой русской революции, что поэтому попытки свержения большевистской власти в союзе с представителями старого общества обречены на гибель.

Еще два штриха, относящихся к тому же моменту жизни Плеханова.

Когда в ноябре 1917 года Керенский с Красновым во главе небольшой казацкой армии овладел Царским Селом, к Плеханову явился Борис Савинков с предло-

жением Г. В. взять на себя составление министерства, после того, как войска Краснова войдут в Петроград. Г. В. ответил:

— Я сорок лет отдал пролетариату, и я не буду его расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути.

Когда тот же Савинков рассказал Плеханову о вероятной победе Краснова, он спросил:

— Что же, если казаки победят, Керенский на белом коне войдет в Петроград?

Собеседник Г. В. промолчал. И тогда Плеханов сказал:

— Бедная Россия!

Уже не задолго до смерти, в одной из последних статей, вышедших из под его пера, Плеханов говорил: «...будем помнить, что с каким-бы недоверием ни относились к нам бессознательные,—пока еще, увы! слишком многочисленные,—рабочие, они были и останутся нашими братьями, просвещению которых каждый из нас обязан служить до последнего своего издыхания».*)

Велико было расхождение Плеханова с рабочим классом России в дни, которые потрясли мир. Но мысль его неизменно—«до последнего издыхания»—принадлежала пролетариям и их делу.

В октябре 1917 года произошел в жизни Г. В. эпизод—один из тех, которые неизбежны, когда революционный смерч восставшего народа сталкиватеся с действительными или мнимыми препятствиями на своем пути, но которые приводят в содрогание каждого сознательного революционера.

Кучка красногвардейцев—из тех, которые увековечены Александром Блоком в «Двенадцати», учинила в Царском Селе на квартире Плеханова, физически больного и душевно издерганного, обыск. Наэлектризованные событиями, они допрашивали Г.В. «какого он будет сословия», он отвечал, что «того сословия, которое сорок лет боролось за свободу России»; они потребовали у Плеханова «выдачи оружия»,—он сказал, что единственно оружие, которым он владеет—перо... Таких доп-

*) А все-таки движется. «Наше Единство» № 1 от 19 декабрь 1917 года.

росов и обысков было несколько. Г.В. ожидал, что его в конце концов выведут на двор и пристрелят. Это было 31 октября. Впоследствии он рассказывал:

— Я был слаб от болезни и нетверд на ногах. Я боялся как бы они не подумали, что я страшусь расстрела и попросил кофе, чтобы я мог быть тверд на ногах и не шататься, когда я пойду...

Через несколько дней после обыска был опубликован декрет Временного Рабоче-Крестьянского Правительства о неприкосновенности личности гр. Г. В. Плеханова и его имущества.

3 ноября Г. В. переехал на автомобиле «Красного Креста» из Царского Села в Петербург. Здесь он был помещен в клинику Герзони, а затем во французскую больницу. Болезнь Плеханова постепенно обострялась. Давний туберкулезный процесс усилил свою разрушительную работу. 23 января 1918 г. Г. В. по усиленным настояниям врачей оставил Петроград, направившись в Финляндию. Здесь он поселился совместно с Розалией Марковной в санатории Питкеярви близ Териок.

В то время, когда германский империализм накинул свой аркан на шею Советской России, Плеханов умирал в медвежьем углу Финляндии, где справлял свою кровавую оргию палач финских рабочих генерал Манергейм. Находившийся у смертного одра Георгия Валентиновича тов. Л. Г. Дейч показывал мне исписанные рукой умирающего Плеханова клочки бумаги. Эти клочки убедительно рассказывают о тех страданиях, которые испытывал Плеханов.

Тяжелое физическое состояние не мешало Плеханову оставаться Плехановым, пусть прикованным к матрацу смертным недугом. Он не уставал расспрашивать окружающих о политических событиях, просил читать ему художественную литературу (Чехова, Мопассана, Лескова), делился воспоминаниями из далекого прошлого, рассказывал о своих встречах с вождями мирового социализма, характеризовал представителей русского революционного движения. Все это с обычным мастерством, яркостью, искрящимся юмором. Вспоминая об этих своих последних беседах с умиравшим Плехановым, старый друг его Л. Г. Дейч говорил мне:

Рѣчь, произнесенная А. Ф. Керенским 24-го октября во Временном Совѣтѣ Республики, наводитъ на грустныя размышленія.

Прежде всего ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ нельзя не замѣтить, что ей недостаетъ той искренности, которой можно и должно требовать отъ оратора, выступающаго в критическую

Один из последних набросков Г. В.

— В разных обстановках я и раньше в течение многих лет неоднократно беседовал с Плехановым наедине или слышал его разговоры с другими, его речи, доклады и пр. на всевозможных собраниях, но никогда прежде его сообщения не являлись столь замечательными,—оригинальными и захватывающими по содержанию, в особенности же по манере, тону их изложения. Это станет вполне понятным только, когда перенесемся мысленно в ту великую и вместе страшную эпоху: война еще не закончилась, коммунизм только нащулывал почву, и в это время в отрезанной от всего мира санатории, одиноко стоящей в лесу, лежит прикованный к постели крупнейший из русских мыслителей, обладающий колоссальным умом, обширнейшими познаниями, феноменальной памятью и изумительной наблюдательностью. Человек всю жизнь привыкший с утра до полуночи умственно работать, делиться в печати и устно своими взглядами, оказался вынужденным проводить дни и ночи в полном бездействии. Между тем, в колоссальном уме беспрерывно происходила интенсивная работа, рождалась бесчисленная масса мыслей, соображений, воспоминаний. В течение многих лет накоплявшиеся у Плеханова разнообразнейшие знания, обильные впечатления о многочисленных встречах, разные жизненные переживания—все то, что раньше вследствие ежедневных занятий, забот, стремлений, откладывалось до другого более свободного времени, теперь рвалось у него наружу. Он словно торопился поделиться всем тем, чего он раньше не успел сообщить другим, чтобы не унести этого с собой в могилу.*)

Умирая, Плеханов завещал, чтоб его похоронили рядом с Белинским. Он просил, чтоб на памятнике, который будет воздвигнут на его могиле, была сделана надпись:

„He is made one with Nature"
Percy Sheley.

„Он слился воедино с природой"
Перси Шелли.

---

*) Об этом тов. Дейч рассказывает в своей неопубликованной статье «Г. В. Плеханов в России».

30 мая 1918 года в 2 часа дня Георгия Валентиновича не стало. Его последние думы принадлежали России, ее исторической судьбе, ее рабочему классу...

Прах Плеханова перевезли в Петербург. Согласно последней воле Г. В., 9 июня его похоронили на Волковом кладбище—рядом с могилой В. Г. Белинского.

В похоронном шествии принимало участие до пятнадцати тысяч человек. Здесь были поседевшие в совместных боях с Плехановым его друзья и соратники: Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, Л. И. Аксельрод-Ортодокс, Е. Н. Ковальская, принесшая венок „товарищу по Черному Переделу". Здесь была марксистская и социалистическая интеллигенция. Здесь были отдельные рабочие группы и делегации. Но здесь не было петербургских фабрик, петербургских заводов, организованного пролетариата.

На устроенном в день похорон Плеханова заседании Петербургского Совета, посвященном памяти Георгия Валентиновича, тов. Зиновьев заявил: «Петроградский пролетариат не мог итти на похороны своего бывшего учителя... Тяжело было нам принять такое решение, некоторым из нас в идейном отношении столь много обязанным почившему, было особенно трудно принять это решение. Отдельные из нас уехали утром из города для того, чтобы заставить себя не пойти на эти похороны»... А. В. Луначарский звал рабочих Питера: „Забудем, что было в Плеханове слабого, упомянем об этом, как об‘ективные историки, и скажем: вечно жив пред нами тот молодой Плеханов, героический, светлый вождь, который в эпоху борьбы и перелома в настроениях русского народа, в эпоху растерянности русского общества первый с высокой горы своего гения показал на восходящее солнце научного социализма и социалистической революции".

За гробом Плеханова не шли петербургские фабрики и заводы, но над его могилой лила крокодиловы слезы та контр-революционная улица, та чернь Невского проспекта, которую Г. В. всю жизнь страстно ненавидел всеми фибрами своей благородной души. Пуришкевич прислал свой венок на могилу Плеханова. Развязные публицисты скорбели о прошлом Плеханова; «Было обидно, что человек такого ума и таких талан-

тов растрачивал жар души и темперамент мозга на убеждение тех, которые все равно ничего не поймут никогда. Там, в залах кофеен, где происходили диспуты, Плеханов нисходил до галдящей, ленивой умственно-опустившейся толпы, гордой своим званием эмигрантов»...*) На страницах бульварных газет эти господа милостиво отпускали Плеханову грехи молодости—его „фразы ультра-радикального содержания". „Чтож, и Плеханов отдал дань молодому задору и бурному темпераменту"...**) Люди, о которых Плеханов говорил при жизни, „с негодующим смехом",—госпожа Гиппиус и другие декаденты—выступали в роли непрошенных защитников, «истинного социализма» Георгия Валентиновича...

Разыгрывалась в лицах« Сказка об Иване Черном и Ваньках Грязных», написанная много лет тому назад скандинавским пасателем.

Существовала где-то страна, в которой жили маленькие жалкие людишки с убогими сморщенными душонками. Волосы у них были неопределенного, полугрязного цвета и звали их Ваньками Грязными. В этой стране родился однажды человек—совершенно не похожий на окружающих. У него была большая открытая душа. Волосы он имел черные, как смоль. И звали его Иваном Черным. Ваньки Грязные ненавидели Ивана Черного. Они преследовали Ивана, превратили его жизнь в сплошные страдания. В борьбе с Ваньками Иван состарился, устал, поседел... Когда грязные Ваньки заметили седину черного Ивана, они возликовали—пришли к нему и говорят: „Ну Иван, довольно враждовать! Мы грязные, ты стал грязным—давай, заживем дружно!..." Иван вскинул на пришедших свои большие, умные глаза и промолвил: „Дураки! То—грязь, то—седина"...

Мертвый Плеханов не мог ответить тем, кто отождествлял свою собственную грязь с ошибками отца русского марксизма...

---

*) Герои и толпа. Статья Петра Рысса в газете «Новый Вечерний час» № 83 от 7 июня 1918.

**) Там же.

У пролетариата России могли быть размолвки с Плехановым. Но в числе самых одаренных и самоотверженных борцов за раскрепощение труда от капитала наш рабочий класс чтит Георгия Валентиновича.

Первые годы нашей Великой Революции не создали предпосылок, необходимых для изучения Плеханова. Одно время казалось даже, что позиция, на которой Г. В. находился в семнадцатом году, несколько притупила интерес революционной России к личности замечательного марксистского мыслителя. Однако, с окончанием той борьбы на жизнь и смерть, которую вела Советская Республика, началось возвращение к Плеханову. В передовых слоях рабочего класса и в среде марксистской интеллигенции проявилась сильнейшая „тяга к Плеханову".

Советская Россия к пятилетию смерти Г. В. открыла ему на Волковом кладбище памятник. Но существует еще один памятник, который она сооружает Плеханову.

Советская республика изучает Плеханова, его исследует. Те тысячи молодежи, которые проникают в сокровищницу плехановского творчества, тем самым приобщаются к марксистской мысли, подчиняются ее логической мощи и диалектической красоте, проходят через закаляющий горн марксизма.

То лучший памятник мыслителю и борцу, чей мозг и чье сердце принадлежали пролетариям всех стран.

Памятник Г. В. Плеханову.

(Скульптура Ильи Гинзбурга).

Открыт 18-го марта 1922 года в 1 час дня на могиле Плеханова на Волковом кладбище, по постановлению Петроградского Губисполкома.

Приложение 1-ое.

Синхронистическая таблица

ЖИЗНИ и ТВОРЧЕСТВА

Г. В. ПЛЕХАНОВА

в связи с событиями общественно-политической и литературной жизни.

Год.	Жизнь и творчество Г. В. Плеханова.
1856	26 ноября. Рождение.
1866-1872	Поступление в Воронежскую военную гимназию.
1873	Смерть отца Г. В.—Валентина Петровича. Поступление в Константиновское юнкерское училище.
1874	Перевод в Петербургск. Горн. Институт.
1875	Первые знакомства с петербургскими революционерами.
1876	Первые связи с революцион. рабочими. Участие в организации „Северной группы революционных народников“. 6 декабря. Демонстрация на Казанской площади. Женитьба на М. А. Смирновой (Тарачкиной).
1877	Первая поездка за-границу. Знакомство с Лавровым. Возвращение в Россию. Попытка „хождения в народ“. Первый арест. Составление проекта студенческого „адреса“ министру Палену.
1878	Участие в стачечных волнениях на петербургских фабриках.

События в общественно-политической жизни.	Социалистическое движение.	Публицистика и критика.	Год.
—	—	—	1856
Покушение Каракозова на Александра II (1866)		«Исторические письма» Лаврова.	1866-1872
Новое городовое положение		«Что такое прогресс». Михайловского	
Смерть А. И. Герцена (1870) Парижск. Коммуна.	Кружки Чайковского	Русский перевод „Капитала“ I т.	
—		Журнал „Вперед“ П. Л. Лаврова	1873
Введение всеобщей воинской повинности	„Хождение в народ“	—	1874
—	Организация „Южно-русского Союза“	„Набат“ Ткачева	1875
Первая демонстрация по случаю смерти студента Чернышевского Чигиринское дело Покушение Льва Дейча на Гориновича Смерть М. А. Бакунина	—	—	1876
Процесс по делу о Казанской демонстрации. Процесс 50-ти.			1877
Русско-Турецкая война	Организация „Северного Союза русских рабочих“	Первый номер «Земли и Воли»	1878

Год.	Жизнь и творчество Г. В. Плеханова.
1878	Второй арест. Поездка на Дон для связи с казаками. Первое печатное выступление: корреспонденция в „Новостях“ о стачке на Новой Бумагопрядильне. Первая статья: „Об чем спор“ („Неделя“).
1879	Закон экономического развития общества и задачи социалистов в России. Чтение лекций петербургским рабочим. Июль. Воронежский с‘езд—разрыв с „Землей и Волей“. Сентябрь. Раскол „Земли и Воли“ на „Народную Волю“ и „Черный Передел“. Женитьба на Р. М. Боград.
1880	Первое выступление в легальной журналистике—статья „Поземельная община и ее вероятное будущее“. Первый номер „Черного Передела“. Эмиграция. Извещение об издании „Русской социально-революционной библиотеки“.
1881	„Новое направление в области политической экономии“. Смерть матери Г. В.—Марии Феодоровны.
1882	Перевод и предисловие к русскому изданию „Коммунистич. манифеста“. „Экономическая теория Карла Родбертуса—Ягецова“.

События в общественно-политической жизни.	Социалистическое движение.	Публицистика и критика.	Год.
Покушение В. И. Засулич на Трепова Стачки на Петербургских заводах Процесс 193-х. Убийство Мезенцева.			1878
Покушение Соловьева на Александра II. Стачки на петербургских фабриках Народный бунт в Ростове на Дону	Липецкий с'езд Воронежский с'езд „Земли и Воли" Раскол „Земли и Воли"	—	1879
Взрыв в Зимнем Дворце, произведенный Ст. Халтуриным. Самоссожение М. Ф. Ветровой Пушкинские дни	—	Первый номер «Черного Передела»	1880
Убийство Александра II. Письмо Исполнительного Комитета Александру III. Смерть Ф. М. Достоевского Погром в Киеве	—	—	1881
—	—	«Жестокий талант» Михайловского. «Герои и Толпа» Михайловского. «Основы народничества» Юзова. «Судьбы Капитализма в России»— В. В.	1882

Год.	Жизнь и творчество Г. В. Плеханова.
1883	Организация группы „Освобождение труда“. 25 сентября—извещение об издании „Библиотеки Современного Социализма“. Социализм и политическая борьба.
1884	Проект программы группы „Освобождение труда“. Наши разногласия.
1885	Статья „Современные задачи русских рабочих“ в „Рабочем“.
1886-7	Статья о Фердинанде Лассале.
1888	Наши беллетристы-народники.
1889	Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова. Июль. Историческая речь на I конгрессе Второго Интернационала в Париже. Высылка из Швейцарии.
1890	Работа в журнале «Социал-Демократ». Русский рабочий в революционном движении.
1891	Доклад Международному Социалистическому Конгрессу в Брюсселе. «К шестидесятой годовщ. смерти Гегеля».
1892	Всероссийское разорение. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России.

События в общественно-политической жизни.	Социалистичеекое движение.	Публицистика и критика.	Год.
Смерть Карла Маркса.	Возникновение группы «Освобождение труда»	—	1883
Новый университетский устав	Арест Льва Дейча	Рабочее движение и социал-демократия» П. Б. Аксельрода	1884
Морозовская стачка в Орехово-Зуеве	Возникновение первой с-д группы в России (Благоевская)	Первый номер газеты „Рабочий“	1885
—	—	—	1886-7
—	—	„Самоуправление“ —Цюрихский орган социалистов-федералистов	1888
Положение о земских начальниках	Первый Конгресс Второго Интернационала	—	1889
Новое положение о Земстве	—	—	1890
Голод Холерные бунты	Второй конгресс Второго Интернационала	—	1891
Промышленный кризис	—	«Попытки обоснования народничества»—В. В. «Наши направления»—его же	1892

Год.	Жизнь и творчество Г. В. Плеханова.
1893	Доклад по военному вопросу на Цюрихском конгрессе Интернационала.
1894	Anarchismus und Socialismus Высылка из Франции.
1895	К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.
1896	Beiträge zur Geschichte des Materialismus. Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.) Участие в Лондонском конгрессе Интернационала.
1897	Судьбы русской критики.
1898	Начало полемики с Эдуардом Бернштейном Речь о Белинском на собраниях в Швейцарии.
1899	Продолжение полемики с Эдуардом Бернштейном и Конрадом Шмидтом. Ответ на анкету «Petite Republique», по вопросу об участии социалистов в буржуазных министерствах.

События в общественно-политической жизни.	Социалистическое движение.	Публицистика и китика.	Год.
—	Третий конгресс Второго Интернационала Возникновение группы «Народного права».	—	1 893
Смерть Александра III.	—	«Критические заметки об экономическом развитии России»—Струве. «Кто такие друзья народа»—Ленина. Брошюра «Об агитации».	1894
Студенческие волления. Ходынская катастрофа. Стачка петербургских ткачей и прядильщиков.	Четвертый конгресс Второго Интернационала.	Выход газеты «Рабочая Мысль».	1895
Смерть Фридриха Энгельса. Речь Николая II «о бессмысленных мечтаниях».	Организация Союза «Борьба за освобождение рабочего класса» Возникновение «Союза русских соц.-демократов». заграницей.	„Моим критикам» —Струве.	1896
Стачки на петербургских и провинциальных фабриках.	Организация «Бунда».	Марксистский легальный журнал «Новое Слово».	1897
—	Первый с'езд РСДРП.	—	1898
Студенческие беспорядки в Петербурге и других городах.	«Кредо» экономистов. Раскол «Союза загран.соц.-демок.» и образование «Рев организации Соц.-Демократ».	«Развитие капитализма в России»—В. И. Ленина.	1899

Год.	Жизнь и творчество Г. В. Плеханова.
1900	Vademecum для редакции «Рабочего Дела» Еще раз социализм и политическая борьба. Участие в Парижском конгрессе Интернационала.
1901	Вступление в редакцию «Искры». Полемика с Струве. Празднование эмиграцией 25-ти летия политической деятельности Г. В.
1902	Проект программы Р.С.Д.Р.П.
1903	Участие во Втором с'езде Р.С.Д.Р.П Избрание в редакцию «Искры» (совместно с Лениным) и в председатели Совета Партии. Речь о Некрасове. Сближение с меньшевиками (кооптация в редакцию «Искры», вместо ушедшего Ленина,—Аксельрода, Засулич, Мартова и Потресова.) «Чего не делать?»
1904	Письмо в редакцию «Mouvement Socialiste» о русско-японской войне. Участие в Амстердамском конгрессе Интернационала. Борьба с министериализмом.
1905	Уход из редакции «Искры», вследствие разногласий с первой обще-русской конференцией партийных работников (меньш.). Выход первого номера «Дневника социал-демократа Г. В. Плеханова». Выход сборника «За двадцать лет». Выход в Женеве I-го тома собрания сочинений Г. В.

События в общественно-политической жизни.	Социалистическое движение.	Публицистика и критика.	Год.
Закрытие Вольно-Экономического о-ва Майский праздник с первой уличной демонстрацией.	Пятый конгресс Второго Интернационала Псковское совещание о выпуске газеты «Искра»	—	1900
Убийство министра Боголепова Казанская демонстрация	—	Выход № 1 «Вестника Русской Революции» Журнал «Заря»	1901
Убийство министра Сипягина Зубатовщина	Конструирование партии с.-р.	Что делать? — Ленина Выход „Освобождения“ под ред. Струве	1902
Кишеневский погром	С‘езд аграрно-социалистической лиги	—	1903
Русско-японская война Смерть Н. К. Михайловского Убийст. фон-Плеве Правительственная «весна»	Шестой конгресс Второго Интернацинала	Выход № 1 газеты «Вперед»	1904
Кровавое воскресенье 9-го января Убийство вел. князя Сергея Романова С‘езд земцев. Первая революция	3-ий с‘езд РСДРП, 1-ая общегородская конференция партийных работников	Первые легальные с-д. газеты „Новая Жизнь“ и «Начало»	1905

Год.	Жизнь и творчество Г. В. Плеханова.
1906	Участие в Стокгольмском об‘единительном с‘езде РСДРП. Выход сборника «Критика наших критиков» Письма о тактике и бестактности.
1907	Основные вопросы марксизма. Участие в Штуттгартском конгрессе Интернационала. Участие в Лондонском с‘езде РСДРП.
1908	Критика синдикализма. Пелемика с Богдановым.
1909	Критика религиозных исканий. Монография о Чернышевском.
1910	Участие в Копенгагенском конгрессе Интернационала. Выход сборника „От обороны к нападению“. Полемика с ликвидаторами.
1911-12	Полемика с ликвидаторами. Статьи о Толстом. Статьи о Герцене.
1913	Первый том „Истории русской общественной мысли“.
1914	Выход газеты „Единство“. Письмо болгарскому социалисту о войне. Диспут с Лениным о войне.

События в общественно-политической жизни.	Социалистическое движение.	Публицистика и критика.	Год.
Открытие 1-ой Государственной Думы	Четвертый Об'единительный с'езд РСДРП	—	1906
Роспуск 2-ой Госуд. Думы Изменение избирательного закона	Седьмой конгресс Второго Интернационала Пятый с'езд РСДРП Общегородская партийная конференция с.-д.	—	1907
—	Парижская конференция с-д.	Сборник «За 12 лет»—Ленина	1908
—	Ликвидаторство „Ультиматизм" „Отзовизм"	«Вехи»	1909
—	Восьмой конгресс Второго Интернационала	—	1910
Смерть Л. Н. Толстого Убийство Столыпина Ленский расстрел	Пражская конференция с-д. (большь.) Всероссийская конференция с-д. (меньш.)	Выход „Правды"	1911-12
Смерть Августа Бебеля Дело Бейлиса	—	—	1913
Стачки в Петербурге Убийство Жана Жореса Мировая империалистическая война	Об'единительная конференция меньшевиков и большевиков, созванная международ. Соц. Бюро в Брюсселе	—	1914

Год.	Жизнь и творчество Г. В. Плеханова.
1915-16	Две линии революции.
1917	1 апреля. Возвращение в Россию. Выступление в Петроградском Совете. 15 августа. Речь на Московском Государственном Совещании. 31 октября. Обыск на квартире Г. В. в Царском Селе. 5 ноября. Декрет о неприкосновенности гр. Г. В. Плеханова и его имущества.
1918	23 января. От'езд из Петрограда в Финляндию. 30 мая. 2 часа дня. Смерть.

События в общественно-политической жизни.	Социалистическое движение.	Публицистика и критика.	Год.
—	Циммервальдская интернациональная конференция (1915 г.) Каптальская Интернациональная конференция (1916)	Тезисы Ленина «О войне» Интернационалистические органы: «Социал-Демократ» и «Голос». Оборонческий: «Призыв»	1915-16
Февральская революция Октябрьская революция Брестский мир	—	—	1917

Приложение 2-ое.

Литература о Плеханове.

Абрамович Н. Рецензия на очерк об Ибсене. Совр. мир. 1906. 11.

Авраамов Алексей. Историческая заслуга Г. В. Плеханова. Еженедельник „Единство“ М. изд. 1918, № 3,

А—в М. Философские течения русского марксизма. Вестник Европы, 1909, № 3.

Агол И. Плеханов и религиозная реакция. Спутник коммуниста, М. 1923, № 24.

А. З. Г. В. Плеханов. Баку, 1923 г.

Аксельрод И. Плеханов об искусстве. Возрождение, 1909, 9—12.

Аксельрод И. Плеханов об искусстве,—в сборнике „Литературно-критические очерки“ под ред. С. Я. Вольфсона. Минск 1923 г.

Аксельрод Л. И. (Ортодокс). Новый сборник Г. В. Плеханова. Совр. мир. 1910, 10—11.

Аксельрод Л. И. (Ортодокс). Из моих воспоминаний о Г. В. Плеханове. Трудовое об'единение, Тамбов. 1919, № 3—4. (Тоже. „Под Знаменем марксизма“. 1922, 5—6).

Аксельрод Л. И. (Ортодокс). Г. В. Плеханов (к юбилею). Дело, 1917, 2.

Аксельрод Л. И. Об отношении Г. В. Плеханова к искусству. Под знаменем марксизма, 1922 г. № 5—6.

Алексинский Г. Христос и Варрара. Еженедельник „Единство“ М. 1918 г. № 3.

Алексеев А. Великий грех русской интеллигенции. Еженедельник „Единство“, М. 1918 г. № 3.

Амфитеатров Ал. Прободенный, Воспоминания. Новые Ведомости. 1918, № 78.

Антонов М. (Булгаков). Евангелие русской социал-демократии. М. 1907.

Антонов М. А. Ленин и Плеханов. СПБ, 1917 г.

Андреев Ник. Г. В. Плеханов в его борьбе за культуру. „Культура и Свобода“ М. 1918—№ 2.

Аптекман О. В. Две дорогие тени. I. Г. В. Плеханов. Былое, 1921 г. № 16.

Арзаев Ю. В. Г. Плеханов. Биографический очерк при собрании статей и речей Г. В. „Год на родине“ Т. I. Париж 1921 г.

Астров В. Плеханов в борьбе с „экономистами“. Спутник Коммуниста. М. 1923, № 24.

Базаров В. Мистицизм и реализм нашего времени. Философский сборник изд. „Звено“ М. 1910.

Базаров В. Плеханов, как основоположник марксизма в России. Рабочий мир. 1918, № 8.

Базаров В. Памяти Г. В. Плеханова. Новая жизнь, 1918 от 5-го июня.

Базаров В. Пионеры марксизма, „Русская литература XX века, под ред. Венгерова“ т. I.

Баскин М. Плеханов в борьбе против „Богдановщины“. Спутник Коммуниста. М. 1923, № 24.

Берман Я. Диалектика в свете современной теории познания. 1908.

Берман Я. Марксизм или махизм. „Образование“ 1906, № 11.

Бернштейн Эд. Исторический материализм. Заключение.

Berow N. G. W. Plechanow. Neue Zeit. № 11, 1918.

Бессонов С. Плеханов в борьбе с экономизмом. Спутник коммуниста. М. 1923, № 24.

Богданов А. Страна идолов и философия марксизма. Философский сборник изд. „Звено“, М. 1910.

Богданов А. Открытое письмо Г. В. Плеханову. Вестник жизни, 1907 г. № 7.

Богданов А. Приключения одной философской школы. СПБ. 1908.

Боровой А. Г. В. Плеханов, „Жизнь“—1918 г. от 5-го ноября.

Боричевский Ив. Об истории русской общественной мысли. Совр. мир. 1917, 2—3.

Булгаков М. Рецензия на „Основные вопросы марксизма“. Рус. Мысль 1909, 5.

Бурцев В. Привет Плеханову. Будущее № 1, П. 1917.
Бухарин Н. Чем он жив. Спутник коммуниста. 1922, № 13.
Буржуазия и Плеханов.—Статья в Петроградской Правде 1918 г. №№ 116, 119.
Быстрянский В. Плеханов и русская контр-революция, Петроградская Правда, 1921, № 36.

Ваганян В. Г. В. Плеханов. Год на родине. Его же. Речь на московском совещании. Библиографическая заметка. Красная Новь, 1921, № 3.
Ваганян В. Плеханов в борьбе с эконономизмом. Под знаменем марксизма.—1922, № 5—6.
Ваганян В. Г. В. Плеханов: От народничества к марксизму. Под знаменем марксизма. 1923 № 2—3.
Ваганян В. Г. В. Плеханов и группа „Освобождение труда“. Под знаменем марксизма. 1923, № 8—9.
Ваганян В. Плеханов и Белинский. „Под знаменем марксизма“ 1923. № 6—7.
Ваганян В. Опыт библиографии Г. В. Плеханова с предисловием Д. Рязанова. М 1923, стр. 118.
Ваганян В. Дополнение к „Опыту библиографии Г. В. Плеханова“. Под знаменем марксизма. 1923, № 6—7.
Валентинов Н. Философские построения марксизма. Статьи: материалист. философия Г. В. Плеханова, Плеханов и Аксельрод в роли критиков эмпириокритицизма М. 1908.
Васильев Н. В 70-ые годы. Из воспоминаний. Мир Божий 1906, 6—7.
Ветринский Ч. Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский. Критическое обозрение 1909. Вып. VIII.
В. В. Очерки современных направлений экономического материализма на русской почве. Новое Слово. 1895, 2—3.
В. В. Милостивый критик. Новое Слово. 1896, № 7.
В. В. Г. В. Плеханов. Энциклопед. Словарь Брокгауз—Ефрон З. Д.
Войтоловский Л. Ответ Г. В. Плеханову. Киевская Мысль. 1913 г. 6 марта.
Войтоловский Л. Больной Плеханов. Киевская Мысль. 1918, 6 июня.
Войтоловский Л. Плеханов умер. Киевская Мысль. 1918, 9 июня.

Вольфсон С. Диалектический материализм в творчестве Г. В. Плеханова. Минск. 1922 г.
Вольфсон С. Я. Великий социалист. Минск. Изд. I, стр. 43.
Вольфсон С. Я. Великий социалист. Минск. Изд. 2-ое, стр. 82.
Вольфсон С. Великий социалист. Сборник Калужского Губкома Р.К.П. Калуга 1923 г.
Вольфсон С. Я. Вокруг Плеханова. Минск. 1923 г., стр. 100.
Вольфсон С. Плеханов. „Вперед" 1922 год, № 1. Минск.
Вольфсон С. Г. В. Плеханов и вопросы искусства. Красная Новь, 1923 г, кн. 5.
Вольфсон С. Сявец марксызму. „Полымя" 1923 г. № 5—6.
Вольфсон С. Плеханов-народник. Труды Белорусского Государственного Университета 1923 г. № 4—5.
В. С. О собрании сочинений Г. В. Плеханова. Библиографическая заметка. Под знаменем марксизма. 1922 № 1—2.
Воронов Борис. Памяти Г. В. Плеханова. Родина. Москва 1918. 7 июля.
Воронский А. На стыке. Литературные силуэты. Г. В. Плеханов. М. 1923 г.

Гернет М. Г. В. Плеханов. Раннее утро. 1918 г. № 99.
Гиппиус З. Из дневника журналиста. Русская мысль. 1908, 2.
Гиппиус З. Стыд и преступление. Новые Ведомости. 1918. № 10.
Гиринис С. Плеханов против ревизионизма. Спутник Коммуниста. 1923 № 24.
Гизети А. Общему учителю. Однодневная газета, изданная К-том по организации похорон Г. В.
Горев Б. Г. В. Плеханов. Журнал „Об'единение" 1918, № 10.
Горев Б. Предисловие к сборнику статей Плеханова „В защиту революционного марксизма". М. 1923 г.
Горев Б. От Томаса Мора до Ленина. XVIII. Г. В. Пленов. М. 1922 г.
Горев Б. Первый русский марксист.—М. 1923 г. Стр. 54

Горев Б. Г. В. Плеханов в борьбе с противниками революционного марксизма. „Под знаменем марксизма“ 1922 г. № 5—6.
Г. Н. Об истории русской общественной мысли. Киевская мысль. 1916 г. № 159.
Григорьев Раф. Плеханов. Новая жизнь. 1918 г. № 107.

Дан Ф. Плеханов о расколе. „Луч“. 1913 г. № 57.

Двойлацкий Ш. Плеханов как экономист. Раб. Мир. 1918, № 8.
Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. Главы VII и X.
Деборин А. Вместо статьи. Под знаменем марксизма. 1922 г. № 5—6.
Дейч Л. Молодые годы Г. В. Плеханова. Былое. 1918, № 13.
Дейч Л. Как Г. В. Плеханов стал марксистом. Пролетарская революция. 1922, № 7.
Дейч Л. Примечания и приложения к письмам Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову. Дела и дни. СПБ 1921 г. № 2.
Дейч Л. О Г. В. Плеханове и его литературном наследстве. „Под знаменем марксизма.“ 1922 г. № 4.
Дейч Л. Г. В. Плеханов. Материалы к биографии. Ч. I. М. 1922 г. Стр. 109.
Дейч Л. Г. О сближении и разрыве с народовольцами. Пролетарская революция. 1923 г. № 8.
Дейч Л. Г. О литературном наследстве. Г. В. Плеханова и В И. Засулич. Пролетарская революция, 1923 г. № 1 (13).
Дейч Л. Г. Из отношений Г. В. Плеханова к народовольцам. „Каторга и ссылка“. 1923. № 7.
Дневницкий П. Из жизни Г. В. Плеханова. Однодневная газета, изданная К-том по организации похорон.
Дневницкий П. Из жизни Г. В. Плеханова. Еженедельник „Единство“. М. 1918, № 3.
Доброправов Л. Плеханов. „Нива“ 1918, № 29.
Ельницкий А. Г. В. Плеханов. Биографический очерк. СПБ. 1906 г. Стр. 32.
Ельницкий А. То же. СПБ. 1917.
Еженедельник „Единство“ памяти Г. В. Плеханова. Москва 1918, № 3.

Загорский С. Плеханов и мировая война. Однодневная газета, изданная К-том по организации похорон Г. В.

Засулич В. И. Плеханов и ликвидаторы. Луч. 1913, № 87.

Заславский Д. Г. В. Плеханов. Дело № 11—12 за 1918.

Заславский Д. Плеханов и с.-д. Бобчинские. „Биржевые ведомости“ от 6 июня 1918 г.

Заславский Д. Плеханов. Изд. „Радуга“ СПБ. 1923. Стр. 88.

Зиновьев Г. Собственные его величества социал-демократы. 1915 г. Против течения.

Зиновьев Г. Второй Интернационал и проблема войны. Главы I, II и VI 1916 г.

Зиновьев Г. Г. В. Плеханов. Вместо речи на могиле. СПБ. 1918 г.

Zinowjew G. G. W. Plekhanoff. Editions de l'Internationale Communiste. Pètr. Pp. 31.

Иванов-Разумник. Ответ Г. Плеханову. Сборник „Литература и общественность“ СПБ. 1910 г.

Иванович Ст. Смерть Г. В. Плеханова. Однодневная газета, изданная К-том по организации похорон Г. В.

И—ев Т. Г. В. Плеханов. „Уральский Рабочий“. 1923 г. № 58.

Изгоев А. Плеханов о революции. Русская мысль. 1907.

Иков В. Г. В. Плеханов. Кооперативный календарь. Изд. Центросоюза. 1919.

Ильинский А. Г. В. Плеханов и III-е отделение. Былое 1920. № 15.

Иорданский Н. Рецензия на брошюру „Мы и они“ Совр. мир. 1907 г. № 12.

Иорданский Н. Плеханов и современ. русские проблемы. Варшавское Слово. 1920 № 74.

Иорданский Ник. Ник. Октябрьские дни и Плеханов. Пролетарская революция 1922 № 3.

Иорданский Н. Н. Основоположник русской революции. Историко-революцион. Вестник. 1922. М. (4).

Иоф Вл. Г. В. Плеханов (Некролог). Мысль 1922, № 2.

Кареев Н. И. Старые и новые этюды об историческом материализме. Статьи: экономический материализм в „Монистическом взгляде на историю“ г. Бельтова. Отношение к экономическо-

му материализму критиков г. г. Струве, Бельтова и др.
Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. Ответ Плеханову. СПБ. 1906 г.
Канторович Вл. Великий Западник. Однодневная газета, изданная К-том по организации похорон Г. В.
Каценеленбаум З. Памяти Г. В. Плеханова. Свободная Россия, № 41, 1918 г.
Кизеветтер А. Новый труд Г. В. Плеханова по русской истории. Голос минувшего. 1916 г. № 1.
Клейнборт Л. На боевом посту. Образование. 1905, 10.
Ковнатор Р. О Г. В. Плеханове. Библиографическая заметка. „Под знаменем марксизма". 1922 № 3.
Ковнатор Р. Г. В. Плеханов. «Молодая Гвардия», 1922, № 3.
Ковнатор Р. Г. В. Плеханов. Архангельск 1923.
Коган П. С. Плеханов. Газета «Родина» 18 ноября 1917.
Козловский Л. Г. В. Плеханов об итальянском социализме.
Колокольников Н. Г. Плеханов «Дело» 1918. № 11—12.
Кольцов Д. Г. Плеханов. „Дело" 1918 № 11—12.
Коваленко М. Г. В. Плеханов (к 5-ти летию смерти). Красный Журнал для всех. 1923, № 3-4.
Кон Ф. Г. В Плеханов в изображении польского беллетриста. „Под знаменем марксизма" 1922 г. № 5—6.
Козьмин Б. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова. «Каторга и ссылка». 1923 г. Книга седьмая.
Кранихфельд. Ответ Г. Плеханову. Совр. мир 1913, 2.
Кривцов С. Плеханов, как социолог. „Под знаменем марксизма". 1923, № 6—7.
Кубиков Ив. Г. Плеханов. «Дело» 1918, № 11—12.
Кудрин Н. На высотах об'ективной истины. Русское Богатство, 1895, № 5.
Кудрявцев Н. Г. В. Плеханов. История русской обществ. мысли. Летопись, 1916, кн. XI.

Лазарев Е. Г. В. Плеханов. Журнал «Общее Дело». М. 1918, № 10.
Лазерсон М. Г. В. Плеханов. Сочинения т. I Рецензия. Вестник литературы. 1920 г. № 9. (21)

Львов-Рогачевский. Памяти властителя дум.—Раб. мир. 1918, № 7.
Ленин Н. Как рассуждает Г. Плеханов о тактике социал-демократии. 1905 г.
Ленин Н. Историческая справка Плеханова, 1905 г.
Ленин Н. Плохие советы. 1906.
Ленин Н. Новое сенатское раз'яснение. 1906 г.
Ленин Н. Материализм и эмпириокритицизм. Гл II, III и VI.
Ленин Н. О двух линиях революции. 1915 г.
Ленин Н. Вильгельм Кольб и Георгий Плеханов. 1916 г.
Ленин Н. По стопам «Русской Воли». 1917.
Ленин Н. Один из коренных вопросов. 1917 г.
Лепешинский П. И. На повороте. Гл. VIII. 1922.
Литературный сборник памяти Плеханова—революционера, с речами Зиновьева, Луначарского, Троцкого и Рязанова. Изд. Союза Коммун Северной области. 1918.
Луначарский А. В. Памяти Г. В. Плеханова. Пламя, 1918 № 7.
Луначарский. А. В. Революционные силуэты. Г. В. Плеханов 1923 г.
Луначарский А. Несколько встреч с Г. В. Плехановым. „Под знаменем марксизма". 1922, № 5—6.

Малинин Н. Плеханов об искусстве. Раб. Мир. 1918 г. № 8.
Мартов Л. Кант с Гинденбургом, Маркс с Кантом. Птг. 1917.
Мартов Л. Война и Г. В. Плеханов.
Мартов Л. Простота хуже воровства. Птг. 1917 г.
Мартов Л. Г. В. Плеханов против организ. оппортунизма.
Маслов П. Плеханов, как экономист. Экономич. обозрение. 1917 г. № 3—4.
Массарик. Философские и социологические основания марксизма, гл. II. Д.
Материалы собранные департаментом полиции о Г. В. Плеханове. Былое. 1918. № 9.
Милюков П. Н. Г-н Плеханов и г-жа Кукшина, Г. Плеханов и бойкот (Ст. в сборнике «Год борьбы»).
Михайловский Н. К.—«К вопросу о развитиии монистического взгляда на историю» Н. Бельтова, Отклики 1904, I, II.

Михайловский Н. К. О новых словах и «Новом Слове». Отклики 1904, II гл. VI.

Мович. Образцы полемики Г. В. Плеханова. Луч 1913 № 112.

Молотов К. Плеханов и искусство. Спутник коммуниста 1923, № 24.

Мгеладзе И. Г. В Плеханов и революцион. диктатура Петроград. Правда—от 9 июня 1918.

Мякотин. Новые слова о старых деятелях. Рус. Бог, 1897 г. 11

Наумов Г. Г. В. Плеханов. Киев. 1919, стр. 80.

Невский В.И. Плеханов Г. В. Собрание сочинений. т. 1, Рецензия. Печать и революция.

Нечкина М, В. Русская история в освещении эконом. материализма. Казань 1922. Гл. IV.

Николай—он. Что же значит экономическ. необходимость. Рус. Бог. 1895, 3.

Оболенский Е. Новый раскол в нашей интеллигенции Р усск. Мысль 1895, 8 и 9.

Ольминский М. Рецензия на „14 декабря 1825“ Образование 1907, 2.

Орловский. Плеханов и Государствен. Дума. Вестник. Жизни. 1906, №—7.

Открытое письмо Ц.К. РСДРП тов. Плеханову. Вперед. 1905. № 16 (сост. Лениным).

Памяти Г. В. Плеханова. Однодневная газета, изданная 9 июня 1918 г. в Петербурге Комитетом по организации похорон Г. В. Плеханова. Статьи: Ст. Ивановича, А. Потресова, П. Дневницкого, А. Гизетти, С. Загорского, С. Семковского, Вл. Канторовича, Констан. Фельдмана, А. Дюбуа и Э. Шиллера.

Пинкевич А. Г. В. Плеханов. Новая Жизнь. 1918, №108.

Плеханов Г. В. К 40-летию его полит. деятельности. От редакции. Совр. мир. 1916, 12.

Плеханов в свободной России. С предисловием В. Португалова. Брошюра. СПБ. 1917 г.

Плеханов Г. В. Статья в энциклопедии „Просвещение“ т. XXII.

Плотников А. Е. Плеханов и о Плеханове. „Книга и революция“. 1923. № 3 (27).

Потресов А. Плеханов—интернационалист и патриот. Международная политика и мировое хозяйство. 1918 № 6.
Потресов А. Я обвиняю Плеханова. Луч. 1913, № 84.
Потресов. А. Г. В. Плеханов. Былое 1918, № 12.
Потресов А. Критические наброски о Плеханове. Новая заря. 1910, № 10.
Потресов А. Из воспоминаний. Однодневная газета, изданная к-ом по организации похорон Г. В.
Празднование 25-летия демонстрации на Казанской площади и революционной деятельности Г. В. Плеханова. Искра 1901, № 13.
Полянский В. Плеханов о Толстом. Под знаменем марксизма. 1923, № 6—7.
Попов М. Р. К истории рабочего движения в конце семидесятых годов. Голос минувшего. 1920—1.
Привет Р. М. Плехановой. Однодневная газета, изд. к-том по организ. похорон Г В.
Привет Р. М. Плехановой. Еженедельник „Единство“ М. 1918, № 3.
Пригорный Г. Плеханов и классовая точка зрения. Еженедельник „Единство“ М. 1918, № 3.
Пумпянский Л. Плеханов и Интернационал. Дело. 1918, № 11—12..
Редько А. Литературные наброски. Г. Плеханов. Русское Богатство. 1906—11.
Рожков Н. Чем жив Плеханов. Новая жизнь. 1918, № 180.
Рожков Н. Плеханов, как теоретик. Новая жизнь. 1918, № 112.
Розенталь И. Новое о Плеханове. Авангард. 1922, № 2.
Розанов Я. Г. В. Плеханов. Звезда. Минск, 1923. № 129.
Рязанов Д. Г. В. Плеханов и группа «Освобождение Труда».
Рязанов Д. Предисловия к каждому тому собрания сочинений Плеханова.
Рязанов Д. Предисловия к «Очеркам по истории материализма» М. 1922.
Русанов. И. Ученики Маркса о Чернышевском. Рус. Богат. 1909—2.
Румий В. Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову. Библиограф заметка «Под знаменем марксизма». 1922. 1—2.

Румий В. Плеханов и террор. Под знаменем марксизма. 1923. № 24.

Сарабьянов В. Плеханов—философ. Спутник коммуниста. 1923, № 24.

Сафаров Г. Предтеча большевизма. Сборник «Вождь пролетариата РКП». Изд. Прибой. П. 1923.

Салитан О. Мальтус, Чернышевский и Плеханов.

Сан (Девдариани). Г. В. Плеханов. Харьков, 1919 г. стр. 80.

Сандомирский Г. Г. В. Плеханов и анархисты. 1918, М. Изд. «Почин».

Семашко Н. Воспоминания. Пролетарская революция, 1922. № 1.

Семашко Н. Замечания по поводу биографии Г. В. Плеханова, составленной Ю. Арзаевым. Пролетарская революция. 1922. № 5.

Семашко Н. А. О детских годах Г. В. Плеханова. Каторга и ссылка. 1923. Книга 7.

Семковский С. Плеханов в Интернационале. Однодневная газета, изданная к-том по организации похорон Г. В.

Сергей Г. Незавидное счастье. Спутник коммуниста. 1923, № 24.

С. З. Г. В. Плеханов как экономист. Однодневная газета, изд. к-том по организ. похорон.

Слепков А. Плеханов в эпоху борьбы «Правды» с ликвидаторством. Спутник коммун. 1923. № 24.

Смерть Г. В. Плеханова. Некролог. Голос минувшего. 1918 г.

Сольц И. Памяти Г. В. Плеханова. Раб. мир 1918 № 7.

Столпнер Б. Предисловие к «Очеркам по истории материализма». Харьков 1922.

Стеклов Ю. Г. В. Плеханов. Изв. В.Ц.И.К. от 5 июня. 1918 г.

Schmidt Conrad. Einige Bemerkungen über Plechanovs letzten Artikel N. Z. 1899. № 11.

Schmidt Conrad. Was ist Materialismus N. Z. 1889. № 22.

Schytlowsky Chajim. Die Polemik Plechanovs kontra Stern nnd C. Schmidt. Deutsche Worte, 1895.

Тан. На лобном месте. Молва 1918. № 4.

Тан. Неделя о Плеханове. Молва 1918. № 5.

Троцкий Л. Печальный документ, Г. Плеханов о войне. 1914. Помещено в сборнике «Война и революция». Т. I. 1922.

Троцкий Л. Каутский о Плеханове. 1915.

Троцкий Л. Открытое письмо т. Плеханову. 1915.

Троцкий Л. Плеханов о Хвостове. 1916.

Троцкий Л. Почему не назвали Плеханова.

Троцкий Л. Беглые мысли о Плеханове. «Под знаменем марксизма». 1922, № 5—6.

Untermann Ernst. Die logischen Mängel des engern Marxismus.

Фаресов А. Плеханов в молодые годы. Заря России. 1918. № 41.

Фердман Ю. Предисловие к речи Плеханова на Московском совещании. Давос. 1921.

Федорченко Л. (Чаров Н.) Г. В. Плеханов. (Из воспоминаний). Каторга и ссылка 1923. кн. 7.

Фельдман Конст. Вождь или только теоретик? Однодн. газета, издан. К-том организации похорон Г. В.

Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. Пролетарская революция 1922. № 8.

Фриче В. Г. В. Плеханов. Статья в энциклопедическом словаре Граната, т. XXXII.

Фриче В. Плеханов и научная эстетика. Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6.

Хинчук Л. К воспоминаниям о Г. В. Плеханове. Пролетарская революция. 1922. № 8.

Ходоровский И. Плеханов и русская революция. Известия Москов. Совета. 1918, № 123.

Чернавский М. К характеристике Г. В. Плеханова. Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2—3.

Чернов В. О типах психологического и социологического монизма. Рус. Бог. 1899. 1.

Чуковский К. Рецензия на сборник «За двадцать лет». Весы. 1906. № 11.

Юшкевич П. Столпы философской ортодоксии. 1. Его философская малость Г. В. Плеханов.

Юшкевич П. О философских направлениях в марксизме. «Новая книга» 1907, №№ 2, 3, 7, 11.
Юшкевич П. Новые веяния. Очерк III. Глава 2. Плеханов и анимистическая концепция религии. СПБ. 1910.

Кроме перечисленной литературы материал о Плеханове можно найти вкрапленным в любую почти работу по истории русского марксизма, отчасти и народничества.

Из таких работ, в частности, называем:

Общественное движение в России в начале XX века, под ред. Мартова, Маслова и Потресова.

Истории Р.С.Д.Р.П. Батурина, Лядова и Мартова.
История Р.К.П. Зиновьева.
Богучарский. Активное народничество 70-х годов.
Махновец. Очерки по истории социал-демократии в России.
Тахтарев. Петербургское рабочее движение.
Ю. Стеклов. Историческая подготовка русской социал-демократии.
М. Фроленко. Липецкий и Воронежский с‘езды. Былое 1907. № 1.
Е. Серебряков. Очерки по истории «Земли и Воли».
Н. Морозов. Возникновение «Народной Воли». Былое 1906. № 12.
М. Попов. «Земля и воля» накануне Воронежского с‘езда.
О. Аптекман. Из истории народничества. О-во «Земля и воля». Былое. 1906. № 8.
О. Аптекман. «Земля и Воля» 70-х годов.
Л. Мартов. Общественное движение в период 1884—1904 гг. История русской литературы XIX века под ред. Овсянико-Куликовского. Т. V.
В. Фигнер. Запечатленный труд. Ч. I. Глава восьмая.
Черный Передел. Сборник Петроградского Госиздата со вступительной статьей Аптекмана.

Замеченные опечатки.

					Напечатано	—	Должно быть:
На	стр.	39	строка	15 снизу	эволюционного	—	экономического
»	»	43	»	1 сверху	усложнялось	—	осложнялось
»	»	78	»	10 снизу	жесткие	—	жестокие
»	»	80	»	17 снизу	урожденного	—	убежденного
»	»	100	»	9 сверху	прелюцией	—	прелюдией
»	»	103	»	10 сверху	включал	—	включала
»	»	117	»	2 сверху	он	—	оно
»	»	119	»	18 сверху	собравшемуся	—	собравшемся
»	»	129	»	10 сверху	Десятилетием	—	Десятилетиями
»	»	129	»	выноска	BrueIIes	—	BruxeIIes
»	»	129	»	»	molis	—	mois
»	»	132	»	1 сверху	освободитель	—	освободительные
»	»	140	»	16 сверху	ним	—	тем
»	»	140	»	4 снизу	софитизированный	—	софистизированный
»	»	151	»	3 сверху	Николай I-он	—	Николай—он
»	»	184	»	16 снизу	положения.	—	положения,
»	»	207	»	14 снизу	произносимой	—	привносимой
»	»	219	»	17 снизу	его	—	ее
	»	281	»	14 сверху	исследования... оборвались	—	исследование...оборвалось.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВОМ

„БЕЛТРЕСТПЕЧАТЬ“

выпущены следующие работы

С. Я. ВОЛЬФСОНА.

Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на Факультете Общественных Наук Белорусского Государственного Университета. Издание четвертое, исправленное и дополненное (Печатается).

Великий Социалист. Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова. Издание второе. (Распродано).

Вокруг Плеханова. (Плехановская литература за 1922 год). (Распродано).

Франц Меринг. На философские и литературные темы. Сборник статей под редакцией С. Я. Вольфсона.

Ида Аксельрод. Литературно-критические очерки. Сборник под ред. С. Я. Вольфсона.

Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Издание под ред. С. Я. Вольфсона.

1-я Гос. Тип. зак. № 58 Главлитбел № 1953 тираж 4000.

